П-10.
П-122.

ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

7994. 7044
1995.

ТОМЪ VI.

НОЯБРЬ — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ. 26 Ноября 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

ТОМЪ II.

ПАНТЕОНЪ

№ 11.

1850.

НОЯБРЬ.

С.Петербургъ.

Содержание одиннадцатой (первая часть) книжки. 1850. – Т. 6.

I. Драматическая литература.
Женская дружба, или молодые вдовушки: комедия в 3-х действиях, пер с фр. П. Каратыгина.

II. Изящная словесность.
Привидение: роман М. Мери.
Стихотворения.
Л… Г. Серебряков. – Черные очи. Г. Серебряков. – Завет. М. Половцов. – Две басни: Декабрьское солнышко. И. Зюков. Слепой судья. И. Зюков. – Старый крест. В. Корсак.

III. История искусства.
Искусства и литература в северо-американских штатах.

IV. Мемуары.
Записки Иоанна-Христиана Брандеса, немецкого актера и драматурга XVIII века.

V. Юмористика.
Замогильные записки Зоя Марковича Чечеткина, его жизнь, назидательные похождения и странствия по всему свету.

VI. Театральная летопись.
Русский театр в Петербурге. Житейская школа: комедия в 4-х действиях, в стихах, соч. П. И. Григорьева 1. – Бедовый мальчик, или мать семейства: опера в 1-м действии, перед. с фр. П. С. Федоровым, муз. ангажирована Вителяро. – Зеленая шаль: комедия в 1-м действии, соч. А. Дюма, пер. с фр. Н. Сабурова. – Белокурая брюнетка: фарс-водевиль в 1-м действии, пер. с фр. – Обезьяна-воровка, или жертва злобы и ослепления: пародия на оперу Сорока-воровка, с сохранением музыки Россини. (Бенефис Самойлова). – Домашняя история. Оригинальная комедия в 1-м действии, в стихах, соч. П. И. Григорьева. Актриса и поэт: драма в 4-х действиях, с прологом, соч. Н. Имшенецкого. – Шестнадцатилетняя кокетка, или тысяча и один урок мужьям: водевиль в 1-м действии Л***. (Бенефис Григорьева). – Женская дружба, или Молодые вдовушки: комедия в 3-х действиях, пер с фр. П. Каратыгина. – Свадебный стол без молодых, или старая любовь не ржавеет: оригинальный водевиль в 1-м действии, соч. П. Каратыгина 2. – Дегеротип, или Знакомые все лица: оригинальная шутка-водевиль в 1-м действии, соч. Г***. (Бенефис Каратыгина 2). – Статья Ф. Кони.

Продолжение содержания одиннадцатой книжки см. во второй части обложки.

II. Французскій театръ въ Петербургѣ.

1. *A la Bastille.* Водевиль въ одномъ дѣйствіи. 2. *L'échelle des femmes.* Комедія - водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. 3. *Les pailles rompues.* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. 4. *Nysus et Euryales.* Комедія въ одномъ дѣйствіи.

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

1. Франція (*Письмо изъ Парижа отъ $^{1}/_{13}$ ноября.*)

Новая комедія Евгенія Скриба: «Сказки королевы Наварской» — Дебютъ *Магдалины Брогитъ.* — Процессъ г. Ронкони съ Лумлеемъ и банкирскимъ домомъ Лероа де-Шаброль и Комп. о владѣніи Итальянскою Оперою. — Роль Маріо въ этомъ процессѣ. — Новыя оперы, приготовляемыя къ представленію: «Блудный сынъ» — Обера; «Ночной демонъ» — Розенгайна; «Африканка» — Мейербера. — «Желѣзная нога», — драма Леона Гозлана. — Драма Эмиля Сувестра «Грѣхи молодости». — «Лакей безъ ливреи», комедія гг. Леонса и Молери. — «Добрякъ Лафонтенъ» — комедія-водевиль Пьера Мари. — «Мужнина родня» — комедія г. де-Вальи- — Одинадцатилѣтняя артистка Селина Монталанъ. — «Балъ въ шлафрокѣ» — водевиль П. Лабиша и Марка Мишеля. — «Ждутъ своихъ красавицъ», водевиль гг. Баяра и Барьера. — «Лучшій день въ жизни», водевиль гг. Барьера и Каре. — «Приданое Маріетты», водевиль г. Бержоре. — «Провалившійся мостъ», водевиль гг. Дювера и Лозана. — «Больной виноградъ», фантастическій водевиль г. Мишеля Де-ла-Порта. — «Маріанна» — драма гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массона. — «Мадамъ де Лавьеръ», драма г. Шарля Лафона. — «Ленты Ивонны», деревенская идиллія гг. Анри де-Кока и Ламбера Тибу. — Споръ о владѣніи Историческимъ театромъ. — Отрѣченіе отъ него г. Дюма. — Концертъ Филармоническаго Общества подъ управленіемъ Берліоза. — Успѣхъ г-жи Фреццолини. — Фуроръ, произведенный *Херувимскою пѣснью*, сочиненія Бартнянскаго.

Статья Ап. Бонавентуры.

VIII. СМѢСЬ.

1. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ). XI. *Игры пляски и забавы.* Карточная игра. — Трефовый джигитъ. — Невыгодный выигрышъ. — Кифалъ-кешъ. — Пляски: альзани и джигитка. — Абхазскіе погиваны. — Импровизація ихъ. — Представленіе Хесали. — Снотворное зелье.
2. Современный харьковскій театръ, обзоръ его сценической дѣятельности. Статья вторая.
3. Тальма въ Руанѣ.
4. Молодость и первая слава Россини.
5. Жертва пѣвицы.
6. Марріэтта Альбони, великая современная пѣвица. *Статья Дартеня.*
7. Калейдоскопъ.

Костромской театръ. (Письмо В. Н. Погожева). — *Посѣщеніе парижской оперы Нипальскимъ посломъ.* — *Сцена въ Елисейскихъ Поляхъ.* — *Воздушные полеты Грина и новое изобрѣтеніе Жульеня.* — *Удивительное дѣло.* — *Гоноре де Бальзакъ.* — *Неизданная пьеса Бальзака.* — *Колоссальная статуя, представляющая Баварію.* — *Философскій камень.* — *Драматическій подарокъ къ новому году.* — *Новыя пьесы г. Григорьева 1-го.* — *Несчастный случай въ циркѣ.* — *Взрывъ корабля.*

IX. БАЛАГУРЪ.

1. Карикатурныя статуэтки (куплеты изъ новаго водевиля). — Двадцать четыре анекдота.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11. ЗЕЛЕНАЯ ШАЛЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, *Александра Дюма.* Переводъ *Ѳ. Инож—а.*

—

NB. Статьи «Біографическій очеркъ г. Маріо» (съ портретомъ), Обзоръ дѣятельности Итальянской оперы», и «Обозрѣніе годичной выставки Академіи Художествъ», по обилію матерьяловъ не могли войти въ составъ нынѣшняго нумера и будутъ напечатаны въ 12 книжкѣ «Пантеона».

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

ИЛИ

МОЛОДЫЯ ВДОВУШКИ.

—

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

П. Каратыгина.

—

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, Императорскими, придворными актерами, 9-го ноября, 1850 года.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гиберъ, фабрикантъ.	*Г-нъ Сосницкій.*
Маргарита, дочь его.	*Г-жа Жулева.*
Маркиза де Морне.	*Г-жа Самойлова 1.*
Баронесса Дюрваль.	*Г-жа Самойлова 2.*
Полковникъ де Мелькуръ.	*Г-нъ Максимовъ 1.*
Робертъ.	*Г-нъ Григорьевъ 1.*
Шапусаръ, докторъ.	*Г-нъ Марковецкій.*
Слуга.	

—

Дѣйствіе происходитъ у Гибера, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Руана, въ 1849 году.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ комнату.)

I.

ГИБЕРЪ и **ШАПУСАРЪ** (сидятъ за шахматами), **БАРОНЕССА** (вышиваетъ по канвѣ), **МАРКИЗА** (раскладываетъ гранъ-пасьянсъ.)

Баронесса. Нѣтъ, господинъ Гиберъ, нѣтъ, я съ вами не согласна, я буду всегда спорить съ вами, ни за что не уступлю.

Гиберъ. Помилуйте, я мои доказательства подкрѣпляю фактами; возьмите напримѣръ древнюю исторію: Пиладъ и Орестъ, Кастеръ и Поллуксъ, Ахиллъ и Патроклъ, Александръ Микедонскій и Эфестіонъ.... потомъ.... потомъ, кто бишь еще.... не помнишь-ли ты?...

Шапусаръ. Позволь, позволь.... еще.... еще.... Гм! нѣтъ, теперь не могу вспомнить....

Гиберъ. Эхъ, какая у тебя несчастная память! ну, да все равно.... Переберите всѣ романы, повѣсти, театральныя пьесы, вездѣ, гдѣ только выведена примѣрная дружба, друзьями были мужчины.

Маркиза. Но вы забываете, что самое слово *дружба* — женскаго рода.

Гиберъ. Это правда; дружба—женскаго роду, а другъ—все-таки мужскаго.... Ужъ какъ вы ни привязывайтесь къ словамъ, а я правъ.... гдѣ рѣчь зашла объ исторіи, тамъ грамматика въ сторону.

Баронесса. Такъ, по вашему, женская дружба въ наше время невозможна?

Гиберъ. Извините, вы перепначили мои возраженія, споръ былъ только о томъ, что между мужчинами это чувство бываетъ *чаще*. Въ любви, мы должны отдать вамъ преимущество; это прекрасное чувство: огонь, вихрь, ураганъ, все что хотите; но дружба, вещь нѣсколько холодная, разсудительная и обстоятельная.... Короче сказать: любовь — поэзія, а дружба — логика.

Баронесса. У васъ всегда и во всемъ парадоксы. Зачѣмъ намъ ссылаться на исторію, или на литературные вымыслы? ихъ сочинили мужчины, а не въ обиду вамъ будь сказано, всѣ мужчины эгоисты, и любятъ прихвастнуть на свой счетъ. Въ томъ то и бѣда, что въ самой поэзіи бываетъ иногда мало логики. Не правда-ли, Елена?

Маркиза. Совершенно справедливо.... И господинъ Гиберъ напрасно ищетъ историческихъ фактовъ, когда у него примѣръ гораздо ближе, въ двухъ шагахъ отъ него.

Баронесса. А что же я ему цѣлый часъ доказываю?

Гиберъ. Позвольте, позвольте; нѣтъ правила безъ исключенія. Вы точно примѣрныя женщины, и ваша дружба другое дѣло; хотя вы обѣ овдовѣли въ такое время, когда еще очень можете блистать въ обществѣ, но свѣтъ прискучилъ вамъ; вы, какъ разсудительныя женщины, начали искать удовольствій спокойныхъ, вы оставили шумную столицу, пріѣхали сюда, въ нашу уединенную Нормандію, здѣсь сельская жизнь настроила ваши чувства на одинъ ладъ — и вы поладили между собою. Но я увѣренъ, что еслибъ вы жили въ Парижѣ, въ большомъ свѣтѣ, то....

Маркиза. Вотъ это, отчасти, правда. Странное дѣло этотъ свѣтъ! Часто случается, что мы привязываемся къ людямъ, которые съ перваго взгляду намъ очень понравятся, а потомъ окажется, что это было фальшивое чувство; случается и на оборотъ: мы не замѣчаемъ, даже избѣгаемъ такихъ людей, съ которыми-бы должны желать сблизиться и подружиться. Вотъ, напримѣръ, баронесса и я: въ Парижѣ мы едва знали другъ друга.

Баронесса. Да, да, изрѣдка поклонимся бывало, и только.

Маркиза. Во-первыхъ, мы принадлежали не къ одному и тому-же обществу и, стало быть, не имѣли случая обнаружить нашу симпатію. Признайтесь сами, Елена, вы меня не очень жаловали въ Парижѣ?

Баронесса. Извините меня, мой другъ, но когда я встрѣчалась съ маркизой де Морне, то всегда говорила себѣ: она мила прекрасна, но у нея видъ немножко черезъ чуръ надменный, немножко гордый. По крайней мѣрѣ, мнѣ тогда такъ казалось.

Гиберъ. Видите, видите, что значитъ столица.

Маркиза. Дѣло прошлое: я тоже думала, когда, бывало, увижу баронессу Дюрваль, окруженную толпой обожателей.... что она слишкомъ увѣрена въ своихъ достоинствахъ, что у нея много претензій, претензій, разумѣется, весьма простительныхъ — но все-таки.... За то здѣсь, въ уединеніи, вдали отъ зависти, мы могли лучше узнать другъ друга....

Баронесса. Вполнѣ оцѣнить другъ друга.

Маркиза. И, разумѣется, полюбить взаимно.

Баронесса. У насъ одинакіе вкусы, наклонности, привычки.

Гиберъ. Это очень натурально: привычка вторая натура.... Не правда-ли, докторъ?

Шапусаръ. Точно, точно, я съ тобой согласенъ.

Баронесса. Здѣсь я убѣдилась, какъ вы добры, просты и любезны.

Маркиза. А я могла вполнѣ оцѣнить вашъ умъ, вашъ милый

характеръ. Четыре мѣсяца такого близкаго и короткаго знакомства стоятъ чего нибудь.... Здѣсь нѣтъ свѣтскихъ декорацій, здѣсь все на чистоту, мы ни въ чемъ не скрываемся другъ отъ друга.

Баронесса. Ни малѣйшаго секрета.

Гиберъ. Что правда, то правда! Со стороны даже пріятно взглянуть на вашу дружбу. Я очень радъ, что судьба послала мнѣ такихъ милыхъ сосѣдокъ; я всегда ставлю васъ въ примѣръ моей дочери — и желаю, чтобъ вы подольше пожили въ нашей счастливой Нормандіи.

Баронесса. О, Парижъ насъ больше не заманитъ.

Маркиза. И что въ немъ хорошаго въ настоящее время?

Гиберъ Однакожъ, рано или поздно, вамъ придется-же разстаться.

Баронесса. Намъ разстаться?... для чего?

Маркиза. Разстаться?... Зачѣмъ?

Гиберъ. Неужели вы обѣ осудили себя на вѣчное вдовство? Я вамъ предсказываю, мои прекрасныя сосѣдки, что вы непремѣнно выйдете опять замужъ.

Маркиза. Какая у васъ страсть предсказывать.

Гиберъ. О, для этого не надо быть слишкомъ дальновиднымъ. Десять мѣсяцовъ назадъ вашъ трауръ только что кончился; вы, баронесса, имѣли несчастіе потерять вашего мужа почти въ одно время съ маркизой и еслибъ вы оставались еще въ Парижѣ, то, по теоріи вѣроятностей, мое предсказаніе можетъ быть вполовину-бы ужъ сбылось. Что, напримѣръ, говоритъ вашъ гранъ-пасьянсъ?

Маркиза. Я никогда на это не загадываю....

Баронесса. А я забыла и думать объ этомъ.

Гиберъ. Объ васъ, баронесса, я не могу говорить утвердительно, но я зналъ покойнаго генерала де-Морне, онъ былъ комендантомъ въ Руанѣ; при жизни онъ былъ не совсѣмъ покойнаго характера.... Признайтесь, маркиза, что и вашъ генералъ былъ не очень любезенъ?

Маркиза. Объ мертвыхъ не надо говорить дурнаго....

Гиберъ. А хорошее мудрено придумать? Да, да, я зналъ его очень коротко. Онъ былъ храбрый генералъ, могъ бы быть даже великимъ мужемъ со временемъ, но великіе люди бываютъ очень мелочны въ домашнемъ быту.... Я ручаюсь, что по возвращеніи вашемъ въ Парижъ, осуществятся мои предсказанія.

Маркиза. Я навсегда отказалась отъ Парижа.

Баронесса. Я тоже.

Маркиза Видите, какое у насъ во всемъ согласіе. Еще-ли вы

будете спорить противъ женской дружбы? (*Шапусаръ роняетъ шашки*).

Гиберъ. Мнѣ, въ мои года, мудрено сговорить съ двумя молодыми женщинами.... Хоть бы ты, чѣмъ ронять шашки, братецъ, поддержалъ меня.

Шапусаръ. Да, да, я съ тобой согласенъ....

Маркиза. Какъ, и вы противъ насъ, докторъ?

Шапусаръ. О, помилуйте, какъ это можно; я совершенно одного мнѣнія съ вами.

Гиберъ. Кой чортъ! ты согласенъ со мной и не споришь съ ними? Тебѣ бы надо быть дипломатомъ, а не докторомъ.

Шапусаръ (*тихо*). Не обращай, пожалуйста, на меня никакого вниманія.... Ты вѣдь знаешь, что я при нихъ совершенно пропащій человѣкъ.

Гиберъ (*тоже*). Знаю, знаю; но пора быть поразвязнѣе; мы тутъ шутимъ, болтаемъ, а ты сидишь цѣлый часъ у шахматной доски и играешь въ молчанку. Докторъ долженъ быть живаго, веселаго характера, такъ, чтобъ могъ, при случаѣ, мертваго разсмѣшить....

Шапусаръ. Не конфузь меня, пожалуйста; онѣ обѣ смотрятъ на меня съ такой проніей.... Это все по твоей милости.

Гиберъ. Ну, полно, полно; скажи-ко лучше, въ которую ты изъ нихъ влюбленъ?

Докторъ. Я все еще не могу самъ рѣшиться.... Со стороны оно виднѣе.... Не замѣтилъ-ли ты, въ которую?...

Гиберъ. Ха, ха, ха! Это забавно: онъ меня-же объ этомъ спрашиваетъ!

Баронесса. Что такое? чему вы смѣетесь?

Докторъ. Не говори, пожалуйста.

Гиберъ. Нашъ добрый докторъ очень разсѣянъ, онъ ферязь, то есть, даму, принялъ за пѣшку.... Вы увидите, что еще нѣсколько минутъ и ему будетъ совершенный шахъ и мать.... Я ручаюсь вамъ за это....

Докторъ. Перестань, пожалуйста, у меня и такъ ужъ рябитъ въ глазахъ.

Гиберъ. Ну, хорошо, хорошо.... Однако-жъ мнѣ, какъ хозяину, совѣстно передъ моими милыми гостьями.... Куда дѣвалась Маргарита?

Баронесса. Мы давича вмѣстѣ съ ней гуляли и она пошла давать уроки дѣтямъ вашего прикащика на фабрикѣ.

Гиберъ. А! то-есть, она пошла по ученой части. Но мнѣ во все не нравится эти занятія, она слишкомъ часто туда ходитъ.

Докторъ. Вотъ и она вмѣстѣ съ нимъ.

—

II.

ТѢ ЖЕ, МАРГАРИТА И РОБЕРТЪ.

Гиберъ. Мы давно тебя ждемъ, Маргарита.

Маргарита. Виновата, папенька, я немножко замѣшкалась.... Здравствуйте, докторъ.... Я очень рада, что вы здѣсь; вы намъ очень нужны. Я привела вамъ моего стараго друга Роберта, его маленькій сынокъ захворалъ, посмотрите его, пожалуйста.

Гобертъ. Еслибъ господинъ докторъ былъ такъ добръ....

Докторъ. О, сію минуту; съ большимъ удовольствіемъ.

Гиберъ. Однако жъ ты долго засидѣлась у его жены, иные подумаютъ, что ты не находишь себѣ другаго общества, кромѣ семейства отставнаго артиллериста.

Маргарита (*тихо*). Папа!

Гиберъ. Это совсѣмъ неприлично, сударыня, это неводится.... Ктому-же ты знаешь, что я до нашихъ военныхъ людей не большой охотникъ.

Робертъ. А я, напротивъ, господинъ Гиберъ, уважаю почтенныхъ негоціантовъ, которые, подобно вамъ, удѣляютъ отъ своихъ избытковъ старымъ калѣкамъ, которые добры и человѣколюбивы и несравненно лучше на дѣлѣ, нежели на словахъ.

Гиберъ. Благодарю за ласковое слово; ты, конечно, добрый малый, хорошо смотришь за моей фабрикой, но это все-таки не мѣшаетъ мнѣ не любить нашихъ военныхъ.

Маргарита. Мнѣ кажется, напротивъ, папенька, что вамъ слѣдовало бы быть благодарнымъ къ военнымъ людямъ.... Вы помните, что во время февральскихъ безпорядковъ, я-бы погибла, еслибъ артиллерійскій офицеръ со своимъ отрядомъ не спасъ меня.

Гиберъ. О, разумѣется, я очень ему благодаренъ. Между военными есть исключенія, но у насъ во Франціи вообще, вообще....

Маргарита. Согласитесь, что ваша антипатія не имѣетъ никакого основанія. Офицеръ спасъ мою жизнь; на вашей фабрикѣ необыкновенная точность и порядокъ съ-тѣхъ поръ, какъ добрый Робертъ поступилъ къ вамъ на службу; его честность и усердіе служатъ примѣромъ для всѣхъ работниковъ.... Послѣ этого почему-же вамъ не любить военныхъ людей? Это была бы несправедливость, а вы къ ней неспособны; ваше сердце слишкомъ

для этого благодарно. Да, добрый Робертъ, я тебѣ ручаюсь, что батюшка пошутилъ, онъ уважаетъ честныхъ людей во всякомъ званіи; вотъ тебѣ рука моя.... Батюшка вѣрно сейчасъ подастъ и свою....

Гиберъ. Что будешь съ ней дѣлать! Она мною командуетъ, по военному. Ну, по рукамъ, любезной Робертъ, помиримся, хоть я еще ни разу съ тобой не ссорился.

Робертъ. Благодарю васъ, господинъ Гиберъ. Я весь вашъ.... руки у меня здоровы, а нога, хоть и пришаливаетъ, да дѣлу не помѣха, не съ ногой жить, а съ добрыми людьми. Я хоть и хромаю, да не спотыкнусь на вашей фабрикѣ.... Будьте покойны.

Гиберъ. Спасибо, любезный Робертъ, спасибо!

Маргарита. Однако-жъ, пойдемте-же, докторъ, къ нашему больному.... (*Дамамъ.*) Вы не сердитесь на меня?

Обѣ. О, какъ это можно!

Гиберъ (*цѣлуя дочь*). Ступай, ступай, Маргарита.... Доброе дѣло не надо откладывать.... Докторъ, мы тебя будемъ ждать ужинать; до свиданія.

—

III.

МАРКИЗА, БАРОНЕССА И ГИБЕРЪ.

Гиберъ. Какова моя Маргарита! Съ какимъ одушевленіемъ она вступилась за этого инвалида?... Что вы объ этомъ думаете?

Маркиза. Это очень естественно. Несчастное происшествіе, вѣроятно, оставило въ ней глубокое впечатленіе.... и этотъ храбрый солдатъ ей напоминаетъ ея избавителя.

Баронесса. И надо признаться, что она очень мило его защищала.

Гиберъ. О, она всегда такова! У нея сила воли и характера не по годамъ.... Она у меня молодецъ, рѣшительная голова! Признаюсь, я не могу безъ грусти подумать, что придетъ пора.... и кто нибудь ее у меня отниметъ.... Кому-то она предназначена судьбою?

Баронесса. Мудрено знать....

Гиберъ. Точно, точно.... я такъ ее люблю, что ужъ заранѣе ненавижу того, кто успѣетъ ей понравиться.... Но полно, зачѣмъ прежде времени тревожить себя, будемъ лучше говорить о чемъ нибудь другомъ.... Знаете-ли вы, напримѣръ, важную новость....

Маркиза. Какую?

Гиберъ. Нашъ бѣдный докторъ влюбленъ по уши.

Маркиза. Неужели? То-то онъ все молчитъ и вздыхаетъ.... Я такъ и думала, что нашъ докторъ не въ здоровомъ состояніи. Но въ кого-же онъ влюбленъ?

Гиберъ. А вотъ вопросъ, который-бы затруднилъ его самаго. По всѣмъ вѣроятіямъ, у него любовь двусторонняя.... Вѣрнѣе всего, что онъ влюбленъ или въ васъ....

Баронесса. Въ нее?

Гиберъ. А можетъ-быть и въ васъ.

Маркиза Право?

Гиберъ. Это ужъ ваше дѣло... Ни я, ни онъ больше ничего не знаемъ. Сердце его сжимается съ двухъ сторонъ; онъ балансируетъ между прекрасной маркизой и остроумной баронессой — вы должны рѣшить остальное; я только, какъ другъ его, хотѣлъ ему помочь, а вамъ, какъ добрый сосѣдъ, сдѣлать предостерегательное извѣстіе.... Не даромъ-же я вамъ обѣимъ предсказывалъ скорое замужство; а въ ожиданіи послѣдствій, честь имѣю кланяться.

—

IV.

МАРКИЗА и БАРОНЕССА.

Маркиза. Это презабавно! Кто-бы ожидалъ отъ нашего флегматическаго доктора такой прыти. Но знаете-ли, Розина, что этотъ чудакъ Гиберъ безпрестанными разговорами о замужествѣ, наводитъ на меня иногда, противъ воли, такія мысли....

Баронесса. Въ самомъ дѣлѣ?...

Маркиза. Разумѣется, я не думаю объ этомъ докторѣ, его страсть — дурная шутка.... Эту побѣду я уступаю вамъ въ полное распоряженіе.

Баронесса. Благодарю покорно.... Оставьте ее себѣ.

Маркиза. Мы обѣ вѣрно не будемъ изъ за нея спорить.

Баронесса. И ни изъ чего другаго; я убѣждена въ этомъ.

Маркиза. Мы подождемъ его собственнаго признанія.

Баронесса. Оно будетъ вдвойнѣ забавно; потому что онъ насъ обѣихъ любитъ.

Маркиза. Эта комедія займетъ насъ недѣли на двѣ, покуда мы еще останемся здѣсь.

Баронесса. Въ самомъ-дѣлѣ, надо-же здѣсь, въ глуши, какъ-нибудь убивать время.

Маркиза. А потомъ, когда мы воротимся въ Парижъ.... Какъ вы думаете, Розина, вѣдь мы воротимся-же въ Парижъ?

Баронесса. Пожалуй, я не прочь отъ этого.

Маркиза. Между нами.... я признаюсь откровенно, что вдовство въ столицѣ совсѣмъ не такъ привлекательно. Въ многолюдствѣ наше одиночество будетъ какъ то дико, неестественно; не правда-ли?

Баронесса. Да, перспектива не очень веселая.

Маркиза. Однѣ! вѣчно однѣ.... За человѣка страшно!

Баронесса. Одиночество располагаетъ всегда къ невольной меланхоліи.

Маркиза. Конечно, независимость имѣетъ такъ-же свою цѣну.

Баронесса. Да, только независимость сама по себѣ не важная вещь; она больше имѣетъ цѣны, когда надо ее взять силой, вырвать изъ рукъ мужа.

Маркиза. О, конечно, это должно льстить женскому самолюбію, но оно не всегда удается. Мой покойный генералъ былъ очень капризенъ и своенравенъ, онъ былъ деспотъ, въ полномъ смыслѣ, и при всемъ томъ ревнивъ, какъ турокъ. Чтобъ не оставлять меня одну дома, онъ заставлялъ меня ѣздить съ собою на маневры.

Баронесса. Я-бы ни за что не поѣхала.

Маркиза. А развѣ баронъ Дюраль былъ любезенъ?

Баронесса. Да, только по своему.... онъ больше любилъ цифры.

Маркиза. Онъ былъ уменъ?

Баронесса. Онъ былъ директоромъ банка.

Маркиза. И вы были къ нему привязаны?

Баронесса. Какъ вы къ вашему генералу.

Маркиза. Изъ всего этого видно, что мы наслаждались одинаковымъ счастіемъ.

Баронесса (*со вздохомъ*). Кажется!

Маркиза. И потому, раздумавъ обо всемъ этомъ, сохрани Богъ, чтобы я снова.... развѣ только, если....

Баронесса. А! *если*....

Маркиза. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ слишкомъ тяжело вспоминать прошедшее.

Баронесса. Прошедшее?

Маркиза. Да, это моя тайна.

Баронесса. Тайна.... отъ меня? Елена!

Маркиза. Розина!

Баронесса. Будьте откровенны.... Вѣрно прежняя любовь? вы молчите! Я отгадала?

Маркиза. Мы договорились наконецъ до такихъ вещей, въ которыхъ женщина рѣдко признается своей подругѣ.

Баронесса. Тѣмъ лучше. Пусть-же *наша* дружба будетъ исключеніемъ для всѣхъ, Елена. Я прошу *тебя*.

Маркиза. *Ты*? проснись меня? о, я въ восхищеніи отъ этого простаго слова и готова тебѣ заплатить тѣмъ-же.

Баронесса. О, благодарю тебя! Поцѣлуемся-же.

Маркиза. Отъ всей души. Я ничего отъ тебя не скрою! но только съ уговоромъ: довѣренность за довѣренность, если и съ твоей стороны есть что-нибудь....

Баронесса. Когда же у женщины чего нибудь не бываетъ!

Маркиза. Надо тебѣ сказать, что прежде моего замужества....

Баронесса. Прежде? а, это было прежде.

Маркиза. Мы съ нимъ вмѣстѣ воспитывались.

Баронесса. Стало-быть, это романъ въ сантиментальномъ родѣ.

Маркиза. А, твой — въ какомъ?

Баронесса. Объ моемъ послѣ.... я тебя слушаю.... И такъ, прежде замужества.... предисловіе очень заманчиво.

Маркиза. Не ожидай, пожалуйста, необыкновенныхъ приключеній.... романъ мой простъ и коротокъ. Мы были очень молоды, любили другъ друга, клялись, какъ водится, не измѣнять до гроба это вѣдь всегда такъ говорится, но пока мы размѣнивались нашими клятвами, мое семейство иначе распорядилось. Меня выдали за генерала Морне, меня увѣрили, что мой отецъ на смертномъ одрѣ желалъ этого брака; я очень плакала, но пособить было не чѣмъ....

Баронесса. Ну, а что-же онъ?

Маркиза. Онъ, разумѣется, былъ въ отчаяніи, обвинялъ меня въ измѣнѣ и уѣзжая, клялся, что не увидитъ меня болѣе въ этомъ свѣтѣ....

Баронесса. И вѣрно умеръ съ отчаянія, или застрѣлился?

Маркиза. Ни то, ни другое; хотя съ-тѣхъ-поръ, мы съ нимъ нигдѣ не встрѣчались, но я знаю, что онъ еще живъ.

Баронесса. И только?... тутъ и конецъ?

Маркиза. Конецъ.

Баронесса. Ну, судя по началу, я думала, что романъ будетъ гораздо интереснѣе.

Маркиза. Я тебѣ все разсказала, какъ дѣло было. Онъ, вѣроятно, забылъ меня, но воспоминаніе первой любви никогда меня не оставляло. Ктому-же мой генералъ не потрудился заставить меня совершенно забыть объ немъ.... И теперь, когда я снова свободна, что грѣха таить.... если-бъ мнѣ судьба доставила случай загладить свою вину передъ нимъ....

Баронесса. Ты бы загладила съ удовольствіемъ.

Маркиза. О, я была-бы совершенно счастлива.

Баронесса. А что же, можетъ-быть, это и случится.

Маркиза. Сомнѣваюсь.... а не могу не думать объ этомъ. Ну, теперь твоя очередь.... Что ты мнѣ разскажешь?

Баронесса. Мой романъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Я не принадлежу, какъ ты, къ аристократическому сословію, я просто изъ банкирскаго семейства, но вся наша родня были люди самой чистой и строгой нравственности.... На восемнадцатомъ году, мое приданое отдали вмѣстѣ со мною барону Дюрвалю, герою биржевыхъ предпріятій. Въ нашемъ сословіи браки по разсчету—вещь обыкновенная. Мнѣ было все равно.... Я изъ скромной жизни перешла въ роскошныя палаты. Мужъ мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ; я пользовалась совершенной свободой.... я была легкомысленна, немножко — кокетка, если хочешь и вотъ, одинъ разъ....

Маркиза. А! вотъ и одинъ.... Первая глава начинается.

Баронесса. Онъ.... Зачѣмъ тебѣ знать его имя. Онъ былъ любезенъ, хорошъ собою, человѣкъ свѣтскій.

Маркиза. И ты была къ нему неравнодушна?

Баронеса. Да, сколько позволяли мнѣ мои обязанности. Это былъ первый мужчина, который мнѣ истинно понравился.... но онъ былъ вспыльчивъ и своенравенъ, онъ имѣлъ глупость — приревновать меня къ своему пріятелю, совершенно невинному, обстоятельства были противъ меня, они поссорились, стрѣлялись.... Эта исторія сдѣлалась извѣстною и, разумѣется, послѣ этого....

—

V.

ТѢ ЖЕ и МАРАГРИТА.

Маргарита. Ахъ! какое происшествіе!

Маркиза. Что такое, Маргарита? Что съ вами?

Баронесса. Что случилось?

Маргарита. Ахъ, какое несчастіе!... впрочемъ, большаго несчастія никакого не было, только я очень испугалась....

Маркиза. Разскажите-же намъ, что такое?

Маргарита. Я играла съ дѣтьми Роберта.... и только собиралась домой, какъ вдругъ слышу крики на большой дорогѣ.... Лошади несли во всю прыть дорожную коляску въ самую канаву, вырытую у нашей фабрики — путешественникъ успѣлъ выскочить изъ коляски, мой добрый Робертъ скомандовалъ нашимъ ра-

ботникамъ, они остановили лошадей — и все кончилось благополучно. Батюшка тоже туда побѣжалъ и, кажется, предложилъ этому путешественнику остановиться у насъ.

Баронесса. Но кто же этотъ путешественникъ?

Маргарита. Я, признаться, и не взглянула на него, я такъ перепугалась.... но вотъ и они.

—

VI.

Тѣ же, Гиберъ и полковникъ.

Гиберъ. Милости просимъ, милости просимъ, безъ церемоніи....

Полковникъ. Мнѣ такъ совѣстно, что я васъ обезпокоилъ.

Гиберъ. О, помилуйте.... развѣ это ваша вина. Вотъ — моя дочь.

Полковникъ. Я васъ испугалъ.... простите меня, пожалуйста.

Баронесса. Что я вижу!

Полковникъ. Баронесса Дюрваль!... Мое почтеніе...

Баронесса. Вы ли это! Господинъ де-Мелькуръ!

Маркиза. Господинъ де-Мелькуръ! Возможно-ли!

Полковникъ. Какъ! Маркиза де Морне!... Могъ-ли я ожидать....

Гиберъ. Какъ? вы знакомы съ ними? о, это прекрасно, я очень, очень радъ....

Полковникъ. Вотъ уже пять или шесть лѣтъ, какъ я не имѣлъ чести встрѣчаться съ баронессой ... Что же касается до маркизы, то этому еще больше времени и я вправѣ думать, что память обо мнѣ...

Маркиза. Вы ошибаетесь, я васъ очень помню и рада случаю видѣть васъ. ..

Гиберъ. Мы всѣ должны быть благодарны этому случаю.... Вы, вѣроятно, желаете знать, у кого вы такъ неожиданно очутились въ гостяхъ? Моя фамилія Гиберъ, я фабрикантъ, мои молодцы удержали вашихъ лошадей и спасли почталіона отъ погибели. Маркиза де-Морне и баронесса Дюрваль мои сосѣдки и такъ любезны, что удостоиваютъ насъ съ дочерью своей дружбой. Будьте увѣрены, господинъ.... господинъ....

Полковникъ. Полковникъ де Мелькуръ.

Гиберъ. Полковникъ! а, вы полковникъ! господинъ полковникъ, надо вамъ откровенно признаться, что я не люблю....

Маргарита. Церемоній.... папенька не любитъ церемоній.

Гиберъ Да, да, я это и хотѣлъ сказать.... Будьте здѣсь безъ

церемоній.... Спасибо, умница, что ты меня перебила, а то, въ самомъ дѣлѣ, я чуть чуть не сказалъ глупости....

Маргарита. Папенька, вѣроятно, будетъ очень радъ, если вы останетесь у насъ, пока исправятъ вашу коляску.

Гиберъ. Да, да, точно, точно.... Я полагаю, что наше небольшое общество вамъ доставитъ нѣкоторое удовольствіе; по крайней мѣрѣ, я надѣсь, что маркиза и баронесса помогутъ мнѣ въ этомъ случаѣ.

Полковникъ. Мнѣ остается только благодарить васъ за ваше радушіе и я почитаю себя совершенно счастливымъ въ такомъ пріятномъ и любезномъ обществѣ.

Баронесса (*вполголоса*). Всегда любезенъ.

Маркиза (*тоже*). Милъ, по прежнему.

Полковникъ. Я возвращался изъ Руана, гдѣ расположена часть нашей батареи.... Я служу въ артиллеріи.

Маргарита. Въ артиллеріи? въ артиллеріи?

Полковникъ. Что-же васъ удивляетъ?

Маргарита. Ничего, ничего.... у насъ на фабрикѣ смотритель тоже служилъ въ артиллеріи, онъ-то первый съ работниками и бросился къ вамъ напомощь.

Полковникъ. Я ему очень благодаренъ.

Гиберъ. Однакожъ извините, полковникъ, время ужинать; у меня ужъ такой порядокъ нормандскій, и я не вижу причины дѣлать измѣненія. Если всѣ люди обѣдаютъ, такъ почему-же инымъ послѣ и не поужинать... Дальняя-же дорога возбуждаетъ аппетитъ.... Вы вѣрно не откажетесь?

Полковникъ. Съ большимъ удовольствіемъ.... Только позвольте мнѣ прежде....

Гиберъ. О, у меня безъ церемоніи, какъ сказала моя Маргарита.... я самъ провожу васъ въ вашу комнату; а ты, мой другъ, похлопочи объ нашемъ ужинѣ.

Маргарита. Слушаю, батюшка, сію минуту. (*Уходитъ.*)

Гиберъ. Милости просимъ....

Полковникъ. Я не прощаюсь съ вами, mesdames. (*Уходитъ.*)

—

XII.

БАРОНЕССА и МАРКИЗА.

Маркиза. Ахъ, мой другъ! я едва вѣрю своему счастію! Вѣдь это онъ, Розина....

Баронесса. Кто — онъ?

Маркиза. Альфредъ!

Баронесса. Альфредъ!

Маркиза. Альфредъ де Мелькуръ, тотъ, о комъ я тебѣ сейчасъ разсказывала, кого я такъ любила — и чувствую, что и теперь еще люблю.

Баронесса. Какъ? это онъ? тотъ молодой человѣкъ, который поклялся никогда съ тобою не видаться? .. О, добрая Елена, будь тверда, мой другъ.... Ахъ, я чувствую, что мнѣ и самой надо теперь много твердости.

Маркиза. Что ты хочешь сказать?

Баронесса. Меня эта встрѣча тоже очень разстроила.

Маркиза. И все это изъ участія ко мнѣ? о, благодарю тебя....

Баронесса. Нѣтъ, мой другъ; но мнѣ прискорбно, что такой странный случай.... Вообрази.... вѣдь это тотъ самый, который стрѣлялся за меня....

Маркиза. Возможно ли? Какъ это странно!...

Баронесса. Какой необыкновенный случай!...

Маркиза. Да, но можетъ-быть, его пріѣздъ не простой случай.... онъ вѣрно узналъ, что я овдовѣла.

Баронесса (*всторону*). Можетъ быть, онъ узналъ, что я здѣсь.

Маркиза. Какъ эти десять лѣтъ измѣнили его, но измѣнили къ лучшему.

Баронесса. Этотъ гордый, воинственный видъ къ нему очень идетъ....

Маркиза. Въ мое время онъ былъ почти мальчикъ — пылкій, легкомысленный, даже немножко вѣтренный....

Баронесса. А въ мое время онъ былъ уже ловкимъ офицеромъ, прекрасно танцовалъ и слылъ душею общества. (*Молчаніе.*)

Маркиза. Розина!

Баронесса. Елена!

Маркиза. Что же намъ дѣлать?

Баронесса. Я тоже самое хотѣла у тебя спросить?

Маркиза. Я не стану тебѣ напоминать о правѣ старшинства....

Баронесса. Согласись, мой другъ, что тутъ разстояніе времени — чѣмъ короче, тѣмъ права сильнѣе.

Маркиза. Если дѣло коснется до жертвы, то будь увѣрена, что я первая готова принести ее.

Баронесса. И я тоже.... ручаюсь.... Однакожъ....

Маркиза. Послушай, Розина, положеніе наше очень оригинально и щекотливо.... надо дѣйствовать рѣшительно....

Баронесса. Я тоже думаю.

Маркиза. Мужчины смѣются надъ женской дружбой; они ей не вѣрятъ.. докажемъ же, что мы женщины необыкновенныя.... Мы съумѣемъ избѣжать мелочной ревности или жалкой зависти: предоставимъ Альфреду выборъ на его волю.... а? какъ ты объ этомъ думаешь?

Баронесса. Лучше придумать невозможно...

Маркиза. Дадимъ слово другъ другу, не напоминать ему о прошедшемъ.

Баронесса. Разумѣется! что было, то прошло.

Маркиза. У каждой изъ насъ свои достоинства.

Баронесса. Свои преимущества.... разные характеры.

Маркиза. Точно. Мы, разумѣется, не позволимъ себѣ кокетничать съ нимъ....

Баронесса. Кокетничать? Фи!! Это значитъ стараться вредить своей соперницѣ....

Маркиза. Вредить?! Какъ можно! Я на это никогда не рѣшусь.

Баронесса. Я тоже.

Маркиза. Мы созданы любить другъ друга!

Баронесса. Да, да, любить.... поцѣлуемся въ знакъ согласія.... (*Цѣлуются*).

Маркиза. И такъ, пусть онъ самъ рѣшитъ.

Баронесса. Ни одного лишняго слова!...

Маркиза. Ни одного нескромнаго взгляда!

Баронесса. Прекрасно! Это мило и благородно! Однакожъ, не-пойти-ли намъ перемѣнить нашъ туалетъ...

Маркиза. За чѣмъ? Впрочемъ, если тебѣ угодно, я согласна; но ужъ теперь поздно, мы не поспѣемъ....

—

VIII.

Тѣ же и докторъ.

Докторъ. Я спѣшилъ, маркиза, чтобъ имѣть удовольствіе.... гм.... гм....

Маркиза (*всторону*). Мнѣ нечего бояться: видъ мой произвелъ на него, кажется, пріятное впечатлѣніе....

Докторъ. Я душевно радъ, баронесса, что.... гм. .. гм....

Баронесса (*всторону*). Я ничѣмъ не рискую.... одинъ взглядъ— и онъ у моихъ ногъ....

Докторъ. Мнѣ кажется, онѣ не обращаютъ на меня никакого вниманія.... Вѣрно Гиберъ не нашелъ еще удобнаго случая.... Подожду до завтра.

—

IX.

ТѢ ЖЕ, ГИБЕРЪ и ПОЛКОВНИКЪ.

Полковникъ. Мнѣ, право, совѣстно, господинъ Гиберъ, что вы такъ много безпокоитесь для меня.

Гиберъ. Помилуйте! — хозяину всегда пріятно.... Такіе гости у насъ рѣдкость. Вы видите, какъ мы просторно помѣщаемся.... Завтра я вамъ покажу мою фабрику.... Извините, это ужъ общая слабость всѣхъ фабрикантовъ (*показывая на доктора*). Вотъ нашъ другъ... другъ дома, докторъ Шапусаръ, старый холостякъ. Господинъ полковникъ де Мелькуръ.

Докторъ (*тихо ему*). За чѣмъ-же ты въ мою біографію вмѣшиваешь хронологію.... очень нужно — и еще при дамахъ!

—

X.

ТѢ ЖЕ и МАРГАРИТА.

Гиберъ. Что-же, Маргарита, скоро-ли мы будемъ ужинать?

Маргарита. Я ужъ приказала подавать.

Гиберъ. Вы полковникъ, въ первый разъ въ нашей сторонѣ?

Полковникъ. Нѣтъ, я стоялъ цѣлый годъ въ Руанѣ, съ нашимъ гарнизономъ.

Маргарита. А! вы были въ Руанѣ?

Полковникъ. Такъ точно.... что-же васъ удивляетъ?

Маргарита. Такъ, ничего. (*Тихо.*) Папенька, я теперь припоминаю.... я знаю господина де-Мелькура.

Гиберъ. Право?

Маргарита. Да, кажется, я его знаю.... я видѣла его въ Руанѣ.

—

XI.

ТѢЖЕ, и СЛУГА.

Слуга. Кушанье подано.

Гиберъ. Господа! берите дамъ... милости просимъ.... (*Всѣ идутъ.*) Гм! моего гостя, кажется, всѣ знаютъ, кромѣ меня, хозяина. Ну, что дѣлать! и въ большихъ домахъ это часто случается.

(*Уходятъ.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ПОЛКОВНИКЪ и РОБЕРТЪ.

Полковникъ. Такъ ты увѣренъ, что сюда никто не войдетъ и не помѣшаетъ намъ?

Робертъ. Будьте покойны : дамы вышиваютъ въ галлереѣ, господинъ Гиберъ занимается счетами въ своей конторѣ, дочь его у моей жены и вы можете быть здѣсь совершенно свободны.

Полковникъ. Вчера я не успѣлъ сказать съ тобой двухъ словъ.

Робертъ. Ахъ, полковникъ, еслибъ вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ вашего пріѣзда. Сердце мое было готово выскочить отъ радости, когда вы выпрыгнули изъ коляски. Я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязанъ.

Полковникъ. Полно, полно, за чѣмъ объ этомъ говорить мой, добрый Робертъ.

Робертъ. Это не я говорю, полковникъ, это говоритъ сердце.... Можно-ли забыть нашу алжирскую экспедицію, когда вашъ молодецкій ударъ спасъ меня отъ неминуемой смерти : за то я вашъ — на всю остальную жизнь.

Полковникъ. Ты мнѣ уже доказалъ свою преданность; но довольно о прошедшемъ, поговоримъ о настоящемъ. Я почти всю ночь не могъ заснуть. Мнѣ было досадно на самаго себя: зачѣмъ я придумалъ всю эту комедію и втянулъ тебя, старика, въ нашу интригу. Но что-же мнѣ дѣлать?... любовь шутить не любитъ.... Мнѣ надоѣли, наконецъ, свѣтскія побѣды, веселыя кокетки прискучили. Я ищу любви, которая-бы составила мое счастіе.

Робертъ. И найдете ее.... непремѣнно найдете! Эта чудная дѣвушка просто для васъ создана; это геній доброты!...

Полковникъ. И ты увѣренъ, что она меня полюбитъ?

Робертъ. Да развѣ это трудно? Если она только узнаетъ, что вы были тотъ офицеръ, который....

Полковникъ. Но къ чему-же все это поведетъ? Я вчера цѣлый вечеръ любовался ею, полюбилъ ее еще болѣе, но чѣмъ-же все кончится? надо будетъ уѣхать....

Робертъ. А если васъ пригласятъ остаться?

Полковникъ. Что-жъ отъ этого! Нѣсколько дней обманчивыхъ надеждъ — и только. Мое появленіе не произвело на нее, кажется, никакого дѣйствія; она не помнитъ меня.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

Робертъ. Полноте, полковникъ, она васъ любитъ въ половину.

Полковникъ. Съ чего ты это берешь?

Робертъ. Да со стороны-то всегда виднѣе. Напримѣръ, она полюбила меня, мою жену, моихъ ребятишекъ. За что-же все это? небось, за мои прекрасные глаза? Какъ не такъ! Она знаетъ, что я артиллеристъ, и что офицеръ, который спасъ ее, былъ начальникъ нашей батареи. Другіе полки ей все равно, а заговоришь объ артиллеріи, такъ и вспыхнетъ! Что-же, развѣ этого мало? Отчего она все время была задумчива, а теперь блеститъ, какъ пушка на солнцѣ? нѣтъ, полковникъ, я хоть пороху не выдумалъ, а эту науку знаю.... Я самъ человѣкъ бывалый.

Полковникъ. Но она дочь богатаго отца, а я что? бѣдный солдатъ.

Робертъ. Дуракъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ.... Если отецъ ея этого не разочтетъ, такъ онъ самъ, послѣ этого, гроша не стоитъ!

Полковникъ. Но здѣсь, какъ на зло помѣстились — баронесса и маркиза — вотъ еще двѣ помѣхи.

Робертъ. Пусть ихъ живутъ на здоровье. Все къ лучшему. Знаете ли вы, напримѣръ, какъ я женился на моей Терезѣ? я чувствовалъ, что она меня любила, да она-то сама раздумывала, а какъ я вздумалъ приволокнуться за другой, такъ и ударила по рукамъ. Видите-ли, любовь-то капризное животное.... Ужъ мнѣ-ли, хромому инвалиду, наставлять васъ на путь истинный. А, кажется господинъ Гиберъ.... идетъ сюда и барышня съ нимъ.... я ретируюсь.... Счастливо оставаться.... (*Уходитъ.*)

Полковникъ. Добрый старикъ.... онъ меня нѣсколько успокоилъ. Что еслибъ сбылись мои желанія!

—

II.

ПОЛКОВНИКЪ, ГИБЕРЪ и МАРГАРИТА.

Гиберъ. Я искалъ васъ, полковникъ.... Извините, пожалуйста, что раньше не явился къ вамъ; но какъ быть? нашъ братъ фабрикантъ дѣлается самъ какой-то машиной: то туда, то сюда, не видишь, какъ время идетъ; 500 человѣкъ однихъ работниковъ, это по вашему, я думаю, цѣлый эскадронъ.

Полковникъ. Я самъ шелъ къ вамъ на встрѣчу, чтобъ отъ души поблагодарить передъ моимъ отъѣздомъ.

Гиберъ. Какъ, вы ѣдете?

Маргарита. Такъ скоро?

Полковникъ. Благодарю васъ за этотъ лестный вопросъ, но я не смѣю употреблять во зло вашего радушнаго пріема.

Гиберъ. Мы, конечно, не имѣемъ никакого права требовать отъ васъ.... но баронесса и маркиза были такъ обрадованы встрѣчею съ прежнимъ своимъ знакомымъ.... и если я теперь не съумѣю васъ удержать, онѣ обѣ будутъ на меня сердиться.

Маргарита. Да да, батюшка, онѣ никогда вамъ этого не простятъ.

Гиберъ. Ступай, Маргарита.... я поговорю еще съ полковникомъ и если онъ будетъ упорствовать въ отказѣ, я представлю ему нѣкоторыя причины.... которыя мнѣ одному извѣстны.

Полковникъ. Какія же могутъ быть причины?

Гиберъ. Хорошо, хорошо, мы увидимъ. Ступай-же мой другъ, ступай.

Маргарита. Иду, батюшка, но я-бы хотѣла напомнить полковнику его обѣщаніе навѣстить семейство нашего добраго Роберта... вѣдь онъ вашъ сослуживецъ!

Полковникъ. Непремѣнно.... я безъ того не уѣду. (*Маргарита уходитъ.*)

—

III.

полковникъ и гиберъ.

Гиберъ. Я, полковникъ, съ умысломъ удалилъ ее отсюда; неприлично-бы мнѣ было васъ уговаривать въ ея присутствіи....

Полковникъ (*удивленный*). Какъ?...

Гиберъ. Ну, есть вещи, объ которыхъ молодымъ дѣвушкамъ знать не слѣдуетъ.

Полковникъ. Я васъ не понимаю.

Гиберъ. Или, можетъ быть, притворяетесь, что не понимаете.... Я этого навѣрно не знаю, но что вы не скоро уѣдете отъ насъ, я въ этомъ убѣжденъ.

Полковникъ. Вашъ ласковый пріемъ....

Гиберъ. Не о томъ теперь рѣчь.... Я хоть здѣсь и хозяинъ, но въ этомъ дѣлѣ лицо постороннее.... Тутъ другая исторія. Я человѣкъ наблюдательный, дальновидный и, какъ опытный фабрикантъ, умѣю сортировать людей.... Вы очень искусно играете вашу роль, да вѣдь я самъ старинный театралъ, знаю всю закулисную механику и весь сценическій репертуаръ.... Между нами говоря, вы напрасно выбрали слишкомъ избитую интригу.... Опро-

кинутая коляска — довольно истертая штука; я вамъ могу насчитать дюжину пьесъ, гдѣ завязка вертится на разбитомъ экипажѣ.

Полковникъ. Ай, ай!

Гиберъ. Это все, какъ говорится — турусы на колесахъ. Не подумайте, чтобъ я старался разузнать отъ вашего кучера.... нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; это дѣло соображенія и наблюдательности. Сегодня поутру, проходя мимо сарая, я осмотрѣлъ вашу коляску, она цѣлехонька: ни одного сломаннаго винтика... Вчерашнее ваше изумленіе, при видѣ нашихъ милыхъ сосѣдокъ, подало мнѣ нѣкоторое подозрѣніе. Конечно, вы очень хорошо разыграли эту сцену, хотя ваше положеніе было довольно затруднительно — но, какъ-быть, любовь все оправдываетъ.... Я самъ былъ молодъ и порядочно проказилъ на своемъ вѣку.

Полковникъ. Но я васъ увѣряю, что она еще не знаетъ о моей любви.

Гиберъ. Однакожъ надо-же, чтобъ она объ ней узнала; вѣдь не даромъ же вы сюда пріѣхали.... Ну, которая изъ двухъ.... маркиза или баронесса?

Полковникъ. Уфъ! Какъ было онъ меня перепугалъ.

Гиберъ. Ну, полковникъ, будьте откровенны.

Полковникъ. Онѣ обѣ прекрасны, я не спорю, но....

Гиберъ. Да, да, это *но* то и есть камень преткновенія для моихъ догадокъ — сперва я подумалъ на одну, потомъ на другую, а теперь совсѣмъ сбился съ толку.

Полковникъ (*Всторону*). Смѣлѣе, смѣлѣе, и я спасенъ. Я, признаться, удивляюсь вашей проницательности.

Гиберъ. Не правда ли? То то-же! Теперь вы не станете передо мною запираться.—Ну-ну, которая же, говорите скорѣе—Маркиза?

Полковникъ. Нѣтъ....

Гиберъ. Стало быть баронесса?

Полковникъ. Избавьте меня отъ объясненій; я не смѣю назвать ее.... я еще не признался ей, не увѣренъ въ успѣхѣ и потому не имѣю права...

Гиберъ. А, это резонъ.... Впрочемъ, я самъ догадаюсь.... еще нѣсколько дней и дѣло объяснится — но я почти убѣжденъ, что это баронесса. — И такъ, вы остаетесь у насъ?

Полковникъ. Послѣ всего того, что вамъ извѣстно, мнѣ странно было бы уѣхать отсюда. (*Всторону.*) Главное кончено— я здѣсь смѣло могу остаться.

Гиберъ. Если я вамъ на что-нибудь понадоблюсь.... для добраго дѣла всегда готовъ служить. Я имъ обѣимъ вчера еще говорилъ, что

онѣ не долго будутъ вдовѣть и вы, какъ будто сговорились явить ся сюда, чтобъ вполовину осуществить мои предсказанія... Вотъ ужъ одна, можетъ-быть, и пристроена.... Что же касается до другой, такъ у насъ есть кое-кто въ резервѣ.... Бѣдный докторъ! еслибъ вы знали, къ какое отчаяніе вы его приводите.

Полковникъ. Въ отчаяніе? Развѣ я такой неизлечимый больной?

Гиберъ. О, еслибъ вы были больны, такъ онъ-бы на васъ рукой махнулъ, а въ томъ-то и бѣда, что ему отъ васъ не поздоровится. — Но вотъ онъ и самъ....

—

IV.

ТѢ ЖЕ и ДОКТОРЪ.

Докторъ. Не помѣшалъ-ли я вамъ?

Гиберъ. Можешь ли ты кому нибудь помѣшать, мой другъ, мой несчастный другъ?

Докторъ. Несчастный.... Какія у тебя странныя выраженія! Напротивъ, сегодня я очень счастливъ: я объѣздилъ всѣхъ моихъ больныхъ и всѣ они ужъ выздоравливаютъ.

Гиберъ. Вѣрно оттого, что ты давно ихъ не навѣщалъ.

Докторъ. Что же? очень можетъ быть, мы помогаемъ натурѣ, а натура, въ свою очередь, помогаетъ намъ — это круговая порука.... Но не въ томъ дѣло.... Я сегодня такъ веселъ и доволенъ, что пріѣхалъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ покончить, или лучше сказать, начать мои сердечныя дѣла.

Гиберъ. А! хорошо.... хорошо.... гдѣ начало, тамъ и конецъ.... Пора, пора кончить. Такъ ты сегодня-же объяснишься?

Докторъ. Непремѣнно, сегодня кризисъ моей любовной горячки.

Гиберъ. Но которая-же изъ двухъ тебя вылечитъ?

Докторъ. Если не поможетъ одна, я обращусь къ другой.

Гиберъ. А! это старая пѣсня. Въ твоемъ сердечномъ банкѣ все выходитъ соника.... а ты самъ все мечешься направо и налѣво. — Но смотри: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.... И благо ты сегодня самъ не похожъ на зайца, такъ принимайся смѣло, чтобы не опоздать.... Господа, между порядочными людьми дѣла должны идти на чистоту.... Зачѣмъ хитрить и скрываться. Я, какъ безпристрастный вашъ посредникъ, долженъ вамъ сказать, что вы оба соперники.

Полковникъ. Соперники?

Докторъ. Соперники? возможно-ли, вы мой соперникъ? Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ! Полковникъ, какое счастіе для меня. (*Переходитъ къ нему и жметъ его руку.*)

Гиберъ. Счастіе! развѣ ты увѣренъ въ побѣдѣ?...

Докторъ. О, нѣтъ, какъ это можно.... въ мои годы не хвастаютъ побѣдами, а вотъ въ чемъ дѣло: Полковникъ, разумѣется, знаетъ, которая изъ этихъ двухъ дамъ предметъ его страсти....

Полковникъ. Вотъ попался.... О, конечно, знаю....

Докторъ. А я, къ нечастію, до-сихъ-поръ не могъ еще рѣшится и потому вы поможете моему горю. Вашъ выборъ рѣшитъ и мой по дорогѣ. Я наконецъ узнаю, на которую могу разсчитывать, видите, какъ это просто....

Гиберъ. Ха ха ха! хитро придумано....

Докторъ. А ты считалъ меня простакомъ?... Ты думалъ, что я въ любовныхъ дѣлахъ двухъ перечесть не умѣю?... Видишь: теперь оказывается, что одна непремѣнно останется на мою долю.

Гиберъ. Чудесно, чудесно! Я самъ вижу, что могу спокойно оставить васъ обоихъ.... вы оба такіе согласные соперники, что изъ вашего романа не выйдетъ никакой исторіи. Просто, любо смотрѣть на васъ! И такъ, господа, сговоритесь между собою — и начинайте атаку. Вы, полковникъ, какъ опытный стратегъ, наставьте на умъ мою домашнюю медицину. Затѣмъ, желаю вамъ обоимъ успѣха, въ чемъ я не сомнѣваюсь: изъ двухъ не мудрено выбрать одну, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ васъ вовсе не разборчивъ — и согласенъ на всякую полюбовную сдѣлку.... И такъ, до свиданія, господа. (*Уходитъ.*)

—

V.

ДОКТОРЪ и ПОЛКОВНИКЪ.

Полковникъ (*встороиу*). Хороши же мы соперники: оба не знаемъ, въ кого влюблены! — Ужъ не сыграть-ли съ нимъ въ узелки?

Докторъ. И такъ, господинъ полковникъ, съ вашего позволенія, мы можемъ приступить къ сердечному консиліуму. Я признаюсь вамъ откровенно, что въ жизнь мою не встрѣчалъ женщины прекраснѣе маркизы и очаровательнѣе баронессы. Если та или другая удостоятъ снизойти къ моей страсти, то это будетъ для меня высокое наслажденіе въ жизни. Я ожидаю вашего рѣшенія.... на которую изъ нихъ я могу разсчитывать?

Полковникъ. Благодарю васъ, докторъ, но вы ставите меня въ затруднительное положеніе.

Докторъ. Отчего-же? Вы со мной не церемоньтесь.... Та или другая — для меня все равно.

Полковникъ. Вы такъ великодушны, что мнѣ совѣстно не предоставить вамъ право выбора.

Докторъ. Нѣтъ, нѣтъ, начните вы — а ужъ послѣ мнѣ не трудно будетъ рѣшиться.

Полковникъ (*встороиу*). Ну, такъ и быть! на счастливую! Я долженъ вамъ признаться откровенно, что пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобъ просить руки....

Докторъ. Маркизы?

Полковникъ. Да, маркизы.

Докторъ. Я такъ и думалъ. Покорно васъ благодарю. — И такъ, баронесса остается на мою долю. Мнѣ даже кажется, что для меня баронесса будетъ лучше.

Полковникъ. Я съ вами согласенъ. Съ ея характеромъ, который мнѣ очень хорошо извѣстенъ, лучшаго мужа она-бы никогда не могла найти.

Докторъ. Покорно васъ благодарю. Уфъ! какъ гора съ плечъ свалилась.... А! я вижу ихъ въ галлереи, она идетъ сюда.... Пойду къ ней на встрѣчу.... Сегодня я ужасно рѣшителенъ.... Вы мнѣ позволите, мимоходомъ, намекнуть баронессѣ объ вашемъ выборѣ?...

Полковникъ. Пожалуй, если вамъ угодно.

Докторъ. Вотъ какъ скоро дѣло-то дѣлается, какъ сойдутся рѣшительные соперники.... Очень, очень вамъ благодаренъ.

(*Уходитъ.*)

—

VI.

ПОЛКОВНИКЪ, одинъ.

Жребій брошенъ.... Угождая нашему дальновидному хозяину, который все видитъ навыворотъ, я, по-крайней-мѣрѣ, выиграю время, успѣю переговорить съ Маргаритой и, авось, дѣло пойдетъ на ладъ.

—

VII.

ПОЛКОВНИКЪ и БАРОНЕССА.

Баронесса. Съ вами трудно встрѣтиться, полковникъ.

Полковникъ. Напротивъ, баронесса, я самъ цѣлое утро искалъ васъ...

Баронесса. Покорно васъ благодарю. Вы, какъ я слышала — останетесь здѣсь?

Полковникъ. Мнѣ-бы было неприлично противиться радушному приглашенію хозяина.... Къ тому-же я нашелъ здѣсь прежнихъ друзей — и очень благодаренъ счастливому случаю.

Баронесса. Случаю? Если вѣрить нашему доктору, то изъ его словъ я замѣчаю, что тутъ не простой случай....

Полковникъ. Какъ, докторъ вамъ сказалъ?

Баронесса. Сперва объ васъ, потомъ о себѣ.... Объ немъ мы не будемъ говорить, его любовь можетъ еще подождать, но признаюсь вамъ, я такъ обрадовалась, когда услышала, что вы не равнодушны къ Маркизѣ.

Полковникъ. Она вашъ другъ?

Баронесса. О, лучшій мой другъ.

Полковникъ. И вы мнѣ совѣтуете?

Баронесса. Разумѣется; я за этимъ и пришла сюда. Вашъ выборъ прекраснъ во всѣхъ отношеніяхъ, у нея самое доброе, нѣжное сердце.... И если генералъ де-Морне не былъ съ нею счастливъ, такъ ужъ конечно это его вина.

Полковникъ. Какъ, развѣ генералъ?...

Баронесса. А вы этого не знали, полковникъ? Странно. Это ни для кого не было тайной; одни обвиняли мужа, другіе жену, такъ всегда бываетъ въ свѣтѣ, но общее мнѣніе было такое, что бѣдная Маркиза не совсѣмъ виновата.

Полковникъ. Согласитесь, что у нея прекрасный характеръ.

Баронесса. О, да, она женщина очень хорошая.... иные считаютъ ее гордой, заносчивой, но я этого никогда не замѣчала, или, по-крайней-мѣрѣ, очень, очень рѣдко.... одно только въ ней не хорошо: она немножко ревнива.

Полковникъ. Ревнива?

Баронесса. Очень!

Полковникъ. Стало быть, она очень перемѣнилась.

Баронесса. Вы знали ее въ первой молодости... Въ первой! какъ мы иногда странно употребляемъ слова.... какъ будто есть вторая молодость?... Вы ее знали, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Полковникъ. Нѣтъ, десять — не болѣе.

Баронесса. Ну, десять, пятнадцать. Это все равно.... разница небольшая. Сколько ей лѣтъ? тридцать пять, я думаю....

Полковникъ. О, нѣтъ, меньше.

Баронесса. Ну, не многимъ. Впрочемъ, я навѣрно не знаю: мы съ ней никогда въ этомъ не считались.... Женщины, какъ извѣстно,

вообще не любятъ трогать эту слабую струну, но я искренно люблю и уважаю мою милую Елену; я слишкомъ къ ней привязана.... Но нельзя не признаться, что она о себѣ такого высокаго мнѣнія, что это немножко оскорбительно для другихъ.

Полковникъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Баронесса. Что-жъ мудренаго? она принадлежитъ къ артистократіи.... Повѣрите-ли, что иногда малѣйшее предпочтеніе, которое мнѣ оказываютъ передъ ней, выводитъ ее изъ себя, и она ужъ непремѣнно вымѣститъ на мнѣ свою досаду, когда мы останемся на единѣ.... Впрочемъ, за-мужемъ за вами, она можетъ быть и перемѣнится.... Любовь дѣлаетъ чудеса!

Полковникъ. Я не смѣю думать, чтобы могъ возбудить такую страстную любовь.... Скажите мнѣ, баронесса, любила-ли она когда нибудь?

Баронесса. Объ этомъ ужъ надобно у васъ спросить.... Вѣроятно любила—нравиться.... можетъ быть, даже повелевать: она вѣдь артистократка.

Полковникъ. Можно-ли повѣрить, чтобъ съ такимъ кроткимъ видомъ, съ такою красотою....

Баронесса. Красотою? о, да! она прекрасна! Жаль только, что недовольно бѣла.

Полковникъ. Не довольно бѣла?

Баронесса. Да она бѣла — при свѣчахъ, потому что желтый цвѣтъ много выигрываетъ при огнѣ, а днемъ она.... немножко бѣлится.... но это еще не бѣда....

Полковникъ. За то у нея чудесные глаза....

Баронесса. У кого-же нѣтъ чудесныхъ глазъ! у всѣхъ чудесные.... Это вовсе не чудо.... у всякаго свой взглядъ; ея глаза не множко велики.... около нихъ — нѣсколько желтовато, даже черно, но мужчинамъ это нравится.... За одно можно ее похвалить: она умѣетъ мастерски одѣваться, умѣетъ скрыть маленькіе недостатки....

Полковникъ (*встороиу*). О, дружба дружба! какъ чувствительны твои ласки: онѣ до-крови царапаютъ.

Баронесса. Что такое? что съ вами?

Полковникъ. Ничего.... я раздумываю — какъ трудно узнать женщинъ....

Баронесса. Да, для мужчинъ иныя женщины загадка.... но впрочемъ я надѣюсь, что все, что я вамъ теперь сказала, было сказано — старинному другу, человѣку скромному и свѣтскому, который просилъ моего совѣта и вѣритъ моей искренности....

объ комъ-же и говорить правду, какъ не объ истинныхъ друзьяхъ....

Полковникъ. Совершенно справедливо. Я вамъ очень благодаренъ.

Баронесса. Теперь вы можете обдумать, взвѣсить и хорошее и дурное; но я все-таки повторяю вамъ, что маркиза - женщина почтенная.... Конечно, въ ней нѣтъ ничего особеннаго, ничего блестящаго, но если вы станете жить вдали отъ Парижа, въ какомъ нибудь помѣстьѣ, потому что она не любитъ столичныхъ удовольствій; она часто жалуется на мигрень; у ней характеръ склонный къ меланхоліи; она очень любитъ гранъ-пасьянсъ, — это ее нѣсколько развлекаетъ.... Ну, чтожъ, вы будете ходить на охоту, или найдете себѣ тоже какое нибудь развлеченіе.... вообще, вѣроятно, вамъ обоимъ будетъ очень весело.... Прощайте, полковникъ—до свиданія.... Вы на меня не сердитесь?

Полковникъ. Помилуйте, нисколько.

Баронесса. Мы остаемся друзьями, по прежнему?

Полковникъ. О, конечно.... но вотъ и маркиза.

—

IX.

тѣ же и маркиза.

Маркиза. Я тебя искала, Розина.

Баронесса (*идетъ ей на встрѣчу*). А, это ты, мой другъ.... Какъ я рада.... Мы только сейчасъ объ тебѣ говорили.

Полковникъ. Ваша примѣрная дружба и согласіе съ баронессой дѣлаетъ честь вамъ обѣимъ.

Маркиза. Больше ей, нежели мнѣ....

Баронесса. Къ чему излишняя скромность.... на моей сторонѣ вся выгода.

Маркиза. Полно, полно, что за счеты между друзьями.

Баронесса. Гдѣ ты, мой другъ, была цѣтое утро?

Маркиза. У меня была мигрень....

Баронесса (*тихо*). Видите—что я вамъ говорила? (*Ей.*) О, бѣдняжка! ты опять страдала.... и какъ это часто.... мнѣ тебя очень жаль.... Теперь тебѣ получше?

Маркиза. Да теперь почти прошло — благодарю тебя. Вы здѣсь говорили обо мнѣ, а я, съ господиномъ Гиберомъ говорила сію минуту объ васъ обоихъ.

Полковникъ (*всторону*). Ну, плохо!

Маркиза. Можетъ быть я пришла не во время, не кстати; я уйду.

Баронесса. Мы съ полковникомъ ужъ обо всемъ переговорили, теперь твоя очередь. Я увѣрена, что тебѣ будетъ еще нужнѣе моего съ нимъ побесѣдовать, я оставлю васъ, до свиданія.

—

X.

ПОЛКОВНИКЪ и МАРКИЗА.

Маркиза (*всторону*). Кажется, она хочетъ меня чѣмъ-то уколоть.

Полковникъ. Я радъ случаю, маркиза, что могу повторить вамъ, что я въ восхищеніи отъ нашей неожиданной встрѣчи.

Маркиза. О, къ чему эти фразы? — ненужныя увѣренія!

Полковникъ. Вы чѣмъ-то разстроены, маркиза?

Маркиза. Къ чему запираться? Я точно не могу равнодушно встрѣчаться съ другомъ моего дѣтства, передъ которымъ, можетъ-быть, была нѣсколько виновата; прошедшаго не воротишь; но настоящее меня очень удивляетъ: сейчасъ господинъ Гиберъ намекнулъ мнѣ, что баронесса Дюрвиль единственная цѣль вашего рыцарскаго путешествія. Неужели это правда? Вы молчите? Стало быть, его слова были сказаны не на вѣтеръ?

Полковникъ (*всторону*). Ну, теперь вѣтеръ начинаетъ дуть съ другой стороны.

Маркиза. Зачѣмъ намъ хитрить.... будемъ лучше говорить откровенно. Подумали-ли вы, что вы хотите дѣлать? пожертвовать своею будущностью — кокеткѣ, которая уже одинъ разъ доказала вамъ свое непостоянство....

Полковникъ. Какъ? вы знаете?

Маркиза. Да, она мнѣ все, по дружбѣ, разсказала; конечно, она мой лучшій другъ, но зачѣмъ прибѣгать къ притворству, къ двусмысленнымъ намекамъ, на которые, можетъ-быть, она тоже непоскупилась, говоря съ вами обо мнѣ.

Полковникъ (*всторону*). Какое, однакожъ, у нихъ во всемъ согласіе! Но я полагалъ, что ваши отношенія съ баронессой такъ коротки, что....

Маркиза. А съ чего начались эти короткія отношенія? съ пустяковъ.... Я хотѣла провести лѣто на дачѣ, пріѣхала сюда, она ужъ была здѣсь; мы вовсе не искали другъ друга, а сошлись такъ — случайно. Нельзя-же мнѣ было убѣгать ее; неприлично на дачѣ, какъ на водахъ за границей, знакомиться со всякимъ, кто попадется и мы поневолѣ подружились, если только можно назвать это дружбой. Само собою разумѣется, что я, по возвращеніи моемъ въ Парижъ, прекращу это дачное, или лучше сказать не-

удачное знакомство. Она, конечно, больше должна дорожить моей дружбой, потому что, показываясь въ свѣтѣ со мною, могла-бы поправить немножко разные темные слухи. Скажите, пожалуйста, вы ревнивы?

Полковникъ. За чѣмъ вы это спрашиваете?

Маркиза. Такъ, къ слову пришлось. Я противъ совѣсти не стану выдавать баронессу за примѣрную добродѣтель, нѣтъ, это было бы слишкомъ.... я согласна, что она бываетъ добродѣтельна изрѣдка.... и если вы не ревнивы, то можете, зажмуря глаза, наслаждаться семейной жизнію; если-жъ, напротивъ, то я-бы вамъ посовѣтовала иногда присматривать; не спуская глазъ ни на минуту, вы можете быть *почти* въ ней увѣрены и того глядн, въ свѣтѣ прослывете счастливымъ мужемъ.

Полковникъ (*всторону*). «О, дружба.... ты рѣдкость на землѣ!» Согласитесь однако, что у нея очень острый умъ.

Маркиза. Умъ? онъ такъ же сухъ и холоденъ, какъ сердце.... никакой простоты, никакого здраваго сужденія — слишкомъ много претензіи блистать остроуміемъ; а острота хороша изрѣдка.

Полковникъ. Какъ жаль, что съ такой прекрасной наружностью, у нея такъ много скрытыхъ пороковъ.

Маркиза. Ну, объ наружности ужъ мы не будемъ говорить. Правда, что издали, она кажется очень хороша, но разберите всѣ черты — что это такое? Лицо ея, кажется, довольно оживлено, игриво, но.... между нами.... она немножко румянится.

Полковникъ. Неужели?

Маркиза. Мужчины этого не замѣчаютъ, а есть немножко.... Что въ ней тоже не хорошо, это смѣшная расточительность, щегольство, которое, говорятъ, разорило ея покойнаго барона.... Впрочемъ, какой еще онъ баронъ? Мѣщанинъ въ дворянствѣ. — Извѣстно, какими средствами эти господа выходятъ въ люди, или лучше сказать, эти люди попадаютъ въ господа! разумѣется въ ихъ гербахъ золотые мѣшки играютъ важную роль. Эти фонъ-бароны туда-же тянутся въ аристократію; но вѣдь опытнаго человѣка не обманешь этой мишурой.

Полковникъ. Надо признаться, что портретъ незавидный, хоть вы и вставили его въ золотую рамку.

Маркиза. Вы смѣетесь?... Смѣйтесь, смѣйтесь, сколько хотите, а я серьезно удивляюсь вашему странному выбору.

Полковникъ. Послушайте, Елена — извините что я васъ по прежнему такъ называю,--завтра вы все узнаете, но чѣмъ бы ни кончился мой романъ, онъ не измѣнитъ нашей дружбы — дайте-же мнѣ руку въ знакъ согласія.

Маркиза. Вотъ она.

Полковникъ. И такъ, завтра будетъ развязка, которая, можетъ-быть, удивитъ мою прежнюю подругу.... больше я ничего не могу сказать. — До свиданія, Елена, до свиданія. (*Цѣлуетъ ея руку.*)

Маркиза. Маргарита.

—

XI.

ТѢ ЖЕ, МАРГАРИТА и РОБЕРТЪ.

Маргарита (*въ дверяхъ*). Что я вижу!

Робертъ. Господинъ Гиберъ ожидаетъ васъ, господинъ полковникъ, чтобы показать вамъ нашу фабрику и мастерскія...

Полковникъ. Я сейчасъ иду. Вы меня извините....

Маркиза. Пойдемте вмѣстѣ. (*Уходятъ.*)

—

XII.

РОБЕРТЪ и МАРГАРИТА.

Маргарита. Ахъ, Робертъ!

Робертъ. Ничего, не безпокойтесь, это фальшивая атака.

Маргарита. Но я сама видѣла....

Робертъ. Повторяю вамъ, что это пустяки; необращайте вниманія.

Маргарита. Ахъ, еслибъ ты зналъ....

Робертъ. Знаю, все знаю.... артиллеристъ не промахнется.

Маргарита. Но онъ пріѣхалъ сюда для нея.

Робертъ. Какъ-бы не такъ! Онъ пріѣхалъ для васъ!...

Маргарита. Что ты говоришь, Робертъ? для меня? для меня?

Робертъ. Разумѣется; провались я сквозь землю! если это неправда.... Онъ помнитъ васъ больше, нежели вы его.... Вѣдь онъ тотъ самый офицеръ, которому удалось васъ спасти.

Маргарита. Неужели? можетъ-ли это быть?

Робертъ. Онъ видѣлъ васъ въ Руанѣ.... онъ влюбленъ въ васъ по уши....

Маргарита. Онъ меня любитъ.... онъ мой избавитель! ахъ, если это правда.... Нѣтъ, нѣтъ, ты не станешь меня обманывать.... ты не захочешь этого.... Но пойдемъ, пойдемъ отсюда, здѣсь могутъ насъ застать. (*Уходитъ.*)

Робертъ. Ура! полковникъ! мина подведена.... до взрыва не далеко.... наша взяла! (*Уходитъ за нею.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

ГИБЕРЪ и ДОКТОРЪ.

Гиберъ. И такъ у васъ покончено?

Докторъ. Не совсѣмъ.

Гиберъ. Но вѣдь ты съ нимъ объяснился?

Докторъ. Да, вполовину.

Гиберъ. Стало-быть, дѣло идетъ на ладъ?

Докторъ. Напротивъ.

Гиберъ. Въ чемъ-же неудача?

Докторъ. Ни въ чемъ.

Гиберъ. Такъ вы еще не рѣшили?

Докторъ. Потчи.

Гиберъ. Что за пропасть! Говори, пожалуйста, потолковѣе.

Докторъ. Кажется, это все довольно понятно.

Гиберъ. Что-же, понятно?

Докторъ. То, что я самъ ничего не понимаю.

Гиберъ. Ну вотъ, когда намъ дѣло объяснятъ, такъ, разумѣется больше и спрашивать нечего. Э, эхъ, мой добрый докторъ, твоя застарѣлая болѣзнь неизлечима.... Я тебя давича наставилъ на добрый путь, даже толкнулъ на дорогу; думалъ теперь поздравить съ полнымъ успѣхомъ, а ты не съумѣлъ поладить съ такимъ сговорчивымъ соперникомъ.... Я сейчасъ водилъ его по своей фабрикѣ и удивился его познаніямъ, онъ отличный механикъ, онъ разуждаетъ объ коммерціи и ремеслахъ не хуже меня самаго.... какъ-же съ этакимъ человѣкомъ не сговорить въ любовныхъ дѣлахъ?... Удивляюсь!

Докторъ. Но ты прежде былъ предубѣжденъ противъ военныхъ....

Гиберъ. Да, но теперь вижу, что я ошибался.... они точно достойны уваженія, въ особенности артиллеристы.... я очень радъ такому милому гостю. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, долго здѣсь не останется.... Поладитъ съ баронессой и распростится съ нами.

Докторъ. Какъ, съ баронессой?... Ты хотѣлъ сказать съ маркизой.

Гиберъ. Нѣтъ, съ баронессой.

Докторъ. Неуже-ли я ошибся?

Гиберъ. Стало-быть я не такъ понялъ?

Докторъ. Неужели я перепуталъ?

Гиберъ. И это очень возможно.... Короче сказать, у насъ у всѣхъ вышло недоразумѣніе....

Докторъ. Это всего вѣрнѣе.... Какъ-же ты посовѣтуешь, не обратиться-ли ужъ мнѣ къ маркизѣ?

Гиберъ. Постой, постой, мы сейчасъ все узнаемъ; вотъ идетъ сюда боронесса... Постарайся говорить не очень понятно.

Докторъ. Не понятно? Помилуй, я, напротивъ, объ одномъ только и хлопочу, чтобъ меня кто нибудь понялъ.

—

II.

ТѢ ЖЕ, БАРОНЕССА.

Баронесса. Это вы, господинъ Гиберъ. Мнѣ надо поговорить съ вами.

Гиберъ. Я къ вашимъ услугамъ, дорогая сосѣдка.

Докторъ. Я, можетъ быть, здѣсь лишній?

Баронесса. Ничего, докторъ, вы можете остаться... Вы очень кстати здѣсь.... Давича ваше признаніе было немножко не во время.... Вы понимаете, что женщина не всегда можетъ располагать своими чувствами; забудемъ прошлое и останемся друзьями по прежнему.

Гиберъ. Ну братъ, я не ошибся, она поладила съ полковникомъ.

Докторъ. Да, кажется....

Баронесса. Послушайте, господинъ Гиберъ, мнѣ очень прискорбно, но что-же дѣлать, это необходимо.... вѣдь я должна проститься съ вами.

Гиберъ. Какъ? вы насъ оставляете? Что за причина?

Баронесса. Я сейчасъ получила письмо изъ Бретани отъ моей матушки; она возвращается въ Парижъ и проситъ меня пріѣхать туда.

Гиберъ. Какъ это жаль.... Моя дочь и маркиза, вѣроятно, будутъ огорчены не менѣе моего.... Но что объ этомъ подумаетъ нашъ милый гость, который былъ къ вамъ такъ внимателенъ? онъ вчера пріѣхалъ, а вы завтра уѣзжаете, это не слишкомъ для него лестно.... Правда, можетъ-быть, вы съ нимъ сойдетесь въ Парижѣ.

Докторъ. Да, да, да, полковникъ, кажется, туда-же ѣдетъ.

Баронесса. Господинъ Шапусаръ!

Гиберъ. Ого! она разсердилась; это что то нечисто.

—

III.

ТѢ ЖЕ, МАРКИЗА.

Маркиза. А! вы здѣсь, господинъ Гиберъ.... я хотѣла вамъ сказать.... И вы здѣсь-же, Розина? я было васъ не замѣтила, гдѣ это вы все пропадаете?

Баронесса. Я бы могла сдѣлать вамъ тотъ-же вопросъ; я просто не хотѣла васъ безпокоить и думала, что у васъ еще не прошелъ вашъ мигрень.

Маркиза. Э! съ больной головы на здоровую.... Я, напротивъ, боялась разстроить ваши нервы.

Гиберъ. Вѣчно тревожатся другъ объ другѣ. Будьте покойны, у насъ докторъ подъ рукой: онъ по гробъ готовъ служить вамъ обѣимъ.... Не такъ-ли, мой любезный?

Докторъ (*тихо*). Не впутывай тутъ меня, пожалуйста.

Гиберъ. Вы часу не можете пробыть одна безъ другой. Впрочемъ, въ настоящее время, оно очень естественно: вамъ ужъ не долго быть вмѣстѣ.

Маркиза. Да, вы угадали: одинъ день, не болѣе.

Баронесса. Что вы хотите сказать, Елена?

Маркиза. Милый другъ мой, я поневолѣ должна огорчить тебя.... Мнѣ самой такъ прискорбно, но какъ быть, обстоятельства принуждаютъ меня....

Баронесса. Что-же это такое?

Маркиза. Я шла сюда именно съ тѣмъ, чтобы сказать господину Гиберу, что я получила непріятное извѣстіе: одна моя близкая родственница, графиня, опасно больна и я завтра-же должна къ ней ѣхать.

Гиберъ. Завтра?

Докторъ (*тихо*). И она тоже.... О, я не доживу до завтра!

Гиберъ (*ему*). Точно будто обѣ сговорились....

Баронесса. А, вы уѣзжаете.... (*Всторону.*) Вѣрно съ нимъ.

Маркиза. Вы понимаете, Розина, что я исполняю семейную обязанность.

Баронесса. Очень понимаю.... потому что я сама нахожусь въ такихъ же обстоятельствахъ.

Маркиза. Вы?

Баронесса. Я сію минуту только говорила господину Гиберу, что моя матушка желаетъ, чтобъ я воротилась въ Парижъ....

Маркиза. Ваша матушка.... (*Всторону.*) Она вѣрно съ нимъ условилась!...

Гиберъ. Я просто въ отчаяніи... Что вы съ нами дѣлаете? Обѣ уѣзжаютъ въ одинъ день!

Докторъ. Рискну, была не была! Да, это точно ужасно! Вы уѣзжаете.... а я только собирался, маркиза....

Маркиза. Знаю, знаю, любезный Шапусаръ, вы ужъ давно сбираетесь, но извините, мнѣ теперь некогда васъ слушать.... Я тоже сбираюсь, какъ видите.

Гиберъ. Ну, братъ, дѣло плохо... и тутъ неудача.

Докторъ. Но я все-таки не понимаю, что все это значитъ....

Гиберъ. Это басня.

Докторъ. Какая басня?

Гиберъ. Басня Лафонтена, которая такъ начинается:

»Два пѣтуха въ ладу вѣкъ жили межъ собой,
Явилась курица и завязался бой!«

Докторъ. Ну такъ что-же

Гиберъ. Ты, я вижу, простъ, какъ цыпленокъ.... Оставимъ лучше двухъ курицъ въ покоѣ и пойдемъ, отыщемъ полковника.

Докторъ. Ахъ да! полковникъ-то пѣтухъ.... а онѣ двѣ курицы, теперь догадался.

Гиберъ. Насилу-то! Вамъ, вѣроятно, передъ отъѣздомъ о многомъ нужно переговорить между собой.... Мы вамъ не будемъ мѣшать.... до пріятнаго свиданія. (*Уходятъ.*)

—

IV.

МАРКИЗА И БАРОНЕССА.

Маркиза. Такъ вы завтра ѣдете?

Баронесса. Да, ѣду.

Маркиза. Непремѣнно?

Баронесса. Непремѣнно, я твердо рѣшилась....

Маркиза. Да, я знаю, когда вы возьмете себѣ въ голову какую-нибудь нелѣпую мысль....

Баронесса. Я не думаю, чтобъ ваши мысли были благоразумнѣе моихъ.

Маркиза. Пожалуйста, не сравнивайте меня съ собою.

Баронесса. Помилуйте! я знаю, что у насъ съ вами нѣтъ никакого сходства.

Маркиза. Всему есть конецъ и я очень довольна, что наша связь кончится.

Баронесса. Я сама рада этой развязкѣ.... Я, по-крайней-мѣрѣ, избавлюсь отъ безпрестаннаго притворства.

Маркиза. А я отъ несноснаго вашего характера.... Я благодарна вашей матушкѣ, что она такъ кстати васъ пригласила къ себѣ.

Баронесса. Какъ здоровье вашей тетушки, графини? Я сомнѣваюсь, чтобъ она дѣйствительно была больна.

Маркиза. По-крайней-мѣрѣ, вы не сомнѣваетесь, что полковникъ возвратится въ Парижъ въ одно время съ вами.

Баронесса. Вашъ полковникъ — фатъ.... Онъ вѣрно сказалъ вамъ, куда ѣдетъ отсюда.

Маркиза. Мнѣ — вотъ прекрасно!

Баронесса. Не станете-ли вы запираться?

Маркиза. Рѣшительно ничего не понимаю!

Баронесса. Мы, кажется, съ вами разыгрываемъ здѣсь комедію?

Маркиза. Не потому-ли, что вы такъ хорошо играете вашу роль?

Баронесса. Гдѣ-же мнѣ тягаться съ вами!

Маркиза. Что вы хотите этимъ сказать?

Баронесса. То, что вы забыли нашъ уговоръ.... и если вамъ этотъ полковникъ такъ дорогъ....

Маркиза. Это уже слишкомъ.... Объяснитесь, наконецъ.... Развѣ вы съ нимъ не условились?

Баронесса. Я? съ нимъ? Съ чего вы это взяли?

Маркиза. Вотъ прекрасно — вѣдь и со мной онъ былъ совсѣмъ не такъ любезенъ, какъ вы думаете.

Баронесса. Какъ? Развѣ онъ не предлагалъ вамъ свою руку?

Маркиза. И не думалъ! онъ, какъ нарочно, все говорилъ объ васъ....

Баронесса. Неужели? — а мы съ нимъ все объ васъ разговаривали.

Маркиза. Скажите-же откровенно, положа руку на сердце: что вы ему совѣтовали?

Баронесса. Откровенно?... признаюсь, я сказала, что вы ему вовсе не пара, то-есть, онъ вамъ не пара — ни въ какомъ отношеніи.... А вы?

Маркиза. Мой совѣтъ былъ совершенно въ такомъ-же смыслѣ.

Баронесса. Стало быть, намъ не въ чемъ упрекнуть другъ друга.

Маркиза. Мы съ вами квиты.

Баронесса. Мы трое сыграли въ открытую.

Маркиза. Однакожъ, стало-быть, онъ смѣялся надъ нами обѣими.... это совсѣмъ незабавно....

—

V.

ТѢ ЖЕ и РОБЕРТЪ.

БАРОНЕССА. Что тебѣ нужно, Робертъ?

РОБЕРТЪ. Извините.... я искалъ полковника; его здѣсь нѣтъ? мнѣ-было поручила барышня просить его....

Вмѣстѣ. { БАРОНЕССА. Маргарита поручила?
МАРКИЗА. Просить его?

РОБЕРТЪ. Да съ, подождать его съ этой залѣ; она сейчасъ придетъ сюда рисовать.

вмѣстѣ. { БАРОНЕССА. Она придетъ сюда?
МАРКИЗА. Рисовать?

РОБЕРТЪ. Да-съ, она приказала приготовить ей картоны и краски на этомъ столикѣ.

БАРОНЕССА. И она съ полковникомъ будетъ заниматься живописью?

РОБЕРТЪ. Точно такъ-съ, если онъ придетъ сюда, не потрудитесь-ли вы....

БАРОНЕССА. Хорошо, хорошо, мы скажемъ ему.

РОБЕРТЪ. Покорно васъ благодарю. (*Встороиу.*) Посылка дошла по адресу.... ихъ, ничего не видя, отъ этого рисованья въ краску бросило. (*Уходитъ.*)

—

VI.

МАРКИЗА и БАРОНЕССА.

МАРКИЗА. Ну что, мой другъ?

БАРОНЕССА. Теперь, кажется, все ясно.

МАРКИЗА. Загадка объяснилась....

БАРОНЕССА. Надо признаться, что до-сихъ-поръ мы были съ вами большія дѣти.

МАРКИЗА. Да, онъ безсовѣстно смѣялся надъ нами.

БАРОНЕССА. Такъ, стало быть, онъ пріѣхалъ сюда не для васъ....

МАРКИЗА. Не для меня и не для васъ.... тутъ была третья.... это вѣрно, какъ дважды два!

БАРОНЕССА. Вѣроятно, они были прежде знакомы: вотъ и объясненіе симпатіи къ артиллеристамъ.

МАРКИЗА. Это ужасно!

БАРОНЕССА. Непростительно!

МАРКИЗА. Измѣнить вамъ, такой прекрасной, очаровательной женщинѣ....

Баронесса. Объ себѣ ужъ я не говорю.... но вы.... но ты, Елена.... такая любезная, кроткая и такъ давно его любишь!

Маркиза. Какъ могла я подозрѣвать тебя!

Баронесса. А я еще тебя обвиняла!...

Маркиза. Я виновата передъ-тобою!

Баронесса. Я никогда не прощу себѣ....

Маркиза. Куда дѣвалось наше благоразуміе, — еще немножко и мы могли-бы разсердиться другъ на друга.

Баронесса. Мы-бы могли даже поссориться.

Маркиза. Но, по счастію, мы не сказали другъ-дружкѣ ничего обиднаго....

Баронесса. Елена!

Маркиза. Розина!

Баронесса. Миръ.... не такъ ли?

Маркиза (*цѣлуетъ ее*). Да, да! миръ! онъ необходимъ, онъ можетъ помочь нашему мщенію.... Господинъ Гиберъ, вѣроятно, тоже ничего не подозрѣвалъ....

Баронесса. О, конечно.... но мы все это обнаружимъ.

Маркиза. Надо только увѣриться, какъ давно онъ ее знаетъ....

Баронесса (*показывая на двери*). Мы можемъ здѣсь подслушать.

Маркиза. Прекрасно.... Вотъ и она.

—

VII.

Тѣ же, Робертъ и Маргарита.

Робертъ. Вотъ здѣсь все приготовлено, сударыня.

Маркиза. Вы будете рисовать, милая Маргарита?

Маргарита. Да, я хотѣла здѣсь окончить мой рисунокъ.

Баронесса. Мы не будемъ мѣшать вамъ.

Маркиза. Мы оставимъ васъ.... одну.... Искусства любятъ уединеніе. Мнѣ еще надо отправить письмо на почту.

Баронесса. И мнѣ тоже.... до свиданія. (*Уходитъ.*)

Робертъ. Кажется, одна изъ нихъ хочетъ подслушать, а другая подглядѣть.... На здоровье, барыни, на здоровье! Вотъ и полковникъ идетъ на приступъ.... Ну, будетъ генеральное сраженіе....

—

VIII.

Маргарита и полковникъ.

Полковникъ. Вы здѣсь.... Съ какимъ нетерпѣніемъ я желалъ этой встрѣчи....

Маргарита (*сидя у стола*). Я сама желала поговорить съ вами. Пока я рисую, мы можемъ свободно побесѣдовать. Садитесь, пожалуйста.... Прежде всего я должна васъ поблагодарить....

Полковникъ. Благодарить меня? За что-же?

Маргарита. Съ вашей стороны было очень любезно, что вы согласились на просьбы папеньки и остались у насъ погостить....

Полковникъ. О, тутъ вся выгода на моей сторонѣ.... Я, напротивъ, не знаю, какъ благодарить васъ за ваше радушіе.

Маргарита. Вы должны были сжалиться надъ нашимъ одиночествомъ.

Полковникъ. Оно показалось мнѣ довольно оживлено и разнообразно.

Маргарита. Да, сегодня.... но завтра баронесса и маркиза уѣзжаютъ онъ насъ.

Полковникъ. Неужели?

Маргарита (*взглянувъ на обѣ двери*). Я очень сожалѣю, что вы не долго видѣлись съ ними.... онѣ обѣ очень любезны.... Вѣдь вы, кажется, давно съ ними знакомы? Которую изъ двухъ вы предпочитаете?

Полковникъ. Я никому изъ нихъ не отдаю предпочтенія и прежде никогда ихъ не сравнивалъ; но съ-тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ васъ....

Маргарита. О, пожалуйста, безъ комплиментовъ.... Военные люди всегда открыто дѣйствуютъ.

Полковникъ. Вы ужъ кончили вашъ рисунокъ?...

Маргарита. Я его не начинала.... видите — ни одной черты.... я теперь не могу рисовать.... я слишкомъ взволнована.... Вы, полковникъ, вѣрно думали, что я не узнала васъ....

Полковникъ. Что вы хотите сказать?

Маргарита. Я хочу сказать, что я вамъ обязана жизнью.... Вы въ Руанѣ были моимъ избавителемъ; въ то несчастное время, страхъ лишилъ меня памяти, но повѣрьте, что у сердца есть своя память.... Она ждала только случая и теперь пробудилась. Не спрашивайте меня, узнала-ли я васъ сама или Робертъ ввѣрилъ мнѣ вашу тайну; это дѣло постороннее.... Мы здѣсь одни, но я и при свидѣтеляхъ готова высказать вамъ мою благодарность. — Вы молчите, вы избѣгаете этой благодарности, но я не могла ее долѣе скрывать.... она была для меня слишкомъ тягостна и мучительна. (*Вздыхая.*) Вотъ, теперь я облегчила мою душу, теперь стану спокойно рисовать и мы можемъ продолжать нашъ прежній разговоръ.... На чѣмъ, бишь, мы остановились?

Полковникъ. О, послѣ того, что вы мнѣ сказали, я готовъ

забыть все на свѣтѣ. Мое сердце переполнено чистымъ, новымъ наслажденіемъ!

Маргарита. Такъ неужели мы оба съ вами будемъ молчать... Ну, такъ и быть, я вамъ помогу.... У насъ, кажется, рѣчь зашла объ баронессѣ и маркизѣ.... Судя по ихъ отзывамъ, можно было принять васъ за свѣтскаго героя.

Полковникъ. Я не смѣю оправдывать себя.... можетъ быть, я точно былъ героемъ ихъ романа, но этотъ романъ очень стараго изданія, въ немъ только одна молодость играла главную роль.... Когда же время и разсудокъ разочаруютъ воображеніе, тогда сердце жаждетъ любви чистой, чуждой свѣтскихъ условій. Я чувствую, что судьба послала мнѣ моего генія.... Маргарита! простите меня.... я не могу долѣе скрываться.... Скажите мнѣ откровенно: если вы оскорбляетесь моей любовью, тогда....

Маргарита. Я оскорбляюсь?... я!... Развѣ я гляжу на васъ никогда такъ сердито?

Полковникъ. Ахъ! я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Но что я дѣлаю! я увлекся моею страстію и забываю, что вашъ батюшка на это не согласится.

Маргарита. Не согласится? Почему?

Полковникъ. Вы богаты, а у меня, кромѣ шпаги, ничего нѣтъ.

Маргарита. Но эта шпага спасла мнѣ жизнь, а я надѣюсь, что моя жизнь для батюшки дороже всего его богатства.

Полковникъ. Но онъ можетъ подумать, что я пріѣхалъ сюда искать награды за свою услугу—и какой награды? Васъ, Маргарита, васъ! Нѣтъ, нѣтъ.... Честь моя запрещаетъ мнѣ просить ее и я принужденъ оставить васъ.... уѣхать....

Маргарита. Оставить.... уѣхать....

Полковникъ. Да, оставить навсегда! я не рѣшусь просить вашей руки...

Маргарита. Точно, точно, вы правы.... *вы*, вы не должны просить моей руки.... Но вотъ и папенька

—

IX.

ТѢЖЕ и ГИБЕРЪ.

Гиберъ. А! меня не обманули!

Маргарита. Кто это, и въ чемъ?

Гиберъ. Мнѣ сказали дамы, что ты два часа разговариваешь съ полковникомъ.

Маргарита. Два часа? Какъ у нихъ скоро время идетъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы пришли къ намъ во время.... Сказали-

ли онѣ вамъ также, что мое предчувствіе меня не обмануло: что вы видите передъ собою моего избавителя?

Гиберъ. Возможно-ли? Какъ, полковникъ, такъ это вы?

Полковникъ. Случай помогъ мнѣ.

Маргарита. Да, батюшка, г-нъ де Мелькуръ тотъ самый офицеръ, который съ опасностію своей жизни спасъ вашу дочь отъ вѣрной смерти.... Я надѣюсь, что одного этого достаточно, чтобы уничтожить ваше предубѣжденіе противъ военныхъ людей.... и что вы протянете ему руку, въ знакъ уваженія и благодарности!

Гиберъ. О, разумѣется! двѣ, вмѣсто одной!

Маргарита. Объ другой мы послѣ поговоримъ.... А что-же вамъ еще сказали наши услужливыя пріятельницы?

Гиберъ. Нечего грѣха таить, полковникъ, онѣ обѣ васъ не очень жалуютъ. Вѣроятно, за вами есть какія-нибудь недоимки; но что было, то прошло, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.... будемъ-же лучше прямо глядѣть на вещи. Да, наши барыни очень разсердились; тебя называютъ притворщицей, а меня....

Маркиза. Какъ, и васъ тоже.... батюшка?

Гиберъ. Меня безъ церемоніи баронесса назвала слѣпымъ, легковѣрнымъ отцомъ, которыхъ обыкновенно выводятъ и проводятъ въ старинныхъ комедіяхъ.... Это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Маргарита. Она сама очень хорошая актриса; но знаете-ли вы, папенька, что окончаніе нашей комедіи будетъ совершенно въ новомъ родѣ....

Гиберъ. Какъ-же это?

Маргарита. Въ старинныхъ комедіяхъ обыкнововенно женихи приходятъ просить руку молодой дѣвушки.

Гиберъ. Ну, разумѣется.... Такъ всегда водится.

Маргарита. А у насъ будетъ иначе.... Что, если молодая дѣвушка сама будетъ васъ просить объ своей свадьбѣ?...

Гиберъ. Сама! о! это небывальщица! это не принято ни въ свѣтѣ, ни на сценѣ.

Маргарита. Что-жъ дѣлать, если женихъ, повинуясь чувству благородной гордости, не смѣетъ рѣшиться первый приступить къ объясненію, неужели-же изъ одного свѣтскаго приличія, она должна отказаться отъ своего счастія? Нѣтъ, нѣтъ, рѣшено, батюшка! Я прошу у васъ его руки!

Полковникъ. О, Маргирита!

Гиберъ. Ну, послѣ этого мнѣ ужъ нечего дѣлать! Прошу покорно съ нею совладать!... Это просто порохъ.... огонь! Не даромъ-же она и полюбила артиллериста.... Такъ и быть.... Развязка, хоть въ новомъ родѣ, а я вамъ скажу по старому: обнимите меня и будьте счастливы!

Маргарита (*обнимая его*). Батюшка! милый батюшка!

Полковникъ (*тоже*). Господинъ Гиберъ!

Гиберъ (*сквозь слезы*). Не увозите только ее отъ меня.... дайте мнѣ домыкать мою жизнь вмѣстѣ съ вами.

Оба. О, мы никогда съ вами не разстанемся!

—

X.

ТѢ ЖЕ, МАРКИЗА, БАРОНЕССА И ДОКТОРЪ.

Гиберъ. Пожалуйте сюда, баронесса, пожалуйте, честь имѣю вамъ представить моего зятя.

Баронесса. Я знала напередъ, что этимъ кончится.

Маркиза. Иначе и быть не могло!

Баронесса. Маргарита, примите мое поздравленіе.

Маркиза. И мое тоже.

Докторъ (*тихо Гиберу*). Какъ ты думаешь, не посвататься-ли мнѣ опять, на которой нибудь изъ нихъ? — Вѣдь теперь онѣ, по старому, обѣ свободны.

Гиберъ. Ну и ты лучше оставайся на старомъ положеніи, чѣмъ снова затрудняться выборомъ.... Займись-ко, братъ, лучше своими больными.... Этакъ будетъ здоровѣе. Я надѣюсь, прекрасныя сосѣдки, что вы теперь не уѣдете отъ насъ и потанцуете на ея свадьбѣ.

Баронесса. Нѣтъ, мнѣ никакъ нельзя, мнѣ непремѣнно должно ѣхать въ Парижъ.

Маркиза. И мнѣ тоже.

Баронесса. Мы вмѣстѣ поѣдемъ, Розина!

Маркиза. Вмѣстѣ, милая Елена! вмѣстѣ!... всегда и вездѣ!

Баронесса (*подаетъ ей руку*). Всегда, всегда! Ну, господинъ Гиберъ, будете-ли вы теперь спорить противъ женской дружбы?

Гиберъ. О, сударыня! Мое мнѣніе теперь ничего не значитъ: спросите лучше другихъ, что они думаютъ объ «*Женской Дружбѣ.*»

Баронесса (*къ публикѣ*).

Хоть въ дружбу женскую нѣтъ вѣры у людей,
Но если разберемъ мы строго,
То, право, *искреннихъ* друзей
И у мужчинъ не слишкомъ много!
Я осуждать мущинъ не смѣю въ этотъ разъ,
Напротивъ, ихъ суду здѣсь надо покориться:
И мы съ подругою покорно просимъ васъ
За нашу *дружбу* заступиться.

=

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИВИДѢНІЕ.

Романъ М. Мери.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ЛАВИНІЯ.

Въ 1835 году, Альбинъ де-Сервіанъ имѣлъ возрастъ своего вѣка, не имѣя его правовъ. Это былъ человѣкъ первоначальныхъ обычаевъ; всѣ хвалили его скромность, воздержность, откровенность и въ особенности его патріархальную честность.

Отецъ его, графъ Годефруа де-Сервіанъ, французскій эмигрантъ, путешествовалъ по Ирландіи въ 1793 году. Онъ вскорѣ забылъ свои несчастія и бѣдствія своего отечества. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ при Маренго, графъ де-Сервіанъ отчаялся въ возвращеніи Бурбоновъ, и рѣшился жениться.

Жена его искупала благородствомъ души недостатокъ происхожденія; она была дочь простаго земледѣльца въ графствѣ Керри, который, не понявъ своего счастія, бросилъ свое ремесло. Неравенство брака исчезало для французскаго дворянина при видѣ 40,000 фунтовъ стерлинговъ приданаго.

Графъ де-Сервіанъ, распростясь навсегда съ Франціею, прожилъ 18-ть лѣтъ въ Дублинѣ, уважаемый народомъ и дворянствомъ. Жена пережила его нѣсколькими годами. «*Женщина рѣдкой добродѣтели, геній доброты и скромности!*» такъ гласитъ эпитафія ея на дублинскомъ кладбищѣ и, странное дѣло, эпитафія не лжетъ!

Возвратимся къ 1835 году, къ эпохѣ, съ которой начинается нашъ простой разсказъ.

Въ это время процвѣталъ въ Дублинѣ молодой шотландецъ тридцати лѣтъ, по имени, какъ слѣдуетъ, Макдугалъ. Не имѣя состоянія, но происходя отъ древняго рода, онъ жаждалъ денегъ; завѣтный мечъ его предковъ (claymore) не могъ дать ему ничего, кромѣ ржаваго желѣза, и гордый Шотландецъ спустился съ горъ, чтобы стать въ уровень съ своимъ вѣкомъ. Макдугалъ, хитрый, какъ и всѣ горцы, захотѣлъ удвоить свою природную проницательность изученіемъ человѣческаго сердца по Аддисону и Вальтеръ-Скотту. Съ этимъ двойнымъ запасомъ опытности, вооруженный для нападенія, всегда готовый къ защитѣ, онъ не боялся коварства мужчинъ и соблазна женщинъ; онъ летѣлъ къ счастію по желѣзной дорогѣ.

Еще одинъ переѣздъ изъ Кингстоуна въ Новый Орлеанъ и Макдугалъ дѣлался первымъ богачемъ Дублина.

Юный шотландецъ выводилъ свое происхожденіе отъ самаго Робъ Роя. Конечно, думалъ онъ, два или три начальника обѣднѣвшихъ кланова оплакиваютъ мое униженіе, но когда я сдѣлаюсь милліономъ, то и они сдадутся; они посовѣстятся выводить мое происхожденіе только отъ Робъ Роя и поставятъ колыбель моихъ предковъ десятью этажами выше, въ самые туманы Оссіана.

Понятно, что нѣкоторое сходство происхожденія и состоянія съ первой встрѣчи тѣсно связало потомка Робъ-Роя съ сыномъ парижскаго дворянина, измѣнившаго обычаямъ своего сословія. Макдугалъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дружескихъ сношеній, благодаря своему знанію человѣческаго сердца, изучилъ въ подробности всѣ добрыя свойства Альбина де Сервіана и, при случаѣ, употреблялъ ихъ въ свою пользу. Сервіанъ зналъ всѣ тайны молодаго шотландца, кромѣ одной. Онъ не зналъ, что Макдугалъ, для развлеченія отъ коммерческихъ занятій, каждый вечеръ тайно отправлялся въ королевскій театръ съ поклономъ къ одной юной актрисѣ, восхищавшей весь Дублинъ, миссъ Корѣ, первой пѣвицѣ, которая говорила очень хорошо, но пѣла ужасно дурно. Зала трещала отъ рукоплесканій, когда любимая пѣвица сбиралась пѣть арію «Фра-Діаволо.»

«Look on this hill.»

Оберъ, знаменитый отецъ этой музыки, не узналъ-бы своей дочери въ устахъ миссъ Коры. Но юный Макдугалъ, не слыхавшій дотолѣ ничего, кромѣ хриплыхъ голосовъ бардовъ Оссіа-

ва, восхищался до крайности фальшивыми нотами первой дублинской пѣвицы.

Кромѣ этой прихоти, Макдугалъ имѣлъ страстишку, которая, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, казалось, должна была обратиться въ пламенную страсть. Въ то время много говорили о молодой вдовѣ, извѣстной подъ именемъ мистриссъ Лавиніи. Въ Дублинѣ ее ставили въ образецъ всѣмъ вдовамъ. Мистриссъ Лавинія объявляла, что ей двадцать шесть лѣтъ, утаивая только два года изъ метрическаго свидѣтельства; она имѣла стройную талію, лицо амурчика, переодѣтаго въ женское платье, испанскую ножку, волосы черные, какъ смоль, глаза цвѣта дублинской бухты въ тихую погоду; всѣ эти качества были оживлены природною прелестью движеній, которую всѣ красавицы міра невольно перенимаютъ отъ одного и того-же учителя — кокетства.

Лавинія каждый день посѣщала гробницу своего супруга; тамъ она набожно молилась и, исполнивъ эту обязанность, оставляла жилище мертвыхъ, принимая при выходѣ снова свѣтскую улыбку, оставленную ею при входѣ.

По ошибкѣ древняго міра, вдовство сдѣлалось однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній въ свѣтѣ. Вотъ еще парадоксъ. Древній міръ, кромѣ глупостей, ничего не сдѣлалъ; мы извиняемъ его потому, что онъ въ свое время былъ молодъ и неопытенъ. Древній міръ имѣлъ прекрасный случай сдѣлать вдовство сноснымъ для человѣка; но вмѣсто того, что онъ сдѣлалъ? онъ придумалъ какую то вдову Артемизу, которая, не довольствуясь тѣмъ, что построила своему мужу, королю Мавзолу, гробницу въ 50 милліоновъ на наши деньги, что уже было неподражаемо; сверхъ того приняла за правило, каждое утро глотать по столовой ложкѣ мужнина праха. Поставивъ вдовство на такую степень, древній міръ лишилъ бодрости всѣхъ будущихъ вдовъ. Никакая вдова не рѣшится соперничать съ Артимезою. Вдовы, которыя рѣшились-бы построить гробницу въ пятьдесятъ милліоновъ, невольно пугаются каждодневной порціи пепла; впрочемъ, чтобы глотать мужнинъ пепелъ, нужно сжечь мужа, а костры запрещены наистрожайше полиціею. Что же дѣлаютъ вдовы? Съ окончаніемъ траура, онѣ вступаютъ во второй бракъ. Вся вина лежитъ на Артемизѣ. Слѣдовало придумать другую Артемизу, которая бы построила недорогую кирпичную гробницу, оставила супружескій пепелъ въ урнѣ, одѣвалась въ траурное платье и до самой смерти носила имя своего мужа. Такая простота не лишила бы никого бодрости и возможность подражанія привязала-

бы вдовъ къ памяти покойныхъ мужей. Конечно, когда женщина исполняетъ тяжкую обязанность, то лучшую награду находитъ въ самой себѣ; однако шумъ людскаго одобренія невольно ласкаетъ ея слухъ. Въ наше же время, чтобы, исполняя свои обязанности, въ тоже время заставить людей удивляться, должно построить два мавзолея и глотать по двѣ ложки пепла. Гораздо легче снова выдти замужъ по прошествіи опредѣленнаго срока. Послѣ всего сказаннаго, мнѣ уже не такъ трудно объявить читателямъ, что Макдугалъ вступаетъ въ бракъ съ Лавиніею.

Однажды, возвращаясь съ обычной прогулки на кладбище, ирландская красавица встрѣтила, предъ Фениксъ-паркомъ, великолѣпный экипажъ съ двумя неграми и напудреннымъ кучеромъ. Въ народѣ слышалось: Вотъ новый экипажъ богача Макдугала.

Эти простыя слова поразили неутѣшную вдову. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она принимала почтительные визиты Макдугала и всякій разъ, какъ онъ начиналъ слегка заговаривать о женитьбѣ, искусно сводила разговоръ на какой нибудь другой предметъ.

Встрѣча у Фениксъ-парка измѣнила мысли Лавиніи и очеловѣчила ея горе. Какъ пріятно для молодой женщины, — подумала она, выдти изъ кареты прямо на крыльцо великолѣпнаго дома въ Саквальстритѣ, опираясь на двухъ негровъ.

Мы легко извиняемъ слабость мистриссъ Лавиніи.

Въ тотъ-же день, когда Макдугалъ медленно произнесъ сладкозвучное слово: женитьба, Лавинія вспомнила о парѣ Сенегальскихъ грумовъ и, опустивъ томные взоры на прозрачный платочикъ, прикрывавшій волнующуюся грудь, ничего не отвѣтила.

Молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть самый пріятный отвѣтъ.

Ненавидя подробности и утомительные переходы, я прямо начинаю разсказъ. Предисловіе мое и безъ того невыносимо длинно. И такъ свадьба была рѣшена.

Макдугалу оставалось совершить послѣднее путешествіе въ Новый Орлеанъ для операціи по части контрабанды. Александръ Великій изобрѣлъ контрабанду. Онъ вывезъ изъ Индіи въ Вавилонъ, не платя пошлинъ, огромное количество кашемировыхъ и индійскихъ матерій; между-тѣмъ Александра называютъ баснословнымъ полубогомъ — въ риторикѣ. Макдугалъ переводилъ Квинта-Курція въ Эдинбургскомъ Университетѣ, и всегда помнилъ слова своего профессора: «Oh! young men follow the steps of Alexander!» (Юноши, слѣдуйте примѣру Александра!) Послушный Макдугалъ шелъ по слѣдамъ героя.

Передъ отъѣздомъ въ Кингстоунъ, Макдугалъ робко предложилъ мистриссъ Лавиніи совершить обрядъ обрученія по шотландскому обычаю. Тогда нѣжный голосокъ зазвучалъ съ розовыхъ губокъ. «Макдугалъ, обрученіе приноситъ несчастіе; со временъ Лучіи Ламмермуръ никто не обручается, кто обрученъ, тотъ вѣрно не женится.»

— Восхитительно, — воскликнулъ счастливый Макдугалъ, когда душа сочувствуетъ, тогда не нужно обрученья. Вы правы.... Когда кончается вашъ трауръ?

— 24-го этого мѣсяца, въ половинѣ седьмаго утра.

— И такъ, по возвращеніи изъ Новаго Орлеана я найду васъ въ веселомъ праздничномъ нарядѣ?

— Я жду изъ Лондона два бѣлыя муслиновыя прелестныя платья, я ихъ ужъ заказала.

Послѣ почтительно-нѣжнаго прощанія, Макдугалъ оставилъ Лавинію и отправился въ гавань, гдѣ его ожидалъ степенный пріятель его, Альбинъ де-Сервіанъ.

— Небольшое путешесткіе, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, сказалъ Макдугалъ Альбину; пріѣду, продамъ, куплю и вернусь. — Лавинія восхитительна. Сколько скромности, невинности и прелестей. Если-бы я не зналъ лично покойнаго ея мужа, я не повѣрилъ бы, что она вдова. Рѣчь и обращеніе ея были какъ у пансіонерки. Любезный Альбинъ, я сказалъ ей, что ты посѣтишь ее; она приметъ тебя, какъ брата, во всякое время дня и вечера. Лавинія степеннаго характера, а ты ищешь такого общества; ты долженъ будешь говорить съ нею о серьозныхъ вещахъ, занимать ее ученымъ чтеніемъ. На тебѣ будетъ лежать высокая обязанность. Два мѣсяца, вѣдь это не долго.... Альбинъ, хорошо ли ты разслушалъ мои слова?

— И хорошо понялъ, — отвѣтилъ Альбинъ обычнымъ, спокойно-важнымъ тономъ. Я принимаю эту пріятную для меня обязанность. Дружба нерѣдко помогаетъ любви. Счастливо избѣгнувъ бури страстей, я, вопреки своему характеру, сдѣлался снисходительнымъ къ страстямъ другихъ. Я хочу дѣлиться съ друзьями горемъ, но не радостью; это мое единственное наслажденіе. Да, въ нашъ развратный и чувственный вѣкъ счастливъ тотъ, кто можетъ, не хвастаясь, сказать: «Если я не лучше другихъ, то по крайней-мѣрѣ, я не похожъ на другихъ.— Прощай, Макдугалъ; ты можешь ѣхать спокойно; душа твоего друга вездѣ будетъ слѣдовать за тобою. Женщина, которую ты избралъ себѣ въ подруги, молода и простодушна; эти качества бываютъ опасны. Ты не можешь оставить сй на время своего отсутствія хранц-

теля; ты оставляешь ей своего друга и я надѣюсь, что ты не раскаешься. Прощай, Макдугалъ.»

Альбинъ де-Сервіанъ говорилъ съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ. Лицо, взглядъ, голосъ, все дышало чистосердечіемъ и убѣжденіемъ; спокойное обращеніе его имѣло въ себѣ что-то торжественное; казалось, мать прощалась съ возлюбленнымъ сыномъ. Въ горестную минуту разлуки Макдугалу утѣшительно было подумать, что онъ поручаетъ любимую женщину другу, человѣку зрѣлаго возраста, степеннаго, даже суроваго характера, небрежнаго въ обращеніи и одеждѣ.

Послѣднія слова Макдугала при разставаніи были: — Альбинъ, не забудь, что я тебѣ говорилъ о памятникѣ.

Альбинъ утвердительно кивнулъ головою и закрылъ глаза рукой, чтобы скрыть свои слезы.

Но что же значили послѣднія слова Макдугала? Дублинскій ваятель, дѣлавшій памятникъ, въ забывчивости прибавилъ къ обычному списку добродѣтелей мужа Лавиніи, давно извѣстный припѣвъ: «*Неутѣшная вдова поставила ему этотъ памятникъ*».

Передъ отъѣздомъ Макдугала, простодушная Лавинія, нерѣдко, склоняя чело и улыбаясь сквозь слезы, говорила Макдугалу, что конецъ эпитафіи приводитъ ее въ смущеніе и что это послужитъ ей урокомъ на слѣдующій разъ. Макдугалъ, слишкомъ влюбленный, чтобы остановиться на этомъ наивномъ и опасномъ разсужденіи, заботился только объ уничтоженіи щекотливаго слова, тревожившаго совѣсть его будущей супруги. Альбинъ де-Сервіанъ, никогда не измѣнявшій своему характеру ни въ словахъ, ни на дѣлѣ, исполнялъ свои обѣщанія съ точностью, дѣлавшею изъ дружбы вторую совѣсть. Онъ, не теряя времени, тотчасъ отправился на кладбище, на которомъ покоился мужъ Лавиніи и рѣшился исполнить желаніе своего друга. «Увы!» воскликнулъ Альбинъ, скрестивъ руки и меланхолически покачивая головою,— вотъ вѣрное изображеніе безразсудства людей! Да, обѣщайте вѣчно плакать, легкомысленныя женщины! настанетъ день, когда мраморъ, холодный, какъ ваше сердце, уличитъ васъ. Въ очахъ нашихъ мало слезъ, и никто не дастъ намъ ихъ, когда резервуаръ истощенъ. Тогда приходится смѣяться, а эпитафія плачетъ за насъ!

Впрочемъ, памятникъ мужа Лавиніи отличался простотою; это была длинная мраморная плита, горизонтально положенная на дерновомъ возвышеніи; на доскѣ выписаны были, надгробнымъ слогомъ, всѣ добродѣтели, которыхъ покойный не имѣлъ.

Альбинъ де-Сервіанъ отправился къ ваятелю, выбралъ велико-

лѣпный памятникъ, приготовленный на всякій случай, и заплатилъ за него, что просили. На самой широкой сторонѣ приказалъ онъ вырѣзать имя и добродѣтели покойнаго между двумя изображеніями плачущихъ женщинъ съ распущенными волосами, въ рамкѣ изъ выпуклыхъ арабесокъ.

На другое утро, предъ восходомъ солнца, мужъ Лавиніи уже покоился подъ великолѣпнѣйшимъ саркофагомъ Дублина. Сервіанъ присутствовалъ при работѣ каменьщиковъ и его угрюмое лицо омрачилось печалью, когда работники заговорили между собою: «Вотъ добрая женщина и примѣрная вдова! Мы всѣ знаемъ, что мистриссъ Лавинія хороша лицомъ и душой. Бѣдная женщина! когда ея мужъ умеръ, она была такъ бѣдна, что за поставку перваго памятника не могла заплатить намъ болѣе трехъ шиллинговъ на брата; съ тѣхъ поръ она жила скромно, продала даже свое вѣнчальное кольцо, чтобы заказать этотъ памятникъ. Счастливы тѣ мужья, которые оставляютъ такихъ вдовъ!

Отдавъ послѣднія приказанія, Сервіанъ оставилъ кладбище и сталъ прогуливаться по Стефенскому мосту, размышляя о слабостяхъ человѣческой природы. Онъ принадлежалъ къ сектѣ лакистовъ. Въ эпоху нашего разсказа, путешествующіе безпрестанно встрѣчали на большихъ дорогахъ пилигримовъ, погруженныхъ въ глубокія размышленія, съ пахмурнымъ лицомъ, это были почтенные лакисты, кочующіе философы, которые отправлялись на пятилѣтній митингъ (meeting) въ графствѣ Керри, отечествѣ озеръ. Лакистъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, живетъ уединеннымъ философомъ; по прошествіи этой эпохи онъ дѣлается членомъ странствующей братіи и отправляется размышлять съ своими сочленами на гранитныхъ скалахъ озера Килларнея.

На тротуарѣ Стефенскаго моста Сервіанъ встрѣтилъ одного пріятеля-лакиста, по имени Люка О'Фаррела, отправлявшагося на Килларнейскій митингъ. — Послѣ обычнаго пожатія рукъ, они, не останавливаясь, на-скоро завели разговоръ, потому-что странствующій лакистъ далъ обѣтъ не останавливаться иначе, какъ на берегу озера — онъ ненавидитъ мосты, потому-что мосты бываютъ только на рѣкахъ, а не на озерахъ.

— Приготовились-ли вы къ путешествію? — спросилъ Люкъ.

— Я сбираюсь, — отвѣтилъ Сервіанъ, — и надѣюсь пріѣхать вскорѣ послѣ васъ.

— Насъ будетъ много въ этомъ году, сказалъ Люкъ, — мы будемъ вопрошать большое озеро, и можетъ-быть мы похитимъ тайну у природы. — Озеро заговоритъ.

Люкъ О'Фаррель, опасаясь опоздать къ митингу, холодно по-

клонился своему пріятелю, и продолжалъ свое путешествіе къ Верхнимъ Озерамъ, бросивъ послѣдній презрительный взглядъ на мостъ.

Альбинъ де-Сервіанъ долго провожалъ его глазами, съ чувствомъ почтительнаго удивленія, и, приказавъ своему слугѣ приготовить все нужное для путешествія къ озеру Килларней, направилъ свои шаги къ скромному жилищу Лавиніи, чтобы исполнить свои обязанности касательно будущей супруги своего пріятеля.

—

II.

СОНЪ.

Убранство залы мистриссъ Лавиніи было явнымъ свидѣтельствомъ ея добрыхъ качествъ. — Каждая изъ четырехъ стѣнъ ожидала чего-нибудь необходимаго ; но когда молодая женщина входила въ эту скромную залу, всякій невольно забывалъ недостатки комнаты, чтобы любоваться хозяйкою; тогда стѣны сверкали золотомъ и лазурью, какъ въ будуарѣ дворца Серра.

Впрочемъ, разсудительный Альбинъ никогда не заглядывался на роскошную мебель; онъ не занимался подобными пустяками. Онъ разговаривалъ съ Лавиніею, и взоры его, пристально устремленные на поясъ молодой вдовы, рѣдко поднимались на лицо ея. — Во Франціи сказали-бы : онъ трапистъ; въ Ирландіи : онъ квакеръ.

— И васъ дѣйствительно забавляютъ эти путешествія къ озеру Килларней ? спросила Лавинія, скрестивъ руки и ребяческимъ взмахомъ головы откинувъ назадъ свои длинныя кудри.

— Я обязанъ совершить это путешествіе; въ нашъ чувственный вѣкъ всякій заботится только о своемъ тѣлѣ.

— Въ ваши лѣта, Сервіанъ, вы разсуждаете, какъ старикъ. Это грустно !

— Старость начинается съ колыбели, сударыня. Колыбель часто бываетъ могилою.

— Вы всегда говорите въ такомъ мрачномъ духѣ, Сервіанъ ?

— Я говорю то, что чувствую. Слова всегда должны быть вѣрнымъ отголоскомъ сердца.

— Я надѣюсь, господинъ Сервіанъ, что вы будете посѣщать меня по возвращеніи вашемъ съ береговъ озера Килларнея ?

— Каждый день, сударыня. — Я обѣщалъ это вашему будущему мужу. Общество, въ которомъ мы живемъ, наполнено обманами, лукавствомъ и ничтожествомъ; всѣ эти пороки прикрыты

личинами и именами, иногда даже пышными титулами; однако васъ я могу поздравить съ счастливымъ выборомъ. Макдугалъ честный малый и, если счастіе не химера, придуманная людьми, удрученными горемъ, то вы будете счастливы.

— Я тоже думаю, Сервіанъ; иначе я осталась бы вдовою.

— Извините мою нескромность, были-ли вы счастливы съ первымъ мужемъ?

— О! мы такъ мало жили вмѣстѣ, что я не имѣла времени быть счастливою или несчастною. Мой мужъ въ продолженіе шести лѣтъ три раза ѣздилъ въ Индію. Я поклялась не выходить въ другой разъ замужъ.

— Вы дали торжественную клятву?

— О нѣтъ.... знаете.... въ минуту грусти женщины часто такъ говорятъ. — Однажды утромъ.... я убирала волосы передъ зеркаломъ.... на дворѣ шелъ дождь.... это было въ октябрѣ; я три раза звонила свою горничную.... со мной сдѣлался первическій припадокъ и я стала кричать, какъ помѣшанная: Нѣтъ, я болѣе не выйду замужъ! Вы видите, что это не имѣло никакого значенія.

— Конечно, вы этимъ ни къ чему не обязались; это былъ минутный порывъ негодованія на пустоту человѣческой жизни.... Я полагалъ, что вы дали обѣщаніе вашему покойному супругу....

— Не вѣрьте; тотъ, кто вамъ это сказалъ, жестоко обманулъ васъ, сказала молодая вдова съ какою то странною живостью, противорѣчившею ея обычному спокойствію.

— Да никто мнѣ этого и не говорилъ.

— Я ничего не обѣщала моему мужу. — Впрочемъ, такъ какъ мы уже заговорили объ этомъ, я попрошу васъ выслушать меня до конца.... вы человѣкъ разсудительный, — вы можете рѣшить вопросъ. — Я должна все высказать; таковъ мой характеръ: я ничего не могу скрывать. Ахъ! какое воспоминаніе!... Мой мужъ лежалъ на смертномъ одрѣ; я стояла возлѣ его постели.— Онъ сказалъ мнѣ: — «Лавинія, другъ мой, обѣщай мнѣ, что ты никогда не выйдешь замужъ». — Не знаю, что-бы я ему отвѣтила, знаю только, что я ничего не сказала. — Въ эту минуту родственники силою увели меня въ сосѣднюю комнату, и я болѣе не видала мужа въ этотъ день. — Въ ночь онъ скончался.

— Можетъ-быть, вы дали бы ему обѣщаніе....

— Не спорю, но я ничего не сказала.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Развѣ женщина можетъ забыть такія вещи?

— Однако, сударыня, извините, что я навелъ разговоръ на

такое грустное воспоминаніе.... Я знаю, что вы любите серьозное и ученое чтеніе, и я нарочно для васъ принесъ «*Belfast Review*,» въ которомъ напечатана чрезвычайно занимательная статья.— Позвольте прочесть ее вамъ?

— Почему же нѣтъ? если это васъ хоть сколько нибудь занимаетъ, то, прошу васъ, прочтите....

— Это статья знаменитаго Фуллертона.... Вамъ извѣстны сочиненія Фуллертона? —

— Читайте только, Сервіанъ.... О чемъ-же говоритъ знаменитый Фуллертонъ въ этой статьѣ?

— Фуллертонъ, какъ вамъ извѣстно, сударыня, занимается рѣшеніемъ вопросовъ высшей метафизики. Послѣдняя статья его называется: «*Отправленія души во время сна.*»

— Кстати, Сервіанъ, я нынѣшнюю ночь видѣла сонъ, — сказала хорошенькая вдова, розовыми пальчиками отведя волосы со лба, какъ-бы для облегченія памяти.

— Мы посредствомъ сна доходимъ до истины, это мнѣніе Фуллертона... И такъ, я начинаю.... *Отправленія души....*

— Вы не хотите выслушать мой сонъ?

— Съ удовольствіемъ.... въ теоріяхъ Фуллертона мы, можетъ быть, найдемъ болѣе положительныя понятія.... Впрочемъ, позвольте, я васъ слушаю.

— Мнѣ снилось, что я выхожу замужъ за Макдугала; онъ казался старымъ, низенькаго роста, однимъ словомъ, вовсе не походилъ на будущаго моего супруга.

— Вы знаете, что во снѣ знакомыя лица часто принимаютъ совершенно другой видъ. Это тайны души! скрытый отъ насъ механизмъ! Фуллертонъ прекрасно опредѣлилъ....

— Пожалуйста, не прерывайте меня, Сервіанъ. Да посмотрите-же мнѣ въ лицо! развѣ вы боитесь меня? вы такъ пристально разглядываете кончикъ своего башмака!

— Сударыня, всякое внѣшнее впечатлѣніе развлекаетъ насъ; человѣкъ долженъ постоянно наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ немъ самомъ, онъ долженъ постоянно бесѣдовать съ самимъ собою. Съ каждою минутою великія тайны пролетаютъ въ вихрѣ нашихъ мыслей; человѣкъ всегда долженъ слѣдить за своими мыслями, чтобы ловить на лету глубокія истины, скрытыя въ самыхъ темныхъ тайникахъ его сердца.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна, Сервіанъ, что вы наконецъ окончили эту фразу.... неужели и будущій мужъ мой, Макдугалъ, говоритъ въ томъ же духѣ! да этого довольно, чтобы развестись чрезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы.

— Вашъ супругъ еще не постигъ и не принялъ теорій Фуллертона.

— А! тѣмъ лучше.

— Онъ принадлежитъ къ сектѣ Макбрака.

— Сервіанъ, мнѣ кажется, что мужъ до свадьбы долженъ признаться будущей женѣ во всѣхъ своихъ недостаткахъ. — За чѣмъ Макдугалъ не сказалъ мнѣ, что онъ принадлежитъ къ этой сектѣ?

— Развѣ вамъ пріятнѣе было-бы, если-бы онъ принадлежалъ къ фанатической сектѣ О'Брина.

— Я бы желала, чтобы онъ принадлежалъ къ сектѣ той женщины, на которой женится.

— Знаете-ли вы, что О'Бринъ отвергаетъ вліяніе души на механизмъ сновидѣній?

— Какое мнѣ до этого дѣло?

— Какъ, помилуйте! Да онъ основываетъ свои доказательства на снѣ охотничьихъ собакъ, которыя лаятъ во снѣ. О'Бринъ провозглашаетъ торжество матеріи.

— Однако, я вамъ все еще не разсказала своего сна.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! простите мнѣ, это маленькое отступленіе. Теперь я буду слушать вашъ разсказъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Мнѣ снилось, что я выхожу замужъ за Макдугала, который не походилъ на самого себя, точно какъ въ портретахъ шотландскихъ живописцевъ. — Я танцовала на моемъ свадебномъ балѣ, въ красивомъ домикѣ у Фенпксъ-Парка, который, какъ вамъ извѣстно, мой будущій мужъ приказалъ отдѣлать для меня.

— Великолѣпный домъ, я вчера осматривалъ его.

— Вы никогда не видѣли бала во снѣ, Сервіанъ?

— Ни во снѣ, ни въ дѣйствительности; благоразумные люди пренебрегаютъ подобными удовольствіями.

— Тѣмъ хуже для васъ — знайте, что мой балъ былъ восхитителенъ; вице-королю никогда не удастся дать подобнаго бала. Въ первую галлерею вела лѣстница съ хрустальными перилами, вся въ цвѣтахъ; по ней поднимались въ галлерею всѣ ирландскія красавицы съ босыми ногами и съ брилліантовыми діадимами на головѣ. Всѣ эти женщины быстро носились мимо меня, улыбались, и цѣловали меня въ лобъ. Въ залахъ не было ни люстръ, ни свѣчей, однако было свѣтлѣе, чѣмъ въ самый яркій солнечный день. Свѣтъ, казалось, выходилъ изъ широкихъ зеркалъ, которыми были украшены стѣны и въ которыхъ взоры

мои могли слѣдить до безконечности безпрерывно движущееся смѣшеніе миленькихъ головокъ, блестящихъ брилліантовыхъ уборовъ, прелестныхъ улыбокъ и роскошныхъ волосъ, перевитыхъ цвѣтами. Кто-то подошелъ ангажировать меня; — незнакомецъ поклонился, я могла видѣть только лобъ его, блѣдный, какъ полотно, покрытый маленькими клочками зеленаго моха. Когда онъ выпрямился, я узнала его и дрожь пробѣжала по всему тѣлу.— Это былъ мой мужъ!... покойникъ!... Я хочу встать съ кресла, чтобы итти за нимъ; не могу; я вся каменѣю, не могу пошевельнуться.— Надъ моимъ ухомъ раздается гробовой голосъ, смѣшанный съ дребежжаніемъ костей: «Лавинія, иди за мною.» Я напрягла всѣ свои силы и встала при шумномъ смѣхѣ танцующихъ. — Вмѣсто бальнаго платья на мнѣ были какія-то лохмотья, покрытые грязью, какъ на нищихъ, просящихъ милостыню предъ церковью Св. Патрика.

Въ ужасѣ я вскрикнула и съ этимъ крикомъ вдругъ проснулась; когда я открыла глаза, первые лучи восходящаго солнца играли на занавѣскахъ моей кровати: я еще болѣе испугалась; мнѣ казалось, что бѣлыя привидѣнія окружали мою кровать и, смѣясь, смотрѣли на мое пробужденіе.

Во все продолженіе разсказа Альбинъ не переставалъ смотрѣть на конецъ своего сапога, машинально перелистывая лежащую передъ нимъ книгу. Послѣ непродолжительнаго молчанія, Лавинія, сказала ему:

— Что-же скажете вы о моемъ снѣ?

— Этотъ сонъ, отвѣтилъ Сервіанъ, не перемѣняя направленія глазъ, — принадлежитъ къ разряду, названному Фуллертономъ «Сновидѣніями вслѣдствіе сильнаго умственнаго предрасположенія.»

— Прекрасно! такъ что-же слѣдуетъ изъ этаго предрасположенія?

— Ничего. Психологія обязана распредѣлять явленія по классамъ. Исполнивъ это, человѣкъ долженъ остановиться, и въ молчаніи уважать тайны природы.

— Однако, Сервіанъ, я не хочу молчать, и полагаю, что мой сонъ долженъ что нибудь значить.

— Вамъ позволено все думать,— но наука непоколебима, она не можетъ потворствовать никому, даже вамъ, сударыня.

— Наконецъ-то, Сервіанъ, вы сказали мнѣ что-то похожее на любезность,— кажется, вы не слишкомъ балуете женскій полъ.

— Я уважаю женщинъ, защищаю ихъ, даю имъ совѣты, но никогда не льщу имъ.

— Вамъ никогда не приходило на мысль жениться?

— Никогда. Я долго размышлялъ объ удобствахъ и неудобствахъ супружеской жизни и наконецъ убѣдился, что въ союзѣ двухъ существъ не можетъ быть продолжительнаго спокойствія. Мужчина вступаетъ въ союзъ съ физическою силою, съ жаждою власти, съ принятыми понятіями; женщина съ физическою слабостью, съ вѣтренностью, съ готовностью повиноваться, но съ ребяческими капризами. Эти противоположные элементы не могутъ составить нераздѣльнаго цѣлаго; съ перваго шага начинаются столкновенія, сильныя потрясенія, соперничество и наконецъ раздоры. Вотъ что дознано всѣми разсудительными людьми.

— По этому, Сервіанъ, положительные люди не женятся?

— Бывали подобные случаи, но тогда это дѣлалось съ благоразумнымъ намѣреніемъ, съ чистою философскою цѣлью.— Эти люди посвящали свою жизнь изученію брачной жизни, для пользы всего человѣчества. — Эти рѣдкіе люди, не устрашившіеся, предпріятія, пренебрегали бурями брачной жизни, только для того, чтобы указать ихъ свѣту. Такъ, неустрашимые мореходцы пускаются въ неизвѣстныя моря и съ опасностью жизни отыскиваютъ мели и подводные камни, чтобы указать ихъ тѣмъ, которые пойдутъ по ихъ слѣдамъ.— Великодушный человѣкъ для общаго блага посвящаетъ себя брачной жизни, какъ опытный кормчій, жертвующій своею жизнью для блага собратій.

— А вы, Сервіанъ, не имѣете охоты пожертвовать собою, подобно тѣмъ великодушнымъ людямъ?

— Я не чувствую къ тому призванія, я оставляю болѣе достойнымъ исполненіе этого великаго дѣла.

Альбинъ де-Сервіанъ говорилъ эти слова съ торжественною важностью жреца, и глаза его, постоянно закрытые или устремленные на кончикъ сапога, изрѣдка поднимались, вмѣсто неба, къ потолку.

—

III.

СТАТЬЯ ФУЛЛЕРТОНА.

Кокетство есть качество малоизвѣстное ирландскимъ красавицамъ. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, инстинктъ женщины невольно пробуждается; тогда самая скромная при первой попыткѣ дѣлаетъ огромные успѣхи въ своемъ природномъ искусствѣ. Конечно, наша молодая вдова, почти обрученная со вторымъ мужемъ, не имѣла никакого намѣренія прійскать ему со-

пернпка, даже почетнаго, въ лицѣ Альбина де-Сервіана; но въ груди ея невольно рождалось чувство досады, смѣшанной съ тоскою при видѣ молодаго человѣка, который въ продолженіе цѣлаго часа угощалъ ее скучными, напыщенными разсужденіями, какъ бы принимая ее за старуху или за урода. При послѣднихъ словахъ своего педанта-собесѣдника, она вскочила съ мѣста и кинула бѣглый взглядъ въ зеркало, какъ-бы желая убѣдиться, что красота ея нисколько не уменьшилась. Самодовольная улыбка, отразившаяся въ зеркалѣ, ясно доказала ей, что цвѣтъ ея лица по прежнему свѣжъ, глаза блестящи, зубы бѣлы. Ясно, что Альбинъ, самый холодный и безчувственный человѣкъ, потому что онъ не удостоилъ ее ни одного взгляда, ни одного слова.

Альбинъ де Сервіанъ не обращалъ никакого вниманія на невинное кокетство женщинъ. Когда хорошенькая вдова встала съ своего мѣста, онъ раскрылъ журналъ и сталъ отыскивать статью Фуллертона.

— Сударыня, сказалъ онъ, это чтеніе теперь очень кстати; оно прямо относится къ нашему разговору. Васъ теперь гораздо болѣе займетъ остроумная теорія знаменитаго англійскаго метафизика.

— Нечего дѣлать, надо рѣшиться, печально прошептала Лавинія. Посмотримъ теорію. Я слушаю васъ; только дайте мнѣ спокойно усѣсться въ креслѣ. — Теперь начинайте.

Альбинъ началъ читать туманную прозу Фуллертона монотоннымъ голосомъ. Вступленіе было растянуто и однообразно и какъ будто создано только для ушей чугунныхъ статуй. Мистриссъ Лавинія уснула.

Альбинъ, часто прибавлявшій свои объясненія къ теоріи Фуллертона, дойдя до самаго запутаннаго мѣста, обратился съ вопросомъ къ Лавиніи.

— Мы теперь приближаемся къ концу этого превосходнаго сочиненія, сказалъ онъ; сейчасъ я прочту мѣсто, истинное торжество автора, фразу, которая представляетъ ночныя видѣнія въ совершенно новомъ свѣтѣ. Слушайте внимательно; потомъ вы мнѣ откровенно скажете свое мнѣніе.

Альбинъ прочелъ знаменитую фразу и прибавилъ, обращаясь къ Лавиніи:

— Хорошо ли вы поняли идею Фуллертона?

Отвѣта не было. Альбинъ повторилъ фразу и вопросъ; тоже молчаніе.

Тогда онъ рѣшился преодолѣть свою природную застѣнчивость и пристально взглянуть на лицо мистриссъ Лавиніи. Сервіанъ,

который ничему не удивлялся, котораго ничто не поражало, кромѣ таинствъ природы, вспрыгнулъ на своемъ креслѣ и шепотомъ пробормоталъ: Что это! она спитъ!

Книга выпала изъ его рукъ, и онъ машинально повторялъ туже фразу, подобно часамъ съ репетиціею.

Прервать сонъ женщины у нея въ домѣ показалось ему величайшимъ невѣжествомъ; онъ рѣшился терпѣливо ждать пробужденія Лавиніи, и подумалъ даже, что можетъ извлечь изъ этого большую пользу для науки, стараясь угадать по лицу спящей красавицы, грезятся-ли ей сны или нѣтъ. Альбинъ приподнялся на цыпочкахъ, съ заботливостью матери, опасающейся нарушить сладкій сонъ своего ребенка, и началъ разсматривать нѣжное личико Лавиніи, для пользы науки.

Это была восхитительная картина домашняго быта, увлекательная даже для равнодушнаго наблюдателя, съ молоду привыкшаго изучать только ученую сторону вопроса. Лавинія никогда не упражнялась въ искусствѣ граціозно спать предъ свидѣтелями, и, при первомъ опытѣ, она спала, какъ ребенокъ, котораго вѣроятно училъ геній сна. Прекрасная головка покоилась на густыхъ кудряхъ, какъ въ рамкѣ чернаго дерева. Овальное лицо ея съ необыкновенною прелестію выступало между двумя полосами волнистыхъ кудрей; слабое дыханіе слегка трепетало на влажныхъ губкахъ и волновало грудь.

Альбинъ де-Сервіанъ сначала принялъ позу наблюдателя, углубившагося въ важное психическое изслѣдованіе. Лобъ его покрылся морщинами отъ дѣйствія умственныхъ органовъ; глаза, полузакрытые во избѣжаніе внѣшнихъ развлеченій, показывали напряженное состояніе души; руки, плотно скрещенныя на груди, казалось, старались оживить душу и поддержать ее въ медленной созерцательной работѣ. Увы! онъ не долго сохранялъ эту ученую позу. Лицо спящей дышало привлекательною прелестью. Руки наблюдателя начали мало по малу опускаться; морщины на лбу стали сглаживаться, глаза раскрылись болѣе обыкновеннаго и на окраинахъ показались яркія слезинки, признаки неподдѣльнаго восторга. Первая человѣческая улыбка сверкнула на оживленномъ лицѣ метафизика. Напрасно Альбинъ старался собрать свои мысли, наука впервые измѣняла ему: онъ заглянулъ въ свою душу и не узналъ себя; въ ней произошелъ психическій переворотъ, о которомъ Фуллертонъ, О'Бринъ и Макбрекъ никогда не упоминали. Часъ прошелъ въ нѣмомъ созерцаніи. До тридцати четырехъ лѣтъ Альбинъ покоился во тьмѣ на-

уки, теперь онъ просыпался, оживленный нѣжными лучами прелестей мистриссъ Лавиніи.

Въ сосѣдней улицѣ раздался стукъ колесъ и топотъ лошадей. Лавинія вздрогнула, открыла глаза, живо вскочила съ креселъ и въ веселомъ порывѣ смѣха проговорила: «Ахъ, что это, кажется я заснула! Извините, Сервіанъ: кончили-ли вы свое чтеніе? Продолжайте, продолжайте, я все слышала.

Альбинъ искалъ первое слово неуловимаго отвѣта, когда дверь растворилась и горничная Лавиніи объявила, что дорожная карета и лакеи Сервіана ждутъ его на улицѣ.

— Подождутъ, отвѣтилъ Альбинъ.

— Не безпокойтесь для меня, сказала Лавинія, подбѣжавъ къ окну, чтобы посмотрѣть на карету; — я вовсе не желаю, чтобы вы для меня забыли лакистовъ. Мы кончимъ наше чтеніе, когда вы возвратитесь. И такъ счастливаго пути, Сервіанъ, не пишите мнѣ; посвятите себя вполнѣ своему занятію. Озеро Килларней ждетъ васъ....

— О, что до озера, такъ оно не покинетъ своего мѣста, отвѣтилъ Альбинъ, на лицѣ котораго явилась вторая улыбка, — я не боюсь опоздать съ нимъ на свиданіе.

— Ба, да вы кажется начинаете шутить, сказала Лавинія, тономъ изумленія. Скажите по правдѣ, вы дѣйствительно вздумали смѣяться надъ озерами?

— Сударыня, отвѣтилъ Сервіанъ слабымъ голосомъ, теперь я не въ состояніи отвѣтить ни на одинъ изъ вашихъ вопросовъ, и потому попрошу у васъ позволенія удалиться.

— Да я вовсе не намѣрена удерживать васъ въ плѣну.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, до завтра.

— Такъ вы не уѣдете сегодня?

— Мнѣ уже невозможно ѣхать сегодня; слишкомъ поздно.

— Вы поссоритесь съ лакистами!

— Что мнѣ до нихъ! только бы вы осчастливили меня своею дружбою.

— Предупреждаю васъ, Сервіанъ, вы кончите тѣмъ, что сдѣлаетесь умнымъ человѣкомъ.

— Счастливы тѣ, которые не имѣютъ ума; они его никогда не теряютъ.

Сервіанъ почтительно поклонился и вышелъ изъ залы. Онъ отослалъ домой своихъ лакеевъ и карету, и быстрыми шагами отправился къ парку, чтобы тамъ въ уединенныхъ аллеяхъ обдумать свое положеніе. Ясно было, что въ немъ происходилъ органическій переворотъ; онъ чувствовалъ таинственное нантіе но-

вой природы; разсудокъ выходилъ изъ мрака, и мысль живая, игривая, казалось, покидала туманныя страны и, подобно птицѣ, улетѣла въ безпредѣльное пространство. Пока онъ такимъ-образомъ изучалъ происходившую въ немъ перемѣну, молодая, роскошно одѣтая дама быстро подошла къ нему и безъ всякихъ объясненій отрывисто спросила: — «Кажется, я не ошибаюсь, вы старинный пріятель Макдугала?»

— Точно такъ, отвѣтилъ Сервіанъ, на лицѣ котораго въ третій разъ появилась улыбка.

— Потрудитесь дать мнѣ вашу руку и поговоримте.

Сервіанъ съ непринужденною ловкостью подалъ ей руку и съ необыкновенною услужливостью взялъ изъ ея рукъ длинный шелковый снурокъ, къ которому была привязана маленькая, шаршавая собаченка. Сервіанъ въ первый разъ гулялъ рука объ руку съ дамою и, за неимѣніемъ свидѣтелей, выказывалъ свое удовольствіе предъ деревьями парка. Незнакомка продолжала:

— Сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ какія нибудь свѣденія о вашемъ пріятелѣ Макдугалѣ. Гдѣ онъ? возвратился въ Шотландію или еще здѣсь живетъ?

— Онъ вчера утромъ уѣхалъ въ Новый Орлеанъ.

— Прекрасно! хорошъ Макдугалъ.... А! такъ онъ уѣхалъ!

— Я его провожалъ.

— Вы, вѣроятно, знаете меня; слѣдовательно мнѣ нѣтъ надобности повторять вамъ свое имя.

— Извините, сударыня, я не имѣю счастія васъ знать.

— Вы шутите?

— Я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

— И слышать?

— И слышать.

— Стало быть, вы никогда не посѣщаете Королевскаго театра?

— Никогда.

— Вотъ оригиналъ! вскрикнула дама съ громкимъ хохотомъ, отъ котораго Сервіанъ покраснѣлъ; — какъ, сударь, вамъ не извѣстны прекрасные англійскіе переводы Нормы, Фиделіо, Фра-Діаволо, Пуританъ, Лючіи?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Альбинъ голосомъ преступника, признающагося въ своемъ злодѣяніи.

Поэтому вы никогда не слыхали, какъ миссъ Кора поетъ знаменитыя аріи Беллини?

— Никогда, сударыня.

— Откуда-же вы сюда явились? Вамъ, кажется, не болѣе тридцати лѣтъ, вы не дурны собою, и ровно ничего не знаете! Это

трудно себѣ представить! Вы, вѣроятно, пріѣхали съ послѣднимъ пароходомъ прямо съ оксфордскихъ школьныхъ скамеекъ? Не такъ ли? Признайтесь, вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго. Дѣйствительно, онъ одѣтъ, какъ взрослый школьникъ.

— Сударыня, я говорю правду, я ничего не знаю, робко произнесъ Сервіанъ, краснѣя отъ стыда.

— Фу! какъ странно воспитываютъ у насъ молодыхъ людей. Въ Италіи, въ пятнадцать лѣтъ всѣ дворяне теноры или баритоны. Отчего-же Макдугалъ васъ нисколько не образовалъ? Я васъ безпрестанно встрѣчала съ нимъ въ Саквиль-Стритѣ, у почты.... А! такъ онъ уѣхалъ въ Новый Орлеанъ! и не простившись со мною! Макдугалъ довольно рѣзокъ въ обращеніи, тогда какъ я всегда была съ нимъ слишкомъ вѣжлива. Онъ за кулисами былъ, какъ дама; иногда даже забывалъ платить за кресла.... Скажите, онъ дѣйствительно происходитъ отъ Робъ-Роя?

— Дѣйствительно, сударыня.

— Говорятъ, что Макдугалъ богатъ и уменъ. Отъ меня онъ скрываетъ свой умъ, тѣмъ болѣе свое богатство. Впрочемъ, я мало забочусь о его деньгахъ. Я получаю отъ Королевскаго театра 1,200 фунтовъ стерлинговъ съ бенефисомъ и мѣсяцемъ отдыха, во время котораго я отличаюсь въ трехъ главныхъ городахъ графства Ланкастерскаго. Впрочемъ, для насъ, артистокъ, деньги ничего не значатъ; я не знаю, куда ихъ дѣвать. Мы жаждемъ общаго уваженія, мы хотимъ имѣть значеніе и мѣсто въ свѣтѣ, какъ парижанки. Одна изъ пѣвицъ Парижской Оперы недавно вышла за нѣмецкаго принца.... знаете-ли вы это?

— Нѣтъ, сударыня.

— Макдугалъ не англійскій принцъ, но онъ происходитъ отъ Робъ-Роя, а это древнѣйшее дворянство. Я ему часто говорила: Послушайте; Макдугалъ: устроимъ доброе дѣло, женитесь на мнѣ. —«Чтожъ, отвѣчалъ онъ всегда,—могу встрѣтить хуже, мы поговоримъ».—Станемъ говорить теперь, возражала я, благо разъ начали. Тогда Макдугалъ начиналъ говорить мнѣ о своихъ дѣлахъ, путешествіяхъ, и прочая, чтобы уклониться отъ моего предложенія. Сколько разъ, за кулисами, просила я его жениться на мнѣ въ заключеніе всѣхъ доказательствъ, онъ всякій разъ повторялъ одну и ту-же старую шутку.

— Да это ужасно! въ негодованіи воскликнулъ Альбинъ.

— Макдугалъ отсталъ цѣлымъ столѣтіемъ въ своихъ понятіяхъ о закулисныхъ нравахъ, прибавила актриса, притворяясь Лукреціею. Онъ не знаетъ, что теперь въ нашей жизни скромность, добродѣтель и хорошее поведеніе ведетъ насъ прямо къ

счастію и даритъ насъ по-крайней-мѣрѣ графскою короною. Кто имѣетъ несчастіе быть милліонеромъ и глупымъ, какъ Макдугалъ, тотъ легко можетъ жениться на первой дублинской актрисѣ, которая согласится спуститься съ своей торжественной колесницы, чтобы отдать свою руку потомку Робъ-Роя. — Какъ вы думаете, сударь?

— Сударыня, если Макдугалъ согласится, я небуду препятствовать.

— Можете вы мнѣ дать его адресъ въ Новомъ Орлеанѣ?

— Ваше письмо, вѣроятно, не застанетъ его тамъ. Макдугалъ пріѣдетъ туда, продастъ свои товары и тотчасъ вернется.

— Черезъ два и три мѣсяца онъ будетъ здѣсь?

— Не далѣе, какъ черезъ три.

— Хорошо. Однако мы дошли до рѣшетки, моя карета подъѣхала. Благодарю васъ, господинъ де....

— Де-Сервіанъ.

— Господинъ де-Сервіанъ, я весьма рада, что узнала вашу фамилію. Еще просьба: когда Макдугалъ пріѣдетъ, забросьте свою карточку миссъ Корѣ, первой пѣвицѣ Королевскаго театра. Прощайте, Сервіанъ.... Ахъ! Какъ вы разсѣянны! Вы уводите съ собою свою собачку! Отдайте ее лакею. Прощайте!

Сервіанъ низко поклонился актрисѣ и отправился домой, вертя въ головѣ новую мысль, приводившую его въ необыкновенно-веселое расположеніе духа. Въ слѣдующей главѣ мы узнаемъ эту мысль.

—

IV.

КАБИНЕТЪ ГРАФА ГОДЕФРУА ДЕ СЕРВІАНА.

Въ завѣщаніи, писанномъ наканунѣ смерти, графъ Годефруа де-Сервіанъ говорилъ своему сыну: «Любезный Альбинъ, если ты хочешь быть счастливымъ, избѣгай людей, въ особенности женщинъ. Однако не забывай моихъ послѣднихъ словъ. Когда ты почувствуешь первыя вспышки страсти, открой сѣрый шкафъ въ моемъ кабинетѣ и достань большой пергаменный свертокъ, запечатанный моимъ гербомъ и прибитый золотымъ гвоздикомъ; распечатай и прочти его».

Альбинъ де-Сервіанъ никогда не входилъ въ кабинетъ своего отца.

Возвратясь домой, онъ рѣшился открыть кабинетъ отца; серд-

це его сильно билось, когда онъ вступилъ въ давно необитаемую комнату. Казалось, хозяинъ только что оставилъ ее; всѣ вещи были на своихъ мѣстахъ, какъ при жизни его. На стѣнѣ висѣли четыре большія картины, рисованные пастелью, и изображавшіе купидона, пускающаго стрѣлу въ Марса; — голубей Венеры, пойманныхъ въ сѣть Вулканомъ; напудреннаго пастушка съ голубыми лентами, привязывающаго къ своему посоху платокъ своей пастушки, и напудренную пастушку съ овечкой на колѣнахъ.

Надъ каминомъ стояли бронзовые часы, изображавшіе лѣсъ изъ тонкой проволоки, сквозь который пролетали крылатыя сердца, купидонъ, одѣтый охотникомъ, съ коварною улыбкою пронизывалъ ихъ стрѣлами. На мраморномъ пьедесталѣ часовъ начертано было четырестишіе, за которое авторъ получилъ 1,500 ливровъ пенсіи и квартиру изъ шести комнатъ въ отелѣ Конти. Вотъ это знаменитое произведеніе:

O petit dieu malin, qu'on adore à Cythère,
Toi, redouté partout, et toi qui ne crains rien,
Si tu pouvais percer le cœur de ma bergère,
Je te pardonnerais d'avoir percé le mien.

По обѣимъ сторонамъ камина висѣли два портрета: одинъ г-жи Клеронъ въ «Есонри», когда она говоритъ: «De mes faibles appas»; другой г-жи Бризаръ въ «Енонѣ», въ ту минуту когда она говоритъ Федрѣ:

Votre flamme devient une flamme ordinaire.

Позади часовъ висѣло широкое зеркало, потерявшее привычку отражать предметы; на карнизѣ изображены были пастухъ и пастушка, проносящіе овечку Купидону. Вокругъ стѣнъ стояло двѣнадцать креселъ; живописецъ разрисовалъ на спинкахъ ихъ двѣнадцать веселыхъ сказокъ Лафонтена.

Колосальное узорчатое бюро изъ цѣльнаго краснаго дерева занимало половину кабинета; на обоихъ концахъ его карниза стояли два гипсовыя изображенія; въ одномъ представленъ былъ Парнасъ съ девятью музами и Аполлономъ, попирающимъ змѣю зависти; въ другомъ *Пантеонъ любви* съ статуэтками Берни, Грекура, Шоліе, Дората, Бернара и двухъ другихъ цѣломудренныхъ поэтовъ, воспѣвшихъ, въ веселыхъ эпиграммахъ, войну боговъ и дѣву Орлеанскую.

Альбинъ де-Сервіанъ съ довольною улыбкою осматривалъ всѣ эти богатства прошедшаго столѣтія, которое для него сдѣлалось настоящимъ столѣтіемъ; въ этомъ музеѣ купидона все дышало

временами регенства. Во всемъ убранствѣ комнаты не было ни одной правильной черты; все было пестро, разнообразно, перевито, все дышало веселою насмѣшкою. Благодаря новому расположенію духа, Альбинъ ощущалъ какое-то сладостное чувство, разсматривая и перебирая пыльное отцовское наслѣдство. Онъ осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ драгоцѣнности, которыя отецъ его собиралъ съ такимъ трудомъ. Альбинъ вспомнилъ о себѣ и взглянулъ на сѣрый шкафъ, въ которомъ на золотомъ гвоздикѣ хранился драгоцѣнный пергаментъ. Шкафъ тотчасъ-же былъ отворенъ и изъ него понесся гадкій запахъ перетлѣвшей бумаги и истребителей-червей. Сервіанъ съ наслажденіемъ археолога дышалъ это почтенною атмосферою фамильныхъ древностей. На внутренней сторонѣ дверецъ разрисованы были медальоны; подъ картинками начертаны были четверостишія, подписанныя именами извѣстныхъ авторовъ.

Si je dis qu'elle est la plus belle
Des bergères de ce hameau:
Je n'aurai rien dit de nouveau,
Ce n'est un secret que pour elle.
De Florian.

Quand on sait aimer et plaire,
A-t-on besoin d'autre bien?
Rends-moi ton cœur, ma bergère,
Colin t'a rendu le sien.
J. J. Rousseau.

Que ne suis-je la fougère,
Où, sur le soir d'un beau jour,
Vient reposer ma bergère
Sur les ailes de l'Amour
Montesquieu.

C'est l'aimable et jeune bergère
Par qui, sous les lois de Cythère,
Je servis, engagé par mes premiers serments.
Reviendront-ils, hélas! de semblables moments?
Lafontaine.

И проч. и проч. и проч.—все съ пастушками. Ужели, вслухъ подумалъ Сервіанъ, — всѣ эти извѣстные люди любили пастушекъ! Какой странный вкусъ! Вѣрно они для нихъ дѣлали много дурачествъ, если рѣшились писать имъ такіе стихи. Что-жъ бы сдѣлали они для мистриссъ Лавиніи?

Съ этими словами онъ снялъ пергаменъ съ гвоздя, почтительно поцѣловалъ его и сломилъ печать. — Слезы брызнули изъ глазъ

его; онъ узналъ почеркъ своего отца и ему казалось, что онъ распечатываетъ только что написанное письмо. Характеръ покойнаго графа вполнѣ оживалъ въ этой рукописи. Альбинъ медленно, но съ жадностью прочелъ рукопись.

Послѣ этого чтенія, Албинъ еще разъ углубился въ самаго себя и убѣдился, что онъ готовъ влюбиться въ мистриссъ Лавинію.

Ужасная мысль, дотолѣ не тревожившая его, приковала его къ полу въ ту минуту, когда онъ сбирался подойти къ зеркалу, чтобы посмотрѣть на себя и на свою одежду, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Подобная мысль не поразила-бы другаго, но Альбинъ былъ исключительнымъ существомъ въ исключительномъ положеніи. Еслибы мой герой походилъ на другихъ людей, я не сталъ-бы описывать его похожденій.

Мистриссъ Лавинія, подумалъ Альбинъ, чрезъ три мѣсяца выходитъ замужъ за Макдугала, а Макдугалъ мой пріятель.

Онъ углубился въ размышленія, положивъ между зубами указательный палецъ правой руки, что весьма облегчаетъ дѣйствіе разсудка въ затруднительныхъ случаяхъ.

— Нѣтъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на изувѣченное зеркало, которое не возвратило ему его взгляда, не можетъ быть, чтобы Макдугалъ любилъ Лавинію; иначе онъ не поѣхалъ-бы въ Америку, не сталъ-бы подвергаться всякаго рода опасностямъ. Онъ женился бы на ней въ тоже утро какъ дѣло было рѣшено.... это очевидно. Если онъ ее любитъ, зачѣмъ ѣздить къ этой миссъ Корѣ, которая похожа на лѣшаго, одѣтаго въ шелкъ и бархатъ.— Да, духъ графа Годефруа вразумляетъ меня; Макдугалъ не любитъ Лавиніи, и я имѣю полное право ее любить.

Альбинъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ своемъ мнѣніи, а какъ онъ прежде не занимался изученіемъ вопросовъ о дѣйствіи дружбы въ любовныхъ дѣлахъ, то онъ, какъ человѣкъ первобытныхъ нравовъ, не могъ знать всѣхъ утонченностей въ обхожденіи, введенныхъ цивилизаціею въ наши нравы для подобныхъ случаевъ. Вполнѣ успокоенный, потому что имѣлъ твердое намѣреніе успокоить себя, Альбинъ вошелъ въ лучшую залу своего дома, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Тутъ онъ впервые познакомился съ собою, потому что съ перваго взгляда онъ не узналъ себя и первымъ движеніемъ его было снять шляпу и поклониться. Только люди, посвятившіе себя изученію отвлеченныхъ наукъ, могутъ понять это. Первый взглядъ, которымъ Альбинъ удостоилъ себя въ зеркалѣ, не далъ ему высокаго понятія о его наружности; постоянное созерцаніе озеръ сообщило его стану непріятную кривизну; волосы торчали въ безпорядкѣ

первобытныхъ лѣсовъ; только борода невольно сохранила дикую и мужественную красу, достояніе всѣхъ смертныхъ, до открытія подбородка сталью Тубалкаина.

Альбинъ въ подробности осмотрѣлъ свою одежду. Туловище скрывалось во фракъ, котораго мода терялась во мракѣ ирландской исторіи; цвѣтъ этаго фрака мѣнялся съ погодою. — На немъ былъ прадѣдовскій жилетъ и брюки лакиста цвѣта многочисленныхъ береговъ, на которыхъ онъ преклонялъ колѣна; сапоги его оставили нѣсколько кусочковъ своей кожи въ пустынныхъ горахъ Керри, а на берегахъ Орикана вымерло много поколѣній со времени смерти бобра, пожертвовавшаго своею шкурою для шляпы Альбина.

Увы! въ этомъ костюмѣ достигаютъ грозныхъ вершинъ метафизики, но никогда блаженства любви.

Альбинъ съ мужествомъ выпрямилъ свой станъ и позвонилъ лакея. — Кто лучшій портной въ Дублинѣ? спросилъ онъ его.

Лакей отступилъ на три шага, какъ-бы ожидая повторенія вопроса.

— Ты слышалъ?

— Лучшимъ портнымъ въ Дублинѣ считается Фульстонъ, отвѣчалъ лакей, пораженный неожиданнымъ вопросомъ.

— Ступай и тотчасъ приведи мнѣ Фульстона. Лакей вышелъ; Альбинъ продолжалъ свою бесѣду съ зеркалами: — Какой ужасъ! воскликнулъ онъ, выскочивъ изъ своего фрака, какъ изъ тюрьмы, и топча его ногами, я постоянно провелъ свою жизнь въ этихъ трехъ аршинахъ сквернаго сукна, сшитыхъ на потѣху черни. Я потерялъ лучшее время своей жизни въ постоянномъ разглядываніи своихъ сапоговъ и не примѣтилъ, что они всѣ въ дырахъ! И все это съ молодостью, здоровьемъ и золотомъ — тремя источниками счастья! Право, я стыжусь самого себя; я извиняюсь предъ собою въ своемъ невѣжествѣ. Нужно-же было для такого преобразованія, чтобы Лавинія уснула предо мною; этотъ благодѣтельный сонъ пробудилъ меня; иначе я погибалъ, или по-крайней-мѣрѣ жилъ-бы какъ раковина на берегу озера.... Женщина сдѣлала изъ меня человѣка; вѣчная благодарность Лавиніи!

Портной Фульстонъ притащилъ цѣлый грузъ готоваго платья со всѣми принадлежностями франтовскаго наряда, Альбинъ съ восторгомъ Ахиллеса, при видѣ оружія въ Гинексѣ Скиросскомъ, купилъ все; потомъ онъ предложилъ Фульстону купить его самого. — Физическая перемѣна вскорѣ послѣдовала за нравственною. Зеркала не узнали Альбина, когда онъ сталъ расхаживать передъ ними въ послѣдней оболочкѣ моднаго журнала. Альбинъ,

никогда не знавшій другаго зеркала, кромѣ поверхности озеръ, не могъ оторваться отъ собственнаго созерцанія; онъ чувствовалъ восторгъ человѣка, который явился-бы на свѣтъ тридцати лѣтъ, съ разсудкомъ, здоровьемъ и пылкими страстями, не притупивъ своихъ чувствъ слезами первыхъ годовъ знакомства со свѣтомъ. Альбинъ старался припомнить граціозные и благородные жесты графа Годефруа, когда онъ подходилъ къ какой-нибудь женщинѣ. Какъ онъ красиво рисовался, когда, стоя, слегка облокотясь на мраморную доску камина, вытянувъ одну ногу, небрежно согнувъ другую, опрокинувъ голову и наклонивъ ее къ плечу, разсказывалъ изумленнымъ Ирландцамъ какое-нибудь веселое версальское похожденіе. Альбинъ чувствовалъ необходимость ознакомиться съ самимъ собою при помощи зеркалъ, прежде, чѣмъ явится къ Лавиніи и для этого сдѣлалъ генеральную репетицію сцены, которую намѣренъ былъ разыграть на другой день у хорошенькой вдовы. Онъ болѣе ста разъ кланялся самому себѣ, снимая и надѣвая свою новую шляпу; подавалъ себѣ дюжину креселъ; небрежно садился, стараясь избѣгнуть всегда неловкаго движенія ногъ; спрашивалъ себя о здоровьи и отвѣчалъ остроумною шуткою, сказанною съ серьознымъ лицомъ и съ веселымъ взглядомъ; разсказывалъ кресламъ городской анекдотъ, поглядѣвъ на каждое изъ нихъ по одиначкѣ, чтобы никто не могъ завидовать; вставалъ съ небрежнымъ колебаніемъ стана и, съ улыбкою на устахъ, подходилъ къ группѣ стульевъ, чтобы принять участіе въ привлекательномъ пріятельскомъ разговорѣ. Потомъ онъ учился выходить изъ залы, не слишкомъ шумно и не слишкомъ тихо, чтобы казаться непринужденнымъ и въ тоже время обратить на себя вниманіе. Эта сцена свѣтскаго обращенія оканчивалась примѣрнымъ свиданіемъ съ мистриссъ Лавиніею. Тогда Альбинъ сообщалъ своему голосу какой-то особенно-нѣжный звукъ, гармонически вздыхалъ, прибиралъ грустныя улыбки и пріучалъ свои глаза выражать страстную томность или нѣжное волненіе. Зеркала, казалось, были довольны имъ, и онъ поблагодарилъ ихъ.

Чтобы довершить свое воспитаніе, можетъ быть слишкомъ поспѣшное по недостатку времени, Альбинъ рѣшился посвятить послѣдніе свободные часы своего ученія чтенію избранной библіотеки своего отца. Онъ съ жадностью прочелъ многія сочиненія двухъ послѣднихъ столѣтій.

Девять часовъ утра пробило на всѣхъ часахъ: ночь прошла незамѣтно; Альбинъ думалъ, что еще вечеръ, а уже было утро; свѣчи догорали при солнечномъ свѣтѣ.

— Тѣмъ лучше! сказалъ онъ; — эта ночь, по-крайней мѣрѣ, не будетъ потеряна для наступающаго дня.

Вошелъ лакей и подалъ ему письмо; онъ посмотрѣлъ на подпись: письмо было отъ Лавиніи; онъ прочелъ:

«Милостивый Государь!

«Мнѣ сказали, что будущій супругъ мой предъ отъѣздомъ далъ «вамъ тайное порученіе, которое оскорбляетъ меня. Мандугалъ «не имѣлъ права давать мнѣ надсмотрщика, я смягчаю выраже- «ніе, — а вы не имѣли никакого права принять подобную обя- «занность. Простите мнѣ это суровое предисловіе; вы знаете, что «я всегда откровенна.

«Я не вѣрю всѣмъ разсказамъ свѣта, но я вѣрю тому, что го- «воритъ свѣтъ, когда я сама раздѣляю его догадки. Вашъ разго- «воръ, ваше поведеніе, ваше обращеніе, даже ваша одежда и ва- «ше чтеніе, все показываетъ, что вы не принадлежите къ числу «тѣхъ молодыхъ людей, которые посѣщаютъ меня изъ одного удо- «вольствія быть со мною. Вы такъ искусно приняли свои мѣры, «что чистота вашихъ намѣреній ясна, какъ день, въ моихъ гла- «захъ и въ глазахъ свѣта. Вы не хотите компрометировать меня, «чтобы удобнѣе смотрѣть за мною. — Ваше уваженіе и ваше су- «ровое хладнокровіе пугаютъ меня. Я умираю отъ скуки при од- «ной мысли, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ буду имѣть по- «слѣ себя надсмотрщика, который свяжетъ мнѣ руки метафизиче- «скими статьями Фуллертона. — Въ ваши лѣта вы должны кого «нибудь любить; смотрите за этою женщиною и уважайте пе- «чаль послѣднихъ дней моего траура.

«*Лавинія*».

Прочитавъ два раза письмо, Альбинъ ударилъ себя по лбу, чтобы выбить изъ него мысль, которая однако осталась во лбу, онъ посмотрѣлъ на пастуховъ, украшавшихъ кабинетъ отца, на гипсовыя статуэтки, на новыя платья, принесенныя портнымъ, — и тяжелый вздохъ отчаянія вырвался изъ его груди.

—

V.

ГАМЛЕТЪ НА ДУБЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Это былъ привлекательный вечеръ, of great attraction, какъ говорятъ англичане. Лучшіе англійскіе актеры играли *Гамлета*, трагедію страшную, полу-женщину, полу-чудовище, колоссальный

сфинксъ работы знаменитаго ваятеля Шекспира. Лучи газоваго солнца струились по боковымъ кулисамъ, по рампѣ оркестра, по безчисленнымъ жирандолямъ ложъ и освѣщали, на малиновыхъ обояхъ, двѣнадцать полукруглыхъ гирляндъ женщинъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ въ ослѣпительной мозаикѣ всѣхъ возможныхъ дублинскихъ матерій.

Въ скромной ложѣ, не освѣщенной газомъ, не блестящей драгоцѣнными каменьями, сидѣли: веселый 64 хъ-лѣтній старичекъ Едмондъ Гольдриджъ и его племянница, мистриссъ Лавинія, и, въ то время, когда принца Датскаго не было на сценѣ, говорили о послѣднихъ новостяхъ и о красавицахъ, сидѣвшихъ въ ложахъ. Молодая женщина только что сняла послѣднее черное платье, эмблему печальнаго вдовства, и, чтобы утѣшиться въ грустной необходимости покинуть цвѣтъ, столь выгодный для бѣлизны плечъ и рукъ, упросила своего дядю ѣхать съ нею въ Королевскій театръ.

Въ первомъ антрактѣ между щеголеватыми зрителями переднихъ ложъ можно было замѣтить общее движеніе любопытства, обыкновенно бывающее въ театрѣ при входѣ какого-нибудь замѣчательнаго лица. Молодой человѣкъ, только-что пріѣхавшій въ театръ, садился въ первомъ ряду балкона, жалъ руки сидѣвшихъ направо и налѣво и расточалъ поклоны и улыбки. Этого молодаго человѣка вездѣ-бы замѣтили по благородству его лица, обращенія и одежды; но въ собраніи ирландскихъ зрителей, съ простодушными, угрюмыми, первобытными лицами, онъ выказывался, какъ лилія среди простыхъ, полевыхъ растѣній.

— А! вотъ нашъ модный левъ, сказалъ дядя Едмондъ своей племянницѣ; онъ производитъ впечатлѣніе; по счастію, онъ пріѣхалъ въ антрактѣ. Какъ онъ тебѣ нравится, Лавинія?

— Онъ, кажется, не дуренъ, и одѣтъ съ благородною изысканностью.

— Его прозвали Дублинскимъ Дорсе; — еще нѣтъ мѣсяца, какъ онъ началъ ѣздить въ свѣтъ.

— А какъ его фамилія?

— Погоди, сейчасъ припомню.... извѣстное имя.... въ особенности по отцу. Ты вѣрно тысячу разъ слышала фамилію отца.... Дай Богъ память....

— Впрочемъ, къ чему ломать голову, какое намъ дѣло до его фамиліи! По всему видно, что онъ прекрасный молодой человѣкъ.

— Вспомнилъ, вспомнилъ! вскрикнулъ Гольдриджъ, снявъ правую руку со лба, — это Альбинъ де-Сервіанъ.

— Альбинъ де-Сервіанъ! повторила Лавинія съ мелодическимъ

порывомъ смѣха. Мнѣ кажется, дядюшка, что ваша память служитъ вамъ только по второму разу. — Поищите другую фамилію; можетъ быть, вы будете счастливѣе.

Старикъ, пораженный хохотомъ племянницы, сдѣлалъ покорную мину, снова приставилъ руку ко лбу, и сталъ глядѣть на люстру.

— Альбинъ де-Сервіанъ! продолжала молодая вдова съ слабыми перекатами удерживаемаго смѣха. Ну, можно ли, изъ столькихъ фамилій, попасть какъ разъ на такую странную! Мнѣ кажется, эта мысль заставитъ меня хохотать всю жизнь.... Если-бы вы знали, сколько для меня смѣшнаго въ этой фамиліи.... Вѣдь я знаю Сервіана.

— А! это другое дѣло, если ты его знаешь, Лавинія....

— Позвольте, дядюшка... Я его нѣсколько разъ видѣла; онъ былъ у меня. Къ счастію, вотъ уже три или четыре недѣли, какъ я его не вижу. Это человѣкъ, философъ озеръ, одинъ изъ тѣхъ съумасшедшихъ, которыхъ не связываютъ только потому, что они, кромѣ себя, никому не дѣлаютъ вреда. Притомъ, Сервіанъ одѣвается такъ странно, что никакая трагедія не устояла-бы на сценѣ, если бы онъ вздумалъ показаться въ театрѣ. Пришлось-бы замѣнить «*Гамлета*» — «*Виндзорскими сплетницами*».

— Посмотри, Лавинія, онъ глядитъ на насъ въ лорнетъ.

— Кто?

— Этотъ молодой человѣкъ, ну, какъ его.... Альбинъ де-Сервіанъ или нѣтъ, этотъ другой, если ужъ ты такъ желаешь.

— Если это вамъ сколько нибудь непріятно дядюшка, называйте его Альбиномъ, я нисколько не противлюсь.

— Нѣтъ, теперь я увѣренъ, что это онъ! — выкликнулъ дядя, ударивъ кулакомъ по поручню ложи. Я сейчасъ увидѣлъ его прямо въ лицо, это Альбинъ де-Сервіанъ; это онъ.

— Дядюшка, я не богата, а послѣдняя шаль, подаренная моимъ покойнымъ мужемъ, выходитъ изъ моды. Угодно вамъ проиграть мнѣ на пари шаль въ двадцать ливровъ?

— Право, Лавинія, мнѣ совѣстно выиграть у тебя двадцать ливровъ.

— Я вамъ не отдамъ ихъ, если вы выиграете.

— Хорошо, на этомъ условіи я согласенъ.

— Дайте руку.

— Къ счастію, я хорошо знакомъ съ г. Кендалемъ, который разговариваетъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ....

— Обратитесь къ Кендалю, дядюшка.

— Будетъ-ли это прилично?

— А, вы уже отказываетесь.... Мнѣ нужна шаль, дядюшка, а вы держали пари....

— Да, да, держалъ.... Но повѣришь-ли ты мнѣ на слово, когда я приду сказать тебѣ: Это Альбинъ де-Сервіанъ; Кендаль тотчасъ сказалъ мнѣ это?

— Подождите, дядюшка; я позволяю вамъ въ этомъ случаѣ сказать молодому щеголю, что мистриссъ Лавинія желаетъ знать его адресъ, чтобы послать ему статью Фуллертона. Спросите его объ этомъ сочинителѣ и посмотрите, что онъ вамъ скажетъ.

— Это хитрость съ твоей стороны?

— Нѣтъ, это маленькая предосторожность.

— Какъ угодно; я пойду въ галлерею, и надѣюсь, что ты будешь довольна.

— На одно слово, дядюшка, — сказала Лавинія, удерживая Гольдриджа за руку, я хочу шаль фабрики Дингля; онъ работаетъ лучше Еллисона.

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ вернусь.

Чрезъ нѣсколько минутъ, Гольдриджъ возвратился.

— Не смотрите побѣдителемъ, сказала Лавинія; я спокойна.

— Любезная племянница, ты завтра получишь шаль работы Дингля, — сказалъ дядя, садясь на свое мѣсто.

— Дядюшка, какъ вы любезны! спокойнѣе нельзя перенести пораженія.

— Неправда-ли, Лавинія, — дядѣ позволяется дѣлать подарки племянницѣ?

— Конечно, я вездѣ буду говорить, что это подарокъ, чтобы вамъ не было стыдно признаваться, что вы проиграли пари.

— Справедливо, Лавинія, но выслушай меня: я спросилъ у Кендаля фамилію этого молодаго человѣка, — онъ отвѣтилъ мнѣ, что это Альбинъ де Сервіанъ.—«Мнѣ нужно сказать ему два слова, прибавилъ я, доставьте мнѣ случай поговорить съ нимъ минуту.» Кендаль исполнилъ мою просьбу; тогда я передалъ твое порученіе о Фуллертонѣ, Сервіанъ отвѣтилъ мнѣ: прошу васъ передать вашей племянницѣ, мистриссъ Лавиніи, мой почтительный поклонъ и сказать, что я навсегда поссорился съ статьями Фуллертона, съ-тѣхъ-поръ, какъ подобно опіуму, умѣлъ закрыть прелестнѣйшіе глаза Дублина.

Съ каждымъ словомъ Гольдриджа, улыбка постепенно исчезала на лицѣ Лавиніи; она казалась серьезною и смущенною; губки раскрылись, она хотѣла что-то сказать, но не выговорила ничего.

— Впрочемъ, сказалъ дядя, онъ просилъ у меня позволенія по-

сѣтить насъ въ слѣдующемъ антрактѣ; я думалъ, что тебя нечего спрашивать и сказалъ, что мы будемъ рады видѣть его въ нашей ложѣ.

— Не можетъ быть! сказала молодая вдова послѣ продолжительнаго молчанія, это не онъ! я сейчасъ пристально осмотрѣла его съ головы до ногъ; это не онъ. Вѣрно есть два Сервіана — два брата.

— Можетъ быть; — въ слѣдующемъ антрактѣ узнаемъ.

Въ продолженіе втораго акта Лавинія молчала и пристально смотрѣла на сцену. Она не могла дать себѣ отчета въ странныхъ чувствахъ, волновавшихъ ея душу, — она не могла объяснить впечатлѣнія, произведеннаго на нее встрѣчею, весьма обыкновенною въ свѣтѣ. — Иногда она желала окончанія безконечныхъ разговоровъ Полонія и Рейнольда; иногда она просила небо, чтобы какой нибудь случай продлилъ второй актъ до другаго дня; когда начался послѣдній монологъ Гамлета, она мысленно просила принца Датскаго объяснить загадку своей меланхоліи безконечными стихами; — дрожь пробѣжала по всему тѣлу ея, когда занавѣсъ спустился. Мистриссъ Лавинія была въ волненіи, тѣмъ болѣе странномъ, что не было къ тому никакого повода. — Если бы сверхъ-естественные случаи могли быть объяснены, наша жизнь потеряла-бы всю свою прелесть. Мудрые Египтяне поняли, что стезя нашей жизни проходитъ между невидимыми сфинксами, которыхъ они повсюду изобразили въ гранитныхъ статуяхъ, для свѣденія незнающихъ. Молодой человѣкъ, котораго столько ждали и опасались, не заставилъ себя ждать. Легкій ударъ послышался у дверей ложи, Гольдриджъ отворилъ дверь: Лавинія притворилась спокойною, какъ это умѣютъ дѣлать всѣ женщины въ критическую минуту; Альбинъ де-Сервіанъ вошелъ въ ложу. На разстояніи двухъ шаговъ трудно было не узнать его, не смотря на удивительную перемѣну; это былъ онъ.

Съ какою легкостью поклонился онъ молодой женщинѣ! Какая пріятная улыбка освѣтила его благородное лицо и сколько ума сверкнуло въ его черныхъ глазахъ. Какъ граціозно-ловки всѣ его движенія, какъ нѣжно звученъ его голосъ, какъ онъ обворожителенъ! и никакой натянутости, никакого хвастовства. Ученіе Альбина не было продолжительно; воспоминанія дѣтства довершили его воспитаніе; отецъ проявлялся въ сынѣ со всѣми своими блестящими качествами, можетъ-быть, съ своими скрытыми недостатками.

Разговоръ начался съ незначительныхъ словъ, потому-что Ла-

винія не могла придти въ себя отъ изумленія, но приняла Альбина, какъ знакомаго, котораго наканунѣ видѣла.

Гольдриджъ, замѣтивъ нѣкоторое смущеніе въ словахъ и обращеніи своей племянницы, обратился къ Альбину съ вопросомъ, неизбѣжнымъ въ подобныхъ случаяхъ. Встрѣчи въ театрѣ удобны тѣмъ, что всегда даютъ приличный предметъ для начала разговора.

— Какъ вамъ нравится Гамлетъ, господинъ де-Сервіанъ? спросилъ Гольдриджъ.

— Актеръ или трагедія? сказалъ Альбинъ....

— Я полагаю, что трагедія давно вамъ извѣстна.

— Съ господиномъ де-Сервіаномъ, не полагайте ничего, дядюшка, сказала молодая вдова, оправившись отъ своего смущенія.

— Вы правы и я это доказываю; я не зналъ «Гамлета».

— А! воскликнулъ дядя съ легкимъ вѣжливымъ хохотомъ.

— Вамъ извѣстно, дядюшка, сказала Лавинія, что господинъ де Сервіанъ французскаго происхожденія, а мы знаемъ, какого мнѣнія французы о нашемъ Шекспирѣ.

— Я не имѣю предразсудковъ, сказалъ Альбинъ. Недавно я здѣсь же видѣлъ «Макбета» и нашелъ, что это превосходное произведеніе. — Это собственно трагедія, единственная, настоящая трагедія, существующая въ Англіи: мрачная, какъ смерть и ночь въ лужахъ человѣческой крови. — Это, вѣроятно, трагедія, изданная по смерти Шекспира; онъ написалъ ее въ могилѣ изсохшими костями, и отдалъ могильщику, чтобы наградить и обогатить его.

— Какъ прекрасно говоритъ это господинъ де-Сервіанъ, замѣтилъ дядя, стараясь перенять позу Альбина.

— Дѣйствительно, сказала Лавинія, Макбета страшно видѣть на сценѣ. — Въ особенности тамъ есть привидѣніе, которое приводитъ въ трепетъ.

— Привидѣніе, которое не говоритъ, сказалъ Альбинъ, что дѣлаетъ его еще страшнѣе.

— О! не шутите этимъ, Сервіанъ, смѣясь сказала Лавинія, вы заставите меня пожалѣть о статьѣ Фуллертона.

— Извольте, отвѣтилъ Альбинъ, я буду говорить серьозно; я съ этого началъ, когда вошелъ въ вашу ложу.... Кажется, я описалъ Макбета въ слишкомъ мрачномъ видѣ....

— Я не люблю мрачныхъ описаній, да впрочемъ это къ вамъ теперь и не пристало. Вы оставили одежду метафизика; вы, говорятъ, ѣздите въ большой свѣтъ; пожалуйста, говорите сообразно вашей новой одеждѣ и вашему новому обществу. Что вы скажете объ изложеніи пьесы?

— Я смотрѣлъ первый актъ изъ-за кулисъ, и по этому боюсь, что мое сужденіе будетъ опрометчиво.

— Ничего, скажите....

— Но я боюсь, что вамъ не понравится мое мнѣніе.

— Не бойтесь ничего, напротивъ, говорите смѣло; я хочу знать, какіе вы сдѣлали успѣхи со времени чтенія Фуллертона.

Альбинъ, стоя и прислонясь съ граціозною небрежностью къ стѣнкѣ ложи, началъ такъ:

— Я не нашелъ мѣста въ залѣ и отправился за кулисы, не задолго до поднятія занавѣса. Въ одномъ изъ корридоровъ я встрѣтилъ французскаго рыцаря, вооруженнаго съ головы до ногъ и напѣвавшаго пѣсню. Я обратился къ французскому рыцарю съ просьбою показать мнѣ ходъ въ ложу директора.

— Господинъ Кларкъ еще не пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Хорошо, я подожду.... Вы вѣрно играете въ трагедіи?

— Я играю главную роль....

— Роль Гамлета?

— Нѣтъ, я играю роль привидѣнія. Привидѣніе поклонилось мнѣ, не снимая шлема; я прислонился къ стѣнѣ картонной крѣпости, чтобы видѣть и слышать первый актъ Гамлета. — Эта встрѣча, подумалъ я, разрушаетъ всѣ понятія, которыя я имѣлъ о привидѣніяхъ, когда былъ метафизикомъ. Какъ! тѣнь Гамлета въ полномъ вооруженіи крестоносца! Я до-сихъ-поръ думалъ, что тѣнь одѣвается, какъ можно проще, въ первой попавшійся саванъ, какъ должна одѣваться душа, освободившаяся изъ своей тлѣнной темницы. Я думалъ, что для привидѣній существуетъ неизмѣнная мода, придуманная Самуэломъ въ «Эндорѣ», и что каждое привидѣніе обязано слѣдовать этой модѣ подъ опасеніемъ лишенія своей должности. Въ то время, какъ я размышлялъ о правахъ и обычаяхъ привидѣній, я услышалъ баситый голосъ, который говорилъ мнѣ:

— Сдѣлайте одолженіе, посторонитесь, вы мѣшаете мнѣ пройти. Это говорила тѣнь.—Дѣйствительно проходъ былъ узокъ; тѣнь-же была довольно плотнаго сложенія и въ широкихъ латахъ. Вы видите, сударыня, что при всемъ желаніи моемъ остаться хладнокровнымъ, я не могъ этого сдѣлать; случай съ первой сцены Гамлета мѣшалъ моему намѣренію.

— Продолжайте, продолжайте, Сервіанъ, сказала Лавинія веселымъ, дружескимъ тономъ; теперь мнѣ пріятно слушать ваши разсужденія о призракахъ; они меня успокоиваютъ.

— И я прежде, какъ ребенокъ, боялся привидѣній, хладнокровно продолжалъ Альбинъ. Какое адское племя! говорилъ я

себѣ, и какой геркулесъ избавитъ насъ отъ него? Я полагалъ также, что привидѣнія являются быстро и не надолго, что они говорятъ лаконически, и это удвоивало мой страхъ. Когда привидѣніе ничего не говорило, то оно было страшнѣе обыкновеннаго. Такимъ образомъ я привыкъ леденѣть отъ ужаса при мысли о привидѣніи Апулея: оно дѣлаетъ знакъ костью своего пальца. Сколько разъ во мракѣ ночи я дрожалъ, боясь увидѣть этотъ грозный палецъ въ фосфорическомъ блескѣ; я бы умеръ отъ страха.

— Вы приводите меня въ трепетъ, Сервіанъ сказала Лавинія, закрывая глаза своими маленькими ручками. Продолжайте, продолжайте.

— Но есть еще кое-что пострашнѣе пальца привидѣнія Апулея; это два пальца, видѣнные Амміаномъ Марцелиномъ. Представьте себѣ два пальца, носящіеся около вашего лица и старающіеся схватить его за самую возвышенную его часть. Этотъ призракъ каждую ночь терзалъ Амміана Марцелина. Я бы предпочелъ шпагу Дамокла, потому что, имѣя хорошій стальной шлемъ съ широкимъ козырькомъ, можно не бояться шпаги, висящей надъ головою. Я удивляюсь, какъ Дамоклу этотъ способъ не пришелъ въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ странно, сказала Лавинія.

— При случаѣ это послужитъ въ пользу другому, продолжалъ Альбинъ. Имѣя такія понятія о привидѣніяхъ, я не могъ объяснить себѣ первыхъ сценъ Гамлета. Тѣнь такъ часто входитъ и выходятъ, что часовые привыкаютъ къ ней и приглашаютъ ее завтракать. Конечно, если-бы въ мою комнату поминутно входила тѣнь плотнаго сложенія, одѣтая рыцаремъ, я наконецъ рѣшился-бы подвинуть ей кресло и вступить съ нею въ разговоръ. Гамлетъ не ошибается, говоря тѣни: «Alas poor ghost»! — (Увы! бѣдная тѣнь). Но моему удивленію не было границъ, когда я услышалъ монологъ злополучной тѣни въ пятой сценѣ. Апулей, Брутъ, Амміанъ Марцелинъ и всѣ герои, которымъ являлись настоящія привидѣнія, покатились-бы со смѣху при этомъ длинномъ монологѣ, въ которомъ тѣнь Гамлета даетъ даже рецептъ яда изъ бѣлены. Когда привидѣніе, возвращаясь за кулисы, проходило мимо меня, я спросилъ его, сколько стиховъ оно сказало въ послѣднемъ явленіи. Девяносто, — отвѣтило оно; — тогда я въ отчаяніи воскликнулъ: «О, какіе успѣхи съ эпохи пальца Апулея и двухъ пальцевъ Амміана Марцелина!»

— Сервіанъ, — сказала Лавинія съ пріятнѣйшею улыбкою, —

я вамъ рѣшительно прощаю чтеніе Фуллертона, которымъ вы едва не умертвили меня, какъ опіумомъ.

— Сударыня, я оставилъ въ галлереѣ гостепріимныхъ молодыхъ людей, которые великодушно уступили мнѣ половину мѣста въ своей ложѣ; послѣ антракта я, къ несчастію, долженъ буду оставить васъ и отправиться къ нимъ.

— Вы совершенно правы, сказала Лавинія, — но я надѣюсь, что на этотъ разъ антрактъ не продлится пять недѣль....

— Ручаюсь, что не продлится и двухъ дней.

— Можно легко ошибиться, особливо, когда не считаешь времени.

— Но я считалъ — и признаюсь съ душевнымъ прискорбіемъ.

— Удивляюсь, какъ, при столькихъ занятіяхъ, вы еще могли думать объ этомъ. Вы вѣроятно все это время старались забыть то, что знали и....

— И узнать то, чего не зналъ? Я доканчиваю вашу фразу.

— Вамъ это позволяется, потому что труды ваши увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Прощайте, Сервіанъ, не забывайте своихъ друзей.

— О какихъ друзьяхъ вы изволите говорить?

— О тѣхъ, которые ждутъ васъ въ ложѣ; третій актъ начинается.

Альбинъ почтительно поклонился и вышелъ.

Гольдриджъ, который во время всего разговора сидѣлъ въ своемъ углу и на досугѣ разсмотрѣлъ въ лорнетъ всѣхъ красавицъ, при поднятіи занавѣса придвинулся къ Лавиніи и сказалъ ей: — Я думаю, Лавинія, что въ другой разъ ты будешь вѣрить моимъ глазамъ. Твои хотя и прекрасны, но ошибаются и проигрываютъ пари. Но скажи, пожалуйста, какъ это могло случиться? Ты знаешь Сервіана и не узнала его на такомъ разстояніи?

— Что-жъ дѣлать, дядюшка, газъ слишкомъ ярко блеститъ на красныхъ обояхъ; здѣсь точно два солнца.

Третій актъ начался. Во время четвертой сцены Гольдриджъ сказалъ Лавиніи: — Я замѣчаю движенія Сервіана; онъ чрезвычайно серьозенъ и не отвѣчаетъ на вопросы окружающихъ; кажется пьеса совершенно заняла его.

Лавинія ничего не отвѣтила; въ эту минуту два человѣка пристально смотрѣли на сцену и, казалось, слушали трагедію съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Вся зала съ восторгомъ слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось и говорилось на сценѣ, но эти два зрителя не видѣли и не слышали ничего. Во время четвертаго акта Альбинъ уѣхалъ изъ театра. Гольдриджъ дѣлалъ комментаріи на Гам-

лета, чтобы занять Лавинію, которая разсѣянно слушала и притворно улыбалась. Послѣ спектакля Гольдриджъ проводилъ племянницу и простился съ нею у порога ея квартиры. Когда молодая вдова осталась одна въ своей спальнѣ, она почувствовала какое-то странное безпокойство, которое смочило ея глаза и помрачило лицо; ей не кого было обманывать улыбкою. Она долго думала о таинственномъ и непонятномъ молодомъ человѣкѣ, который въ теченіе пяти недѣль являлся ей въ двухъ совершенно противоположныхъ видахъ. Припоминая разговоръ въ ложѣ, она вздрагивала въ ребяческомъ страхѣ при малѣйшемъ шорохѣ и испуганными взорами глядѣла на длинныя складки занавѣсокъ и на туманное отраженіе зеркалъ. Лихорадочная дрожь пробѣгала по ея тѣлу; не имѣя силы надѣть ночной туалетъ, она бросилась одѣтая на постель, не погасивъ даже свѣчи. Вдругъ она услышала, или лучше сказать, ей послышался голосъ, говорившій подъ окномъ: *Увы! бѣдная тѣнь!* — Вѣроятно, подумала она, какой нибудь запоздалый зритель, возвращаясь домой, машинально повторяетъ эту фразу, какъ иногда повторяютъ мотивы арій при выходѣ изъ оперы. Не смотря на это разсужденіе, Лавинія не рѣшалась открыть глазъ, боясь увидѣть страшное видѣніе; мало-по-малу сонъ началъ затемнять ея мысли; вздохъ сожалѣнія объ одиночествѣ вдовьей жизни былъ послѣднимъ смутнымъ выраженіемъ ея засыпавшаго разсудка; Лавинія опустилась головкой на правую руку и тихо уснула.

—

VI.

ПИСЬМО.

Дурно начатый сонъ не бываетъ продолжителенъ, это аксіома Киммерійскихъ горъ, отечества вѣчнаго сна. На колокольнѣ Святаго Патрика звонили къ заутренѣ, когда молодая вдова проснулась. Она была еще въ вечернемъ туалетѣ и испугалась своего платья. — Послѣ сна, когда глаза еще не совсѣмъ раскрыты, трудно тотчасъ припомнить прошедшій день. — Лавинія сдѣлала головою движеніе, означавшее: «А, помню!» и спрыгнула на коверъ. Лѣтнее солнце освѣщало верхушки деревъ; колокольни рисовались на ярко-голубомъ небѣ, птицы пѣніемъ привѣтствовали наступавшій день и ночные призраки въ своихъ туманныхъ саванахъ скрывались за горами.

Лавинію постоянно мучилъ какой то неопредѣленный лихорадоч-

ный страхъ, порождаемый уединенною жизнью въ людяхъ нервическаго сложенія. Притомъ, она имѣла обыковенный недостатокъ подобнаго сложенія: жажду сильныхъ ощущеній, волнующихъ кровь и нервы. Наканунѣ она съ жадностью слушала мрачную поэзію Шекспира и теорію привидѣній Сервіана, зная что ночью страхъ будетъ волновать ея душу, и голосъ покойнаго мужа будетъ слышаться въ каждой складкѣ занавѣсокъ ея уединенной спальни. Лавинія ожила при видѣ утренней зари; она боялась ночи и каждое утро радовалась, думая, что опасность миновала. Въ это утро въ душѣ Лавиніи боролись два совершенно различныя чувства: невольная радость при видѣ веселыхъ утреннихъ лучей и тайная грусть, глубоко запавшая въ ея душу послѣ разгора съ Сервіаномъ. Улыбка и задумчивость безпрерывно смѣнялись на ея свѣжемъ личикѣ, глаза то сверкали совершенно неземнымъ блескомъ, то туманились слезою грусти. Обыковенно въ припадкахъ непонятной меланхоліи она имѣла готовое утѣшеніе: мысль о второмъ бракѣ рисовала ей будущность въ такихъ блестящихъ краскахъ, что печаль невольно исчезала при видѣ новой брачной жизни въ золотѣ и каменьяхъ. Она воображала себя супругою Макдугала; она съ жадностью осматривала роскошь своего дома, толпу ливрейныхъ лакеевъ, шумъ и блескъ своихъ баловъ; она слушала топотъ своихъ лошадей на саквинской мостовой, шопотъ удивленія толпы, привѣтствія молодыхъ франтовъ, скачущихъ въ облакахъ пыли по ипподрому дублинскаго парка, чтобы взглянуть на Лавинію Макдугалъ. — Странное дѣло! въ это утро блестящая будущность противъ обыкновенія не утѣшила молодую вдову. Чтобы возвратиться къ обычному веселому расположенію духа, она желала опять сидѣть въ ложѣ и слушать Сервіана, развивающаго новую теорію о привидѣніи въ «Макбетѣ». — Альбинъ овладѣлъ мыслью Лавиніи довольно странными и совершенно-оригинальными способами; заслуга не маловажная въ глазахъ женщины, въ особенности съ характеромъ Лавиніи.

Разгуливая отъ окна къ двери, Лавинія, на десятомъ кругу, замѣтила на столикѣ письмо, которое, казалось, только что упало съ потолка; случай естественный, но поразительный, съ перваго взгляда.

Молодая женщина въ страхѣ отскочила на нѣсколько шаговъ отъ письма, какъ отъ змѣи; потомъ она обошла вокругъ столика, протянувъ руки, не для того чтобы взять письмо, но чтобы оттолкнуть его, если бы ему вздумалось прыгнуть на ея грудь, какъ ехиднѣ Клеопатры. Въ страхѣ все правдоподобно. Отъ излиш-

ней предосторожности, Лавинія подошла къ окну, чтобы въ случаѣ опасности просить помощи противъ этого письма. — Между тѣмъ, письмо сохраняло свое неподвижное положеніе и на немъ крупными буквами рисовалось имя Лавиніи. Окна и полъ тряслись отъ стука тяжелыхъ экипажей, проѣзжавшихъ по улицѣ; занавѣски дрожали и съ легкимъ шорохомъ передвигались на кольцахъ; казалось, что таинственный факторъ спрятался за кроватью, положивъ письмо на столикъ.

Появленіе горничной обыкновенно оканчиваетъ подобные припадки; въ этомъ случаѣ звонокъ дѣлается домашнимъ набатомъ. Лавинія прибѣгнула къ этому спасительному средству: она позвонила; на вопросъ ея, горничная отвѣтила: — Вчера вечеромъ, въ десять часовъ, лакей принесъ это письмо и я положила его на столикъ.

Лавинія успокоилась, убѣдившись, что нѣтъ ничего сверхъ естественнаго: она пуще всего боялась сношеній съ мертвецами, посредствомъ невидимыхъ гонцовъ. — Радость избавленія отъ страха сдѣлала Лавинію снисходительною къ живымъ и къ ихъ посланіямъ. Впрочемъ, въ продолженіе двадцати мѣсяцевъ молодая вдова получила изъ рукъ своей горничной столько писемъ, что она заранѣе знала всѣ заключившіяся въ нихъ страстныя объясненія и орографическія ошибки, и смѣло распечатывала ихъ. Праздная молодежь и сорокалѣтніе капиталисты обогатили дублинскую городскую почту, отправляя свои записки на имя Лавиніи. Такъ-какъ Лавинія никогда не отвѣчала на эти письма, то она не хотѣла лишить себя невиннаго удовольствія подышать страстнымъ ониміамомъ, курившимся изъ этихъ раздушенныхъ посланій. Лавинія распечатала письмо и прежде всего взглянула на подпись; авторъ не скрывалъ своего имени; въ концѣ письма очень четко красовалось: *Альбинъ де Сервіанъ.*

— Если я слушала то, что онъ могъ говорить, подумала Лавинія, то я могу прочесть то, что онъ мнѣ пишетъ. И она прочла слѣдующее:

« Пять недѣль тому, вы осчастливили меня письмомъ, которое я хорошо понялъ.— Я удивился.— Сегодня вечеромъ, послѣ вашего ласковаго пріема въ театрѣ, похожаго на прощеніе, я рѣшаюсь просить у васъ дозволенія посѣтить васъ завтра утромъ. Вы изгнали меня за преступленіе, котораго я не понималъ: я навелъ на васъ скуку! — Однако я не желаю, чтобы свѣтъ думалъ и говорилъ, что я удаленъ вами за невѣжливость; а въ свѣтѣ непремѣнно изобрѣтутъ эту клевету; вы, по добротѣ

души вашей, вѣроятно не захотите этого, — а потому смѣю надѣяться, что мнѣ не откажутъ, когда я явлюсь завтра.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи преданнаго вамъ

«*Альбина де Сервіана.*»

Лавинія три раза прочла эту записку; она была сильно взволнована, хотя не хотѣла самой себѣ сознаться въ этомъ.— Наконецъ, она граціозно улыбнулась, какъ бы при свидѣтеляхъ, и слазала про себя: Какой странный человѣкъ! О немъ невольно думаешь, какъ о модной шали или бриллiантовомъ уборѣ. Онъ каждый разъ является въ новомъ видѣ. Сперва чрезвычайно несноснымъ лакистомъ; выгоняешь лакиста и встрѣчаешь любезнаго, остроумнаго денди, разговаривающаго о страшныхъ вещахъ съ увлекательною веселостью.— Потомъ получаешь вѣжливое, покорное письмо, на которое нельзя разсердиться. Этотъ молодой человѣкъ составляетъ одинъ цѣлое общество; онъ въ состояніи одинъ наполнить гостиную. Да онъ, право, лучшее лекарство отъ скуки вдовьей жизни и вынужденнаго одиночества! Однако мнѣ не слѣдуетъ его принимать.... Конечно, я не его боюсь, а злословія свѣта.... Всѣ дублинскія вдовы въ негодованіи, что не могли выйти за богача Макдугала, какъ будто Макдугалъ могъ жениться вдругъ на всѣхъ вдовахъ: онѣ разорвутъ на клочки мое доброе имя и по возвращеніи моего будущаго мужа раздѣлятъ его между собою.

Это рѣшеніе успокоило Лавинію. Она твердо убѣдилась, что всѣ качества Альбина не могутъ служить ему въ пользу и что онъ втрое опаснѣе всякаго другаго посѣтителя.— Молодая вдова тотчасъ-же дала приказаніе: не принимать Сервіана, приказаніе, которое горничная заставила себѣ нѣсколько разъ повторить, говоря, съ удивительною наивностью, что она не разслышала. Однако Лавинія, не смотря на свое твердое рѣшеніе, не хотѣла лишить себя удовольствія подсмотрѣть, сквозь занавѣски, выраженіе равнодушія или неудовольствія на лицѣ Сервіана, когда его остановятъ на порогѣ дома холодною фразою: «Сегодня не принимаютъ.»

Занавѣска была тщательно для этого приготовлена. Лавинія, занявъ мѣсто для своихъ наблюденій, почувствовала въ себѣ необыкновенное волненіе, но на этотъ разъ причина волненія не тревожила молодой вдовы. Лукавое любопытство раздражало чувствительные нервы женщины, которая, въ своемъ скучномъ уединеніи, съ жадностью хваталась за самое маловажное развлеченіе. — По-крайней-мѣрѣ, Лавинія такъ объяснила свое смущеніе. — Волненіе усилилось, когда она уви-

дѣла въ концѣ улицы мужчину, медленно подходившаго, какъ бы прогуливаясь. Вообще проходящіе не представляютъ собою ничего замѣчательнаго, но ихъ не должно смѣшивать съ гуляющими; проходящіе отличаются какою-то беззаботностью, они, кажется, идутъ безъ цѣли, чтобы оказать услугу улицѣ, которая безъ нихъ осталась бы пустою; по лицу и по особенному качанію рукъ можно иногда догадаться, что они идутъ за дѣломъ, но въ нихъ никогда не замѣтно страстей.

Въ толпѣ проходящихъ, гуляющій, замѣченный Лавиніею, отличался отъ прочихъ, какъ праздничный гость. Каждый шагъ, приближавшій его къ мѣсту наблюденія, какъ будто раздавался въ комнатѣ Лавиніи; для нея всѣ остальные проходящіе, казалось, шли по бархату.

Альбинъ де-Сервіанъ приближался съ безпечностью дикаря, подозрѣвающаго врага за каждымъ камнемъ, за каждымъ кустомъ. Казалось, онъ смотрѣлъ на все окружавшее, но взоры его были устремлены только на домъ Лавиніи. Онъ издали изучалъ наружность дома, чтобы открыть въ окнахъ, въ занавѣскахъ и въ выставленныхъ цвѣтахъ какой нибудь признакъ успѣха. Всѣ прочіе домы были для него какъ будто могильные склепы, въ одномъ только была душа, рѣчь, улыбка, движеніе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ завѣтной двери молодому человѣку показалось, что земля дрожитъ подъ его ногами и рука его онѣмѣла, ухватясь за гладкую ручку мѣднаго замка. Онъ не имѣлъ силы повернуть ее, но дверь сама отворилась, какъ въ «Тысячѣ и одной ночи» дверь Сезамы, безъ звонка и молотка.

— Что, барыня принимаетъ сегодня?

— Принимаетъ, сударь, отвѣчала горничная, отворивъ дверь въ залу: Альбинъ вступилъ въ рай.

Твердое намѣреніе Лавиніи не устояло до конца; она измѣнила свое приказаніе въ ту минуту, когда рука Альбина касалась мѣдной ручки.— Что жъ! почтимъ твердость, которой не хватило одной минуты, чтобы сдѣлаться рѣшительнымъ геройствомъ. Альбинъ долго ждалъ въ залѣ и вполнѣ наслаждался этими тревожными мгновеніями. Онъ готовъ былъ ждать вѣчно: онъ зналъ, что въ это время Лавинія думаетъ о немъ. Увы! ожиданіе не могло быть вѣчно! Лавинія вышла въ залу съ тѣмъ смѣющимся выраженіемъ лица, которое женщины принимаютъ, когда не имѣютъ никакой охоты смѣяться, — и живо начала разговоръ фразою, приготовленною предъ зеркаломъ.

— А, здравствуйте Сервіанъ, сказала она, указывая ему на кресло, вы вчера въ теоріи привидѣній забыли одну главу.

— Это незначительный пропускъ, отвѣтилъ Альбинъ, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе. Его легко пополнить.

— Какого вы мнѣнія о привидѣніи въ Макбетѣ?

— О, я имѣю о немъ самое высокое мнѣніе. — Это привидѣніе безукоризненно; оно возвращаетъ мнѣ уваженіе къ Шекспиру, который въ этомъ отношеніи такъ сильно ошибся въ Гамлетѣ.— Привидѣніе въ Макбетѣ знаетъ свои обязанности; оно не говоритъ, не пугаетъ своимъ молчаніемъ; оно просто садится за столъ; во впадинахъ его глазъ сверкаютъ два адскіе угля. Это совершенство привидѣнія.

— Сервіанъ, я люблю говорить о подобныхъ вещахъ днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, какъ теперь, но онѣ всегда заставляютъ меня трепетать вечеромъ. Но поговоримъ о другомъ. У меня есть до васъ просьба: не пишите мнѣ писемъ. Конечно, ваши письма очень невинны, но вѣдь этого не написано на конвертѣ; ихъ нужно распечатывать: въ сосѣднихъ занавѣскахъ повсюду глаза, которые читаютъ мои письма, не распечатывая, въ рукахъ разносчика. Въ моемъ положеніи необходима осторожность и я прикажу людямъ не принимать ни какихъ писемъ.

— Ужъ не будетъ-ли этотъ запретъ простираться и на визиты?

— О нѣтъ! визиты вездѣ принимаютъ: только надо наблюдать, чтобы одна и таже особа не слишкомъ часто дѣлала посѣщенія: клевета воспользуется этимъ еще скорѣе, чѣмъ письмами.

— Совершенно справедливо.

— Легкомысленные люди, которые пишутъ ко мнѣ отъ нечего дѣлать, не знаютъ моего положенія, но вы, Сервіанъ, слишкомъ хорошо его знаете. Я, можно сказать, почти обручена съ вашимъ другомъ Макдугаломъ.

Альбинъ вздрогнулъ, какъ будто узналъ объ этомъ въ первый разъ.

— Еще шесть недѣль, продолжала Лавинія, и Макдугалъ будетъ въ Дублинѣ, я должна дѣйствовать съ величайшею осторожностью.... Неправда-ли, Сервіанъ?

— Да, да, съ величайшею осторожностью, отвѣтилъ Альбинъ, какъ опоздавшее эхо.

Лавинія сложила руки на груди и ноги на табуретѣ, наклонила голову и задумалась, какъ-бы разглядывая шести-недѣльную будущность, въ концѣ которой являлся второй мужъ.

Альбинъ воспользовался этою минутою, чтобы разсмотрѣть молодую вдову; въ этой позѣ туалетъ и прелести ея выказывались во всемъ блескѣ. Сквозь прозрачную кисею можно было разсмотрѣть ея роскошныя руки; голова, небрежно наклоненная, откры-

вала весь полукругъ шеи ослѣпительной бѣлизны; бѣлое платье, превосходно сшитое, обрисовывало все тѣло. Природная скромность Лавиніи не позволяла думать, что она погружалась такимъ образомъ въ размышленіе для того только, чтобы выказать всѣ свои достоинства; однако за ирландскихъ вдовъ нельзя ни въ чемъ поручиться.

VII.

ШАЛЬ ДИНГЛЯ.

Дверь залы отворилась и прервала размышленія Лавиніи и страстныя наблюденія Альбина. Горничная принесла шаль и сказала изумившейся Лавиніи:

— Это сейчасъ принесли, сударыня; посланный сказалъ, что вы знаете отъ кого; желаютъ, чтобы вы приняли эту шаль, какъ подарокъ; послѣднее слово было сказано съ особеннымъ ударе-ніемъ; и прибавили, что шаль фабрики Дингля.

— Такъ, такъ, сказала Лавинія съ радостнымъ лицомъ, теперь я помню, шаль Дингля, подарокъ.... Посланный еще здѣсь?

— Здѣсь, сударыня.

— Скажи, что я благодарю и принимаю подарокъ.

Альбинъ чувствовалъ, что лицо его быстро переходило отъ силь-ной краски къ смертной блѣдности.

Лавинія развертывала шаль и съ довольною улыбкою осматри-вала каждый узоръ, каждый цвѣтокъ. Альбинъ исчезалъ для нея, Лавинія бесѣдовала съ своею шалью.

— Какъ жаль, что теперь лѣто! говорила она, нужно ждать три мѣсяца, чтобы надѣть этотъ подарокъ.... а чрезъ три мѣсяца, въ моихъ свадебныхъ подаркахъ будутъ другія шали.... А! какая мысль! я могу носить эту шаль вечеромъ.... въ полночь.... вы-ходя изъ театра.... Когда ждешь кареты, нужно-же чѣмъ нибудь прикрыться.... ночи такъ холодны.... Сервіанъ, что даютъ завтра въ театрѣ?

— «Отелло», отвѣчалъ Альбинъ голосомъ венеціянскаго мавра.

— Тѣмъ хуже! я не люблю «Отелло».... Тамъ нѣтъ привидѣнія.

— Извините, тамъ есть привидѣніе.

— А! странно, я никогда не примѣчала.... Вы человѣкъ со вкусомъ, Сервіанъ: скажите по правдѣ; кажется, цвѣты на моей шали немного велики?

— Да, это правда, отвѣтилъ Альбинъ, не поглядѣвъ на цвѣты.

— Этотъ голубой грунтъ мнѣ не нравится.... А какъ называет-ся привидѣніе въ Отелло?

— Ревность.

— А! вы это называете привидѣніемъ!... Въ такомъ случаѣ вездѣ есть привидѣнія.... Красный грунтъ у шали по моему гораздо лучше. А что, Сервіанъ, достало бы у васъ духа сдѣлать тоже, что Отелло?

— Я поступилъ-бы лучше.

— Вы бы два раза убили? сказала Лавинія, громко смѣясь надъ раскрытою шалью.

— Напротивъ, я заставилъ-бы свою жену жить одну, съ угрызеніями совѣсти, вмѣсто всякаго общества. Я былъ-бы ея тюремщикомъ. Не должно никого убивать.

— Дѣйствительно, вы похожи на ревнивца.... Вы знаете всѣ моды, Сервіанъ, скажите, какъ носятъ въ Дублинѣ шали, платкомъ или шарфомъ?

— Какъ вамъ угодно.

— Платкомъ выгоднѣе для шали; шарфомъ выгоднѣе для женщины.... Къ несчастію, актрисы носятъ платкомъ. А какъ вы думаете, что эта шаль стоитъ?

— Мнѣ трудно оцѣнить ее; я не знатокъ въ этомъ дѣлѣ. Если тотъ, кто дарилъ вамъ ее, богатъ, то и шаль должна быть дорогая.

— Я оцѣниваю ее въ тридцать ливровъ, и увѣрена, что не ошиблась ни однимъ шиллингомъ. Теперь я знаю, Сервіанъ, почему вы не женаты.... Вы боитесь быть ея тюремщикомъ. Фи! какой ревнивецъ!

— Еслибъ я женился, то повѣрьте, мнѣ не пришлось-бы ревновать мою жену; я оставилъ-бы это мученіе тѣмъ, которые не женились на ней.

— А! это похоже на что-то порядочное, только оно довольно темно.... по-крайней-мѣрѣ для меня.

— Быть можетъ; я говорю, какъ мнѣ на умъ взбредетъ и нерѣдко чрезъ пять минутъ противорѣчу себѣ.

— Понимаю, вы влюблены.

— Да, влюбленъ.

— Пожалуйста, разскажите, какъ это случилось; я, въ этомъ отношеніи, любопытна, какъ старуха.... Пять или шесть недѣль тому вы не были похожи на влюбленнаго; помните, когда вы говорили о Фуллертонѣ.... Вы тогда были одѣты въ пять аршинъ плохаго сукна, которое какъ-нибудь нечаянно само собой скроилось, и въ довольно подержанную обувь. Въ такомъ костюмѣ можно любить озеро, лѣсъ, гору, но не женщину.... Знаете, Сервіанъ, когда я васъ увидѣла въ первый разъ щеголемъ, я

тотчасъ угадала, что вы влюблены. Какъ Мандугалъ удивится, когда пріѣдетъ.

— Я думаю, что удивится!

— Посмотрите, онъ предложитъ вамъ обвѣнчаться въ одинъ день съ нимъ....

— Очень можетъ быть.

— Такъ вотъ тайна вашего шестинедѣльнаго отсутствія, Сервіанъ.

— Да, я ѣздилъ въ свѣтъ, старался привыкнуть къ обычаямъ общества; я искалъ для себя страсти....

— И вы нашли?

— Увы! нашелъ.

— Это увы! не слишкомъ лестно для предмета вашей страсти. Къ счастью, любимая вами женщина не слышала его. Отсутствующіе подчасъ очень счастливы.

— Напримѣръ, мой пріятель Мандугалъ.... онъ живетъ въ другой части свѣта и не знаетъ, что дѣлается въ нашей.

— А если-бы онъ зналъ?

— Конечно, я не говорю, чтобы онъ могъ пожаловаться, однако....

— Однако?

— Вы знаете, любовь часто бываетъ безразсудна, несправедлива. Какъ знать! если бы онъ былъ здѣсь, ему можетъ быть не понравились-бы разводы и голубой цвѣтъ вашей новой шали. Вы, въ оправданіе ея, сказали-бы, что это подарокъ, но онъ, можетъ-быть, сталъ-бы критиковать подарокъ.

— Чудесно, превосходно, Сервіанъ; видите, я вамъ предсказывала, что со временемъ вы сдѣлаетесь необыкновенно остроумны! сказала Лавинія съ продолжительнымъ, громкимъ смѣхомъ. Ахъ, какъ мы теперь далеки отъ Фуллертона! Какъ вы тогда были наивны, а теперь какъ злы! Продолжайте, продолжайте, не скрывайте коварной улыбки.... Возьмите шаль, я вамъ вручаю ее; срисуйте ее въ подробности и отправьте портретъ моего подарка вашему пріятелю Макдугалу.

— Извините, но я съ прискорбіемъ замѣчаю, что вы возвращаетесь къ прежнему мнѣнію вашему обо мнѣ. Я долго удалялся отъ васъ, чтобы уничтожить подозрѣніе въ шпіонствѣ за вами, по порученію вашего женниха. Припомните ваше письмо; угодно вамъ, чтобы я снова удалился? Я не ослушаюсь.

— Нѣтъ, Сервіанъ, я дважды не оскорблю васъ такимъ подозрѣніемъ, сказала Лавинія, быстро перемѣнивъ тонъ и благосклонно улыбаясь. Въ первый разъ я удалила отъ себя не без-

покойнаго надсмотрщика, но невыносимо скучнаго педанта. Я не боюсь присмотра въ моемъ домашнемъ быту и зачѣмъ мнѣ его бояться? Но я боюсь несправедливыхъ подозрѣній, а вы подозрѣваете меня.... Не прерывайте, пожалуйста.... Вы смотрѣли на меня и улыбались съ адскимъ коварствомъ.

— Помилуйте! Съ чего вы это взяли? воскликнулъ Сервіанъ, всплеснувъ руками надъ головой.

— Выслушайте меня до конца.... До сихъ поръ мы оба были скрытны въ нашемъ разговорѣ; я прошу у васъ одной минуты взаимной откровенности; потомъ, если вамъ угодно, мы снова станемъ говорить подъ маской.... Сервіанъ, я не хочу, чтобы вы вынесли изъ нашего разговора ложное и обидное мнѣніе обо мнѣ и, въ наказаніе за ваше подозрѣніе, вы тотчасъ-же отправитесь въ домъ, который я вамъ означу....

— Объясните, пожалуйста; я....

— Хотите вы оказать мнѣ услугу, Сервіанъ?

— Я готовъ пожертвовать для васъ жизнью.

— Зачѣмъ? не преувеличивайте.... Ступайте тотчасъ-же въ *Searoad*, 39; спросите господина Гольдриджа; это мой дядя; старичекъ, котораго вы вчера видѣли у меня въ ложѣ; прекрасный человѣкъ, хотя и небогатый; я его рѣдко вижу, но онъ меня чрезвычайно любитъ. Вы поблагодарите его отъ моего имени за подарокъ и я увѣрена, что онъ будетъ очень доволенъ вашимъ посѣщеніемъ.

— Какъ! эта шаль.... воскликнулъ Альбинъ, стараясь скрыть восторгъ, который невольно обнаружился на лицѣ и въ движеніи его.

— Это подарокъ моего дяди; онъ обѣщалъ мнѣ ее вчера вечеромъ, въ театрѣ, почти въ вашемъ присутствіи.

— О! вскрикнулъ неосторожный Альбинъ, закрывъ руками покраснѣвшее лицо.

— Что съ вами? сказала Лавинія, судорожно вздрогнувъ и стараясь прикрыть улыбкою встревоженное выраженіе лица. Вамъ дурно, Сервіанъ? я не могу васъ понять.... Вы не рѣшаетесь идти къ моему дядѣ?

Альбинъ еще не дошелъ до той степени совершенства, при которой исчезаетъ застѣнчивость въ любовныхъ и дружескихъ сношеніяхъ. Онъ понялъ всю неосторожность невольнаго восклицанія, раздавшагося въ комнатахъ будущей супруги его друга, порученной его надзору. Это восклицаніе было явнымъ признаніемъ въ страсти, признаніемъ неумѣстнымъ, неловкимъ и даже преступнымъ. Отвѣтъ, вызываемый лукавыми вопросами женщины, которая все поняла, приводилъ его въ сильное замѣшательство,

еще болѣе обличавшее его страсть. Однако нельзя было не отвѣчать.

— Вы, вѣроятно, поняли причину моего смущенія? сказалъ онъ наконецъ.

— Ничуть; иначе я бы васъ не спрашивала. Лавинія успѣла вооружиться присутствіемъ духа и бодростью, которыхъ недоставало ея собесѣднику; на лицѣ и въ голосѣ ея нельзя было замѣтить ни малѣйшаго притворства. Замѣшательство Альбина было для нея радостнымъ торжествомъ, и, не заботясь о послѣдствіяхъ необдуманно начатаго разговора, она всячески старалась заставить Альбина высказать свое признаніе, на которое еще не знала, какъ отвѣчать. — Женщинѣ, измученной скукою вдовьей жизни, нельзя не простить подобной жестокости въ свѣтскихъ шуткахъ.

— Я не знаю, какъ вамъ это объяснить, сказалъ наконецъ Альбинъ; вложите этотъ радостный крикъ въ уста вашего будущаго супруга и вы поймете его. Я думалъ, что вы получили подарокъ отъ.... отъ....

— Отъ молодаго человѣка, отъ влюбленнаго.... скажите прямо, Сервіанъ; я понимаю; и вы встревожились за моего будущаго супруга, за вашего пріятеля?

— Вы оканчиваете мою мысль.

— Вы успокоились, за моего будущаго мужа, когда я вамъ сказала, что это подарокъ стараго дяди.

— Дружба такое чувство....

— Понимаю, понимаю, вы обрадовались по довѣренности.

— Вы говорите это такимъ тономъ....

— Чтожъ дѣлать, Сервіанъ; ваше объясненіе такъ натурально, такое дружеское сочувствіе такъ понятно.... Однимъ словомъ, кончимъ этотъ разговоръ, все объяснено.

Послѣднія слова произнесены были Лавиніею съ двусмысленнымъ выраженіемъ, означавшимъ скорѣе, что еще ничего не было объяснено. Альбинъ всталъ, сбираясь идти, чтобы не продлить разговора, который казался ему затруднительнымъ и опаснымъ.

— Надѣюсь, Сервіанъ, что вы не забудете моего порученія: *Sea-road*, 39.

— Я прямо отсюда отправлюсь къ вашему дядюшкѣ, Гольдриджу.

Альбинъ вышелъ. Послѣ его ухода Лавинія задумалась и сѣла противъ зеркала, чтобы не быть одной. Въ этомъ положеніи она посмотрѣла на кресло, оставленное молодымъ человѣкомъ и по-

думала : Сервіанъ любитъ меня.... а я.... я не могу любить его... Ахъ, я слишкомъ поторопилась съ Макдугаломъ !

Исполнивъ порученіе, Альбинъ отъ Гольдриджа отправился домой. Дойдя до возраста, въ которомъ любовь часто бываетъ только воспоминаніемъ прошедшихъ разочарованій, Альбинъ былъ еще ребенкомъ въ искусствѣ любви, воспѣтомъ Овидіемъ и Бернарденомъ. — Въ присутствіи обожаемой вдовы онъ былъ робкимъ и неловкимъ юношею, безъ всякаго знанія женскаго сердца. Послѣ свиданія съ нею онъ чувствовалъ въ себѣ необыкновенную энергію, рѣшимость и твердость характера. Перевоспитаніе послѣднихъ недѣль быстро развило въ немъ эти природныя качества или недостатки. Передъ Лавиніею неопытность его проглядывала въ рѣчахъ и обращеніи ; вдали отъ нея онъ примирялся съ самимъ собою и признавалъ въ себѣ всю опытность искуснаго побѣдителя сердецъ. Сервіанъ, казалось, каждый день мѣнялъ характеръ и обращеніе. Онъ бродилъ ощупью, пріискивая себѣ физіономію, приличную для своего новаго положенія, и потому измѣнялся съ необыкновенною быстротою и безъ всякаго труда.

VIII.

ОТСТАВНОЙ ЛАКИСТЪ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома Альбинъ замѣтилъ человѣка, сидѣвшаго у его порога. Это былъ лакистъ О'Фаррель, врагъ-гидрофобъ рѣкъ и мостовъ. Мудрая Англія изобрѣла цѣлый рядъ съумасшедшихъ, неизвѣстныхъ другимъ народамъ. Исторія Лингарда и Юма не говоритъ объ этихъ людяхъ.

— Какъ, это вы, Сервіанъ ! воскликнулъ лакистъ О'Фаррель : я узналъ васъ по вашему дому. Вы одѣты, какъ принцъ Валлисскій ; а я, посмотрите ; — собственная кожа служитъ мнѣ вмѣсто сапогъ ; — послѣдніе клочки волосъ — вмѣсто шапки, а паутина, изъ которой скроено мое платье, распадется на первомъ шагу.

— Войдите, войдите ко мнѣ, сказалъ Альбинъ голосомъ, показывавшимъ, что встрѣча эта пріятна для него, потому что она отвлекала его отъ утомительныхъ сердечныхъ занятій.

— Прежде всего, господинъ де-Сервіанъ, прикажите подать мнѣ портеру, я изнемогаю отъ жажды, потомъ я скажу вамъ нѣсколько словъ о своемъ аппетитѣ.

— Бѣдный О'Фаррель !... подождите.... мой лакей сейчасъ дастъ вамъ напиться.... я думалъ, что вы пьете только воду.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣю счастіе быть президентомъ Дублинскаго общества воздержности, я смотрю на воду, но не пью ее.

— И хорошо дѣлаете, О'Фаррель!

— Вода прорываетъ землю и желудокъ.... Мы васъ ждали въ Килларнеѣ, а вы не пріѣхали.

— Дѣла задержали меня въ Дублинѣ.... Что-же вы сдѣлали въ Килларнеѣ.... какъ поживаютъ озера?

— Господинъ де Сервіанъ, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ; я подалъ въ отставку; въ этомъ проклятомъ ремеслѣ развѣ что воды напьешься, а больше ничего.

— Вы болѣе не лакистъ, О'Фаррель?

— Неужели-же мнѣ вѣчно оставаться лакистомъ, когда я знаю, что не получу отъ этого ни одного *пенни?*

— Развѣ ваши собратья не помогаютъ вамъ?

— Мои собратья, Сервіанъ, о, если-бы вы знали!

— Скажите, я буду знать.

— Грустное событіе, Сервіанъ. Я разскажу вамъ его въ нѣсколькихъ словахъ. Вашъ портеръ превосходенъ, и если лакей не устанетъ, то онъ можетъ подливать мнѣ его до вечера.... Вотъ что случилось.... Я составилъ небольшое собраніе стихотвореній въ духѣ нашей секты; — судите по заглавіямъ: *Ненависть рѣкамъ! — Мосты, обрушьтесь! — Озеро, отвѣть мнѣ! — Истина на днѣ озеръ, безумные города, засыпьте свои колодцы* и тому подобное. По этому вы можете судить объ остальномъ. Я пріѣхалъ въ Килларней съ своею рукописью и съ листомъ для подписки. Насъ было четыреста-шестьдесятъ-три лакиста; ровно столько подписчиковъ нужно мнѣ было для напечатанія моихъ стихотвореній. Чтожъ-бы вы думали, Сервіанъ? — это невѣроятно.... я нашелъ четыреста-шестьдесятъ-трехъ сотоварищей, которые всѣ имѣли въ карманѣ готовую рукопись для напечатанія по моей системѣ!

— Какое разлитіе поэзіи; бѣдный О'Фаррель! Воображаю, сколько тутъ воды! Если-бы все это вдругъ явилось на свѣтъ, озера выступили-бы изъ своихъ береговъ.

— Ни одна изъ этихъ поэмъ не будетъ напечатана.

— Слава Ѳебу!

— Однако, я хочу, чтобы моя книга была напечатана. Посудите сами, прослушайте хоть начало моего стихотворенія: *Ненависть рѣкамъ*:

Куда стремитесь вы въ угрюмыхъ берегахъ,
Послушныя, безсмысленныя рѣки!

Толь дѣло озеро! Въ его живыхъ волнахъ
Всѣ образы свѣтилъ отражены на вѣки.

— Прекрасное начало, О'Фаррель, но остановимся на этомъ. Пейте лучше вашъ портеръ и оставьте рѣки въ покоѣ. Скажите, съ какимъ намѣреніемъ посѣтили вы меня?

— Сказать правду, Сервіанъ, я пришелъ просить васъ даровать мнѣ жизнь.

— Охотно, если это отъ меня зависитъ.

— Напечатайте на свой счетъ мою книгу?

— На мой счетъ? Почему-же нѣтъ? — Вѣдь я не буду обязанъ ее читать?

— Конечно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ. О'Фаррель палъ къ ногамъ Альбина, который его поднялъ.

— Однако, продолжалъ Альбинъ, прежде, чѣмъ печатать книгу, вы должны переодѣться; въ моей уборной вы найдете коллекцію платьевъ портнаго Фульстона; вы будете одѣты, какъ баронетъ, ступайте; за обѣдомъ увидимся; я скажу лакею, чтобъ онъ позаботился объ васъ.

О'Форрель готовился во второй разъ броситься къ ногамъ своего благодѣтеля, но двѣ сильныя руки остановили его на половинѣ дороги.

Избавившись благодарности О'Фарреля, Альбинъ ушелъ въ отцовскій кабинетъ и прочелъ двѣ сказки Мармонтеля, шесть сказокъ Лафонтена, и увлекательный томикъ: «*Зеркала вдовы*», въ которомъ описаны три молодыя вдовы, огорченныя своимъ уединеніемъ и отыскивающія себѣ мужей.

— Счастливая эпоха! подумалъ Альбинъ; мужчины спокойно сидѣли дома, а женщины писали имъ посланія.

Послѣ такого разсужденія онъ отправился для развлеченія погулять въ Фениксъ-Паркъ. Въ этотъ день все модное общество сбиралось въ паркъ; въ тѣни деревъ гулялъ весь прекрасный полъ Дублина, который дѣйствительно прекрасенъ. Альбинъ очутился посреди безчисленнаго количества красивѣйшихъ личекъ, прелестнѣйшихъ глазъ и роскошнѣйшихъ волосъ трехъ соединенныхъ королевствъ, но это зрѣлище привело его въ ужасъ и отчаяніе; для него всѣ эти роскошныя существа были простыми смертными, которыхъ совершенно затмило-бы появленіе Лавиніи. Безъ Лавиніи для него не было любви, не существовало женщинъ.

Думать было-нечего; оставалось завоевать единственную въ свѣтѣ женщину, пока свѣтъ ее не узналъ, тѣмъ болѣе, что са-

мый грозный соперникъ, Макдугалъ, болѣе влюбленный въ торговлю, чѣмъ въ невѣсту, забылъ Лавинію, поднимаясь по теченію Миссисипи. Когда Альбинъ твердо убѣдился, что только одна любовь Лавиніи можетъ оживить его, то онъ погрузился въ глубокую думу и сталъ отыскивать вѣрнѣйшихъ средствъ для достиженія окончательнаго результата. Онъ перебралъ всѣ средства, разсмотрѣлъ всѣ случаи, представилъ себѣ всѣ возможныя неудачи и съ математическою точностью придумалъ противодѣйствующія имъ мѣры.

— Я хочу жить! — воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по воздуху, — я, по праву необходимой обороны, долженъ защищаться противъ всякаго, кто вздумаетъ отнимать у меня жизнь, или отнять Лавинію, что одно и тоже.

Однако онъ чувствовалъ, что надо быть осторожнымъ, въ особенности въ отношеніи къ сосѣдямъ. Въ подобныхъ случаяхъ сосѣди всегда опасны! Увы, въ наше время города наполнены сосѣдями.

Макдугалъ уполномочилъ Альбина ежедневно посѣщать его будущую супругу, но сосѣди не могли знать этого порученія; притомъ, съ тѣхъ поръ, какъ Альбинъ влюбился въ Лавинію, ему казалось, что сосѣди прочли эту тайну у него на лбу, и готовы прокричать ее изъ оконъ. Въ этотъ день, вечеромъ, Альбинъ, обѣдая съ О'Фарреломъ, былъ чрезвычайно разсѣянъ. Бывшій лакистъ одѣлся, обулся и причесался щеголемъ; онъ казался моложе въ своемъ новомъ платьѣ, только на лицѣ его оставались слѣды голода, этаго бѣдствія поэтовъ въ дѣвственныхъ странахъ, въ которыя еще не проникла проза.

Это былъ первый обѣдъ О'Фарреля: онъ не упустилъ случая даромъ наполнить желудокъ и на всѣ вопросы Альбина отвѣчалъ односложными жестами, потому что ему нѣкогда было выговарить *да* или *нѣтъ*. Нужно быть поэтомъ-лакистомъ, чтобы понять значеніе потерянаго слова во время обѣда. Когда портвейнъ и хересъ явились на столъ подъ конецъ обѣда, О'Фаррель рѣшился сказать нѣсколько словъ и началъ улыбаться.

— А что, спросилъ Альбинъ, вы никогда не будете сожалѣть о стаканѣ пива и картофелѣ, печеномъ въ золѣ, вашей обыкновенный пищѣ на берегу озеръ?

О'Фаррель захохоталъ такъ усердно, что однимъ разомъ вознаградилъ себя за все время, потерянное въ мрачныхъ размышленіяхъ.

— Теперь скажите, продолжалъ Альбинъ, подумали-ли вы, гдѣ будете жить; имѣете-ли ночлегъ на сегодняшній день.

— Нѣтъ, отвѣтилъ О'Фаррель.

— Слушайте, О'Фаррель, сказалъ Альбинъ. Сегодня вы останетесь у меня; завтра я васъ помѣщу въ хорошемъ домѣ. Вы будете довольны. У себя вы будете обѣдать также, какъ и здѣсь, можетъ быть, даже лучше, потому что тамъ не съ кѣмъ будетъ говорить; вы будете обѣдать одни. Сверхъ того, я не забылъ своего обѣщанія; я печатаю ваши стихотворенія на свой счетъ.... О! не падайте въ третій разъ на колѣна.... Я вижу, что вы признательны.... Это прекрасно, но будьте хладнокровны, какъ неблагодарный.

О'Фаррель тотчасъ принялъ хладнокровный видъ неблагодарности.

— Хотите вы знать мои условія? продолжалъ Альбинъ.

— Я согласенъ на всѣ возможныя условія. Я буду даже неблагодаренъ, если понадобится.

— Мои требованія легче исполнить, чѣмъ быть неблагодарнымъ. Вотъ они: вы никому не будете говорить о томъ, что я сдѣлалъ и что еще сдѣлаю для васъ. Даже, когда вамъ будутъ говорить обо мнѣ, вы отвѣтите, я не знаю этого человѣка! Вы удивляетесь, О'Фаррель? между-тѣмъ причина этого понятна; я богатъ, но, къ несчастію, я не милльонеръ. Если вы станете разсказывать повсюду, что я вамъ помогъ, то ко мнѣ явится четыреста шестьдесятъ три лакиста, которые всѣ отыскиваютъ подписчиковъ на днѣ своихъ озеръ....

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ: это справедливо!

— И такъ, для вашей-же пользы, вы не должны говорить объ этомъ.

— Будьте спокойны, господинъ де-Сервіанъ.

— Если-бы я имѣлъ состояніе герцога Нортумберлендскаго, я бы далъ каждому лакисту 50 ливровъ пенсіи и меблированную комнату въ моемъ дворцѣ, чтобы онъ могъ сдѣлаться человѣкомъ изъ мечтателя, — но я дѣлаю то, что могу. Мнѣ не слѣдуетъ забывать, что я самъ былъ лакистомъ и я обязанъ устроить судьбу одного изъ моихъ сотоварищей, но только одного. Вы первый встрѣтились мнѣ и я васъ избралъ. Если когда нибудь мнѣ понадобятся ваши услуги, я надѣюсь, вы не откажетесь?

О'Фаррель поднялъ глаза къ небу и энергически положилъ руку на сердце.

— Однако поздно, прибавилъ Сервіанъ, вставая съ мѣста, я возвращаю вамъ свободу. Завтра утромъ, вы получите мою послѣднюю письменную инструкцію.

На другое утро Альбинъ всталъ, терзаемый желаніемъ посѣ-

тить молодую вдову; онъ два дни не видалъ ее, а это почти вѣчность для истинно влюбленнаго.

Въ полдень онъ отправился къ Лавиніи, дошелъ до завѣтной улицы, но на поворотѣ остановился, какъ вкопаный.

— Сосѣдей было болѣе обыкновеннаго; изъ каждаго окна выглядывала рожа, у каждаго балкона бѣленькая ручка поливала цвѣты и глаза этой ручки смотрѣли не на цвѣты; у каждой двери прислужникъ неизвѣстнаго пола неистово чистилъ мѣдный замокъ, какъ-бы думая обратить его въ золото. Чтобы вступить въ убѣжище Лавиніи, нужно было пройти сквозь этотъ перекрестный огонь; если бы Альбинъ отважился на это трудное предпріятіе, онъ рисковалъ-бы встрѣтить разгнѣванную женщину, съ строгимъ лицомъ и съ справедливымъ упрекомъ за неосторожный поступокъ. Эта мысль останавила Альбина и онъ рѣшился пожертвовать своимъ удовольствіемъ: впрочемъ, онъ почти былъ увѣренъ, что увидитъ Лавинію вечеромъ въ театрѣ. Давали «Отелло». Молодая вдова не любила этой трагедіи, но Альбинъ надѣялся, что она пріѣдетъ въ театръ въ воспоминаніе послѣдняго разговора съ нимъ, и изъ этого думалъ вывести свои заключенія. Вечеромъ нашъ герой отправился въ театръ, ранѣе обыкновеннаго, чтобы имѣть время занять удобнѣйшій постъ для наблюденій. Помѣстившись въ галлереѣ верхнихъ ложъ, онъ сталъ внимательно осматривать нижнія ложи, въ которыхъ надѣялся вторично увидѣть свѣтило своей жизни. Коридоры и лѣстницы оглашались веселымъ шумомъ моднаго собранія. Повсюду слышался шорохъ платьевъ и громкій смѣхъ молодыхъ женщинъ; ряды ложъ пестрѣли дорогими матеріями, каменьями, прелестными головками, французскими цвѣтами и китайскими вѣерами. Для Альбина это созвѣздіе женскаго пола было чѣмъ-то въ родѣ млечнаго пути, скрывающагося на горизонтѣ, въ туманной дали. Наконецъ дверь завѣтной ложи распахнулась и свѣтило взошло; неизмѣнный спутникъ его, дядя Гольдриджъ, своимъ присутствіемъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ удвоивалъ его блескъ.

—

IX.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ АМЕРИКИ.

Альбинъ, скрывшись въ самомъ темномъ углу галлереи, смотрѣлъ во всѣ глаза и слѣдилъ за граціозными движеніями Лави-

нія, которая развертывала афишку, передвигала кресла, пробовала лорнетъ, укладывала шаль. Въ то время, какъ онъ вполнѣ углубился въ это очаровательное зрѣлище, чья-то рука слегка коснулась его локтя; онъ вздрогнулъ и обернулся.

— Сервіанъ, вы точно лягавая на стойкѣ; подойдите-же на минуту; мнѣ нужно вамъ сказать нѣсколько словъ. Вашъ Макдугалъ удивительно милъ.

Это была миссъ Кора, прелестная, какъ всегда и, по обыкновенію, въ роскошномъ нарядѣ, но Альбину показалось, что онъ видитъ безобразіе, одѣтое въ рубище; онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Что съ вами, прелестный денди? продолжала актриса; — или вы лишились языка? Знаете ли, я ужасно зла на вашего Макдугала... Зайдите ко мнѣ въ ложу, я вамъ все разскажу....

— Невозможно, сказалъ Альбинъ, выведенный изъ терпѣнія; я здѣсь съ родными; меня ждутъ. Я не знаю «Отелло», и не хочу пропустить ни одного стиха.

— Вы шутите! прошу покорно, онъ не знаетъ Отелло; вы не много выиграете, когда познакомитесь съ нимъ. Это устарѣлая сказка моей кормилицы. Скверный арабъ, который, чтобы отдѣлаться отъ своей жены, душитъ ее тюфякомъ. Эта старая шутка, совсѣмъ не въ нашихъ нравахъ.

— Намъ остается еще нѣсколько минутъ, миссъ Кора, сказалъ Альбинъ, притворяясь серьознымъ, чтобы избавиться отъ докучливой фамильярности актрисы. Что хотѣли вы сказать о Макдугалѣ?

— О, чудовище! я просила у него двухъ попугаевъ, онъ прислалъ мнѣ четыре.

— Двумя болѣе, чѣмъ вы просили. Что-же тутъ дурнаго?

— Четыре набитые попугая! представьте себѣ!... Я ихъ только что получила и съ преглупымъ письмомъ. Вообразите, четыре чучелы!

— Что же онъ пишетъ?

— Ровно ничего; даже нѣтъ векселя на полученіе денегъ... просто изъ рукъ вонъ глупо! Макдугалъ ухаживалъ за мною за кулисами Королевскаго театра и во многомъ мнѣ повредилъ; онъ отогналъ отъ меня двухъ лордовъ и одного герцога, которые, вѣрно, рѣшились-бы жениться на мнѣ.... Весь Дублинъ знаетъ эту исторію. — Вотъ какова скупость и неблагодарность людей. Макдугалъ находится въ Америкѣ, гдѣ добываютъ столько-же золота, сколько здѣсь желѣза, и что же онъ мнѣ присылаетъ? Четыре чу-

челы попугаевъ и четыре страницы глупаго письма; шотландскій слогъ, отъ котораго мнѣ едва не сдѣлалось дурно.

— Вы получили эти извѣстія съ сегодняшнею почтою? спросилъ Альбинъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Да. Но я завтра же отошлю ему его попугаевъ вмѣстѣ съ чучелою болонки.... Вы рѣшительно не хотите зайти ко мнѣ въ ложу, Сервіанъ? Завтра оперный день.... Неужели васъ занимаютъ трагедіи? Прощайте, приходите завтра посмотрѣть на меня; мы играемъ «Норму»; я восхитительно пою каватину «Casta diva»! Прощайте, Сервіанъ!

Миссъ Кора отправилась въ свою ложу, напѣвая арію; въ эту минуту занавѣсъ поднялся. Войти въ ложу Лавиніи въ глазахъ вѣтренной актрисы, которая отъ скуки и по ненависти къ трагедіи слѣдила за интригами залы, значило отдать молодую вдову на жертву закулисному злословію. Эта мысль остановила Сервіана. Онъ даже воспользовался этимъ положеніемъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, обличавшимъ его природныя дарованія. Онъ рѣшился наблюдать за Лавиніею во время представленія, и по этимъ наблюденіямъ дѣлать свои заключенія. Лавинія не могла подозрѣвать, что онъ слѣдитъ за ея движеніями, и опрометчиво предалась волновавшему ее чувству. Взоры ея выражали какую-ту мысль и упорно искали чего-то въ толпѣ зрителей; изрѣдка, какъ-бы не-хотя, она обращалась на сцену. Молодая женщина была въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и трудно было незамѣтить ея досады, когда рука ея судорожно опускалась на поручни и голова, утомленная постояннымъ движеніемъ, опрокидывалась на бархатную стѣнку креселъ. Когда нѣжное слово любви раздавалось на сценѣ, Лавинія обращала взоры свои на лицо, произносившее любимый стихъ великаго поэта, но когда разговоръ переходилъ къ предметамъ чуждымъ страсти, взоры ея оставляли сцену, которой языкъ дѣлался непонятнымъ для нея. Въ концѣ пьесы, когда Отелло убиваетъ Дездемону, Лавинія вздрогнула, опустила голову и закрыла лицо руками; потомъ засмѣялась нервическимъ смѣхомъ, столь близкимъ къ слезамъ.

Альбинъ не пропустилъ ни одного жеста Лавиніи и истолковалъ все въ свою пользу. Несчастная любовь невзыскательна и легко утѣшается. Передъ самымъ концомъ пьесы, Альбинъ поспѣшно вышелъ изъ театра, чтобы не попасть въ толпу и не быть узнаннымъ. Лицо его радостно сіяло; сердце сильно билось. Сомнѣнія болѣе не было; въ продолженіе трехъ часовъ Лавинія была занята имъ; отсутствіе его замѣнило трагедію для молодой вдовы; посреди этой блестящей толпы она искала только его; она отдала-

бы всю публику за одного недостававшаго зрителя. Для нашего влюбленнаго героя открывалось новое, обширное поприще. Лавинія казалась ему еще очаровательнѣе. Страсть все болѣе и болѣе разгоралась, по мѣрѣ того, какъ будущность прояснялась.

«До завтра, до завтра! воскликнулъ Альбинъ, назначая себѣ свиданіе, и отбарабанилъ побѣдный маршъ молотомъ у своихъ воротъ. Лакей, отворившій дверь, подалъ ему письмо съ заграничнымъ штемпелемъ. Альбинъ засвѣтилъ свѣчу, сѣлъ и распечаталъ письмо; оно было отъ Макдугаля изъ Америки; вотъ его содержаніе:

— «Любезный Альбинъ! Путешествіе мое окончилось скоро и благополучно; первою мыслью моею по прибытіи, было писать тебѣ. Торговля идетъ прекрасно. По пріѣздѣ моемъ я получилъ письма изъ Юкатана, въ которыхъ мнѣ пишутъ, что кампешевое дерево понизилось въ цѣнѣ на одинъ фунтъ стерлинговъ и 8 шиллинговъ, что принесетъ мнѣ огромные выгоды. Я отправилъ на суднѣ «Шаркъ» въ Ливерпуль двѣсти бочекъ кампеша; «Шаркъ» будетъ въ Мерсели не далѣе, какъ черезъ тридцать дней; въ это время краснильщики закупаютъ матеріалы и я много выиграю. Мои матеріи раскуплены на мѣстѣ; барышъ не слишкомъ великъ; къ несчастію, я нашелъ въ Америкѣ трехъ конкурентовъ. Здѣсь съ жадностью бросаются на англійское золото; я продалъ свои слитки 11-ю процентами выше дублинскаго курса. Я скоро окончу свои дѣла. Пароходъ чрезъ двѣ недѣли отправляется въ Кингстонъ и Ливерпуль; только соберу деньги и уѣду. Ты не можешь себѣ представить любезный Альбинъ, въ какой восторгъ приводитъ меня мысль о скорой женитьбѣ моей»....

До этого мѣста Альбинъ читалъ письмо не останавливаясь; онъ даже иногда улыбался при мысли, что торговля изгладила предположеніе о женитьбѣ. Но дойдя до послѣднихъ строкъ, онъ судорожно смялъ письмо и тяжело вздохнулъ. Однако нельзя было не дочитать. Альбинъ, мучимый адскимъ любопытствомъ, преодолѣлъ свое отвращеніе и прочелъ слѣдующее: «Сколько радостныхъ свѣденій получу я отъ тебя по возвращеніи. Какъ очаровательны должны быть твои бесѣды съ Лавиніею. Съ какою братскою заботливостью твоя понятливая дружба образовала ея умъ и сердце серьезными рѣчами и чтеніемъ; она любитъ серьезное; я ее хорошо знаю! Получивъ это письмо, ты отправишься въ лавку Кильбурна и закажешь свадебную корзину, какъ-бы для дочери вице-короля. Постарайся похитрѣе вывѣдать вкусъ Лавиніи, и, сообразуясь съ нимъ, дѣлай заказы. Счатливый Альбинъ, ты не знаешь этихъ безпокойствъ и мученій! Злополучный Альбинъ, ты

не знаешь этого упоенія. Я пишу мистриссъ Лавиніи съ тѣмъ-же пароходомъ. Я посылаю ей всѣ нѣжные порывы души моей, а тебѣ мою дружескую благодарность.

« *Макдугалъ* ».

Любовь имѣетъ свои громовые удары, смертельно поражающіе, но не умерщвляющіе. Для Альбина это было ново. Письмо жестоко поразило его; ноги подкосились; кровь остановилась въ жилахъ; крикъ отчаянія, послѣдній крикъ утопающаго, вырвался изъ его груди и онъ упалъ безъ чувствъ. На другой день послѣ печальнаго вечера, столь торжественно начатаго въ королевскомъ театрѣ, Альбинъ проснулся съ лихорадкою, между четырьмя занавѣсками. Въ Ирландіи медицина — занятіе чрезвычайно легкое, въ слѣдствіе отсутствія болѣзней. Эта счастливая страна имѣетъ всѣ условія, необходимыя для поддержанія здоровья; чистый воздухъ, умѣренный климатъ, морскую, благоухающую атмосферу. Жители отличаются добродѣтелями первобытныхъ временъ; они воздержны, потому что роскошь ихъ еще не развратила. Въ Дублинѣ есть нѣсколько почетныхъ врачей для иностранцевъ, но какъ путешественники рѣдко бываютъ больны, потому что путешествуютъ, то наука врачей рѣдко примѣняется на практикѣ; она не выходитъ изъ границъ невинной теоріи, избавляя этимъ не одно семейство отъ раннихъ слезъ, а почтенный факультетъ отъ насмѣшекъ Мольера.

Въ Фениксъ-Паркѣ существуетъ аллея, называемая *аллею врачей*. Тамъ въ постоянной праздности прогуливаются дублинскіе врачи, какъ Иппократъ и Галліанъ въ поляхъ Елисейскихъ, разсуждая о природѣ вещей и о болѣзняхъ души, порожденныхъ недостатками нашего общественнаго устройства. Этимъ предисловіемъ объяснится затрудненіе, въ которомъ находились врачи, призванные къ Альбину де-Сервіану. Они въ продолженіе цѣлаго часа совѣщались между собою; наконецъ мысль пришла; они приказали растворить окна и освѣжить комнату. Благое лекарство, которое спасаетъ, какъ и всякое другое, когда Богъ того захочетъ, и которое избавляетъ врача отъ отвѣтственности. Каждое утро, въ продолженіе шести дней, происходила таже консультація и повторялось тоже лекарство. На седьмой Альбинъ началъ поправляться и могъ уже принять визитъ дяди Гольдриджа, который каждый вечеръ приходилъ справляться о состояніи больнаго.

— Я вамъ долженъ визитъ, сказалъ Гольдриджъ, входя,—и крайне сожалѣю, что долженъ отдать его больному.

— Садитесь, господинъ Гольдриджъ, сказалъ Альбинъ еще слабымъ голосомъ; — я хочу васъ видѣть, здѣсь, возлѣ моей кровати.

— Я удивляюсь, какъ вы, при вашемъ сложеніи, могли заболѣть лѣтомъ, продолжалъ Гольдриджъ, положивъ руку на кровать. Я нѣсколько разъ спрашивалъ у докторовъ названіе вашей болѣзни; они вмѣсто отвѣта, указывали мнѣ на небо.

— Они прекрасно отвѣчали.

— Конечно, но если-бы меня доктора лечили, разсматривая облака, то я, вѣрно отправилъ бы ихъ туда-же за деньгами. Впрочемъ, что объ этомъ говорить; вы поправляетесь, а это главное.... Васъ такъ давно не видали, удивлялись, даже безпокоились и наконецъ сказали мнѣ: Ступайте къ нему, узнайте, что съ нимъ дѣлается?

— О комъ говорите вы, Гольдриджъ?

— О комъ? обо мнѣ, о моей племянницѣ, о всѣхъ вашихъ друзьяхъ. Васъ искали вездѣ, гдѣ вы прежде такъ часто бывали полное затмѣніе! Вы не были въ послѣдній разъ въ «Отелло»?

— Нѣтъ.

— Въ этотъ вечеръ племянница моя простудилась: на другой день она не выходила изъ комнаты и послала за мною.... Не раскрывайтесь же, Сервіанъ.... лежите спокойно.... вы въ поту.

— Вы говорили, что мистриссъ Лавинія....

— Была нездорова.. нужно вамъ сказать, что трагедія раздражаетъ ея нервы... это удивительно! точно ребенокъ. Въ тотъ вечеръ она сердилась на Отелло.... Ну, скажите! говорила она, еслибъ я имѣла такого мужа, я бы непремѣнно просила о разводѣ.... Наивность юныхъ лѣтъ.... Можетъ быть, мой рааговоръ утомляетъ васъ, Сервіанъ?

— О нѣтъ, нѣтъ! напротивъ, мнѣ скучно одному, а вы доставляете мнѣ большое удовольствіе.... Однакожъ мистриссъ Лавинія поправилась?

— Теперь она совершенно здорова.... Впрочемъ, я вамъ по секрету скажу, что она получила извѣстіе отъ своего будущаго супруга.

— А, она получила извѣстіе отъ Макдугала?

— Письмо, наполненное всякими нѣжностями, однимъ словомъ, посланіе влюбленнаго.... Вамъ хуже, Сервіанъ, перемѣните положеніе....

— Ничего, ничего, мистеръ Гольдриджъ, сказалъ Сервіанъ слабымъ голосомъ; потрудитесь только раскрыть окно, мнѣ душно....

— Дѣйствительно, васъ долженъ безпокоить спертый воздухъ; сегодня чрезвычайно жарко.... впрочемъ, это здорово: испарина лучшее лекарство. Васъ, вѣроятно, бросало въ жаръ, то въ хододъ, какъ мою племянницу, я самъ иногда бываю этимъ бо-

лепъ.... Ночи такъ холодны; нужно хорошенько закутываться, выходя изъ театра.... Мой братъ, Жоржъ, умеръ въ Лондонѣ отъ простуды, на которую не хотѣлъ сначала обратить вниманія; разъ, вечеромъ, онъ выходилъ изъ театра Адельфи, давали «*Антони*» — Дюма; въ залѣ набитой народомъ, было чрезвычайно жарко. Проходя чрезъ Гунгерфордскій рынокъ, въ Страндѣ.... вы знаете, тамъ есть лѣстница, которая спускается къ Темзѣ.... Хотите, я отворю другое окно, Сервіанъ?

— Потрудитесь, мистеръ Гольдриджъ...

— Вы то краснѣете, то блѣднѣете, со мною тоже бываетъ въ подобныхъ болѣзняхъ. Мой братъ Жоржъ....

— Любезный Гольдриджъ, сказалъ Альбинъ слабымъ, отрывистымъ голосомъ: извините мое малодушіе, больные не любятъ говорить о покойникахъ....

Пораженный Гольдриджъ подскочилъ на стулѣ и на лицѣ его выразилось искреннее сожалѣніе, вслѣдствіе сказанной глупости, сознаваемой имъ самимъ.

— Будемъ лучше говорить о живыхъ, продолжалъ Альбинъ.... Вы говорите, что отъ Макдугала получено письмо.... чтожъ далѣе?

— Онъ написалъ чрезвычайно нѣжное письмо, продолжалъ Гольдриджъ, радуясь въ душѣ, что нашелъ приличный предметъ для разговора. Лавинія показала мнѣ письмо. Фу, ты пропасть! кажется этотъ Макдугалъ богаче китайскаго императора.... Увѣряю васъ, Сервіанъ, прибавилъ Гольдриджъ съ улыбкою, мѣтившею на тонкость, увѣряю васъ, что это письмо не мало помогло выздоровленію Лавиніи; я знаю женщинъ. Впрочемъ, оно такъ и должно быть; будемъ справедливы. Племянница моя любитъ свѣтъ, любитъ наряжаться, ѣздить въ театры, на гулянья, однимъ словомъ, имѣетъ всѣ модныя прихоти, и при всемъ этомъ она получаетъ не болѣе ста фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода. Мандугалъ предложилъ свои милліоны, ихъ приняли, это естественно, и мы всѣ понимаемъ восторгъ Лавиніи.

Альбинъ приподнялся на постели, опираясь на правый локоть, посмотрѣлъ пристально на Гольдриджа, и усиливаясь казаться спокойнымъ, сказалъ:

— Мистеръ Гольдриджъ, выздоровленіе мистриссъ Лавиніи чрезвычайно радуетъ меня.... Я думаю, она очень обрадовалась, получивъ письмо Макдугала. Восторгъ ея выразился въ....

— О, Лавинія слишкомъ хитра, слишкомъ.... женщина, чтобы показать ребяческій восторгъ при полученіи подобнаго письма. Вдова должна удерживать свои порывы, даже передъ дядею.... Но

я знаю женщинъ.... я былъ два раза женатъ.... я знаю, какъ должно объяснять ихъ молчаніе или ихъ слова въ подобномъ случаѣ.

— Поэтому, сказалъ Альбинъ болѣе твердымъ голосомъ, радость ея ничѣмъ не обнаружилась. Вы сами....

— Я угадалъ эту радость.... радость, чрезвычайно искусно скрытую! Кстати, Сервіанъ, у меня есть къ вамъ порученіе отъ Лавиніи.

— Отъ Лавиніи? спросилъ молодой человѣкъ голосомъ, по которому болѣе догадливый собесѣдникъ могъ-бы легко угадать его страсть.

— Племянница поручила мнѣ спросить васъ, получили ли вы съ тою-же почтою письмо отъ пріятеля вашего Макдугала?

Подумавъ немного, Альбинъ отвѣтилъ:

— Да, я получилъ письмо.

— Нѣтъ-ли въ немъ чего-нибудь любопытнаго для Лавиніи?

— Нѣтъ.... не думаю.... Макдугалъ говоритъ мнѣ о своихъ торговыхъ оборотахъ.... онъ купилъ кампешевое дерево.... Продалъ слитки....

— Ничего болѣе, Сервіанъ?

— Кажется ничего.... Болѣзнь немного ослабила мою память.... Впрочемъ, я помню, что Макдугалъ болѣе ни о чемъ мнѣ не писалъ.

— Значитъ, нѣтъ ничего занимательнаго для Лавиніи.... Однакожъ, прибавилъ Гольдриджъ, вставая, я не хочу употреблять во зло время вашего выздоровленія. Будьте осторожны; берегите себя. Я надѣюсь, что къ свадьбѣ вы совершенно поправитесь.

— Къ какой свадьбѣ? спросилъ больной съ изумленнымъ видомъ.

— Ха, ха, ха, какая милая разсѣянность! къ свадьбѣ Макдугала и Лавиніи!

Въ комнатѣ раздался тяжелый вздохъ.

— Точно, сказалъ Альбинъ, стараясь скрыть свое смущеніе: я такъ разсѣянъ.... Свадьба будетъ скоро, не правда-ли, мистеръ Гольдриджъ?

— Макдугалъ въ своемъ письмѣ положительно назначаетъ время; свадьба будетъ черезъ три недѣли послѣ пріѣзда его въ Кингстонъ, три законныя недѣли для оглашенія въ церкви.... Макдугалъ можетъ быть здѣсь завтра или послѣ завтра, слѣдовательно вы видите, что вдовство Лавиніи приходитъ къ концу.

Послѣ долгаго молчанія Гольдриджъ продолжалъ:

— Сервіанъ, я вижу, что вамъ нуженъ отдыхъ; вы слишкомъ

много говорили.... Прощайте, вы не дадите мнѣ никакого порученія?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Альбинъ глухимъ голосомъ.

— Прощайте, Сервіанъ!

— Прощайте любезнѣйшій Гольдриджъ, отвѣтилъ Альбинъ, кусая подушку.

Несмотря на это, о слабость человѣческая! Альбинъ желалъ еще долго держать возлѣ себя этого неумышленнаго убійцу, который съ каждымъ словомъ пренаивно наносилъ ему ударъ въ сердце. Конечно, продолженіе подобнаго разговора могло имѣть опасныя послѣдствія для больнаго, но человѣкъ въ несчастіи не знаетъ никакихъ предосторожностей и самъ увеличиваетъ свое горе. Когда рана нанесена и кажется неизлечимою, больной упорно растравляетъ ее; рука друга льетъ цѣлительный бальзамъ и перевязываетъ его раны, и больной не противится этому, какъ-бы изъ угожденія дружбѣ, но когда несчастіе близко и грозитъ погибелью, онъ съ такимъ-же наслажденіемъ срываетъ перевязку и преждевременно гибнетъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л.....

Вчера долго ты сидѣла у окна,
И я молча любовался на тебя....
Много видѣлъ я красавицъ молодыхъ;
Но милѣе и прекраснѣе ты ихъ.
Твои локоны, какъ золото, блестятъ,
Щечки полныя, какъ зорнинька горятъ;
Утра майскаго отрадней и яснѣй —
Свѣтлый взглядъ твоихъ лазоревыхъ очей.
Словно розочка нѣжна ты и пышна, —
Для кого ты такъ роскошно расцвѣла?...

Г. СЕРЕБРЯКОВЪ.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

Очи черныя,
Очи свѣтлыя —
Двѣ звѣзды мои
Вы завѣтныя! —
Такъ привѣтно всё
Вы блестѣли мнѣ,
Проливали въ грудь —
Радость свѣтлую....
Отчего жъ теперь

Омрачились вы,
Охладѣли вдругъ,
Затуманились....
И не внемлете,
Ни мольбамъ моимъ,
Ни любви моей,
Ни страданію.
Что-жъ мнѣ жизнь моя?
Что мнѣ молодость? —
Когда взоръ вашъ сталъ
Ко мнѣ холоденъ.
Ахъ! онъ нуженъ мнѣ —
Свѣтлый взоръ любви,
Какъ травѣ весной —
Красно солнышко....

Г. СЕРЕБРЯКОВЪ.

—

ЗАВѢТЪ.

Не дичись, не гляди
Сомнѣваясь вокругъ.
Счастье ждетъ впереди,
Много счастія, другъ!

Не смущайся отъ бѣдъ!
Ты раскинь лишь умомъ:
Есть къ спасенію слѣдъ —
Міръ не сталъ-же угломъ.

Въ небѣ есть благодать —
Не тревожься душой.
А придется страдать —
Будь надъ горемъ большой!

На скрижаляхъ судьбы
Путь нашъ врѣзанъ земной;

Внемлетъ небо мольбы,
Въ немъ отецъ нашъ родной!

Не кляни-же ты трудъ
Не кляни ты людей,
Не зови ихъ на судъ,
Но люби и жалѣй!

Пой во славу Творца —
Гимны радостно пой;
Жди *вседневно* конца —
Какъ въ сраженьи герой!

м. половцовъ.

—

ДВѢ БАСНИ.

I.

ДЕКАБРСКОЕ СОЛНЫШКО.

Однажды въ декабрѣ трескучій былъ морозъ.
Хоть солнце и блестѣло,
Но воздуха ни капельки не пригрѣло.
А въ этотъ разъ цыганъ на рынокъ вёзъ
Тряпья огромный возъ.
Бѣднякъ въ халатишкѣ, на тряпкахъ сидя,
Отъ холоду дрожалъ,
И все тепла отъ солнца поджидалъ,
Но видя,
Что долженъ онъ отъ стужи умереть,
А солнышко его не думаетъ пригрѣть
Лукавецъ къ лести прибѣгаетъ
И къ солнцу такъ взываетъ:
«О, солнышко! прошедшею весной
Изволило свѣтить ты такъ красно и ярко,
Что намъ тогда безъ платья было жарко.
Теперь-же ты, нашъ опекунъ земной,

И ярко свѣтишь, да не грѣешь;
За что-же бѣдныхъ насъ теперь ты не жалѣешь?» —
А солнце ритору въ отвѣтъ: «Эхъ, какъ ты глупъ!
Ты для тепла надѣнь тулупъ,
А жалобой не докучай своею:
Покоюсь я теперь и въ декабрѣ не грѣю».

*

Бываетъ въ людяхъ часто тожъ:
Кто власть на доброе имѣетъ,
Но о нуждахъ бѣднѣйшихъ не радѣетъ,
Тотъ съ солнышкомъ декабрскимъ схожъ:
Онъ свѣтитъ ярко, да не грѣетъ.

И. ЗЮКОВЪ.

—

II.

СЛѢПОЙ СУДЬЯ

Левъ темною водой страдалъ,
И потому и зги онъ не видалъ.
А въ эту пору, какъ на зло, ему читали
На волка жаднаго прошенье отъ овецъ.
«Будь милостивъ, властитель и отецъ!
Отъ плута сѣраго приходитъ намъ конецъ.»
Такъ овцы льву въ прошеніи писали.
Левъ тотчасъ-же велѣлъ
Позвать къ себѣ на судъ косматаго злодѣя,
Но волкъ, ни мало не робѣя,
Овчину на себя надѣлъ,
Которую всегда въ запасѣ онъ имѣлъ;
Пришелъ ко льву, и такъ ему запѣлъ:
— Свѣтлѣйшій левъ! мои недобрыя сестрицы
Слагаютъ, просто, небылицы.
Вѣдь я совсѣмъ не волкъ. — «Такъ кто-же ты такой?»
Левъ подсудимаго спросилъ. — «Баранъ больной,»
Отвѣтилъ волкъ. Что-бъ повести судъ съ толкомъ,
Не счесть барана волкомъ,

Левъ подсудимаго самъ лапой щупать сталъ.
«И точно онъ баранъ: вотъ у него и роги!
Баранья шерсть на немъ,» — серьозно левъ сказалъ.
«Бараньи даже ноги!
Ну, какъ-же смѣли вы меня такъ надувать,
И на родню такъ низко клеветать?»
Левъ съ гнѣвомъ на овецъ, какъ громомъ разразился,
И такъ ужасно расходился,
Что овцы бѣдныя, съ испугу на утекъ;
А хитрый волкъ
Кругомъ и чистъ и правъ остался,
И пуще прежняго за стадо онъ принялся.

Вы сами знаете, друзья,
Что тотъ ужъ не судья,
На подсудимомъ кто не можетъ видѣть маски
И правды различить отъ сказки.

И. ЗЮКОВЪ.

—

СТАРЫЙ КРЕСТЪ.

Много новыхъ крестовъ
На кладбищѣ стоитъ;
Много свѣжихъ вѣнковъ
На курганахъ лежитъ!
И кипучей слезой,
Не на долгіе дни,
Какъ небесной росой
Окропились они:
Или дочь надъ отцомъ
Тихо слезы прольетъ,
И цвѣтистымъ вѣнкомъ
Новый крестъ обовьетъ;
Иль сестра, или братъ
Холмъ родныхъ посѣтитъ,
Или друга солдатъ —
Съ костылемъ инвалидъ!
Кто-нибудь да придетъ,
Кто нибудь да вздохнетъ,

Кто нибудь да прольетъ
Хоть слезинку тайкомъ!
А подъ старымъ крестомъ
Нѣтъ печали людской —
И заросъ ковылемъ
Путь къ могилѣ чужой!
Но надъ старымъ крестомъ
Только тучи летятъ,
Свѣтитъ солнышко днемъ,
Ночью звѣзды горятъ.

В. КОРСАКЪ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Всю литературу Соединенныхъ-Штатовъ представляютъ у насъ, въ Европѣ, три дѣятеля: Фениморъ Куперъ, который пріобрѣлъ въ старомъ свѣтѣ популярность; мало понятый и мало оцѣненный Уашингтонъ-Ирвингъ и Прескоттъ, щеголеватый повѣствователь «Завоеванія Мехики». По нашему мнѣнію, этотъ тріумвиратъ одинъ только движетъ всю американскую литературу. О художникахъ новой страны мы не слыхали и не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Ни одна слава по части живописи, ваянія, архитектуры не переплывала еще до селѣ океанійскихъ волнъ. Умственные труды по другимъ частямъ: по исторіи, политикѣ, философіи, политической экономіи, богословію, намъ тоже совершенно чужды, за исключеніемъ твореній Франклина.

Чтобы дать объ американской литературѣ вѣрное понятіе, постараемся изобразить со возможною точностью ея настоящее положеніе.

Американцы, собственно говоря, не имѣютъ своей литературы, но это происходитъ не отъ недостатка разумничности, вкуса и уваженія къ искусствамъ, не отъ отсутствія образованности, но отъ причинъ, болѣе важныхъ, основанныхъ на самомъ устройствѣ англійскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ.

Первые поселенцы Сѣверной Америки были пуритане. Религіозная нетерпимость метрополіи заставила ихъ бѣжать изъ отчизны и селиться въ дикой, далекой степи.

Какъ жертвы религіознаго фанатизма своего отечества, они сами сдѣлались жестокими угнетателями въ покоренномъ Новомъ Свѣтѣ въ отношеніи къ иновѣрцамъ. Отсюда возникли вражды, расколы и пренія.

И такъ, умственное движеніе Америки заключилось въ этихъ преніяхъ; они произвели писателей односторонніхъ и болѣе или менѣе абсолютныхъ.

Еще понынѣ въ эту страну являются люди съ огромными познаніями и тратятъ на безплодное словоборство силу и энтузіазмъ, которыми, при другомъ направленіи, могли-бы прославить свое имя. Впрочемъ, мы увидимъ, что иначе не могло и быть.

Къ числу писателей, умовъ первостепенныхъ, принадлежатъ Джонатанъ Эдвардсъ, Ньюманъ, Эліотъ, Коттонъ Мэльтсеръ, Джонатанъ Масью, Самуэль Джонсовъ, Докторъ Гопкинсъ, благочестивый историкъ богословія послѣдняго столѣтія, Стильсъ, Бемсэми, Дунгтъ, Докторъ Чэльмерсъ, который, по словамъ критиковъ, сдѣлавшись чисто литературнымъ писателямъ, достигъ-бы огромной извѣстности. Между философами и богословскими писателями современными, главное мѣсто занимаютъ: Александерсъ, Альбертъ Бэрнсъ, Джорджъ Бушъ, Самуэль Фэрмеръ, Джэрвисъ, Андрюсъ Нортонъ, Энри Тэппанъ и Джэмсъ Маршъ.

Другія важныя причины помѣшали сначала, въ Америкѣ, развитію изящнаго вкуса и литературныхъ инстинктовъ, рождающихся всегда изъ чувства удивленія къ прошедшему или настоящему. Кромѣ того, что первоначальное проявленіе письменности въ Америкѣ стремилось къ идеямъ не теоретическимъ (иначе тамъ родилась-бы поэзія), но существенно практическимъ, — людямъ, состязавшимся тогда, не о чемъ было жалѣть въ прошедшемъ,— они одушевлялись успѣхами настоящаго и надеждами на будущее, которыя не могли внушить ни поэзіи, ни любви къ творческимъ искусствамъ, клонясь къ чисто матеріальной цѣли. Тѣмъ, кто имѣлъ досугъ совершенствоваться, изучать литературу, заниматься ею, оставалось только обращаться къ умственнымъ сокровищамъ и писателямъ Англіи. Американцы говорили ихъ же языкомъ, научились съ дѣтства благоговѣть предъ геніями, прославившими ихъ прежнее отечество и, въ отношеніи умственнаго развитія, были рѣшительно данниками и учениками британскаго просвѣщенія.

Слѣдственно, тождество языка представляло, и донынѣ еще представляетъ, важное препятствіе явленію оригинальной литературы въ Соединенныхъ-Штатахъ. Первые писатели, родившіеся тамъ, принимали за образецъ писателей англійскихъ и не обновляли

своихъ подражаній ни формою, ни языкомъ, ни нравами. Соединенные Штаты имѣли и могутъ еще имѣть даровитыхъ поэтовъ, первокласныхъ писателей; но эти люди, принадлежа Америкѣ только по рожденію, въ литературномъ отношеніи будутъ всегда англичанами. И чѣмъ болѣе возвысятся они по изяществу слога, по выбору предметовъ, по созданію картинъ, по вымыслу и силѣ очертаній, тѣмъ менѣе достигнутъ оригинальности и только еще ближе подойдутъ къ литературѣ англійской.

Три націи занимали почву Новаго Свѣта, — испанцы, англичане, французы; въ разныхъ штатахъ Союза говорили языкомъ этихъ трехъ народовъ; два нарѣчія почти совсѣмъ исчезли и живутъ какъ воспоминаніе; третье, хотя нѣсколько измѣнилось, продолжаетъ господствовать. Понятно, что поэтъ и писатель, заботясь о правильности и совершенствѣ слога и о большемъ распространеніи своихъ твореній, стараются подойти къ господствующему языку. Вслѣдствіе этого, удаляясь отъ обыкновеннаго разговорнаго и письменнаго языка, они сами уничтожатъ свое твореніе. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить постоянная мысль американскихъ писателей: что-то скажутъ англійскіе критики? Они пишутъ скорѣе для прежней своей метрополіи, чѣмъ для новаго отечества.

По выбору предметовъ, что еще важнѣе, литература воображенія невозможна въ Соединенныхъ Штатахъ. Составъ американскаго общества, холоднаго, строгаго, однообразнаго, гдѣ нѣтъ драматизма, гдѣ все просто, условно и безнаружно, — останавливаетъ на каждомъ шагу писателя и не даетъ увлечься поэту. Любовь, вѣчный элементъ всѣхъ драмъ, рѣшительно тамъ не существуетъ. Самыя интересныя стороны любви — совсѣмъ ускользаютъ отъ романиста и драматура.

Единственный человѣкъ, поглотившій въ своемъ геніи всѣ представленные элементы и разработавшій ихъ, — это Куперъ, американскій Гомеръ и Оукидидъ. Послѣ него ничего не оставалось изъ предметовъ національныхъ, онъ истощилъ ихъ всѣ до единаго и родилъ однихъ подражателей.

Уашингтонъ-Ирвингъ, умъ тонкій и нѣжный, писатель изящный, богатый блескомъ фантазіи, умѣренно пользовался мѣстными вдохновеніями, и почти всѣ свои образы почерпалъ въ другихъ предѣлахъ, исключая двухъ-трехъ полувымышленныхъ хроникъ и между прочимъ исторію Нью-Іорка. Эти два писателя, Куперъ и Ирвингъ, находящіеся въ главѣ американскихъ литераторовъ, подходятъ, во всякомъ случаѣ, формою и слогомъ къ лите-

ратурѣ чисто-англійской. Они ея эхо, хотя по внѣшности и кажется, что они составляютъ своебытный звукъ.

Несмотря, однако-жъ на все это, мы скажемъ, что въ продолженіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ литература имѣла въ Америкѣ дѣятелей замѣчательныхъ. Не разбирая твореній, можно указать на имена.... Брокденъ-Броунъ первый разработалъ нивы вымысла, — умъ безпокойный, больной, жившій въ своемъ особенномъ, имъ самимъ созданномъ идеальномъ мірѣ. Оттого-то, быть можетъ, сцены его не лишены мужественнаго характера. Обильнѣйшій изъ романистовъ, послѣ Купера, Симмсъ, — писатель, истинно достойный удивленія. Кеннеди, схожій по таланту съ Уангшингтономъ-Ирвингомъ, не уступаетъ ему въ увлекательности разсказа; Дана прославился описаніями путешествій, а произведенія Польдинга кипятъ юморомъ и оживленностью. Изъ женщинъ писательницъ двѣ или три пріобрѣли довольно заслуженную извѣстность; между ними миссъ Сэджуикъ прославилась «*Жизнью новой Англіи*», «*Рэдвудомъ*», «*Кларэнсомъ*», «*Гопомъ Лэсли*»,—романами, которые читаются и перечитываются повсюду. Мистриссъ Чили написала нѣсколько романовъ, гдѣ грація соединена съ роскошнымъ вымысломъ.

Три историка занимаютъ высшую степень въ уваженіи читающей публики; впрочемъ, имена ихъ сдѣлались европейскими. Прескоттъ, блистательный разсказчикъ завоеванія Мехики, начертавшій чудные портреты Фердинанда и Изабеллы, отличается богатствомъ мысли и изяществомъ слога. Банкрофтъ, историкъ болѣе возвышеннаго характера, но менѣе привлекателенъ. Но Банкрофтъ скорѣе философъ, чѣмъ историкъ; онъ вдается въ пристрастія и свою любимую современную исторію часто обращаетъ въ памфлетъ. Спаркъ извѣстенъ біографіями Уагшингтона и Франклина.

Всѣ пути, открытые уму, воображенію и сердцу, разработаны американцами. Поэзія, драма и романъ находили своихъ дѣятелей; но эти двѣ отрасли литературы, откуда являются обыкновенно созданія, характеризующія эпоху, не пріобрѣли ничего удачнаго. Въ драмѣ клокочетъ страсть, въ поэзіи благоухаютъ мечтанія и вдохновенія сердца. Составъ общества не допускаетъ страстей; мечты и нѣжныя изліянія души заглушены въ немъ матерьялизмомъ и положительностью.

Тамъ, гдѣ нѣтъ поэзіи, не могутъ существовать и искусства: живопись, ваяніе и музыка. Поэзія можетъ, въ теченіе вѣка, разводниться у писателей, она укрѣпляется тогда въ искусствахъ; но тамъ, гдѣ она невозможна, и искусствамъ трудно отыскать ее.

Въ Америкѣ есть живописцы и ваятели, работы которыхъ

имѣютъ свои достоинства, свою цѣнность; но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ творческаго вдохновенія, отмѣчающаго холстъ и мраморъ печатью силы, вдохновенія, истины.

Капитолій, гигантское, бездушное произведеніе какой-то смѣшанной архитектуры, хранитъ много картинъ и статуй. Нельзя назвать это дѣтствомъ искусства, нельзя оспаривать достоинства у нѣкоторыхъ произведеній, но это и не плоды, принесенные истинно артистическою націею. Вы видите однѣ попытки, опыты безъ результата, не способные пробудить отголоска сочувствія въ потомствѣ. Сомнительно, чтобы въ Америкѣ образовалась школа живописи или ваянія, замѣчательная въ исторіи искусствъ. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость Гренугу, творцу статуи Джорджа Уашингтона, Уэсту и Лэсли, какъ художникамъ, выходящимъ изъ ряда посредственностей.

Музыка представляетъ совершенное безплодіе!... Въ архитектурѣ американцы знаютъ только два стиля, которымъ подражаютъ — греческій и готическій. Послѣдній вообще принятъ для церквей католическихъ, которыя съ одного до другаго конца Союза во всемъ походятъ одна на другую и отличаются рѣзкимъ характеромъ красной кирпичной постройки. Въ нѣкоторыхъ видна гармонія. Греческій стиль господствуетъ болѣе въ свѣтскихъ памятникахъ. Кто видѣлъ одинъ изъ нихъ, видѣлъ всѣ, но они поражаютъ своими колоссальными размѣрами. Есть города, обладающіе зданіями цѣны баснословной: напримѣръ, въ Нью Іоркѣ — City-house — памятникъ изящный и граціозный; въ Филадельфіи — State house, извѣстенъ по громадности; въ Новомъ Орлеанѣ старинный соборъ и городская дума замѣчательны по формамъ и размѣрамъ.

Эти зданія, построенныя до возрожденія Сѣверной Америки, имѣютъ особенный характеръ и превосходятъ всѣ блѣдныя подражанія Парѳенону и другимъ греческимъ храмамъ, воздвигнутымъ въ Штатахъ въ позднѣйшее время.

Искусства необходимы для націй, достигнувшихъ апогеи цивилизаціи, у нихъ они сохраняются даже среди войнъ и скоропреходящихъ переворотовъ, но они неблагопріятны народамъ, ежедневно распространяющимъ цивилизацію, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ дикими степями, ожидающими населеній, и новыми колонизаціями, жаждущими правильной, общественной жизни. Малѣйшее замедленіе въ этомъ непрестанномъ трудѣ омрачило-бы опять невѣжествомъ эту страну.

Америка спокойна предъ народами, уже посвященными въ великія тайны общественнаго порядка и согласія, но должна зорко слѣ-

дить за населеніями новыми, враждебными, по недостатку образованности и духа общежитія.

Искусства въ ней процвѣтать не могутъ: ими некогда заниматься умамъ, озабоченнымъ болѣе важными интересами отечества.

За недостаткомъ національнаго вниманія — и національные таланты дремлютъ.

Вотъ, можетъ быть, причина, почему каждое явленіе артистическое, выходящее изъ предѣловъ привычныхъ посредственностей отчизны, приводитъ американцевъ въ восторгъ, граничащій съ комизмомъ. Пріемы Фанни Эльслеръ и торжества въ честь Женни-Линдъ превосходятъ всѣ дурачества Донъ-Кихота; для насъ они смѣшны до отвращенія, тамъ-же составляютъ минутную вспышку серьозныхъ, сосредоточенныхъ умовъ, которые рады хоть на мигъ вырваться изъ своего тяжкаго напряженія и показать, что искра инстинкта къ изящному и художественно-великому, заронена и въ ихъ душу, но что она не имѣетъ возможности еще вполнѣ развиться. Искусства — цвѣты мирной почвы, орошенной росою общественной образованности и пригрѣтой солнцемъ довольства и спокойствія.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА,

НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.
Жизнь для насъ суровая наставница.
Катонъ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

За милю отъ города наши извощики остановились на постояломъ дворѣ, чтобы покормить лошадей. Едва мы успѣли выдти изъ экипажей, какъ двѣ дамы, очень хорошо одѣтыя, выбѣжали на встрѣчу, и убѣдительно просили насъ въ садъ, бывшій въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ оттуда. Онѣ тотчасъ велѣли подать кофе, вина, холодный завтракъ, и настоятельно требовали, чтобъ мы считали домъ ихъ своимъ собственнымъ. Это были жены актера Паузера и его хозяина, богатаго рижскаго булочника Дондорфа, поѣхавшаго съ нимъ въ Митаву; онѣ пріѣхали встрѣчать своихъ мужей.

Такой любезный пріемъ далъ намъ высокое понятіе о зажиточности и гостепріимствѣ рижскихъ жителей; и въ самомъ дѣлѣ,

дѣйствительность еще превзошла наши ожиданія. Почти каждый въ Ригѣ имѣетъ своихъ лошадей и бричку. Пріѣзжему сначала покажется странно встрѣтить жену какого нибудь ремесленника, разъѣзжающую въ собственной бричкѣ; на повѣрку однако же оно обходится не такъ дорого, какъ-бы можно вообразить. Лошади и ихъ содержаніе стоятъ здѣсь несравненно дешевле, чѣмъ въ Германіи; притомъ многіе промышленники, напримѣръ, булочники, пивовары, винокуры и другіе, должны держать лошадей для своего промысла; другіе отпускаютъ ихъ въ будни въ извозъ купцамъ, для перевозки въ гавань хлѣба и другихъ товаровъ. Такимъ-образомъ, содержаніе лошадей окупается съ избыткомъ, а въ воскресеніе или въ праздникъ всѣ закладываютъ свои брички, и отправляются на свои мызы (Höfchen), которыя обыкновенно бываютъ въ небольшомъ разстояніи отъ города. Человѣкъ, разъ попавшій на такую мызу, по приглашенію или случайно, имѣетъ право пріѣзжать, когда ему вздумается, не ожидая другаго приглашенія, и въ полной увѣренности, что его всегда примутъ радушно.

Позавтракавъ и отдохнувъ, мы пустились опять въ путь, въ сопровожденіи своихъ любезныхъ хозяевъ. Въ тотъ же вечеръ булочница прислала намъ кушанье и продолжала это еще довольно долго, каждый день, говоря, что надѣется, что мы будемъ довольствоваться ея кухнею, пока не заведемся своимъ хозяйствомъ Мужъ ея, узнавъ, что я на слѣдующій день собирался къ директору, господину Фитингофу, жившему на своей дачѣ, довольно далеко отъ города, прислалъ мнѣ свою бричку, которая стояла уже у моего подъѣзда еще задолго до времени, назначеннаго мною для отъѣзда. Я считаю себя не въ правѣ умалчивать о такихъ чертахъ сердечной доброты и гостепріимства.

Мой новый начальникъ, господинъ Фитингофъ, пожурилъ меня слегка за долгую неявку на мѣсто назначенія; впрочемъ, онъ былъ очень радъ моему пріѣзду, и увѣрялъ меня въ своемъ уваженіи и въ готовности мнѣ служить. На слѣдующее утро онъ прислалъ моей женѣ и дочери по мѣховой шубѣ и по муфтѣ, при очень любезной запискѣ, въ которой онъ говорилъ, между прочимъ, что зная какъ трудно пріѣзжимъ дамамъ привыкать къ суровому климату Лифляндіи, онъ надѣялся, что препровождаемые предметы не покажутся имъ лишними.

Чтобы познакомить между собою артистовъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Германіи, онъ далъ имъ, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ нашемъ, большой обѣдъ, на одной изъ своихъ дачъ въ окрестностяхъ Риги. Тутъ онъ представилъ меня всѣмъ членамъ труппы, какъ режиссера театра, учрежденнаго подъ его управле-

ніемъ. Между актрисами особенно замѣтилъ я одну, довольно преклонныхъ лѣтъ, которой черты казались мнѣ знакомы. Ее называли госпожею Гюблеръ. Я съ любопытствомъ завелъ съ нею разговоръ, и съ великимъ удивленіемъ узналъ въ ней дѣвицу Штейнбрехеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, прошло много лѣтъ; она теперь играла матерей, какъ было прилично ея лѣтамъ. Какъ режиссеръ, я видѣлся съ нею почти ежедневно, и не разъ имѣлъ случай доказать ей свое уваженіе, потому что она была талантливая артистка.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Гамбурга, купецъ Бётхеръ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему брату, который имѣлъ въ Ригѣ большой торговый домъ въ товариществѣ съ купцомъ Декенгофомъ. Никогда не могъ-бы я ожидать такого дружескаго пріема, такой услужливости, какія я встрѣтилъ въ этомъ домѣ. Съ перваго же моего визита экипажъ Бетхера былъ постоянно къ услугамъ моего семейства. Сверхъ того, онъ продолжительное время присылалъ намъ постоянно обильный запасъ кофе, вина, сахару и прочихъ хозяйственныхъ припасовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы, какъ иностранцы, дадимся въ обманъ, если будемъ закупать эти предметы сами. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я просилъ его прислать мнѣ счетъ поставленнымъ припасамъ; сначала онъ отговаривался разными предлогами, а потомъ положительно объявилъ, что сочтетъ за обиду, если я буду еще упоминать о такомъ вздорѣ. Онъ познакомилъ насъ также со многими другими почтенными семействами, гдѣ мы были приняты также любезно и радушно.

Какъ ученіе моихъ дѣтей было прервано нашимъ шестимѣсячнымъ путешествіемъ, то по прибытіи на мѣсто, я поспѣшилъ дать имъ надлежащихъ учителей. Уроки органиста Фехта и капельмейстера Баумбаха, двухъ артистовъ, равно замѣчательныхъ, каждый по своей части, довели талантъ моей дочери до высокой степени совершенства; а сынъ мой нашелъ въ своемъ учителѣ Бротце не только благороднаго и образованнаго человѣка, но и истиннаго друга, который неусыпно старался о томъ, чтобы развить счастливыя способности своего ученика и дать имъ надлежащее направленіе.

Какъ скоро новая зала отстроилась, мы начали свои представленія. Театръ былъ красивъ, обстановка довольно великолѣпна, въ труппѣ было много людей съ истиннымъ талантомъ, и публика осталась вполнѣ довольна. Моя жена и дочь не встрѣтили никакой опасной соперницы, и не будучи преслѣдуемы завистью и интригами, могли раскрыть вполнѣ свои дарованія; въ короткое

время онѣ снискали всеобщее уваженіе и какъ артистки, и въ частной жизни. Въ концѣ осени, Великій Князь и его супруга проѣхали черезъ Ригу на возвратномъ пути въ Петербургъ, и были встрѣчены самымъ великолѣпнымъ образомъ. Театръ также праздновалъ присутствіе высокихъ гостей представленіемъ новаго аллегорическаго балета и Готтеровой комедіи «*Жанетта*», передѣланной изъ Вольтеровой «*Панины*». Великій Князь щедро наградилъ актеровъ и соизволилъ лично изъявить мнѣ удовольствіе, которое доставило ему пѣніе моей дочери, игравшей главную роль въ комедіи.

—

ГЛАВА II.

Я не хочу обижать другихъ городовъ, потому что я вездѣ встрѣчалъ много добрыхъ и сострадательныхъ людей однако-же я долженъ сказать по совѣсти, что я нигдѣ не встрѣчалъ такого добродушія, такой простоты и благотворительности, какъ въ Ригѣ. Все населеніе города составляетъ будто одно семейство; всѣ жители живутъ между собою въ примѣрномъ согласіи и оказываютъ иностранцамъ удивительное гостепріимство. Всѣ чрезвычайно дѣятельны и трудолюбивы; за то, когда ихъ дневныя занятія кончены, все бросается на удовольствіе и кипитъ добродушною веселостью. На биржѣ почти не отличишь милліонера отъ самаго бѣднаго купца, потому что даже въ наружности и въ одеждѣ ихъ тотъ-же духъ равенства и согласія, какъ въ дѣйствіяхъ.

Купцы и мѣщане любятъ давать обѣды и праздники, на которыхъ они кормятъ своихъ гостей сытно и вкусно, но никогда не вдаваясь въ большія издержки. Простота, радушіе и веселость одушевляютъ эти сходки; при этомъ они никогда не забываютъ бѣдныхъ, а гостепріимство для нихъ священная обязанность.

Изъ множества примѣровъ благотворительности, которые я видѣлъ въ Ригѣ, приведу только два. Знаменитый скрипачъ Фейге, ангажированный Фитингофомъ въ здѣшній оркестръ, остановился дорогою на деревенскомъ постояломъ дворѣ, чтобы переночевать. Ночью домъ загорѣлся и пожаръ распространился такъ быстро, что въ нѣсколько часовъ домъ, конюшни и всѣ службы сгорѣли до тла. Фейге самъ едва не погибъ, спасая жену, шестимѣсячнаго ребенка и скрипку; но онъ лишился всѣхъ своихъ денегъ и имущества, и принужденъ былъ воротиться въ Кенигсбергъ, гдѣ онъ передъ тѣмъ давалъ концерты.

Жители, тронутые его несчастіемъ, тотчасъ устроили другой концертъ. Съ деньгами, которыя онъ собралъ этимъ концертомъ, онъ могъ продолжать свой путь въ Ригу. Здѣсь уже разнесся слухъ о постигшемъ его несчастіи, и любители музыки тотчасъ открыли подписку въ его пользу, не ожидая его ходатайства; на слѣдующій день дочь моя вручила ему отъ имени публики семьдесятъ червонцевъ.

Впрочемъ благотворительность жителей имѣетъ также свои дурныя послѣдствія; они безпрестанно даются въ обманъ какимъ нибудь бродягамъ, которые, зная слабость своихъ согражданъ, не хотятъ трудиться, а предпочитаютъ жить на чужой счетъ. Не смотря на эти частые примѣры, жители твердо держатся правила, что лучше быть десять разъ обманутымъ мошенниками, чѣмъ одинъ разъ отказать въ помощи истинно нуждающемуся.

Для примѣра здѣшняго гостепріимства, разскажу слѣдующій случай. Купецъ Шейманъ имѣетъ мызу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на берегу Двины. Я часто ходилъ гулять въ ту сторону, а когда мнѣ бывало свободно, то я иногда проводилъ по цѣлымъ часамъ на плоту и удилъ рыбу. Я вовсе не зналъ хозяевъ мызы; да и они могли знать меня только въ лицо, видавъ меня на сценѣ, и потомъ на плоту противъ ихъ саду, съ удочкою въ рукѣ; однако-же каждый разъ, когда я приходилъ, слуга изъ латышей приносилъ мнѣ кофе, пиво и завтракъ. Въ первый свой приходъ онъ объяснилъ мнѣ, что его хозяинъ, замѣтивъ, что я проживалъ по цѣлымъ часамъ безъ завтрака, просилъ меня впередъ всегда заходить въ его садъ, приказывать подавать себѣ все, что мнѣ вздумается и быть увѣрену, что все, что имѣется въ домѣ, — къ моимъ услугамъ.

Изъ удовольствій, принадлежащихъ собственно здѣшнему краю, ничто такъ не нравилось мнѣ, какъ ѣзда въ саняхъ. Эти прогулки не ограничиваются тѣмъ, чтобы проѣхаться по городу или вокругъ городскихъ стѣнъ; обыкновенно ѣздятъ мили за двѣ, за три, и на всю эту прогулку употребляется не болѣе трехъ или четырехъ часовъ; да и изъ тѣхъ, добрая часть проходитъ за завтракомъ въ какомъ нибудь загородномъ трактирѣ. Я не разъ видалъ примѣры, что человѣкъ выѣзжалъ въ саняхъ изъ Петербурга въ понедѣльникъ утромъ, и поспѣвалъ въ Ригу въ среду къ обѣду.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе невозмутимой веселости русскаго извощика. Едва онъ садится на козлы или на облучекъ, какъ начинаетъ посвистывать, уговаривать лошадей, или запѣваетъ иногда заунывную, иногда молодецкую пѣсенку, и это

продолжается во всю дорогу. Когда я ѣхалъ въ Ригу, нашъ нѣмецкій фурманъ встрѣтилъ на половинѣ дороги между Кенигсбергомъ и Митавою знакомаго русскаго извощика. Поздоровавшись и переговоривъ нѣсколько минутъ, они мигомъ перезаложили лошадей, обмѣнялись своими ѣздоками, очень честно разсчитались между собою и нѣмецъ поворотилъ назадъ въ Кенигсбергъ, а мы поѣхали въ Митаву съ его русскимъ собратомъ, таща за каретою его кибитку. Мы ни чуть не были въ убыткѣ отъ этого обмѣна, потому что нѣмецкій фурманъ везъ насъ очень хорошо, однако-же скорость его ѣзды не могла сравниться съ быстрымъ летомъ русскихъ лошадей. Въ предыдущую поѣздку, извощикъ нашъ оставилъ у одного кузнеца заболѣвшую дорогою лошадь. На обратномъ пути онъ остановился передъ кузницею, и спросилъ, здорова ли она. — «Издохла!» отвѣчалъ кузнецъ. — «Такъ таки и издохла! Тьфу! ты пропасть!» сказалъ извощикъ, сѣлъ опять на козлы, и продолжалъ пѣсню, какъ-бы ни въ чемъ не бывалый.

Однажды нѣсколько пріятелей пригласили меня прогуляться въ саняхъ по рѣкѣ. Мы, казалось, не ѣхали, а летѣли; не прошло двадцати пяти минутъ, какъ мы уже были въ двухъ миляхъ ниже Риги, на Буллераѣ, у самаго устья Двины. Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда я замѣтилъ огромную ледяную гору; мнѣ объяснили, что она образовалась изъ льдинъ, которыя отъ морскаго вѣтру сперлись въ гавани и взгромоздились на такую высоту. Это было любопытное зрѣлище; но въ тоже время страшно становилось при мысли о бѣдствіяхъ, которыя оно могло причинить, и которыя дѣйствительно случились черезъ нѣсколько недѣль. Наступила внезапная оттепель; ледъ на Двинѣ тронулся, но не могъ сдвинуть ледяной горы, сперся около нея и запрудилъ теченіе. Какъ подобные случаи здѣсь не рѣдки, то для защиты города отъ наводненій, ворота, выходящія къ рѣкѣ, на это время запираются, и заваливаются навозомъ; погреба также плотно заколачиваются и заваливаются, и открываются только когда весь ледъ пройдетъ и вода сбудетъ. На этотъ разъ однако же эти предосторожности едва-ли оказались-бы достаточными, еслибъ напоръ воды не прорвалъ нѣсколько плотинъ, и она не утекла бы въ Стинтское озеро. Только это спасло городъ отъ угрожавшаго ему наводненія. Низовья же, ниже Риги, были совершенно залиты и ужасно опустошены: множество домовъ было снесено водою, а на мѣстѣ ихъ остались суда, выброшенныя волнами на берегъ, и по бо́льшей части такъ разбитые, что не были болѣе годны ни въ какое употребленіе. Нѣсколько лѣтъ назадъ, при

подобной внезапной оттепели, нѣсколько домовъ, на небольшихъ островахъ въ устьѣ Двины, называемыхъ Гольмскими, были смыты водою и отнесены въ открытые море съ жителями, неуспѣвшими убраться въ городъ. Несчастные звали на помощь; но какъ быстрота теченія и множество льду не дозволяли подплыть къ нимъ, то они покорились своей судьбѣ, и запѣли отходныя молитвы, готовясь къ неминуемой смерти. Несмотря на эти опасности, все еще строятъ дома на этихъ островахъ; да и нельзя иначе, потому что главный промыселъ ихъ жителей заключается въ вязаніи плотовъ изъ строеваго лѣсу и ихъ сплавкѣ.

Лѣтомъ того года, когда мы пріѣхали въ Ригу, одно озеро прорвало плотину нѣсколько выше города; вода прорыла песчаную гору, залила всѣ окрестности, и проложила себѣ русло до самой Двины.

Тайный совѣтникъ Фитингофъ имѣлъ въ своемъ вѣденіи не только театръ, но и всѣ прочія зимнія увеселенія, и съ примѣрнымъ безкорыстіемъ и дѣятельностію заботился объ удовольствіяхъ жителей. Концерты были въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ театръ. Кромѣ ангажированныхъ артистовъ и музыкантовъ, бывшихъ на жалованьи у антрепренера, въ Ригѣ было довольно много музыкантовъ-любителей, которые своими талантами содѣйствовали совершенству этого увеселенія. Кромѣ большихъ публичныхъ концертовъ, давались также частные концерты у нѣкоторыхъ купцовъ, на которые были приглашаемы почти всѣ иностранцы, находившіеся въ городѣ.

Между множествомъ любителей музыки, истинно даровитыхъ и образованныхъ, я замѣтилъ и нѣсколько такихъ, которые корчили знатоковъ и судей, но въ сущности ничего не понимали, а только повторяли, какъ попугаи, сужденія другихъ. Приведу одинъ примѣръ. Одинъ знатный человѣкъ, разыгрывавшій повсюду великаго критика и мецената, слышалъ въ одномъ домѣ англійскаго виртуоза Фишера, проѣзжавшаго въ то время черезъ Ригу. Одно рондо его сочиненія обратило на себя особенное вниманіе публики, и меценатъ счелъ долгомъ попросить артиста повторить его въ слѣдующемъ концертѣ. Фишеръ исполнилъ его желаніе и въ слѣдующемъ концертѣ сыгралъ свое рондо тотчасъ послѣ увертюры, съ рѣдкимъ совершенствомъ. За тѣмъ слѣдовала арія, которую пѣла моя дочь. Когда она кончила, знатокъ обратился къ окружавшимъ его дамамъ, и сказалъ: — «А теперь слушайте во всѣ уши; нашъ несравненный Фишеръ будетъ играть свое чудное рондо; вы будете отъ него въ восторгѣ». Затѣмъ меценатъ попросилъ Фишера сыграть свою пьесу. Фишеръ съ удив-

леніемъ замѣтилъ ему, что она поставлена въ началѣ программы, и что онъ уже игралъ ее. — «Въ самомъ дѣлѣ? такъ вѣрно передъ аріею? жаль, я не обратилъ на нее вниманія». Фишеръ улыбнулся и не отвѣчалъ; дамы захохотали, а меценатъ проворчалъ что-то въ смущеніи и удалился.

Въ другой разъ скрипачъ Джіорновекки, ѣхавшій въ Петербургъ по приглашенію Императрицы, давалъ концертъ въ Ригѣ, о настояніямъ публики. Онъ жаловался, что акомпанировавшіе ему музыканты изъ зависти настроили свои инструменты осьмушкою тона ниже его скрипки. — «О, осьмою тона выше или ниже, что за важность! вскричалъ знатокъ; хоть-бы они играли цѣлымъ полу тономъ ниже, превосходство вашей игры все-бы покрыло»!

Путешествующимъ артистамъ, не пользующимся славою великихъ виртуозовъ, концерты здѣсь не приносили бы большой пользы, безъ особенныхъ пожертвованій отъ любителей, по причинѣ огромныхъ расходовъ. Дочь моя для своихъ концертовъ должна была платить оркестру по червонцу на человѣка и десять червонцевъ за такъ называемую здѣсь *гармонію*. Эта гармонія состоитъ изъ пяти музыкантовъ, безъ которыхъ невозможно обойтись, потому что, кромѣ ихъ, нельзя найти въ Ригѣ сколько нибудь порядочной флейты, валторны или фагота. Въ этихъ случаяхъ я съ особенною благодарностью вспоминалъ о безкорыстіи кенигсбергскихъ музыкантовъ.

—

ГЛАВА III.

За одними изъ городскихъ воротъ, между городомъ и довольно отдаленнымъ предмѣстьемъ, находится песчаное поле, усѣянное человѣческими костями. По окрестнымъ курганамъ, видны остатки развалившихся гробовъ, изъ которыхъ торчатъ черепы и ноги. Вотъ какъ объясняютъ накопленіе такаго множества человѣческихъ остововъ на довольно ограниченномъ пространствѣ. Нѣсколько вѣковъ назадъ, ужасный голодъ свирѣпствовалъ по всей Лифляндіи и Эстляндіи. Голодъ и отчаяніе согнали сюда толпу народа со всѣхъ концевъ несчастной страны; нѣсколько тысячъ голодныхъ искали убѣжища въ Ригѣ, еще бо́льшее число стало лагеремъ на этомъ полѣ, требуя помощи у горожанъ, которые имѣли довольно значительные запасы хлѣба, назначенные къ вывозу. Отъ тѣсноты помѣщенія открылась между несчастными моровая язва, и бо́льшая часть

перемерла отъ болѣзни и голоду. Наконецъ горожане сжалились надъ остальными, и дали имъ хлѣба не только для ихъ продовольствія, но и для засѣва полей къ слѣдующему году. Въ память этого ужаснаго событія, ежегодно бываетъ на этомъ полѣ большой праздникъ, который народъ прозвалъ праздникомъ голода и бѣдствія, Hungerkummerfest. Крестьяне забавляются играми и плясками, а вокругъ раскинуто множество палатокъ, гдѣ можно за дешевую цѣну имѣть всякаго родъ кушанья, напитки и лакомства.

Съѣстные припасы въ Ригѣ частью очень дешевы, частью ужасно дороги. Хлѣбъ, всякаго рода мясо, рыба, дичь, живность продаются почти за безцѣнокъ; но за то произведенія, не рождающіяся на мѣстѣ и не привозимыя изъ внутреннихъ губерній Россіи или изъ Польши, почти недоступны по своей дороговизнѣ. То же должно сказать объ огородныхъ овощахъ. Впрочемъ, если послѣднія такъ рѣдки и потому такъ дороги, причину этому должно искать не столько въ суровости климата и безплодіи почвы, которая состоитъ почти изъ одного песку, какъ въ лѣности и беззаботности народа. Съ наступленіемъ весны приходитъ нѣсколько русскихъ мужиковъ изъ за пяти, шести сотъ верстъ, огораживаютъ нѣкоторыя мѣста, на которыя во все продолженіе зимы свозилась грязь со всего города; грязь эта доставляетъ очень хорошій наземъ по причинѣ множества хлѣбныхъ зеренъ, которыя разсыпаются по улицамъ при перевозкѣ большихъ партій хлѣба, и гніютъ въ грязи. Когда земля оттаетъ, они ее вскапываютъ и черезъ нѣсколько недѣль эти мѣста обращаются въ богатые огороды, доставляющіе всякаго рода овощи, отъ продажи которыхъ они выручаютъ очень хорошія деньги. Къ концу лѣта мужики снимаютъ плетни, отдаютъ ихъ знакомымъ крестьянамъ на сохраненіе до слѣдующаго лѣта и отправляются домой, заработавъ отъ восьмидесяти до ста рублей. Какъ плодовъ здѣсь почти нѣтъ, то они привозятся изъ-за границы; каждый годъ приходитъ множество кораблей изъ Франціи, изъ Любека, изъ Ростока, изъ Штетина, съ яблоками, грушами и всѣми плодами, которые могутъ выдержать перевозку; а съ другой стороны Астрахань и Украйна доставляютъ очень хорошій виноградъ, который продается весьма дешево, если принять въ соображеніе дальность пути.

Рига производитъ огромную оптовую торговлю. Зимою приходитъ изъ всей Лифляндіи, изъ Эстляндіи и изъ многихъ внутреннихъ губерній, такое множество обозовъ съ товарами, особенно съ хлѣбомъ, пенькою и льняным сѣменемъ, что по улицамъ

нѣтъ ни проѣзду, ни прохода, и пѣшеходы, чтобы переходить черезъ улицы, должны скакать черезъ нагруженные сани.

Латышскій крестьянинъ, а иногда и русскій, довольствуется для своего пропитанія двумя или тремя копѣйками въ день. Для нихъ устроены, за Вассертонскими воротами, два длинные, крытые навѣса, безъ стѣнъ, и тутъ разставлены столы съ лавками, за которыми можетъ помѣститься нѣсколько тысячъ человѣкъ. Около этой общей трапезной размѣщается безчисленное множество русскихъ разнощиковъ съ лотками ; вообще вся мелкая промышленость здѣсь въ рукахъ русскихъ мужиковъ, — они продаютъ на грошъ или на полушку каши, кислаго молока, потроховъ, говядины, бычачьихъ ногъ, рыбы ; все это уже изготовлено, такъ что стоитъ только купить да ѣсть. Рядомъ съ ними другіе мужики, съ кипящими самоварами, разливаютъ дымящійся сбитень.

Между латышками я нерѣдко замѣчалъ стройный станъ, правильныя черты лица и пріятное обращеніе ; онѣ ходятъ, какъ и мужчины, въ лаптяхъ ; а какъ обычай не дозволяетъ имъ носить ни шапокъ, ни чепцовъ, то онѣ сплетаютъ волосы въ двѣ косы, обвязываютъ голову широкою шелковою лентою, подвязываютъ ею косы и опускаютъ ихъ на затылкѣ ; эта живописная прическа имъ очень къ лицу, и напоминаетъ нѣсколько древнюю греческую прическу.

Въ короткіе декабрскіе дни, которые въ Ригѣ двумя часами короче берлинскихъ, мнѣ не рѣдко случалось, въ пасмурную погоду, вовсе не отворять ставенъ, а весь день работать при свѣчѣ, потому что я жилъ въ узкомъ переулкѣ, противъ артиллерійскихъ казармъ, которыя почти вовсе не пропускали свѣта въ мои окна. За то меня вполнѣ вознаграждали долгіе іюньскіе вечера, въ которые я могъ читать безъ свѣчи до одиннадцати часовъ самый мелкій шрифтъ.

—

ГЛАВА IV.

Однажды, гуляя за городомъ, по берегу Красной Двины, я пришелъ къ лѣсу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по другую сторону рѣки начинаются горы, доходящія до самаго берега. Между тѣмъ, какъ я стоялъ въ раздумьи, любуясь прекрасною картиною, освѣщенною заходящимъ солнцемъ, я замѣтилъ на одной изъ ближайшихъ высотъ избу, крытую хворостомъ, и безъ оконъ ; сначала я подумалъ, что это какой нибудь погребъ, но потомъ я съ удивле-

ніемъ увидѣлъ, что изъ нея клубится густой паръ; наконецъ дверь отворилась, изъ избы вышелъ человѣкъ съ длинной бородой, стрѣлою сбѣжалъ съ горы и бухъ въ воду. Представьте себѣ мое удивленіе! я подумалъ, что это сумасшедшій, и что изба выстроена для сумасшедшихъ, и съ намѣреніемъ помѣщена такъ далеко отъ города и въ такомъ глухомъ мѣстѣ. Все это происходило за рѣкою, и я не видѣлъ никакого средства помочь несчастному, барахтавшемуся въ водѣ. Но между тѣмъ, какъ я предавался пустому страху, изъ избы выбѣжалъ другой, потомъ третій, четвертый, и всѣ въ воду. Морозъ прошелъ по всему моему тѣлу; мнѣ казалось, что весь домъ сумасшедшихъ взбѣленился, и выбѣжитъ изъ избы; я поспѣшилъ назадъ, за помощью. Наконецъ я увидѣлъ нѣсколько рыбаковъ, собиравшихся на ловлю; я разсказалъ имъ, что видѣлъ, и убѣждалъ поспѣшить на помощь утопавшимъ. Рыбаки захохотали и увѣрили меня, что эти люди въ полномъ умѣ, и не подвергаются никакой опасности. Послѣ многихъ распросовъ, я узналъ отъ нихъ, что эта изба была баня, и что крестьяне, выпарившись до поту, бросаются въ рѣку, чтобы освѣжиться. Впослѣдствіи я узналъ также, что такого рода бани употребляются и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, и что для привыкшихъ къ нимъ, онѣ очень здоровы.

Въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Ригѣ, я очень запустилъ свои литературные труды, сколько по множеству занятій, столько-же и потому, что имѣлъ огромный кругъ знакомыхъ, которыхъ не могъ оставлять, частью по дружбѣ къ нимъ, частью изъ приличія. Однако же я окончилъ въ свободные часы комедію «*Одному по закону, другому по праву*», и драму «*Отецъ народа*». Въ бенефисъ мой поставили мои-же произведенія: «*Молодаго скупца*», «*Свадьбу*» и «*Констанцію фонъ Детмольдтъ*». Всѣ эти пьесы имѣли блестящій успѣхъ и дали мнѣ отличный сборъ. Также успѣшны были концерты, данные въ пользу моей дочери, несмотря на дорогія цѣны, которыя она должна была платить содѣйствовавшимъ ей артистамъ.

Знаменитый скрипачъ Джіорновекки, какъ я уже говорилъ, далъ концертъ въ Ригѣ, проѣздомъ въ Петербургъ. Для этого концерта онъ не могъ обойтись безъ содѣйствія моей дочери; но помня собственный свой поступокъ въ Берлинѣ, онъ не смѣлъ прямо просить ее, и обратился къ посредству господина Фитингофа. Дочь моя была не злопамятна; она давно уже забыла его неуслужливость, и согласилась участвовать въ его концертѣ безъ

всякаго затрудненія. Конечно, это былъ самый благородный способъ показать ему его вину; онъ это понялъ, и на другой же день пришелъ просить у нея прощенія.

Мнѣ самому очень хотѣлось побывать въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что меня приглашали туда съ семействомъ, обѣщая намъ значительныя выгоды, если дочь моя будетъ давать концерты. Но нѣкоторыя обстоятельства принудили меня отказаться отъ приглашенія и остаться въ Ригѣ.

—

ГЛАВА V.

Лѣтомъ, я часто ѣздилъ съ своимъ семействомъ гостить на дачѣ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ друзей. Однажды мы получили приглашеніе отъ купца Ренни, котораго дача была на полдня ѣзды отъ Риги. Дорогою поднялась ужасная гроза; извощикъ погналъ лошадей во весь опоръ, не смотря на опасность, которой онъ подвергалъ насъ этимъ. Мы едва успѣли въѣхать на постоялый дворъ, какъ громъ разразился надъ хлѣвомъ, шагахъ въ десяти за нами. Еще нѣсколько секундъ, и мы сами были-бы его жертвою. Оглущенные ударомъ, мы въ испугѣ выскочили изъ кареты; пламя уже обхватило хлѣвъ, и въ нѣсколько минутъ онъ сгорѣлъ до тла. Войдя въ домъ, я очень удивился, увидѣвъ нѣсколькихъ жившихъ въ немъ латышей, которые, завалившись на лавки и подъ столъ, спали такъ крѣпко, что ихъ насилу добудились. Узнавъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому горитъ, они преспокойно вышли за ворота и стали, разинувъ ротъ, смотрѣть на огонь и на перепуганныхъ жителей, которые бѣгали по деревнѣ съ своими пожитками. Когда хлѣвъ сгорѣлъ, они возвратились въ избу, выпили по чаркѣ водки, завалились опять на скамьи и захрапѣли громче прежняго, нисколько не заботясь о бѣдствіяхъ ближняго. Я и прежде видалъ примѣръ ихъ лѣности и безпечности, но этотъ превосходилъ мои понятія.

Фитингофъ, несмотря на всѣ свои старанія и денежныя пожертвованія, не могъ довести театра до той степени совершенства, какой онъ желалъ. Бо́льшая часть его согражданъ не отдавала справедливости его безкорыстнымъ усиліямъ, и даже въ Петербургѣ недоброжелатели старались перетолковать всѣ его дѣйствія въ дурную сторону, распуская слухъ, будто онъ думалъ только о собственныхъ удовольствіяхъ и вовсе не занимался дѣломъ. Огорченный всѣми этими непріятностями, онъ рѣшился со-

всѣмъ отказаться отъ предпріятія и сдать театръ, на благоразумныхъ условіяхъ, двумъ актерамъ: Мейеру и Коху. Эти продолжали предпріятіе довольно удачно, благодаря обильной подпискѣ публики и денежнымъ пожертвованіямъ нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ.

Эта перемѣна управленія измѣнила и мои дѣла. Мнѣ нельзя было отказать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами труппы, до окончанія моего контракта; но, не желая брать жалованіе даромъ, я самъ рѣшился просить объ увольненіи, на что новые директоры тотчасъ согласились. Потомъ они одумались, увидѣвъ, что мое семейство было необходимо для успѣха театра, предложили вновь ангажировать меня на томъ-же жалованіи, только безъ бенефиса, такъ какъ они сами брали на себя должность режиссеровъ. Однако же эта часть моихъ доходовъ, составлявшая по крайней-мѣрѣ четыреста червонцевъ, была для меня слишкомъ важна, чтобы я могъ отказаться отъ нея, и я не принялъ предложенія. Друзья мои, узнавъ о томъ, тотчасъ открыли подписку, чтобы вознаградить меня хотя на одинъ годъ за несправедливость дирекціи. Въ первый же день подписка, стараніями моего друга Бунеринга, составила около двухъ сотъ червонцевъ. Но между-тѣмъ дирекціи была рекомендована довольно хорошая пѣвица изъ Праги, такъ, что она уже могла обойтись безъ моего семейства. Она ангажировала ее, а я рѣшился возвратиться въ Германію.

Какъ ни блистателенъ былъ нашъ выѣздъ изъ Мангейма, онъ не могъ сравниться съ выѣздомъ изъ Риги. Всѣ наши друзья до послѣдняго дня старались осыпать насъ свидѣтельствами своей дружбы и своего уваженія. Многіе изъ нихъ проводили насъ до половины дороги въ Митаву и тутъ дали намъ великолѣпный обѣдъ. Однако-же пришло время разставаться. Мы со слезами простились съ ними, и продолжали путь въ Митаву, гдѣ насъ приняли также любезно, какъ и въ первый нашъ проѣздъ.

—

ГЛАВА VI.

На другой день по прибытіи въ Митаву, я сѣлъ въ бричку, и поѣхалъ за приказаніями герцога, который находился въ это время, съ супругою и со всѣмъ дворомъ, въ Вурцау, загородномъ дворцѣ, въ двухъ миляхъ отъ города. Оба приняли меня какъ нельзя милостивѣе. Герцогъ очень удивлялся, что я рѣшился

ѣхать въ дальній путь въ такое неблагопріятное время года, когда еще холодно и всѣ дороги разбиты. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ далъ мнѣ замѣтить, что ему будетъ очень пріятно, если я соглашусь остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Вурцау, до отъѣзда его въ Италію. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе, потому что дурныя дороги и безпрестанные дожди пугали меня. Герцогъ назначилъ намъ по пятидесяти червонцевъ въ мѣсяцъ на содержаніе и велѣлъ отвести намъ квартиру во дворцѣ съ отопленіемъ, столомъ, винами, и всѣми удобствами. Узнавъ потомъ, что на меня находила иногда хандра, онъ приказалъ отдать въ мое распоряженіе нѣсколько верховыхъ лошадей съ собственныхъ его конюшенъ. При такихъ свидѣтельствахъ милости моихъ высокихъ покровителей, и обществѣ нѣкоторыхъ придворныхъ лицъ, почтившихъ меня своею дружбою, пребываніе наше въ Вурцау было чрезвычайно пріятно.

Назначивъ намъ жалованіе, герцогъ поставилъ въ условіе, чтобы дочь моя пѣла въ придворныхъ концертахъ, каждый разъ, какъ потребуется. Я, съ своей сторовы, также не хотѣлъ сидѣть безъ дѣла; и какъ герцогъ изъявилъ однажды желаніе видѣть мою жену въ роли Аріадны, а Митавѣ-же не было театра, то я рѣшился тайно отъ него, съ дозволенія герцогини и съ помощью нѣкоторыхъ членовъ капеллы, устроить небольшой театръ во дворцѣ. Какъ всѣ, къ кому я обращался, рады были случаю доставить удовольствіе герцогу, то скоро можно было открыть представленія, и мы дали «*Аріадну*», «*Медею*», и еще нѣсколько оперъ и комедій.

Герцогъ, ничего не подозрѣвавшій, былъ очень обрадованъ этимъ общимъ вниманіемъ къ его удовольствіямъ, и въ знакъ своей благодарности пожаловалъ мнѣ пятьдесятъ червонцевъ, а моей женѣ и дочери золотые часы и другіе драгоцѣнные подарки. Герцогиня, съ своей стороны, пришла однажды утромъ къ намъ, въ сопровожденіи штатсдамы, и подарила моей женѣ и дочери по перстню, въ знакъ собственной ея признательности. Эта добрая, прекрасная женщина нѣжно любила своего мужа. Однажды, когда онъ отправился на нѣсколько дней на охоту, она вздумала приготовить ему пріятный сюрпризъ. Съ этою цѣлью она велѣла построить хорошенькую сельскую хижину, въ очень живописномъ мѣстѣ по дорогѣ, которою герцогъ обыкновенно возвращался; и въ день, назначенный для его пріѣзда, она приготовила сама передъ избушкою сельскій завтракъ, на который были приглашены моя жена и дочь. Герцогиня и всѣ ея придворныя дамы были одѣты крестьянками, и сидѣли круж-

комъ передъ хижиною. Сама герцогиня представляла хозяйку; на столѣ были приготовлены миска молока, черный хлѣбъ, масло, сыръ, плоды, и прочая; вся посуда и приборы были деревянныя, какъ водится у крестьянъ. Въ этомъ мѣстѣ она ожидала своего супруга, чтобы встрѣтить его и пригласить къ завтраку. Егерь былъ поставленъ около большой дороги, чтобы извѣстить о приближеніи ожидаемаго гостя. Къ несчастію, герцогъ, противъ обыкновенія, выбралъ на этотъ разъ другую дорогу; сторожевой узналъ это только послѣ долгаго ожиданія, и пришелъ доложить герцогинѣ, что гость ея уже въ Вурцау. При этой непріятной вѣсти, руки опустились у огорченной супруги, и она вскричала со слезами на глазахъ: — «Онъ не ѣдетъ! вотъ и вся радость, на которую я разсчитывала, пропала»! Все было брошено въ томъ видѣ, какъ было, и герцогини съ своими придворными дамами съ горестью возвратилась въ Вурцау.

—

ГЛАВА VII.

Наконецъ настало время, назначенное для отъѣзда герцога и съ тѣмъ вмѣстѣ срокъ моему ангажементу, продолжавшемуся четыре мѣсяца. Герцогъ наградилъ меня гораздо щедрѣе, чѣмъ я могъ ожидать. При прощеніи онъ приказалъ выдать мнѣ пятьдесятъ червонцевъ, сверхъ моего жалованья за послѣдній мѣсяцъ. Герцогиня со слезами на глазахъ обняла мою жену и дочь, и дала мнѣ рекомендательныя письма къ графинѣ Кейзерлингъ, въ Кенигсбергѣ, и къ своимъ двумъ братьямъ въ Берлинѣ. Сверхъ того, при самомъ нашемъ отправленіи, она подарила моей дочери свой портретъ, въ память своей неизмѣнной дружбы.

Я поѣхалъ сперва въ Митаву, и остановился у своего друга Гуна, чтобы заняться приготовленіями къ дальнему пути. Въ это время, меня еще разъ навѣстилъ каммергеръ герцога, увѣрилъ меня, что герцогъ съ прискорбіемъ отпускалъ меня, и очень ясно намекнулъ, что отъ меня одного зависѣло возобновить контрактъ, на такихъ условіяхъ, какія я пожелаю. Однако-же, какъ я за нѣсколько дней передъ тѣмъ писалъ въ Гамбургъ, и положительно принялъ предложеніе, сдѣланное мнѣ гамбургскою дирекціею, да и все уже было готово къ моему отъѣзду, то я показалъ видъ, будто не понялъ намека, и просилъ только посланнаго еще разъ благодарить герцога за всѣ его благодѣянія, и увѣрить его въ нашей неизмѣнной преданности.

За нѣсколько дней до отъѣзда я былъ свидѣтелемъ очень трогательной сцены. Купецъ Пирсонъ, одинъ изъ моихъ рижскихъ друзей, пріѣхалъ въ Митаву. Онъ поручилъ управленіе своими огромными торговыми дѣлами одному изъ своихъ родственниковъ, по имени Тромповскому, а самъ отправлялся съ семействомъ въ Англію, гдѣ онъ купилъ, близъ Лондона, очень хорошенькое помѣстье. Этотъ почтенный человѣкъ началъ нѣкогда торговлю съ очень небольшими средствами, но благодаря своимъ способностямъ, дѣятельности, честности и умѣнію пользоваться благопріятными обстоятельствами, составилъ себѣ состояніе, заходившее за милліонъ рублей. Если счастіе никогда не измѣняло ему, то можно сказать, что оно никогда не избирало для своихъ благодѣяній человѣка, болѣе достойнаго ихъ. Онъ отлично воспиталъ своихъ дѣтей, былъ примѣрный отецъ семейства, всегда готовъ служить своимъ друзьямъ, и бѣдные никогда не отходили отъ него безъ помощи. Его благородство и простодушіе стяжали ему уваженіе и любовь всѣхъ его согражданъ, и я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь завидовалъ его счастью и богатству. Когда онъ уѣзжалъ изъ Риги, по всѣмъ улицамъ отъ его дома до заставы тѣснилась толпа облагодѣтельствованныхъ имъ людей, которые громко благословляли его и его семейство. Въ Митавѣ я и прочіе друзья встрѣтили его съ восторгомъ; но тѣмъ грустнѣе было намъ разставаться съ нимъ, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ его пріятномъ обществѣ. Ни одного, можетъ быть, не было между нами, который не прослезился-бы въ эту минуту. Старикъ, отецъ его жены, прощаясь съ дѣтьми, оставался твердъ до самой минуты отъѣзда; но когда пришлось имъ садиться въ карету, его надо было силою вырвать изъ объятій дочери, и внуковъ, а ее почти безъ чувствъ отнести въ карету. Старикъ долго стоялъ неподвижно, смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжавшимъ, и могъ только прерывающимся голосомъ простонать: — «Дѣти мои, я васъ болѣе не увижу». Карета давно скрылась изъ виду, а онъ все еще стоялъ, напрягая глаза вслѣдъ ей. Наконецъ, онъ опустилъ голову на грудь и залился слезами. При этомъ видѣ мы забыли собственную горесть, и стали думать только о томъ, какъ бы утѣшить бѣднаго старика.

Я провелъ еще нѣсколько пріятныхъ дней въ обществѣ своихъ друзей; но все ужъ было готово къ нашему отъѣзду, и надо было разставаться. Съ прискорбіемъ простился я съ своимъ вѣрнымъ другомъ Гуномъ и съ добрымъ капитаномъ Шеферомъ, который наканунѣ задалъ намъ на прощеніе великолѣпный обѣдъ.

Какой-то тайный голосъ говорилъ мнѣ, что мнѣ уже не видать болѣе послѣдняго; и дѣйствительно, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Гамбургъ, я получилъ письмо отъ Гуна, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что Шеферъ застрѣлился не оставивъ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно-бы угадать причину, побуждавшую его къ самоубійству.

—

ГЛАВА VIII.

По желанію жены, я рѣшился опять своротить съ прямаго пути и заѣхать въ Тильзитъ, гдѣ мы нашли ея дядю и его семейство столь же здоровымъ и счастливымъ, какъ за два года передъ тѣмъ. Нѣсколько дней, проведенные въ кругу этого почтеннаго и добраго семейства, пролетѣли, какъ одинъ часъ. Горько плакала Шарлотта, прощаясь съ своимъ престарѣлымъ воспитателемъ; и дѣйствительно онъ былъ въ такихъ лѣтахъ, а мы ѣхали такъ далеко, что едва ли можно было ей надѣяться увидѣться съ нимъ въ другой разъ. Старикъ былъ тверже ея, и старался ее успокоить.—«Не плачь, дочь моя, говорилъ онъ; мы скоро увидимся тамъ, у престола премудраго распорядителя всѣхъ земныхъ дѣлъ.» Увы! это утѣшеніе было предсказаніемъ, которое слишкомъ скоро сбылось!

Нѣкоторые изъ нашихъ рижскихъ друзей снабдили насъ письмами въ Кенигсбергъ, между прочимъ къ директору банка Руфману и къ купцамъ Шереру, Кильмару и Бану. Всѣ они приняли насъ съ самымъ трогательнымъ радушіемъ, какъ старые друзья. Письмо герцогини Курляндской къ графинѣ фонъ-Кейзерлингъ доставило намъ такой-же пріемъ въ высшемъ обществѣ. Герцогъ Гольштейнъ-Бекскій опять почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, какъ скоро узналъ о нашемъ пріѣздѣ.

Всѣ друзья наши уговаривали меня пробыть въ Кенигсбергѣ нѣсколько дней, увѣряя меня, что вся публика надѣется, что дочь моя не выѣдетъ, не давъ концерта. Какъ мнѣ не зачѣмъ было спѣшить, я охотно согласился. Купцы Адлеръ и Герлахъ, секретарь Джонъ, ученый Плесснигъ, книгопродавецъ Гартунгъ, всѣ страстные любители музыки, тотчасъ открыли подписку, которая въ нѣсколько дней дала такой-же обильный сборъ, какъ и въ прежнее время; но трауръ по случаю кончины королевы Шведской не позволилъ тотчасъ дать предполагаемый концертъ. Едва только это препятствіе было устранено особеннымъ разрѣ-

шеніемъ, которое выхлопоталъ намъ оберъ-гофмейстеръ, баронъ фонъ Грёбенъ, какъ у дочери моей сдѣлался кашель и концертъ пришлось опять отложить до ея выздоровленія. Но врачи нашли болѣзнь весьма опасною, и объявили, что больная нѣсколько мѣсяцевъ не будетъ въ состояніи пѣть.

Это несчастное обстоятельство чрезвычайно огорчило меня. Видя страданія дочери, и размышляя о послѣдствіяхъ, которыя болѣзнь могла имѣть для нея, я такъ упалъ духомъ, что друзья мои начали опасаться за мое здоровье. Долгое пребываніе безъ всякаго дѣла и болѣзнь дочери замѣтно истощали также сбереженныя нами деньги. Между тѣмъ, какъ уныніе мое съ каждымъ днемъ усиливалось, почталіонъ принесъ мнѣ однажды письмо, въ которомъ я нашелъ двадцать червонцевъ при слѣдующей запискѣ: «Почтенный отецъ семейства! Такъ какъ концертъ, на который вы надѣялись, не можетъ состояться, и вы чрезъ то лишаетесь значительнаго пособія, въ такое время, когда болѣзнь дочери причиняетъ вамъ большія издержки, то неизвѣстная почитательница вашей благородной души и вашего таланта умоляетъ васъ принять прилагаемую бездѣлицу, въ знакъ ея къ вамъ уваженія.»

Записка была безъ подписи и печать незнакомая. Мнѣ очень хотѣлось узнать, кто была эта добрая почитательница, но всѣ мои старанія остались безъ успѣха; по этому я могъ только разсказать всѣмъ своимъ друзьямъ объ этомъ прекрасномъ поступкѣ, чтобы тѣмъ изъявить свою благодарность скромной благодѣтельницѣ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, была изъ числа ихъ.

Нѣсколько недѣль спустя, герцогъ Курляндскій и его супруга прибыли въ Кенигсбергъ. Дочь моя къ этому времени почти совсѣмъ выздоровѣла, и не желая безъ важной причины откладывать отъѣздъ, настоятельно просила, чтобы я назначилъ концертъ, на который я счелъ долгомъ пригласить и своихъ высокихъ покровителей. Къ несчастію, — репетиціи такъ утомили мою дочь, что кашель возобновился, и въ день концерта она была совершенно не въ состояніи пѣть. Однакоже, все уже было готово, концертъ объявленъ и билеты розданы; по этому я былъ принужденъ просить знаменитаго скрипача Генселя, находившагося въ Кенигсбергѣ, заступить мѣсто моей дочери. Жена моя продекламировала нѣсколько сценъ изъ роли Аріадны, съ акомпаниментомъ оркестра подъ управленіемъ извѣстнаго органиста Рихтера; а дочь моя, почувствовавъ себя лучше, заключила концертъ большою арією изъ «*Арсеніи*». Публика осталась очень довольною, тѣмъ болѣе, что она не ожидала декламаціи моей жены, и не надѣя-

лась слышать Минну, о болѣзни которой было всѣмъ извѣстно, Она наградила обѣихъ артистокъ самыми единодушными рукоплесканіями.

Черезъ нѣсколько дней послѣ концерта, жена моя узнала случайно отъ переписывавшаго безъимянную записку, что неизвѣстная благодѣтельница, приславшая мнѣ двадцать червонцевъ, была сама Минна. Видя, какъ болѣзнь ея истощала мои средства, она хотѣла сколько нибудь вознаградить меня, отдавъ мнѣ небольшую сумму, которую успѣла скопить. Само собою разумѣется, что я не хотѣлъ воспользоваться этимъ, и возвратилъ ей ея деньги съ подаркомъ, для изъявленія моей признательности.

Мы долгомъ считали поблагодарить герцога курляндскаго и его супругу, за честь, которую они намъ сдѣлали своимъ присутствіемъ въ концертѣ. Герцогиня приняла насъ съ прежнею благосклонностью, но супругъ ея былъ необыкновенно холоденъ. Наканунѣ ихъ отъѣзда, когда мы прощались съ ними, герцогиня сказала намъ: — «Я еще не прощаюсь съ вами, надѣясь увидѣть васъ завтра». Герцогъ-же въ тоже время сказалъ мнѣ, очень холодно: — «Мы болѣе не увидимся;» — и вышелъ изъ комнаты. Эти слова ясно показывали мнѣ, что я лишился его милости, имѣвъ глупость уклониться отъ его предложенія возвратиться въ Вурцау.

Насъ уже нѣсколько недѣль ждали съ нетерпѣніемъ въ Данцигъ, и я безпрестанно получалъ письма отъ тамошнихъ друзей моихъ, приглашавшихъ меня поспѣшить пріѣздомъ. Какъ ни тяжело было намъ разставаться съ родными, особенно не имѣя надежды скоро увидѣться съ ними, однако-же надо было покориться судьбѣ и долгу.

Мы отправились въ Эльбингъ и пріѣхали туда рано утромъ. Я думалъ дать тутъ только отдохнуть своему семейству, пока будутъ кормить лошадей, а самъ между тѣмъ съѣздить къ англійскому купцу Кингу, котораго я еще не зналъ, но которому былъ отлично рекомендованъ его зятемъ, Бельфоромъ, изъ Риги. Кингъ не хотѣлъ и слышать о такомъ скоромъ отъѣздѣ, и удержалъ насъ отъ имени всей эльбингской публики. Черезъ нѣсколько часовъ весь городъ узналъ о нашемъ прибытіи, и многіе изъ знатнѣйшихъ жителей собрались просить насъ пробыть съ ними нѣсколько дней. Нельзя было отказать такимъ настоятельнымъ просьбамъ, и въ тотъ-же день, съ согласія моей дочери, была открыта подписка на концертъ. Семейства директора банка Струэнзе и купца Кинга взялись между тѣмъ по заботиться о пріятности нашего пребыванія въ городѣ, давали намъ обѣды и возили насъ по окрестностямъ. Концертъ вполнѣ удовлетворилъ и участниковъ

и слушателей. Въ тотъ-же вечеръ дали въ честь нашу блистательный балъ, а на слѣдующій день мы выѣхали изъ Эльбинга, тронутые гостепріимствомъ нашихъ новыхъ друзей, которые проводили насъ на значительное разстояніе отъ города. Дорога изъ Эльбинга въ Данцигъ идетъ по плодоностному берегу Вердера и въ лѣтнее время она точно огромный, прекрасный садъ. Мы проѣхали это пространство съ особеннымъ удовольствіемъ, и въ тотъ же день прибыли въ Данцигъ.

=

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ
ЗОЯ МАРКОВИЧА ЧЕЧЕТКИНА,

ЕГО ЖИЗНЬ, НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ И СТРАНСТВОВАНІЯ ПО БѢЛОМУ СВѢТУ.

II.

Зой Марковичъ покупаетъ безъукоризненныя перчатки. — Онъ на Толкучемъ. Слѣдствіе потерянаго платка. — Событіе въ театрѣ. — Путешествіе по лѣстницамъ. — Восторгъ. — Дань таланту артиста. — Двѣ бѣды.... опять кареты!

Мая 17.

Я-бы назвалъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ аптекарскихъ дѣтей земнаго шара, если-бы только въ Петербургѣ не было ни общественныхъ, ни частныхъ каретъ.... Въ нихъ я далеко не уѣду: видно ужъ мнѣ такъ на роду написано.... Во всякой каретѣ, какого-бы она ни была цвѣта — всегда сидитъ мое несчастіе. Вотъ и сегодня случилась со мною оказія — срамъ, просто срамъ! Кажется, человѣкъ-то я и не таковскій, и деликатность всякую понимаю, ну, и руку умѣю протянуть во время, знаю,

гдѣ какъ сѣсть, на краюшекъ, или въ развалку; гдѣ ковыльнуть ножкой, гдѣ отпустить бон-мо, или взглянуть этакъ — выразительно!... Такъ нѣтъ!... какъ только попалъ въ карету, или потеряю шапку, или растеряюсь самъ, до того, что ни рукой, ни ногой.... Ума не приложу, какъ это меня угораздило!... Помнится — вышелъ я изъ театра, такой довольный, веселый, словомъ, человѣкъ, что называется, въ упоеніяхъ по горло. Иду — толкнутъ — я ничего.... улыбнулся и всторону.... Толкну самъ — сейчасъ раскланяюсь и извинюсь, толкну еще — и опять раскланяюсь.... На кого ни взгляну — всякому улыбку, такъ вотъ и хочется спросить: «Что? каковъ Мартыновъ то?... Вѣдь, какъ разбойникъ, танцы-то отхватываетъ въ женской юбкѣ*! А гримасы-то какія корчитъ, какъ пьянымъ выходитъ. Другіе всѣ себѣ такъ просто, безъ всякой этакой уморительности; ходятъ, говорятъ, руками разсуждаютъ — какъ нашъ братъ, люди, какъ люди, а онъ такъ что слово — откинетъ штуку! Ужъ подлинно настоящій потѣшникъ, нечего сказать!»

Фу, пропасть! ужъ подлинно — и я камчадалъ. Какъ не везетъ мнѣ въ каретахъ, такъ точно не могу отвыкнуть отъ своихъ сибирскихъ привычекъ. Сколько разъ самъ себѣ на носу зарубалъ: не начинай ты, дескать, Зой Маркычъ, исторій съ конца.... Неприлично, да — и не всякой пойметъ тебя, тѣмъ больше, что ты ведешь свои записки въ назиданіе потомству.... Каждый шагъ твой, каждый взглядъ и казусъ, съ тобой приключившійся — должны быть разсказаны точно, вѣрно и обстоятельно.... Такъ нѣтъ же, не могу.... Вотъ такъ-бы всегда концемъ и началъ!...

Для вящей точности надлежитъ упомянуть, что я проснулся сегодня съ непремѣннымъ намѣреніемъ купить себѣ перчатки! Еще вчера напомнилъ мнѣ объ этомъ почтенный другъ мой Черемисовъ. «У насъ, говоритъ, ужъ такой порядокъ: въ театрѣ, говоритъ, должно быть непремѣнно въ лайковыхъ, безъукоризненныхъ перчаткахъ; неравно, говоритъ, — возьмете подзорную трубу, чтобы посмотрѣть на какую нибудь актрису... ну, говоритъ, вѣдь руки-то и видно: неприлично....» Заѣзжій человѣкъ, что малый ребенокъ, все долженъ спросить, поэтому я тотчасъ-же

* Зой Маркычъ видѣлъ водевиль: «*Мнимая Фанни-Эльслеръ*» и комедію «*Завтракъ у Предводителя*» Замѣчаніе наборщика.

позвалъ того лакея, котораго вчера заставилъ замолчать на полтинникъ, и обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А, что, говорю, братецъ — гдѣ у васъ покупаютъ лайковыя — какъ бишь ихъ — да, безъукоризненныя перчатки?

— Не можемъ знать, сударь, гдѣ продаются такія, это знать какія нибудь особенныя, пружинныя; а вотъ, если угодно лайковыхъ — хорошихъ, такъ господа все изволятъ получать у Реномея, — отвѣчалъ лакей.

— У Реномея?.. Гм!... продолжалъ я.... стало быть иностранецъ онъ?

— Какъ же съ, французъ, выходитъ, или англичанинъ изъ иностранцевъ.

— Такъ, подумалъ я; и Черемисовъ говорилъ мнѣ, что французы мастера дѣлать водевили и перчатки. Отправлюсь къ Реномееву, быть-можетъ, у него и *безъукоризненныя* есть. Съ этою мыслью я накинулъ шинель и отправился. Первое лицо, которое я встрѣтилъ за воротами — было немытое лицо лакея Черемисова.

— Что скажешь? спросилъ я....

— Къ вамъ, сударь, баринъ кланяться приказали.

— Спасибо. Ну, а что онъ?

— Приказали просить васъ, чтобы вы пожаловали сегодня въ театеръ — въ семь часовъ, а вотъ и нумеръ ихней ложи — тутъ записанъ.... во второмъ ярусѣ, добавилъ онъ, подавая мнѣ лоскутокъ бумаги тонкой, какъ батистъ.

— Благодари, братецъ, барина, скажи, что всенепремѣнно буду. Сказавъ это, я свернулъ мелко бумажку, положилъ ее на память въ табакерку и кликнулъ извощика. Вмѣсто одного, ихъ подлетѣло ко мнѣ десять. Прекрасный народъ, рѣдкой услужливости, другъ друга разорвать рады, лишь-бы только провести господина, особенно, если онъ пріѣзжій — это ужъ я замѣтилъ и на Невскомъ. — «Прикажите, сударь? Далече-ли? вотъ на гнѣдкѣ.... Линеечку, ваше высокоблагородіе! — Вывалитъ!... Не довезетъ! Право слово, ваше благородіе!... Вишь у него одеръ, нукнешь — назадъ пятится, пукнешь — въ стойло лезетъ.... Прикажите!...» сыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Стойте! стойте! вскричалъ я.... Чего орете? Ну.... къ Ре-

номею? При этомъ, какъ-будто я кипяткомъ въ нихъ брызнулъ. Извощики переглянулись, надѣли шапки и вытаращили на меня глаза. Ну, къ Реномею? повторилъ я — Такого нѣтъ!.. отвѣчало нѣсколько голосовъ. Мнѣ стало досадно.

— Къ Реномею! вскрикнулъ я, къ тому самому, что дѣлаетъ водевили и перчатки!

— Знаю, сударь — знаю! вскричалъ одинъ изъ самыхъ догадливыхъ....

— Знаешь? насмѣшливо подхватили другіе.... Полно морочить-то!

— Вѣстимо знаю, отвѣчалъ паренъ.... За перчатками.... знаю... подъ навѣсомъ, въ Апраксиномъ! Садись, баринъ, — двугривенный — будете довольны. — Я взобрался на дрожки. Славный экипажъ, эти петербургскіе дрожки, сидишь на нихъ, какъ на хребтѣ верблюда, въ ямкѣ, между двумя бугорками — покойно такъ — высоко, ноги болтаются — только стремянъ нѣтъ, а то точно верхомъ скачешь; и спинка такая, какъ у казацкаго сѣдла. Одно мнѣ только не понравилось, что извощики здѣсь такъ пріучены, коли хочетъ понукнуть лошадь, то сперва стегнетъ возжей по сѣдаку, а потомъ ужъ по клячѣ. Когда мы мчались по Невскому, я увидѣлъ нѣсколько общественныхъ каретъ, но уже съ красной полосой.... Видно полно надувать почтенный народъ: что молъ, *желѣзная дорога*, — надпись-то закрасили.... Не одни извощики услужливы въ Петербургѣ — здѣсь и торговый народъ не уступитъ имъ въ вѣжливости. Едва только я показался на тротуарѣ подъ навѣсомъ, какъ нѣсколько шапокъ слетѣло съ головъ и нѣсколько голосовъ закричали мнѣ на встрѣчу: «Господинъ — пожалуйте-съ.... Шинели! сюртуки.... пальты разныя изъ *трика*!... Пожалуйте-съ....» Платя за учтивость учтивостію, я кланялся всѣмъ и каждому. А между-тѣмъ, изъ желанія угодить мнѣ, торговцы загораживали дорогу и почти обнимали меня, какъ роднаго.... Просто на перерывъ зовутъ въ гости: «Зайдите къ намъ-съ, сдѣлайте одолженіе.... Много обяжете.» Подлинно столичный народъ — утонченный.... Учтивость и радушіе необыкновенныя.

— Стойте, господа.... погодите! сказалъ я. Сдѣлайте одолженіе, укажите мнѣ сперва, господина Реномея.... Мнѣ вотъ перчатки нужны....

— Здѣсь! здѣсь! пожалуйте, заревѣла толпа въ одинъ голосъ, и кто меня подъ руку, кто обнимаетъ, кто просто за полу тянетъ.

— Тс! вскричалъ я.... Кто-же изъ васъ Реномеевъ то?

— Пожалуйте, пожалуйте.... господинъ! отозвался одинъ купецъ съ подстриженной бородкою.... Какъ-же это, подумалъ я — французъ то съ бородой и по русски обстриженъ? Да тутъ-же и вспомнилъ, какъ Черемисовъ мнѣ толковалъ, что нынче, вишь-ли, въ Парижѣ мода ходить, какъ русскіе мужики. Ну, думаю, ладно! — Пожалуйте, повторилъ онъ, почти насильно втащивъ меня въ лавку.... У насъ покупали-съ!...

— Что вы?... что вы, мусьё Реномей.... да я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть, сказалъ я.... Я только, душа моя, третій день, какъ въ городѣ.... изъ Камчатки пріѣхалъ....

— Такъ-съ.... Обозначился, статься можетъ, отвѣчалъ скороговоркою Реномей. Касательно-же перчатокъ, какія требуются вашей милости? продолжалъ онъ, приподнимая правою рукою картузъ, а лѣвую изогнувъ въ какую-то рогатую фигуру.... фельдкосовыя, али замшевыя.... Прикажете, лайковыя есть?

— Лайковыя, сказалъ я, безъукоризненныя....

— Есть.... Пожалуйте-съ.... лучшаго сорта, самыя, то-есть, французскія.... отличительной доброты и бѣлизны.... свадебныя-съ.... бальныя, смѣю доложить вашей милости....

— Мнѣ для театра, душа моя, замѣтилъ я....

— Да, куда угодно надѣть извольте, не стыдно будетъ-съ.... Господа покупаютъ съ.... дюжинами отпускаемъ.... Пожалуйте-съ! Съ этими словами, онъ выкинулъ на прилавокъ плоскую коробку съ перчатками, предоставя мнѣ выбрать изъ цѣлой дюжины любую пару.

— Это и есть тотъ сортъ, какъ его.... да бишь — безъукоризненный? спросилъ я.

— Онѣ самыя.... пожалуйте, другихъ не отпустимъ, сказалъ Реномей и занялся съ другимъ покупателемъ.

Съ немалымъ трудомъ выбравъ самыя просторныя, я кое-какъ натянулъ ихъ на руки и обратился къ нему съ вопросомъ о цѣнѣ.

Едва только Реномей взглянулъ на меня и раскиданныя передо мною перчатки, какъ лицо его выразило ужасъ и досаду.

— Помилуйте, сударь! вскричалъ онъ.... На рубль покупать изволите, а на десять товару испортили....

— Что ты, что ты, любезный! Какъ испортилъ? спросилъ я, не понимая его досады.

— Да, какъ же-съ.... Вы, почитай, всѣ перчатки перемяли, примѣривая ихъ.... Такъ не водится-съ.... Вѣдь это не сапоги, смѣю доложить вамъ съ....

— Да не сапоговъ-же я у тебя, душа моя, и спрашивалъ.

— Сапоги дальше, сударь, отвѣчалъ онъ.... Коли не изволите знать порядковъ, такъ спросить-бы не мѣшало.... вѣдь это не варишки, не рукавицы какія нибудь! и Реномей разсвирѣпѣлъ до того, что взялъ съ меня десять рублей за испорченный товаръ.

Дѣлать было нечего, съ десятью парами перчатокъ, полный досады и отчаянія, я отправился домой. Но занятый своею неудачею, заблудился и попалъ на какой-то дворъ, застроенный маленькими, сквозными будочками. Здѣсь толпа мальчишекъ, вооруженная сапогами, щетками, разнымъ платьемъ, съ шумомъ и крикомъ обступила меня, называя сударемъ, графчикомъ и всякими почтенными именами. Ужъ съ чего они это взяли, кто ихъ знаетъ, видно у меня такая поразительная физіономія.

— Ничего не надо.... совершенно ничего не надо.... Отстаньте! кричалъ я, очищая себѣ дорогу, въ то время, какъ щетки и пироги мелькали у самаго моего носа. А между-тѣмъ, приглашенія и предложенія сыпались со всѣхъ сторонъ. Я шелъ и отмалчивался, изрѣдка останавливаясь послушать, какъ деревенскіе парни на какомъ-то этакомъ инструментѣ ловко такъ напгрывали разные національные романсы: Какъ у нашихъ у воротъ; Чѣмъ тебя я огорчила и прочая. Славная штука.... Съ виду ничего, просто коробочка съ клапанами, складывается, да разнимается, а звуки препріятные.... Должно быть заморская выдумка и вѣрно французская.... О, французы преизобрѣтательный народъ.... Капризны только — ужъ имъ и перчатки не измни!

— Что покупать изволите-съ? послышалось позади меня. — Я оглянулся. Видный купецъ, въ синей сибиркѣ, почтительнымъ поклономъ встрѣчалъ меня, указывая на груды разложенныхъ передъ нимъ книгъ. — Э... такъ вотъ она гдѣ, петербургская то литература? подумалъ я, остановясь надъ связками печатной бумаги.

— Журналовъ не угодно-ли? спросилъ купецъ.

— Журналовъ! Что это такое?...

— Очевно любопытныя книги, сударь.... Вотъ не угодно-ли — и онъ указалъ на пару книгъ, обернутыхъ въ синюю бумагу.... Прекрасный журналъ, безоблыжно сказать можно, — сами въ немъ изволите прочитать, что ужъ лучше его и нѣтъ.... Мы товаръ лицомъ продаемъ.

Я отвернулъ первую страницу — и не выдержалъ.... Досадно стало.... Въ глазахъ, думаю, смѣется борода....

— Да, что это ты, любезный, на неграмотнаго напалъ, что-ли? вскричалъ я.

— Какъ можно, господинъ.... Для чего неграмотнымъ книги.... понятное дѣло-съ....

— Да.... ты гляди, что мнѣ разхваливаешь-то?... и еще смѣешь говорить безоблыжно....

— По истинѣ безоблыжно.... отличнѣйшій журналъ... сами изволите видѣть — и бумага какая добротная, и толстый такой, по пяти переводныхъ романовъ въ книжкѣ.... почитай восемь книгъ на пудъ покупаемъ съ.

— Да что мнѣ до твоихъ романовъ!... Тутъ-то что написано.... вотъ тутъ, смотри....

— «*Человѣческія глупости-съ*».... Да евто вѣдь только, сударь, заглавіе, продолжалъ съ усмѣшкою купецъ, а сами-то по себѣ онѣ глупости того.... я вамъ скажу....

— Ну что.... какія-же глупости?

— Да извольте купить.... прочтете.... останетесь довольны....

— Читай ихъ самъ.... знать для тебя и писаны, когда по вкусу пришлись.... сказалъ я, не удерживая своего справедливаго гнѣва.... А ты мнѣ вотъ лучше скажи, какъ этотъ рядъ у васъ называется....

— Здѣсь не ряды, отвѣчалъ купецъ, повидимому обидясь, это *Пучина*.

Ну, подумалъ я, вотъ оно гдѣ наши сочинители-то гибнутъ, и пошелъ дальше.

Любопытство мое было сильно заинтересовано.... я забылъ завтракъ, обѣдъ, Ѳомку, Черемисова и гостиницу, — бродя на птичномъ и ягодномъ.... Въ упоеніи я уничтожилъ два арбуза зелено-желтаго цвѣта, съ бѣлыми косточками.... Вотъ фрукты!...

нечего сказать; непремѣнно, побывши въ Калифорніи, на обратномъ пути заверну за арбузами — въ Астрахань.

Въ половинѣ седьмаго я былъ въ театрѣ. Сторожъ указалъ мнѣ лѣстницу.

— Ступайте, говоритъ; тамъ, говоритъ, во второмъ ярусѣ, проводитъ васъ камердинеръ, только нумеръ ему скажите. — Ладно, думаю. Но тутъ-то и случился со мною казусъ! Пошелъ я по лѣстницѣ, гляжу, стеклянная дверь, чьито люди въ ливреяхъ стоятъ и въ сторонкѣ на столѣ водка и закуски. — Здѣсь, говорю, второй ярусъ? — Нѣтъ съ, извольте повыше.

Я въ дверь — пошелъ выше, смотрю-опять стеклянная дверь — вошелъ — глядь, мамзель чай разливаетъ, а господа разные волосы чешутъ передъ зеркаломъ, а тутъ, на столѣ, и фрукты и вина, и варенья въ стеклянныхъ вазахъ, и разные такіе жирандоли зажжены.... Вона! думаю, кудажъ это я попалъ? здѣсь никакъ свадьба.... Вдругъ подходитъ ко мнѣ оффиціантъ такъ вѣжливо:

— Вамъ-съ, говоритъ, что прикажете?

— Да я, братецъ, нечаянно, я не званый, мнѣ второй ярусъ надо....

— Такъ это внизъ изволите.... тамъ у сторожа спросите только кассу....

— Спасибо, душа. Пошелъ опять внизъ. Указали кассу. Пришелъ, смотрю, дверп-то и нѣтъ, одно стеклянное окошко... оттуда такой вѣжливый господинъ говоритъ: Вамъ что угодно?

— Второй ярусъ мнѣ бы надобно.

— Втораго нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! воскликнулъ я, неужто-жъ другъ мой Черемисовъ меня надулъ, а онъ приглашалъ меня въ ложу.

— А, вы приглашены? сказалъ вѣжливый господинъ, такъ потрудитесь на верхъ. — Батюшка, говорю я, ходилъ туда — да тамъ свадебный столъ приготовленъ, съ закусками и винами.... — Какой свадебный столъ? сказалъ деликатный господинъ, это вы вѣрно, налѣво, въ буфетъ зашли. — Да, точно, налѣво. — Такъ вы не туда попали, ступайте направо.

Я поблагодарилъ и пустился. Ну, думаю, теперь не дамъ маха.., запыхался страшно, ижно потъ прошибло. Пришелъ, налѣво буфетъ.... и точно, надпись даже золотая есть, такой я право про-

стофиля! Повернулъ направо, шелъ, шелъ, дверь — ужъ не стеклянная, гляжу, лѣсенка желѣзная, сошелъ.... Батюшки свѣты! что это? мужики кричатъ, какіе то домы расписанные на рукахъ носятъ, а тутъ налѣво комната — и разныя барыни нарядныя, которая поетъ, которая пляшетъ, и гостей множество, и между ними такіе странные, рыцари, кучера въ галунахъ, китайцы, казачки.... что за окказія, думаю, опять видно не туда попалъ. Только что я успѣлъ подумать, а тутъ одинъ господинъ, съ такимъ большимъ брюхомъ и подходитъ ко мнѣ. — «Вамъ, говоритъ, кого надобно?» Я кланяюсь, говорю: извините-съ.... я не нарочно.... мнѣ никого... мнѣ Черемисова.

— «Какого говоритъ — Черемисова?» — Ростислава Владиміровича, благороднѣйшаго петербургца. — Толстякъ такъ и покатился со смѣху. — «Да вы откуда?» спрашиваетъ. — Изъ Камчатки, говорю, я Зой Маркычъ Чететкинъ.... — «Ха! ха! ха! господа, говоритъ толстякъ, обращаясь къ гостямъ, вотъ вамъ и еще «Водевиль съ дядюшкой — Изъ Камчатки», рекомендую! У васъ есть, говоритъ, племянникъ? — Никакъ нѣтъ. — «Жаль, говоритъ, да ничего: мы вамъ присочинимъ.» — И всѣ вокругъ меня столпились, начали смѣяться, разсматривать меня со всѣхъ сторонъ, какъ морскаго тюленя. Я было хотѣлъ разсердиться, да подумалъ, неделикатно въ хорошемъ обществѣ, и тоже сталъ хохотать. Вдругъ кто-то закричалъ: мѣсто, господа! начинать! — Всѣ бросились вонъ, а я одинъ и остался среди комнаты. Какой-то господинъ, съ книжкой въ рукахъ, увидалъ меня и подскочилъ: «Вы что здѣсь дѣлаете?» — Да ничего! — «Какъ вы могли зайти сюда!... вы знаете, что это не позволено постороннимъ....» Да, я невзначай, я уйду, только не знаю куда.... — «Ей, крикнулъ онъ, вечеровые! — выведите этого пьянаго.» — Пьянаго! вскричалъ я и хотѣлъ разразиться за обиду, но не успѣлъ я расхорохориться, какъ дюжія руки меня подхватили, повели между какихъ то лѣсовъ — должно быть тамъ что нибудь строятъ — на лѣстницу и внизъ. Глядь — я очутился на улицѣ, между какими-то каретами, очень похожими на тѣ, что себя *желѣзной дорогой* величаютъ. Я разсердился не на шутку и никакъ не хотѣлъ поддаться на эту штуку. Нѣтъ! думалъ я, коли вы вздумали меня морочить, петербургцы, потому что я камчадалъ, такъ мы-же вамъ

покажемъ.... и опять вошелъ въ сѣни. На этотъ разъ я далъ три копѣйки серебромъ мальчику, который предложилъ мнѣ афишку, за то, чтобъ онъ указалъ мнѣ, гдѣ второй ярусъ. Онъ побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, я за нимъ. Пришли въ ложи. «Вотъ, говоритъ пострѣленокъ; еще по лѣсенкѣ подыметесь, тутъ и есть;» и самъ пустился назадъ. Я поднялся, смотрю: опять столъ съ водкой и закусками, и тоже лакеи въ галунахъ. «Здѣсь второй ярусъ?» — Повыше извольте. — Ну, ладно, я и пустился — думаю, заразъ отработаю всѣ эти лѣстницы кривулями, да ужъ тамъ и отдохну. Шелъ, шелъ, дошелъ, некуда дальше. Говорю лакею; Пускай, братецъ, скорѣй въ ложу, я усталъ, какъ собака. — «Какія здѣсь ложи, говоритъ онъ, здѣсь раекъ.» — А гдѣ-же второй ярусъ? — «Ниже!» — Тфу! сказалъ я и только плюнулъ. Такъ не пойду-же я назадъ — я такъ задохся, что радъ хоть въ рай — такъ непускаютъ: билета требуютъ. Нечего дѣлать, пустился назадъ. Только я сошелъ двѣ лѣстницы — опять наткнулся на столъ съ водкой и закусками, а противъ него, смотрю, какъ разъ и красуется: *второй ярусъ!* Сердце у меня такъ и іокнуло. Вотъ оно гдѣ! Ей, господинъ ливрейный! пускай въ ложу. — «Которой нумеръ»? — Да, номеръ-то тебѣ, постой. Я полѣзъ въ карманъ; и — представьте мое изумленіе! Записка, которую я спряталъ въ табакерку и завернулъ въ мой пестрый съ синими клѣтками платокъ, вмѣстѣ съ табакеркой и платкомъ — изчезла изъ кармана.... Я былъ пораженъ въ самое сердце.... Волосъ сталъ дыбомъ на головѣ моей при этомъ неожиданномъ курьозѣ.... Мурашки бѣжали по всему тѣлу, острыми иглами проходя въ пятки. Нѣсколько разъ, забывая приличія, я съ силою ударялъ себя по лбу, стараясь вспомнить номеръ ложи, на который я мелькомъ и разсѣянно взглянулъ утромъ. Кажется, — восьмой, прошепталъ я наконецъ.... Предо мною распахнулась дверь 8-го номера. О, тутъ-то изумленіе мое было неописанно! Свѣтомъ, какъ молніею, полоснуло меня въ глаза.... Этакое великолѣпіе.... что и уму непостижимо! Музыка.... барабаны и трубы такъ и гремятъ — прелесть просто!... Люстра больше солнца.... Вездѣ бархатъ, золото.... Народу безчисленное множество.... Дамы такія амуры.... милашки просто.... разодѣты, какъ на именинахъ. Я зажмурился отъ удовольствія.

Вдругъ, слышу — спрашиваютъ меня: Кого вамъ угодно?

Я вздрогнулъ. Быть худу! Въ свои ли ты сани сѣлъ — Зой Маркычъ? подумалъ я, нерѣшительно разкрывъ глаза и уставивъ ихъ на важнаго господина, занимавшаго со своимъ семействомъ переднія лавки ложи.

— Кого вамъ угодно? повторилъ онъ, да такимъ страшнымъ голосомъ, что я невольно выронилъ изъ рукъ свой картузъ, а изъ него десятокъ яблокъ, которыя, по дорогѣ, было купилъ, чтобы угостить почтеннаго моего друга.

— Ростислава Владиміровича Черемисова... черненькаго такого.... въ очкахъ.... немного пришепетываетъ.... Извините-съ! только могъ прошептать я.

А между-тѣмъ дамы, въ увеличительныя стеклы, какъ насѣкомаго разглядывали меня со всѣхъ сторонъ. Защемило мое сердце. Поднявъ картузъ — я уже не думалъ о яблокахъ — и какъ полуумный выбѣжалъ изъ ложи. Вдругъ знакомый голосъ окликнулъ меня по имени. Оглядываюсь и вижу, что у стола мой почтенный другъ Черемисовъ — пьетъ водку и закусываетъ.

— Благодѣтель мой! вскричалъ я — и, забывая всѣхъ и все, почти не владѣя собою, отъ радости бросился цѣловать его.

— Не угодно ли? сказалъ онъ, наливая полновѣсную рюмку.

— Какъ можно, отвѣчалъ я, при всей публикѣ.... какъ-то совѣстно.

— Ничего! сказалъ мой другъ, у насъ ужъ такъ принято: пріѣхалъ въ театръ, такъ наслаждайся вполнѣ! — Ну, выпили по рюмочкѣ и пошли въ ложу.

Вотъ тутъ то началась потѣха! Передняя стора поднялась и вышелъ хлѣбникъ въ фартухѣ, выпачканный мукою, въ туфляшкахъ и съ корзинкою въ рукахъ.... Марья Ивановна, говоритъ.... Хотите сухарей?.... Самъ, говоритъ, испекъ.... Я васъ люблю, то есть, не явно говоритъ это, а намеками.... говоритъ: любовь мучительная штука, Марья Ивановна.... не съ руки.... Только, говоритъ, переводъ муки.... сухари неудаются.... да какъ скорчилъ гримасу, такъ въ лоскъ и положилъ всѣхъ, особенно ввер-

ху. Вотъ, что онъ ни скажи, что ни сдѣлай — такъ тамъ и прорвуться.... Кто такой этотъ хлѣбникъ? спросилъ я. — Говорятъ: Мартыновъ. Ну, мастеръ своего дѣла!... Ужъ на что я человѣкъ солидный и серьезный, а какъ онъ, съ досады, что у него отбили Марью Ивановну, началъ уписывать хозяйскіе сухари да давиться.... не выдержалъ.... прорвался, да вѣдь такъ, что другіе-то, въ сосѣднихъ ложахъ, глядя на меня, тоже чуть не померли со смѣху. — Вотъ послѣ тоже явился — какой-то Самойловъ, который представлялъ парня въ «Ямщикахъ».... Далеко!... и на актера-то не похожъ.... Ямщикъ, да и только.... экая невидаль, да я проѣздомъ сотню такихъ видѣлъ — даромъ.... Все такъ просто у него, никакой этакой не откинетъ штуканціи. Нѣтъ, что ни говори, а Мартыновъ только ротъ покриви, такъ Самойловъ у него за поясомъ.... Бѣдовый! походка, такая вальяжная.... руки вывернетъ — умора, просто!... ну, и манерный этакій.... А потомъ-то, какъ Фанни Эльслеру давали — вотъ удружилъ! смотрю, женщина вышла и начала ногами разныя аттитюды выкидывать, и такъ то, и этакъ — и сзади.... Просто въ лоскъ всѣ легли. Вдругъ, она парикъ снимаетъ, гляжу, тотъ-же Мартыновъ. Забавникъ отличнѣйшій, нечего сказать! Осыпалъ бы золотомъ такого человѣка.... жаль, только, что онъ заикается немного.... А потомъ онъ *назавтракался* у предводителя.... Такъ ужъ вотъ я вамъ скажу — такія строилъ виды, что другихъ-то ужъ и не слушаютъ. Между-тѣмъ, должно быть съ непривычки или отъ неумѣреннаго смѣху, я почувствовалъ круженіе головы и рѣшился выдти на воздухъ.

— Куда вы? спросилъ меня Черемисовъ.

— Освѣжиться.... жарко, знаете; у насъ въ Камчаткѣ гораздо прохладнѣе.... Не привыкъ я къ театральному воздуху.... отвѣчалъ я.

— Смотрите-же, сказалъ онъ, если не придете къ концу спектакля, то чтобы намъ не разойтись.... Вѣдь вы пьете у насъ чай сегодня....

— Непремѣнно.... Еще на счетъ Калифорніи-то надо-бы посовѣтоваться.

— То-то, [перебилъ онъ, важная статья.... надо оконча-

тельно порѣшить намъ.... Такъ, чтобы намъ не растаться, вы прямо идите къ моей каретѣ.... Она стоитъ на углу Цирка.... Да вы ее узнаете по моему кучеру.... и ожидайте насъ тамъ.... До свиданія.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, когда я вышелъ на улицу.... тьма была кромечная.... Я тотчасъ-же воротился, опасаясь промочить ноги и получить насморкъ, который въ Петербургѣ такъ свирѣпствуетъ, что иногда, говорятъ, даже пристаетъ и къ рукамъ.... Но едва я вошелъ въ корридоръ, какъ встрѣченъ былъ множествомъ народа. Спектакль кончился. Суматоха началась страшная.... Говоръ, смѣхъ.... говорятъ: Мартыновъ.... чудо, говорятъ.... а тамъ слышу: карета графа!... каляска князя.... Ей! Осипъ! Филиппъ!... дрожки полковника!... Ну, подумалъ я, въ какомъ прекрасномъ обществѣ мнѣ удалось скоротать сегодня вечеръ и всѣмъ этимъ я обязанъ моему благороднѣйшему другу. Не теряя времени, чтобы не потерять изъ виду Черемисова — я бросился къ деревянному Цирку — отыскивать знакомую мнѣ карету.... Съ немалымъ трудомъ, почти съ опасностію жизни, удалось мнѣ перебѣжать площадь.... Страхъ, просто страхъ! Такъ и кричатъ: Поди! Берегись!... наконецъ, и карета.... она! кучеръ дремалъ на своемъ высокомъ сѣдалищѣ, въ то время, какъ я, спасая свой новый картузъ и шинель отъ дождя, нырнулъ въ карету. Прелесть, думалъ я, — прижавшись въ уголъ.... Мягко, покойно.... Даже вздремнуть-бы можно.... и вздремнулъ.... Голодъ меня сильно мучилъ.... въ цѣлый день мнѣ только удалось скушать арбузъ, да еще два калача, что мужикъ на улицѣ навязалъ, и понюхать два, или три пирога, которые мелькнули у моего носа на дворѣ, застроенномъ маленькими будочками и заваленномъ человѣческими глупостями въ синихъ оберткахъ.... Но только понюхать....а потому первая греза, какая представилась въ моемъ голодномъ воображеніи — это былъ.... онъ.... съ булками.... говоритъ: Зой Маркычъ, хотите.... хозяйское добро — не жаль.... давайте, закусимъ.... Вотъ, говоритъ — аплеуха вамъ.... не того достоинства, которую я съѣлъ въ форточкѣ — сахарная, Зой Маркычъ.... И вотъ мы съѣли съ нимъ по оплеухѣ.... потомъ по другой.... Благодарю, говорю, душевно благодарю, господинъ Мартыновъ.... Этакія оплеухи — наслажденіе.... Вдругъ слышу шумъ ... даже

толчекъ. Я очнулся. Дверцы кареты, которая стояла у театральнаго подъѣзда, были раскрыты. Въ нихъ стояла фигура, грозная и страшная — того самаго господина, у котораго въ ложѣ я растерялъ свои яблоки.

— Милостивый государь! вскричалъ онъ.... Зачѣмъ вы здѣсь?...

— Опять онъ, подумалъ я..... дай-же отдѣлаю, чтобъ не приставалъ больше....

— А, вамъ какое дѣло? спросилъ я.

— Какъ? что такое?... Кто вамъ позволилъ — забраться въ эту карету?...

— Это ужъ не по вашей части!... Отстаньте.... Здѣсь не ложа, а карета....

— Да онъ, просто сумасшедшій, папа! послышалось позади сердитаго господина.

— Онъ васъ укуситъ, другъ мой! сказалъ другой голосъ.

— А, вотъ я съ нимъ раздѣлаюсь! отвѣчалъ сердитый господинъ. Милостивый государь, выходите вонъ, продолжалъ онъ.... Эта карета — моя.... слышите ли?

— Какъ, ваша?... Нѣтъ-съ, не надуете, отвѣчалъ я.... Неугодно-ли самимъ помокнуть на дождѣ, а я и безъ того промокъ, какъ губка.... Вонъ на одинхъ ногахъ — унесъ съ улицы фунтовъ шесть грязи.... Не выйду!

— Ахъ, папа, онъ выпачкалъ нашу карету грязью! повторилъ первый голосъ....

— Онъ, просто, пьянъ! повторилъ другой.

Фу! не выдержалъ я.... Гордость во мнѣ проснулась.... Самолюбіе такъ и ухватило за горло.... Я вспыхнулъ. Пьянъ! я пьянъ! вскричалъ я. Да что они всѣ меня за пьяницу считаютъ! Хорошо-съ. Вы думаете, что я изъ Камчатки, такъ уже со мной и можно обходиться, какъ-съ медвѣдемъ? Хорошо-съ.... Извольте занять мое мѣсто, а я сыщу моего друга — онъ съ вами раздѣлается! Съ этими словами, при громкомъ смѣхѣ зрителей, я выскочилъ вонъ — и бросился было отыскивать Черемисова.... Но, надо вообразить мой ужасъ, когда, оглядѣвшись кругомъ, я замѣтилъ, что карета моего почтеннаго друга — только что подъѣзжала къ подвѣзду.... Я узналъ ее по кучеру.... Не теряя ни мгновенія, и избѣгая насмѣшекъ, я надвинулъ картузъ свой на глаза — открылъ слѣва дверцы кареты и, вздохнувъ изъ глубины

души, бросился въ нее. Въ тоже мгновеніе—съ правой стороны вошелъ кто-то и сѣлъ рядомъ со мною. Лакей крикнулъ: пошелъ, вспрыгнулъ на запятки и карета помчалась....

— Что бы это значило? подумалъ я; кажется, со мною одна жена Черемисова, а его нѣтъ.... гдѣ же онъ? Сударыня — сказалъ я.

— Ай!... ужасъ! вскричала моя сосѣдка.... Кто здѣсь? и она въ какомъ-то страхѣ бросилась на противуположную сторону кареты....

— Вотъ тебѣ и разъ, прошепталъ я въ сильномъ отчаяніи.... Опять не въ свои сани попалъ.... Сударыня! повторилъ я.

— Кто здѣсь?... Кто? почти съ воплемъ отозвалась моя спутница....

— Я-съ.... Зой Маркычъ.... Чечеткинъ.... Пріѣзжій изъ Камчатки....

— Что это! Стой! Стой! Но какъ вы сюда попали?...

— Съ отчаянія.... простите великодушно, сударыня....

— Такъ выходите вонъ.... Это ужасно!...

— Ужасно, дѣйствительно ужасно! Самъ чувствую, что ужасно.... Вѣдь не повѣрите.... во-вторую карету сажусь — все не въ попадъ.. Такой несчастный день.... Десять паръ перчатокъ.... безъукоризненныхъ.... потомъ восьмой номеръ.. Яблоки разронялъ....

— Боже мой — сумасшедшій! шептала дама.

— Нѣтъ! право нѣтъ!... Я только пріѣзжій.... Нечаянно.... извините.... право не сумасшедшій!... Случай, такой поганый случай.... Въ каретахъ мое несчастіе!... Третьяго дни въ общественной всѣхъ раковъ распустилъ.... Картузъ тамъ оставилъ.... Извините!...

— Но выходите.... Я васъ умоляю — оставьте меня....

— Съ удовольствіемъ, сударыня.... вы только меня извините.... Дама дернула за снурокъ, карета остановилась.

— Выходите! потворила спутница.

— Иду, сударыня.... иду.... Какой несчастный день.... Незнаете-ли, какъ я найду теперь Ростислава Владиміровича Черемисова.... Память у меня дрянная.... Улицу забылъ....

— Незнаю.... выходите.... сдѣлайте милость....

— Иду.... иду, сударыня... Только одну минуту.... я растерялъ у васъ, кажется, мои безъукоризненныя перчатки.

Великодушная незнакомка имѣла терпѣніе выждать, пока я собралъ мои перчатки — и вышелъ вонъ.

Положеніе мое было ужасно. Я стоялъ среди незнакомой мнѣ улицы и довольно обширной лужи, подъ проливнымъ дождемъ — убитый и растерзанный моими неудачами.... На бѣду ни одного извощика: всѣ скрылись отъ ненастья. Цѣлую ночь бродилъ я по городу и только передъ утромъ добрелъ до гостинницы.... Бѣда! Неполучить-бы насморка.... Сейчасъ напьюсь малины съ бузиной, и лягу спать*....

* Многіе находятъ, что записки Зоя Маркыча не вездѣ вѣроятны, что въ нихъ встрѣчаются неправдоподобные случаи. Не споримъ. Но просимъ запомнить, что почтенный камчадалъ пишетъ ихъ для потомства, а кому-же не приходилось прихвастнуть передъ будущимъ поколѣніемъ въ описаніи своихъ похожденій, друзей, знакомствъ, подвиговъ? Мемуары людей, съ гораздо большей извѣстностію, чѣмъ Зой Маркычъ, иногда грѣшатъ противъ правды, чтобы выставить поярче доблести своего героя, а ему и подавно простительно. Не менѣе того, въ запискахъ Чечеткина — есть своего рода наблюдательность, которая не лишена нѣкотораго остроумія, и потому мы охотно даемъ имъ мѣсто — въ «Юмористикѣ». *Редак.*

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Житейская школа. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *П. И. Григорьева* 1.

Важнѣйшею и замѣчательнѣйшею новостью на русской сценѣ, въ концѣ прошлаго мѣсяца, было появленіе четырехактной комедіи г. Григорьева — «*Житейская школа*». Мы давно не помнимъ подобнаго успѣха, такой ловкой обстановки и дружной игры артистовъ, какими пользуется эта комедія. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ «*Житейскую школу*» играютъ почти черезъ день и театръ всегда полонъ, и пріемъ публики одинаковъ, хотя толки въ городѣ и въ журналахъ объ этомъ произведеніи чрезвычайно различны и, по бо́льшей части, діаметрально противоположны другъ другу. Одни приписываютъ весь успѣхъ автору, другіе — актерамъ, не оставляя на долю автора ровно ничего. Мы, съ своей стороны, соглашаясь, нѣкоторымъ образомъ, съ мнѣніемъ той и другой части публики, думаемъ однакожъ, что пьеса, производящая постоянный эффектъ на сценѣ и привлекающая публику, должна носить въ себѣ зародышъ своего успѣха и что безъ творческихъ данныхъ, не можетъ существовать никакая игра въ свѣтѣ. Если актеръ типично выдвигается въ своей роли, значитъ

авторъ надѣлилъ его характеромъ жизненнымъ, удобнымъ для того, чтобы облечь его въ образъ натуры и правдоподобія. Если положенія и рѣчи его вырываютъ у зрителей рукоплесканія—это не можетъ быть дѣломъ случая: это только слѣдствіе мѣткаго взгляда автора. Никакая декламація въ свѣтѣ не заставитъ насъ содрогнуться, или улыбнуться, если предметъ этой декламаціи пустъ, какъ слова безъ значенія, и пышенъ, какъ шаръ, надутый воздухомъ. По нашему мнѣнію, въ каждомъ сценическомъ явленіи, большая часть успѣха всегда принадлежитъ автору, и если оно отлично разыгрывается, тѣмъ больше ему славы, ибо это значитъ, что онъ открылъ широкое поле для талантовъ лицедѣевъ. Намъ скажутъ на это, что бываютъ отличныя пьесы, которыя падаютъ отъ дурнаго исполненія, и напротивъ, величайшія ничтожности и пошлости иногда производятъ фуроръ, вслѣдствіе отличной игры артистовъ. Совершенно справедливо; но какъ-бы дурно не выполнялось произведеніе, полное ума и жизни, зритель всегда пойметъ, что неуспѣхъ его зависитъ отъ неловкой передачи намѣреній автора, точно такъ, какъ онъ пойметъ, что хорошее пѣніе, напримѣръ, хоть-бы цыганскихъ пѣсенъ и ловкость актрисы или актера въ танцахъ, передразниваніяхъ, переодѣваніяхъ, не составляютъ достоинствъ сочиненія, хотя-бы оно и производило эффектъ на сценѣ.

Въ сочиненіи продуманномъ, органическомъ, гдѣ все дѣло состоитъ въ выраженіи основной мысли автора и въ вѣрной передачѣ, нарисованныхъ имъ характеровъ и положеній—такія *удачи* невозможны, точно такъ, какъ невозможно и совершенное искаженіе пьесы.

На этомъ основаніи отнимать у г. Григорьева достоинства его творчества также несправедливо, какъ и приписывать весь успѣхъ его произведенія игрѣ артистовъ. Правда, комедія его разыгрывается на нашей сценѣ очень дружно, но въ строгомъ смыслѣ, только три характера въ его пьесѣ выполняются отчетливо, вѣрно, естественно, какъ мы дальше увидимъ, остальные или ложно поняты, или невѣрно выражены. Главный успѣхъ «Житейской школы», по нашему мнѣнію, зависитъ оттого, что авторъ, какъ въ основной мысли, такъ и въ подробностяхъ, высказалъ нѣсколько яркихъ, современныхъ истинъ, и высказалъ ихъ въ формахъ очень ощутительныхъ, даже рѣз-

кихъ, а иногда и утрированныхъ. Разкая правда, которая колетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, всегда найдетъ отголосокъ и сочувствіе въ публикѣ, особливо когда она мѣтко бичуетъ то, что составляетъ общую язву и потому ускользаетъ отъ приговора общественнаго мнѣнія. Г. Григорьевъ, на перекоръ водевилистамъ-панфлетистамъ, выводящимъ частныя личности для произведенія эфекта, взялъ черты общія, но искусно подмѣченныя въ семейной и общественной жизни, и вставилъ ихъ въ извороты самыхъ обыкновенныхъ событій: пьеса его, въ строгомъ смыслѣ, не есть *комедія*, въ томъ значеніи, въ какомъ привыкли ее понимать эстетики, она не представляетъ правильнаго развитія жизненной или нравственной идеи, съ неизбѣжнымъ выводомъ, какъ напримѣръ «*Недоросль*» Фонъ-Визина, «*Ябеда*»— Капниста; она не рисуетъ даже современнаго общества, или какой-нибудь отдѣльной касты этого общества, какъ, напримѣръ, «*Горе отъ ума*» — Грибоѣдова, или «*Ревизоръ*» — Гоголя; она и не передаетъ какой-нибудь интриги, для достиженія данной цѣли, какъ многое множество комедій, особливо французскихъ: весь интересъ ея заключается въ частныхъ подробностяхъ, въ истинахъ, вложенныхъ въ уста лицъ, сведенныхъ случайно, изъ разныхъ слоевъ общества, для того, чтобы придать дѣйствію движеніе и жизнь. Это постоянно движущаяся косморама, которой картины, не имѣя между собою внутренней связи, соединены, однакожъ, участіемъ въ нихъ однихъ и тѣхъ-же лицъ. Но каждая изъ этихъ картинъ имѣетъ свой отдѣльный колоритъ и интересъ. Слѣдя за ходомъ дѣйствія, зритель ничего не можетъ ожидать, предвидѣть или предугадать, потому что всѣ послѣдствія случайны, основаны на вѣроятности, и не вытекаютъ положительно изъ предыдущаго. Узелъ дѣствія можетъ быть порванъ на второмъ актѣ, и на третьемъ, и пьеса ничего не потеряетъ изъ своей цѣлости — она все будетъ полная комедія, съ замкнутымъ смысломъ. Авторъ, въ представленіи, самъ исключилъ третье дѣйствіе — балъ, слишкомъ рѣзко напоминавшій «*Горе отъ ума*», — и пьеса оттого мало или почти ничего не потерпѣла.

Основная мысль комедіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ бѣдный и ничтожный, при силѣ воли и постоянномъ характерѣ, можетъ достигнуть богатсва и значенія. Для осуществленія этой

идеи, авторъ избралъ бѣдняка, мелкаго чиновника, Глинскаго: это капитальный характеръ его пьесы, около котораго другія лица вертятся, какъ около оси, сѣняя другъ друга и составляя необходимые рычаги для развитія главнаго характера и для движенія пьесы. Намѣреніе его видимо было представить человѣка съ виду порядочнаго и честнаго, который, достигнувъ цѣли, имѣлъ-бы право взглянуть всѣмъ прямо въ глаза и каждому смѣло высказать горькую истину. Посмотримъ теперь, какъ г. Григорьевъ выполнилъ свою замысловатую задачу.

Содержаніе комедіи немногосложно, но мы намѣрены передать его съ нѣкоторою подробностію, чтобы потомъ легче было оцѣнить, какъ созданіе характеровъ, такъ и истину и правдоподобіе вымысла.

Евгенія Петровна Озерская, молодая вдова, рѣшилась осчастливить своей рукою втораго смертнаго. Мы говоримъ рукою, потому что сердце, кажется, не играетъ никакой роли въ понятіяхъ ея о супружествѣ. Вотъ какъ она сама объ этомъ разсуждаетъ:

Въ бракъ вступать,
А пуще во второй, должна я осторожно;
Мой первый мужъ былъ старъ, и грубъ, и страхъ упрямъ!
Уединенно жилъ, былъ — эгоистъ ужасной!
И я, изъ всѣхъ замужнихъ дамъ,
Считалась самою несчастной!
Я не жила, а мучилась вполнѣ!
Не смѣла думать веселиться....
Такъ ужъ теперь, грѣшно бъ и стыдно было мнѣ,
Столичной жизнію вполнѣ не насладиться!
По этому, теперь, я про себя скажу,
Чего отъ мужа я хочу и ожидаю:
Чтобъ онъ любилъ меня; и все, что прикажу,
Все слѣпо исполнялъ, чего ни пожелаю!
Чтобъ онъ, всегда своей женой,
Какъ даромъ истиннымъ гордился!
Чтобъ вѣчно былъ доволенъ мной,
И никогда чтобы со мною не бранился!
Чтобъ мнѣ и-тетушкѣ онъ рабски вѣкъ служилъ,
Чтобъ исполнялъ всегда, что-бъ мы ни говорили,
Чтобъ онъ, вполнѣ себя намъ посвятилъ,
Чтобъ прихоти мои — ему закономъ были!

Чтобъ угождалъ, лелѣялъ и берегъ,
Чтобъ былъ довѣрчивъ и пріятенъ,
Чтобъ каждый взглядъ мой, иль намекъ
Ему былъ дорогъ и понятенъ!
Чтобъ жилъ со мной открыто онъ весь вѣкъ,
Былъ веселъ, милъ, со всѣми друженъ,
Какъ умный, свѣтскій человѣкъ!
Вотъ, нынче мужъ какой мнѣ нуженъ!

Жену, какую ищутъ всѣ, я знаю:
Которой ничего дороже мужа нѣтъ,
Которая вставать обязана чѣмъ свѣтъ,
Заботиться, чтобъ мужъ — успѣлъ напиться чэю,
Потомъ, одѣть его на службу, угодить,
И до крыльца за нимъ бѣжать все слѣдомъ,
Пока онъ вымолвитъ: прощай! — а тамъ, спѣшить
На кухню хлопотать, чтобъ угодить обѣдомъ;
Потомъ, какъ занятой супругъ
Разстроенный со службы возвратится,
Жена обязана, какъ другъ,
Передъ своимъ кумиромъ суетиться!
Чтобъ пообѣдалъ онъ, да чтобъ уснуть успѣлъ,
А тамъ, стараться, какъ онъ встанетъ,
Чтобъ онъ за преферансъ вплоть до ночи засѣлъ,
И всѣмъ твердить: *мой душка страшно занятъ!*
Нѣтъ! не для этого на свѣтъ я рождена!
Вамъ, не жена, — хозяюшка нужна!
Которая-бъ была тиха и незамѣтна,
Служила-бъ вѣчно, безъотвѣтно
Какъ мебель вообще?... о, Боже мой!
Да лучше умереть, чѣмъ быть такой женой!

Какъ женщина богатая, Озерская можетъ браковать женихами: она хочетъ купить товаръ лицомъ. У вдовушки есть тетка, госпожа Турусова, женщина легкомысленная до старости, преданная всѣмъ пустѣйшимъ причудамъ и обычаямъ свѣта, въ сорокъ пять лѣтъ не оставившая своихъ претензій на первенство, щегольство, молодость и красоту. Она давно уже промотала свое состояніе и теперь вся надежда ея на богатство племянницы, почему она ее забираетъ въ руки и становится ея — свахою. Мы видѣли, какъ смотритъ на мужей молодая вдова, теперь взглянемъ, чего требуетъ отъ нихъ тетка.

Нѣтъ! у такой хорошенькой вдовы
Тма жениховъ! да такъ, что нѣтъ отбоя!
Да вотъ, сейчасъ, недалеко искать:
Почтенье, дружбу, все просилъ ей передать
Красавецъ! молодецъ! и отставной полковникъ!
Откры́то говоритъ: что и влюбленъ онъ въ насъ,
Что думаетъ объ насъ вседневно и всечасно,
Что обь смѣло каждый разъ
Распоряжаться имъ мы вправь самовластно!
А какъ сложенъ! какой огонь въ глазахъ!
Какъ сталъ передо мной: ну что́ это? картина!
Ну, съ головы до ногъ, во всѣхъ статьяхъ
Для женщины — надежнѣйшій мужчина!

Ищите въ жены вы чиновныхъ дочерей,
Тамъ рады будутъ вамъ, лишь только приласкайтесь....
А ужъ Евгеньюшка моя
Благодаря Творца, не изъ такого роду!
Она горда, съ достоинствомъ, какъ я!
О! десять тысячъ-то имѣй-ко я доходу!..
Такъ я-бы... нечего плечами пожимать!
Извѣстно мнѣ, какъ вы благонадежны!
Поддайся вамъ, такъ будешь вѣкъ страдать!
Нѣтъ! вы пока въ рукахъ, тогда лишь только нѣжны....
На Божій свѣтъ ужъ я *по своему* гляжу:
Законный властью тамъ хоть вы намъ и грозите,
Но я, на этотъ счетъ, — ужъ извините!
Ни подъ какой законъ не подхожу!
Я въ женскомъ родѣ — исключенье!
Племянница меня взяла за образецъ,
Такъ дѣло кончено! и такъ, мое почтенье!

На этомъ основаніи, желая властвовать въ домѣ и распоряжаться имѣніемъ, Турусова представляетъ Озерской трехъ жениховъ: чиновника Говоркова, изъ корысти на все готоваго; какого-то *непонятаго поэта*, глупца Звѣздкина, и отставнаго полковника, игрока, кутилу, мон-шера, который вдолгу, какъ въ шелку и женитьбой хочетъ поправить свои финансы. Но къ хорошенькой вдовушкѣ въ домъ прокрался также незамѣтный герой пьесы, Глинскій. Повидимому, прислугами, лестью, онъ хочетъ только пріобрѣсть себѣ право быть въ порядочномъ домѣ, но умыселъ у него другой: онъ также тайно мѣтитъ на капиталъ вдовы,

чтобъ чрезъ него открыть себѣ карьеръ и пріобрѣсть значеніе въ свѣтѣ. Вотъ онъ и начинаетъ тайно интриговать. Во-первыхъ, ссоритъ тетку съ Говорковымъ и удаляетъ его изъ дому, потомъ ссоритъ глупаго поэта съ фатомъ Краснощековымъ, и когда Озерская видитъ ничтожество всѣхъ этихъ претендентовъ, онъ одинъ, на завоеванномъ имъ полѣ, начинаетъ свои маневры: страстныя изъясненія, клятвы въ любви и преданности, обѣщанія покорности — такъ и сыплятся. Онъ согласенъ на всѣ условія и вдовы и ея тетки. Вдова поддается, старуха согласна. Вотъ сцена между ними:

ТУРУСОВА.

Нѣтъ, мой родной, нельзя! у насъ ужъ рѣшено
Вотъ какъ.... Евгеньюшка! пока вы не женились,
Такъ я теперь ему ужъ за одно
И объясню, какъ жить мы раньше сговорились.
Во первыхъ: надобно, чтобъ ты впередъ ужъ зналъ,
Что дѣла нѣтъ тебѣ — въ приходѣ и расходѣ;
А чтобъ ты здѣсь вѣкъ жилъ — да поживалъ
По нашей собственной методѣ.

ГЛИНСКІЙ.

По вашей?!...

ОЗЕРСКАЯ.

Да.... любезный Левъ Иванычъ.... я —
Хотѣла бы.... Вѣдь вамъ извѣстна жизнь моя:
Я съ первымъ мужемъ все скучала,
Я мучилась, и жизни не видала....
А потому, теперь, любя васъ.... я хочу....

ТУРУСОВА.

Ну, да! угодно намъ пожить, повеселиться!
Да ужъ повѣрьте, я, я жить васъ научу!
Я всѣхъ заставлю — вамъ дивиться!
И потому, голубчикъ мой, смотри!
Люби жену свою, какъ хочешь съ ней красуйся,
Но, что истратишь ты, мнѣ тотчасъ говори,
И ни во что ужъ болѣе не суйся!

ГЛИНСКІЙ.

Какъ! ни во что?...

ТУРУСОВА.

Да, да, весь домъ,
Покупки всѣ, всѣ выдачи, разсчеты,

Ужъ это не твои, а наши все заботы,
Мы на свою отвѣтственность беремъ;
Ты никогда не долженъ тутъ мѣшаться:
Всѣмъ домомъ, я одна берусь распоряжаться.
Что нужно для тебя, спроси,
И я все дамъ тебѣ безъ замедленья;
Но, умничать.... у! Боже упаси!
Иль выходить изъ должнаго почтенья, —
Бѣда твоя! ужъ ты не нуженъ намъ!

ОЗЕРСКАЯ.

Ахъ, тетушка, да онъ все знаетъ это самъ....
Онъ всѣ дѣла, всю власть уступитъ вамъ охотно!
Не правда-ли, мой другъ?...

ГЛИНСКІЙ, про себя.

Меня прижали плотно!
Но, такъ и быть, пока.... (*имъ обымг*) Помилуйте, я радъ!
Мое-ли дѣло тутъ входить въ распоряженье?
Зачѣмъ? лишь-бы жену мою, мой кладъ
Лелѣять! вотъ мое прямое назначенье!
А прочее.... какъ вы хотите тамъ!
Хоть въ пятеро еще расходовъ вы прибавьте!
Хоть весь нашъ домъ вверхъ дномъ поставьте!
Помилуйте; какое дѣло намъ?

ОЗЕРСКАЯ.

Конечно. Лишь-бы мы такъ жили, какъ хотѣли....

ГЛИНСКІЙ, подражая ей.

Ну, да!... а деньги всѣ.... что деньги? соръ земной!

ОЗЕРСКАЯ.

Притомъ-же, въ жизни вы... ужъ столько претерпѣли!...

ГЛИНСКІЙ, перебивая.

Что эта жизнь мнѣ рай? конечно, ангелъ мой!
Блаженство сущее! кто-жъ будетъ недоволенъ?
Свободно вы жизнь будете вести,
И я отъ всякихъ дѣлъ уволенъ!
А тамъ что?... да по мнѣ трава хоть не расти!
На все согласенъ я! на все, что вамъ угодно!

ОЗЕРСКАЯ, съ восхищеніемъ

Вотъ, тетушка, вотъ мужъ!

ТУРУСОВА.

Да! судитъ превосходно!

Но въ самую минуту своего блаженства, когда онъ достигъ цѣ-

ли, когда вышелъ, какъ говорятъ, въ люди, Глинскій, проводивъ невѣсту и тетку, восклицаетъ:

Она моя! — А ты, ты старая колдунья,
Постой... теперь, я такъ и быть, смолчу...
Но послѣ — я тебя скручу!
За грѣшныя дѣла, совѣты, злую волю
Тебя *и многихъ здѣсь, по своему прошколю!*

Вотъ оборотъ медали. Здѣсь, повидимому, оканчивается комедія, — но авторъ придѣлываютъ къ ней еще два акта, въ которыхъ приводитъ въ дѣйствительность угрозу Глинскаго прошколить многихъ *по своему*. Школа начинается съ того, что покорный, влюбленный по уши мужъ, выманивъ у жены актъ, которымъ она передаетъ ему все имѣнье, становится вдругъ холоднымъ, разсчитаннымъ деспотомъ и скупцомъ безпримѣрнымъ. Онъ отпускаетъ всѣхъ людей, оставляя только кухарку и одного лакея, продаетъ экипажи и лошадей, не позволяетъ женѣ выѣзжать въ общество, принимать гостей, даже одѣваться по модѣ.

Долой притворства маску! Прочь смиренье!
Теперь не вы, — я силу взялъ!
Ко мнѣ должны имѣть вы уваженье:
Въ моихъ рукахъ — жена, и домъ, и капиталъ!
Въ моей теперь, въ моей все власти!
На все отнынѣ — мой законъ!
. . . . . .
Молчать всегда! весь вѣкъ повиноваться!
Не смѣть ни словомъ возражать!
Иначе я васъ вѣкъ заставлю пресмыкаться!
Отъ взгляда одного заставлю васъ дрожать!
Не буду слушать я ни жалобъ, ни упрека,
Забуду все — и уничтожу васъ.
Да, да, я поступлю безжалостно, жестоко,
Чтобъ только былъ исполненъ мой приказъ.

Эти слова Глинскій сопровождаетъ жестами и угрозами, болѣе, чѣмъ выразительными. Можете себѣ представить положеніе молодой благовоспитанной женщины, привыкшей съ малолѣтства къ порядочной жизни, къ обращенію деликатному и кроткому, женщины, которой вся вина состоитъ въ ея молодости, желаніи

насладиться жизнью и въ любви къ мужу! Она поражена, убита, она переноситъ глубокое оскорбленіе и повинуется требованіемъ Глинскаго, потому что видитъ въ немъ человѣка, способнаго на все. Отдѣлавъ такимъ образомъ жену, Глинскій принимается за тетку, упрекаетъ ее во всѣхъ безумствахъ, слабостяхъ, проступкахъ, даже называетъ воровкой и убійцей мужа;

Да! (говоритъ онъ) твоя проклятая рука
Свела безвременно въ могилу бѣдняка!

И послѣ такой назидательной нотаціи, онъ выгоняетъ ее изъ дому. Но этого ему все еще мало: у него были три соперника, когда онъ ухаживалъ за Озерской; надо и ихъ разкассировать и уничтожить, чтобъ они впередъ не могли повредить ему при женѣ. Одинъ изъ нихъ, Говорковъ, котораго мѣсто теперь онъ занялъ, отданъ подъ судъ за недочетъ. Глинскому поручено слѣдствіе по его дѣлу. Говорковъ приходитъ къ нему, убитый, обѣднялый, униженно искать спасенія въ его великодушіи.

Конечно я предъ вами согрѣшилъ,
Мѣшалъ вамъ выдти на дорогу...
Но я, въ душѣ, всегда, ей Богу! васъ любилъ...
Любилъ, какъ могъ и какъ умѣлъ,
Хотя для васъ сомнительно, безспорно,
Что оправдать любви моей я не успѣлъ.

Глинскій на это осыпаетъ его упреками, самыми язвительными сарказмами и бранью.

Я, напримѣръ, (говоритъ онъ) хитрилъ, старался
Завлечь вдову, любя ее душой!
Ея имѣнье взялъ, потомъ признался,
Что это сдѣлалъ я вотъ съ цѣлію какой:
Во первыхъ: чтобъ спасти ее отъ заблужденій,
Спасти отъ мотовства, отъ позднихъ угрызеній,
И во вторыхъ, я самъ при деньгахъ долженъ быть
Затѣмъ, чтобъ честно вѣкъ отечеству служить.
Вотъ цѣль моя жениться на богатой,
И я достигъ ея! А вы, какъ я открылъ,
Вы разживались неправдою проклятой!
Карманъ вашъ въ родѣ губки,
Пожмц ее... такъ выльется добро:

И злато, и сребро,
И многоцѣнные сервизы, вазы, кубки....

Вслѣдствіе этого намека, Говорковъ думаетъ поладить съ Глинскимъ, предложивъ ему подарокъ, если онъ спасетъ его отъ начета и исключенія изъ службы. Глинскій съ негодованіемъ отвергаетъ взятку, говоря, что исполняетъ долгъ службы свято, честно, и не покривитъ душой. Но вслѣдъ за тѣмъ предлагаетъ Говоркову средство поправить дѣло, женясь на старой, горбатой и злой дѣвѣ Турухтановой.

Ахъ, Левъ Иванычъ! (говоритъ Говорковъ) вы ужасный
человѣкъ!
Я утѣшенье въ васъ однихъ найти старялся,
А вы желаете, чтобъ я погибъ на вѣкъ,
Чтобъ изъ огня, да въ полымя бросался,
Ну вижу я, что вы *вполнѣ*
За все воздать хотите мнѣ!
По *виду*, данъ совѣтъ благой, чистосердечно,
А знаете, что мнѣ страдать придется вѣчно.

На это Глинскій отвѣчаетъ:

Вѣдь я-жъ отъ васъ страдалъ, обиженъ былъ во всемъ,
Такъ ваша очередь, долгъ красенъ платежомъ.

И вслѣдъ за тѣмъ объявляетъ рѣшительно, что, если Говорковъ не женится тотчасъ-же на Турухтановой, то онъ погубитъ на вѣкъ.

Навязавъ первому сопернику немилую и злую жену, Глинскій принимается за другихъ. Эти для него не такъ опасны — одинъ набитый дуракъ, который, сватаясь за его жену, предлагалъ ей бѣжать отъ свѣта, въ лѣсъ, чтобъ жить въ хижинѣ и любоваться другъ другомъ; другой — вѣтренникъ и фатъ, который не думаетъ о завтрешнемъ днѣ и только ищетъ, гдѣ-бы призанять деньжонокъ. Съ ними Глинскій справляется легче. Звѣздкину онъ говоритъ:

Да, да, да! зачѣмъ писать стишонки,
Ненужные ни мнѣ, и ни женѣ моей?
Тутъ, нѣтъ ни истины, ни въ мысляхъ благородства,
А на поэзію — пародія! уродство!
Тутъ лишь безсильное ругательство, вранье,

Такъ знайте-жъ, вотъ *вполнѣ* вамъ мнѣніе *мое*:
Вы — тоже, какъ у насъ есть выскочки иные,
Которыхъ *въ геніи* толкаютъ на показъ,
Межъ тѣмъ, какъ ихъ созданьица пустыя,
Посредственности ниже въ десять разъ!
Но, пусть кто хочетъ, тамъ, дивится ихъ маранью,
Однако, каждый вздоръ печатать не должны,
Чтобъ не мѣшали здѣсь прямому дарованью
Всѣ эти блѣдные, смѣшные пачкуны:
Поэмъ, романчиковъ, разсказовъ, повѣстушекъ,
Всѣхъ этихъ дѣтскихъ, жалкихъ побрякушекъ,
Въ которыхъ пищи нѣтъ — ни сердцу, ни уму,
Ни вамъ, ни мнѣ, и никому!
Зачѣмъ-же портятъ мозгъ и напрягаютъ мышцы
Чернорабочіе, пустые борзописцы?
Вы слишкомъ молодой, незрѣлый человѣкъ,
На жизнь и на людей глядите криво, слѣпо,
И если бы *мой сынъ* напачкалъ такъ нелѣпо,
Такъ я-бъ его... какъ водится, посѣкъ!

Этимъ онъ дѣлаетъ Звѣздкина смѣшнымъ въ глазахъ жены и заставляетъ его бѣжать изъ дому отъ стыда и досады; а съ Краснощековымъ онъ поступаетъ иначе. Краснощековъ когда-то сватался на бѣдной дѣвушкѣ, Елецкой, но узнавъ, что за нею только восемьдесятъ душъ, бросилъ ее. Глинскій скупилъ его заемныя письма за безцѣнокъ и предлагаетъ ему: или жениться на Елецкой и уѣхать въ деревню, или засѣсть въ долговую тюрьму. Вотъ ихъ сцена:

Съ Надиной вы обручены... мы знаемъ.
Скажите-жъ мнѣ одно въ отвѣтъ:
Рѣшились вы вполнѣ быть свѣтскимъ негодяемъ?
Неужли добрыхъ чувствъ въ васъ тѣни даже нѣтъ?

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Послушайте: я васъ прошу, такъ смѣло
Мнѣ дерзостей въ глаза не говорить!
Хоть въ вашемъ домѣ я... но....

ГЛИНСКІЙ, передразнивая его.

Но! но! что-жъ за дѣло?
Не думаете-ль вы меня остановить?..

КРАСНОЩЕКОВЪ, съ угрозою.

И васъ, и всякаго, кто только уваженье
Ко мнѣ забудетъ! я тогда....

ГЛИНСКІЙ, насмѣшливо.

Васъ уважать? Я стану, я? когда
Извѣстно мнѣ все ваше поведенье?
Когда извѣстно мнѣ, что въ честный домъ
Вы входите съ намѣреньемъ безчестнымъ!
Когда встрѣчаюсь я съ повѣсой, игрокомъ!
Мнѣ уважать его? остать я безсловеснымъ?
Смотрѣть, какъ онъ проказитъ безъ конца?
Какъ все прекрасное позоритъ безъ зазрѣнья?
Помилуй! да тебѣ, не нужно уваженья,
Доволенъ будь названьемъ — наглеца!

КРАСНОЩЕКОВЪ, горячо.

О! если такъ! то я готовъ забыться!
И вамъ сейчасъ на дѣлѣ докажу!...

ГЛИНСКІЙ, схвативъ его за руку, говоритъ сквозь зубы, едва удерживая гнѣвъ.

А если.... ты *меня* заставишь разсердиться, —
То я сейчасъ.... твой черепъ размозжу!!!
(*Отталкивая его руку*)
Такъ ужъ молчи!... я дверь не даромъ запираю!
Ты не знакомъ еще, какъ слѣдуетъ, со мной....
А я.... вотъ какъ свои пять пальцевъ, твердо знаю,
Тебя, любезный франтикъ мой!
На карточномъ зеленомъ полѣ,
Иль въ будоарахъ, тамъ храбрись себѣ по волѣ,
Геройствуй тамъ, и фанфаронь!
(*Сжавъ кулаки*). Но, здѣсь убью! не тронь!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Такъ чтожъ.... вамъ.... отъ меня угодно?

ГЛИНСКІЙ.

Угодно мнѣ: чтобъ ты, хоть въ жизни разъ
Окончилъ дѣло благородно!
И кончилъ здѣсь, при мнѣ, сейчасъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Нѣтъ, сударь! нѣтъ! заступничество ваше
Не можетъ тутъ нисколько пособить!
Такъ не совѣтую мѣшаться въ дѣло наше;
Иль хлопотать о томъ, чего не можетъ быть.

ГЛИНСКІЙ, перебивая строго.

Все можетъ быть! когда у человѣка
Есть воля добрая, прямая честь, и стыдъ!

Какой-бы ни былъ онъ, красавецъ, иль калека,
Все можетъ онъ, все злое побѣдить!
Тебѣ-жъ до сей по ы вѣдь удавалось
Грѣшить, дурачиться, дурачить, дѣлать зло....
Однако же, покуда не досталось,
Пора опом ниться! что было, то прошло!
Хоть злыя мерзости здѣсь многимъ удаются,
Однако жъ не всегда, иные обожгутся;
И если ты до-этихъ-поръ
Умѣлъ кой-какъ свои интрижки ладить,
Теперь нельзя! и дѣвушки позоръ
Ты долженъ свадьбою немедленно загладить.

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Я долженъ? я?...

ГЛИНСКІЙ.

Да! да!
Ты долженъ завтра же жениться на Елецкой!

КРАСНОЩЕКОВЪ, рѣшительно.

Жениться, мнѣ, на ней? такъ нѣтъ же! никогда!
На зло и вамъ, и ей!

ГЛИНСКІЙ, улыбаясь.

Нѣтъ, лжешь, разбойникъ свѣтскій!
Не ты, а я ужъ сдѣлаю на зло!
И такъ какъ слѣдуетъ: формально; по законамъ
Я острамлю твое красивое чело
Въ примѣръ другимъ любезнымъ фанфаронамъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ, стараясь смѣяться.

Забавно!... какъ же такъ?...

ГЛИНСКІЙ.

Забавно не тебѣ,
Намъ будетъ только лишь забавно!
Я, о твоей давно забочуся судьбѣ,
И въ состояніи тебя пристроить славно!

КРАСНОЩЕКОВЪ.

Ха! ха! ха! ха!..

ГЛИНСКІЙ.

Ужъ смѣйся, или нѣтъ,
Но, *я* прошу! я! я! не накликайте бѣдъ!
Послушай: ты, какъ франтъ, гуляка и повѣса,
Изволилъ въ карты все, что можно проиграть;
А чтобъ въ глазахъ невѣстъ имѣть побольше вѣса,

Заемныхъ писемъ ты изволилъ надавать....
Да жаль, въ чаду проказъ и спекуляцій новыхъ,
Не заплатилъ гроша и сроки пропустилъ,
А здѣсь, вотъ, два письма.... въ три тысячи цѣлковыхъ,
Я дешево, за пол-цѣны купилъ.
И какъ тебѣ платить я знаю, точно нечѣмъ,
А мнѣ не хочется терять,
Такъ мы-хоть память-то твою увѣковѣчимъ!

КРАСНОЩЕКОВЪ, растерявшись.

Что жъ? вы еще съ меня хотите вексель взять?
Извольте....

ГЛИНСКІЙ.

Нѣтъ; ужъ я, пускай еще истрачу,
А лучше знаешь что? въ тюрьму тебя упрячу!

КРАСНОЩЕКОВЪ

Въ тюрьму? меня!...

ГЛИНСКІЙ.

Да, да, любезный мой!
Такихъ голубчиковъ всегда въ тюрьму сажаютъ:
Тамъ много есть такихъ, живутъ, и разсуждаютъ
О грѣшной суетѣ мірской!
А мы-то, грѣшные, убытки переносимъ,
И каждо-мѣсячно за содержанье вносимъ!

Послѣ этого аргумента, храбрый деньди рѣшается жениться, и Глинскій вздохнулъ свободнѣе. Жена, не понимая всѣхъ тайныхъ пружинъ его дѣйствій, но видя одни счастливые результаты, слыша, что его благославлятъ Турухтанова, благодаритъ Елецкая, что онъ спасъ Говоркова; что осчастливилъ всѣхъ враговъ своихъ, что вездѣ славятъ его благородство, великодушіе, сердечную доброту, сама исполняется къ нему удивленіемъ и начинаетъ смотрѣть на него другими глазами. Она невольно подчиняется силѣ его ума и характера.

Да (говоритъ она)... я лишь дивлюсь тебѣ!
Какъ это ты все дѣлаешь? все знаешь?
Заботишься о каждаго судьбѣ?
Начнешь кого бранить, такъ прямо, смѣло, вольно,
И виноватые — смиряются сейчасъ!
Сказалъ: что тетушка раскается невольно,
И вотъ, она ужъ къ намъ не кажетъ глазъ!
(Показавъ на Елецкую.)

Она и я полковника просили,
Чтобъ онъ раскаялся, невѣсту пощадилъ....
И что жъ? двѣ женщины его не побѣдили,
А ты одинъ сейчасъ же побѣдилъ!
Или: какъ давича, заспорили мы двое,
Я знала, что меня не убѣдитъ никто!
И вотъ, мое могущество смѣшное
Передъ твоимъ рѣшительно ничто!
Ну, словомъ: всѣ твоей покорны волѣ!
Какъ? гдѣ? и отчего ты столько воли взялъ?

ГЛИНСКІЙ.

Да просто, оттого, что я, въ житейской школѣ
Прилежнѣй васъ *уроки изучалъ*!

Но Глинскому мало одного удивленія, онъ хочетъ удивить жену вполнѣ и пользуется счастливой минутой, первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Помня оскорбленіе, которое онъ нанесъ ей, онъ спѣшитъ его загладить великодушіемъ:

А за твое, мой другъ, прямое поведенье,
Покорность, честность, добрый нравъ,
За все, въ чемъ я передъ тобой не правъ,
Я.... отдаю тебѣ назадъ твое имѣнье!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, обрадовавшись.

Какъ!?.

ГЛИНСКІЙ.

Да! чтобъ никогда ты не могла сказать:
Что обобралъ тебя твой мужъ неблагородно!
Нѣтъ! на душу грѣха я не хочу принять!
Возьми имѣніе, владѣй имъ какъ угодно!

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Возможно-ли!?.

ГЛИНСКІЙ, пристально смотря на нее.

Да! да! хозяйкой будь всему!
Все, все, возьми!..

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА, долго смотритъ на него съ удовольствіемъ, потомъ говоритъ рѣшительно.

Такъ нѣтъ же! не возьму!
Я вижу, что меня ты любишь, уважаешь,

Такъ мнѣ теперь ненужно ничего,
Окромѣ мужа моего!

ГЛИНСКІЙ, съ восторгомъ обнимая жену.

Душечька!... меня ты побѣждаешь!
(*Особо*) Не приняла! въ ней будетъ, будетъ прокъ!
Друзья! вотъ вамъ примѣръ! вотъ женамъ всѣмъ урокъ!
Чего жъ еще желать въ моей счастливой долѣ?...

ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА.

Того, чтобъ истинный судья теперь сказалъ:
Что съ пользой ты, въ *Житейской Школѣ*
Уроки намъ преподавалъ!...

Вотъ конецъ комедіи, вотъ результатъ всѣхъ положеній и картинъ, которыя передъ вами передвигали въ продолженіе четырехъ актовъ. Всякій вѣрно пойметъ, что характеръ Глинскаго, героя комедіи, одинъ изъ самыхъ жизненныхъ и что онъ созданъ и выдержанъ превосходно! Нужно-ли его пояснять? Онъ такъ чистъ и ясенъ, какъ стекло, и насъ крайне удивляетъ, что многіе зрители и критики его превратно истолковываютъ. Одни говорятъ, что Глинскій осуществленное благородство, выведенное для контраста съ окружающими его слабостями и пороками; другіе увѣряютъ, что это смѣсь Молчалина съ Монте Кристо. Правда, есть въ этомъ лицѣ и данныя Молчалина, есть и хвастливое фанфаронство Монте-Кристо, но въ цѣльности своей, въ совокупленіи всѣхъ своихъ свойствъ, этотъ характеръ вовсе не похожъ ни на Грибоѣдовскаго проныру, ни на сказочнаго молодца господина Дюма. Это Молчалинъ половины девятнадцатаго вѣка, пересозданный новѣйшею опытностію, вышедшій изъ школы мудрѣе учителя, умѣющій припрятать зародыши своихъ страстей до поры до времени, закованный въ стальные латы терпѣнія, мастеръ на риторическія фигуры *умолчанія* — пока онъ въ черномъ тѣлѣ, и на *гиперболы* краснорѣчія — когда сталъ выше другихъ. Онъ держался одного правила:

Пусть давятъ, жмутъ меня, сулятъ бѣды, гоненье....
Защита мнѣ: терпѣнье и терпѣнье!...

Конечно, эта та-же философія, которой руководствовался и Молчалинъ, но Глинскій прибавляетъ къ ней еще свою завѣтную мысль:

А тамъ, какъ я женюсь, да выйду на дорогу —
Не все же *гнуться* мнѣ, авось и — *распрямлюсь*.

И дѣйствительно, этотъ человѣкъ, о которомъ Говорковъ говоритъ:

А, ну, такъ слушайте-жъ! Я прямо вамъ по дружбѣ.
Рѣшительно и смѣло все скажу,
Какъ понимаю васъ на службѣ,
И какъ я здѣсь объ васъ сужу.
Въ дѣлахъ, извѣстно всѣмъ, вы исполнитель слабой!
Хоть любите служить и многимъ угождать,
Хоть вьетесь и ужомъ и жабой,
И все хотите лестью взять.
А здѣсь? Ну, что вы здѣсь такое?
Вѣдь даже совѣстно сказать,
Какое вы лицо смѣшное
Здѣсь каждый день изволите играть!
Вы здѣсь стараетесь все слышать и развѣдать
И милой вдовушкѣ учтиво угодить,
Но для чего? чтобъ даромъ пообѣдать,
Или за хлопоты подарочекъ схватить.
Васъ чуть не бьютъ здѣсь палкой!
Насмѣшки, прихоти, вы рады все снести,
Вы здѣсь угодникъ самый жалкій!

Человѣкъ этотъ, едва приподнялся, какъ говорится, на ноги, и тотчасъ заговорилъ топомъ диктаторскимъ, и весь запасъ своихъ наблюденій, того, что онъ называетъ

... давно слѣжу я за тобой
И всѣ твои дѣла въ одно сливаю дѣло....

пускаетъ въ ходъ на пагубу своихъ враговъ, и очищаетъ себѣ поле дѣятельности отъ всего, что можетъ повредить ему, не слишкомъ задумываясь въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Молчалинъ просто — подленькій проныра, Глинскій хочетъ слыть благороднымъ человѣкомъ; тотъ до глупости откровененъ, этотъ скрытенъ — до мудрости.

Съ Монте-Кристо мы находимъ въ Глинскомъ одно сходство: отстрадавъ, Монте-Кристо употребляетъ плоды своего терпѣнія и счастія на то, чтобы наказать своихъ враговъ: но онъ караетъ ихъ великодушно, онъ платитъ имъ добромъ за зло: это рыцарь доблести и чести. Глинскій слѣдуетъ той-же системѣ, но онъ губитъ своихъ непріятелей, составляя, по видимому, ихъ

счастіе. Притомъ онъ, какъ человѣкъ разсчета, не тратитъ на свое мщеніе — богатства, нѣтъ, онъ только пользуется преимуществомъ своего положенія и бьетъ на *дешевую*, но на *вѣрняка*. Разсмотрите всѣ его дѣйствія: всѣ сдѣлки свои съ непріятелями онъ ведетъ съ глазу на глазъ; въ это время откровенность его доходитъ до жестокаго цинизма: онъ не стыдится открыть имъ всю подноготную своей души, ибо знаетъ, что сами враги не смѣютъ разгласить его побужденій: они у него во власти. Но результатъ каждой сдѣлки таковъ, что свѣтъ, видя его поступокъ, долженъ ему удивляться и прославлять его великодушіе. Судьба Говоркова у него въ рукахъ, но онъ его спасаетъ, да еще въ добавокъ доставляетъ ему богатую партію. Говорковъ хорошо знаетъ, какой ударъ онъ ему нанесъ, но свѣтъ въ его поступкѣ видитъ только незлопамятность и благородство. Краснощековъ знаетъ, зачѣмъ онъ женится на Елецкой, которую не любитъ; Глинскій для своихъ видовъ не пощадилъ даже эту невинную дѣвушку, выдавъ ее за Краснощекова, — но свѣтъ въ этомъ поступкѣ видитъ только рыцарское заступничество за честь женщины и благородное употребленіе денегъ, чтобъ возвратить на честный путь человѣка добраго, но заблудшагося. Тетку онъ принудилъ къ смиренію и раскаянію, жену отвлекъ отъ мотовства и легкомыслія. Онъ примѣрный человѣкъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Онъ весь на лицо — чистъ, какъ золото; изнанка скрыта и побужденія его остаются тайною для всѣхъ. Никто не знаетъ ни варварской сцены съ женою; ни наглости съ теткой, ни жестокости съ несчастнымъ уже Говорковымъ, ни продажи бѣдной Елецкой въ зачетъ долга по заемнымъ письмамъ Краснощекова. Да никто и узнать этого не можетъ — потому, что ни жена, ни тетка, ни Говорковъ, ни Краснощековъ, не выдадутъ своего собственнаго позора. Даже въ этихъ тайныхъ сценахъ съ своими врагами, Глинскій не измѣняетъ себѣ, и среди своего потрясающаго цинизма, онъ умѣетъ прикрыть себя маскою благородства, выставить себя какимъ-то поборникомъ правды, чести, долга. Напримѣръ, въ сценѣ съ Говорковымъ, гдѣ онъ одушевляется краснорѣчивымъ негодованіемъ противъ взятокъ: какія великолѣпныя фразы о долгѣ, какое безкорыстное увлеченіе чести! А между тѣмъ онъ почти ясно высказываетъ, что еслибъ не имѣлъ денегъ, за тѣмъ, чтобъ честно вѣкъ служить — то

и онъ, вѣроятно, поддался-бы искушенію, сгубившему Говоркова. Въ сценѣ съ Турусовой, гдѣ онъ яркими красками рисуетъ ей страданія и несчастія, которыми ея страшный, сварливый и крутой характеръ подарилъ ея мужа, онъ настоящій Цицеронъ нравственности, — а между тѣмъ, не толи-же онъ самое дѣлаетъ съ своей женой, что тетка дѣлала съ мужемъ?

Таковъ характеръ Глинскаго, мастерски и отчетливо проведенный отъ начала до конца пьесы. Это настоящій Тартюфъ нашего времени, прикрытый доблестію, движимый — эгоизмомъ; это именно то, что нѣкоторые себялюбцы условились означать пышнымъ именемъ «положительнаго человѣка», и что, по нашему, вѣрнѣе-бы называть «человѣкомъ себѣ на умѣ.» Одинъ недостатокъ, по нашему мнѣнію, есть въ этомъ очертаніи: авторъ слишкомъ перемѣшалъ два существованія своего героя — его внутреннюю жизнь и видимое проявленіе. Надо-бы разграничить ихъ болѣе рѣзкими переходами, и выставить его на-голо въ секретныхъ сценахъ съ врагами, и подъ маскою тамъ, гдѣ онъ является передъ судомъ свѣта. Парадная его наружность тогда не вводила-бы въ обманъ зрителя на счетъ настоящихъ элементовъ его характера и не подавала-бы повода къ сравненьямъ съ Молчалинымъ и Монте-Кристо. Но во всякомъ случаѣ, лицо это, представляющее холодный расчетъ — подъ личиною доблести, черствый эгоизмъ—подъ видомъ благотворительности, честолюбіе—подъ маской рвенія, создано оригинально, въ немъ много наглядности и практической истины.

Другой, отлично выработанный характеръ въ комедіи г. Григорьева — вдова Турусова. Это типъ, вѣрный природѣ въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, кромѣ, однакожъ, ея перерожденія, въ концѣ пьесы. На подобную организацію не могутъ дѣйствовать убѣжденія разума: горбатый ложится въ могилу вмѣстѣ съ своей ношею. Всѣ сцены Турусовой — до послѣдней исключительно — ведены живо, естественно, безъ натяжекъ и полны истиннаго комизма.

Говорковъ, хвастунъ, хваплпвый наглецъ и самонадѣянный себялюбецъ — пока онъ въ силѣ, и потомъ льстецъ и плаксивый попрошайка, когда его постигло несчастіе, хотя типъ не новый, но довольно кругло очерченный. Особенно хороши его двѣ сцены съ Глинскимъ въ первомъ и въ третьемъ дѣйствіи.

Характеръ Озерской не представляетъ особенно оригинальныхъ чертъ. Намъ кажется даже, что онъ недодѣланъ: есть мѣста недосказанныя, о которыхъ можно догадаться, но которыя трудно разъяснить себѣ по ходу дѣла. Такъ, напримѣръ, униженная покорность мужу, въ жестокой и неприличной сценѣ его угрозъ; такъ пробуждающаяся любовь и уваженіе ея къ Глинскому въ послѣднемъ актѣ. Какимъ психическимъ процессомъ приведена она къ этимъ чувствамъ, не видать по пьесѣ. Подобные душевные перевороты въ драматическомъ произведеніи необходимо должно пояснять, иначе характеръ можетъ очень много потерпѣть со стороны правдоподобія.

Характеръ Краснощекова не важенъ. Авторъ довольно удачно вложилъ ему въ уста безпрерывную поговорку parole d'honneur. Люди обыкновенно клянутся тѣмъ, чего не имѣютъ и потерять не могутъ. Но господинъ Григорьевъ хотѣлъ придать этому типу болѣе, чѣмъ ничтожество, онъ хотѣлъ сдѣлать его отвратительнымъ, въ сценѣ, гдѣ Елецкая, на колѣнахъ, проситъ возвратить ей доброе имя и понять всю полноту ея любви, а онъ ее холодно отвергаетъ, говоря, что ему *невыгодно* на ней жениться, потому что у ней не восемьсотъ, какъ онъ полагалъ, а только восемьдесятъ душъ. Сцена эта тяжка для зрителя и отъ исключенія ея пьеса много-бы выиграла.

Наконецъ, остается сказать о послѣднемъ характерѣ, поэта Звѣздкина. Это уже не комическое лицо, это просто фарсъ, утрированный до нельзя. Гдѣ можно найти подобныхъ глупцовъ, и въ какомъ обществѣ будутъ они тѣрпимы? Звѣздкинъ просто шутъ, котораго можно разгадать съ перваго его слова, и за котораго, вѣрно, ни одна благоразумная, и въ особенности, разборчивая женщина не пойдетъ замужъ Это Митрофанушко — въ новѣйшемъ родѣ. Вотъ, послушайте, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ, когда Озерская его спрашиваетъ, желаетъ ли онъ, чтобы жена его любила?

О! да! желалъ бы всей душой,
Чтобы она меня блаженствомъ надѣлила!
И чтобъ отвѣтила на страстный голосъ мой!
Чтобъ также — съ страстію неистовой, безумной,
Презрѣвши свѣтъ и свѣтскихъ болтуновъ,
Ушла со мной отъ жизни шумной,
Подъ сѣнь *таинственныхъ лѣсовъ!*

Туда! гдѣ не дойдутъ до насъ людскіе толки,
Гдѣ нѣтъ людей, — тамъ рай! тамъ чувства оживутъ!...

ГЛИНСКІЙ, впадая въ тонъ голоса.

Гдѣ нѣтъ людей, за то есть злые волки.

ЗВѢЗДКИНЪ.

Да! только тамъ и жить, гдѣ нѣтъ людей!

ОЗЕРСКАЯ.

Нѣтъ! это черезъ-чуръ! здѣсь право веселѣе,
Чѣмъ жить въ лѣсу, между звѣрей.

ЗВѢЗДКИНЪ, съ энергіей.

Но, люди здѣсь, не тѣже ль звѣри?
Они готовы насъ замучить! истерзать!
Коварство, зло, и вѣчныя потери
За что отъ нихъ сносить? не лучше ль убѣжать?
Что этотъ свѣтъ? онъ пестрый шутъ, нарядный!
Всякъ занятъ лишь собой, дѣлами, да дѣтьми!
Не лучше-ль жить въ пещерѣ смрадной,
Чѣмъ вѣчно няньчиться съ людьми!

ОЗЕРСКАЯ.

За что же люди *всѣ* не нравятся поэту?
Въ чѣмъ виноваты всѣ?

ЗВѢЗДКИНЪ.

Вотъ въ чемъ, я не таю:
Я, мой талантъ на жертву отдалъ свѣту!
Ему — всѣ чувства я въ стихахъ передаю:
Тоску души, мечты, страданья, укоризны,
Пою *любовь, пожаръ страстей*....
И что-жъ за все? среди моей отчизны
Незнаемый никѣмъ, толкаюсь межъ людей!!
Никто не хочетъ знать объ участи поэта!
О! люди — звѣри здѣсь вполнѣ:
Хоть бы одинъ журналъ, или газета,
Разъ пикнулась обо-мнѣ!
Для нихъ, какъ-будто-бы и нѣтъ меня на свѣтѣ!
До-сей-поры, моихъ стиховъ въ *печати* нѣтъ!!
Вотъ, какъ у насъ объ истинномъ поэтѣ,
Заботится коварный этотъ свѣтъ!
Нѣтъ! кончено! убитый и отцвѣтшій,
Не признанный, здѣсь жить я не могу!
Я лучше скроюся съ подругой убѣгу!...

ОЗЕРСКАЯ, про себя.

Какъ жаль! хорошъ поэтъ, да только сумасшедшій!

На этотъ счетъ мы также вполнѣ согласны съ Озерской.

И такъ «Житейская школа» не представляя многосложной, ловко запутанной и удачно развитой интриги; не разрѣшая собою какого-нибудь общественнаго или нравственнаго вопроса, не будучи даже полною картиною нравовъ извѣстнаго слоя общества въ данную эпоху, есть собственно сборникъ типовъ, взятыхъ изъ разныхъ житейскихъ кружковъ и сгруппированныхъ около одного главнаго типа, встрѣчаемаго въ жизни, для того, чтобы олицетворить собою или осмѣять, то мѣткими, то забавными сарказмами, недостатки и слабыя стороны общества. Хотя въ пьесѣ мало движенія внутренняго, т. е. страстей, но за то въ ней есть постоянное движеніе сценическое, имѣющее интересъ неожиданности и новизны. Встрѣчая на каждомъ шагу ловкія указанія на всѣ интересы современности, разсыпанныя въ пьесѣ въ видѣ эпиграммъ, или вѣрнѣе, какъ куплеты въ водевилѣ, каждый зритель невольно находитъ пищу для веселости и насмѣшки или, какъ говорится попросту: находитъ *то, что у кого болитъ*. И въ этомъ то собственно заключается тайна громаднаго успѣха этой пьесы, которая, разумѣется, какъ и всякое твореніе человѣческое, имѣетъ свои недостатки и погрѣшности. Мы укажемъ только на двѣ главнѣйшія: растянутость и тождество въ нѣкоторыхъ сценахъ. Впрочемъ, это повтореніе положеній, выкупается отчасти разнообразіемъ и неожиданностію ихъ развязокъ.

Стихи, которыми написана комедія, разговорны и удобны для сценическаго языка, хотя не совсѣмъ выработаны и много теряютъ въ печати, гдѣ послѣ Пушкина, Лермантова и Бенедиктова, мы уже привыкли къ звучной, литой фразѣ, къ гармоническому сочетанію слова съ мыслію, къ обороту короткому и выразительному. Встрѣчаются также у г. Григорьева иногда иностранныя слова, употребленныя совершенно въ превратномъ значеніи. Такъ, напримѣръ, Глинскій, описывая Краснощекова, говоритъ:

....Какъ модникъ щеголяетъ,
Да ищетъ *женскихъ protégé*,
Невѣстъ богатыхъ, и проч.

онъ хотѣлъ сказать, что онъ домогается милости женщинъ,

могущихъ доставить протекцію; а изъ фразы, отъ неправильнаго употребленія слова, вышло совсѣмъ напротивъ, что онъ хочетъ найдти женщинъ, которымъ бы могъ самъ протежировать.

Но все это мелочи и совершенно исчезаетъ передъ многими достоинствами произведенія г. Григорьева, особливо передъ заслугою олицетворенія лица, которое уже такъ давно просилось на сцену.

Послѣ первой удачи, желаемъ почтенному нашему драматургу и заслуженному артисту дальнѣйшихъ успѣховъ на новомъ его поприщѣ и всегда отъ души готовы привѣтствовать каждый трудъ его, если онъ будетъ обозначенъ печатью *истины*, *вкуса* и *правдоподобія*.

Пьеса была разыграна на нашей сценѣ, какъ мы уже сказали, чрезвычайно ловко и дружно. Почти всѣ артисты выполнили свои роли со всѣмъ усердіемъ и добросовѣстностію, имъ доступными; хотя нѣкоторые изъ нихъ и не совсѣмъ глубоко вошли въ смыслъ представляемыхъ ими характеровъ. Главное дѣло, пьеса шла твердо, ужъ и это, для насъ, съ непривычки, великое достоинство. Первое мѣсто между исполнителями принадлежитъ безспорно г-жѣ Сосницкой. Эта чудная артистка явилась въ роли *Турусовой* — во всеоружіи рѣдкаго своего таланта и живо напомнила намъ тонкой, обдуманной игрой, мастерствомъ мимики, естественностью и игривостью своей дикціи — счастливыя времена русской комедіи, времена «Липецкихъ водъ», «Свадьбы Фигаро «и проч. Какая сила пониманія, какой тонкій сценическій тактъ въ этой актрисѣ! Игра ея — живопись съ натуры, самая обманчивая, самая вліятельная. Какой вѣрный, типичный колоритъ придала она характеру этой старухи, вздорной, легкомысленной, своекрыстной и надутой пустой по духу и вмѣстѣ съ тѣмъ полной мелочныхъ претензій. Для каждаго оттѣнка, для каждаго движенія этой оборотливой натуры, г-жа Сосницкая нашла краски и звуки въ своемъ завидномъ талантѣ. Нельзя смотрѣть на нее въ этой роли безъ внутренняго наслажденія!

Г-жа Самойлова 2 выполнила роль *Озерской*, въ той мѣрѣ, въ какой авторъ сдѣлалъ ее доступною для выполненія, съ достоинствомъ, благородствомъ, и съ тѣмъ легкимъ оттѣнкомъ кокетства, который, въ подобныхъ роляхъ, всегда придаетъ особенную прелесть ея игрѣ. Вы видите въ ней съ перваго взгляда женщину

хорошаго круга, избалованную немножко модным воспитаніемъ и салонною лестью, вдову-ребенка, еще полную дѣтскихъ мечтаній и надеждъ. Эта наивная дѣтскость характера дѣлаетъ поступокъ съ нею мужа въ третьемъ актѣ — еще возмутительнѣе, и нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ ея, впрочемъ неестественный панический страхъ. Г-жа Самойлова очень умно пополнила недостатки и недосказанность своей роли, и въ этомъ отношеніи достойна всякой похвалы, какъ артистка проницательная и ловкая.

Г. Сосницкій — въ роли Говоркова, довольно удачно и эфектно передалъ переходъ отъ чванства къ ничтожеству, отъ гордости къ униженію. Даже мелочныя подробности костюмировки, характерезующія этотъ переходъ, не забыты умнымъ артистомъ.

Г. Максимовъ обладаетъ однимъ важнымъ сценическимъ достоинствомъ: онъ говоритъ внятно и для каждаго смысла умѣетъ найти вѣрный и приличный звукъ и оттѣнокъ въ голосѣ. Но за то онъ и злоупотребляетъ это качество, стараясь каждой фразѣ придать больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, удареніями на слова и какимъ-то искуственнымъ пасилованіемъ рѣчи. Это отнимаетъ у разговорнаго языка его живость и естественность, а слѣдовательно и силу. Вамъ все кажется, что лицо это шутитъ, отпускаетъ бон-мо, такъ, отъ нечего дѣлать, и что у него ни слова нѣтъ на умѣ изъ того, что оно говоритъ. При такомъ впечатлѣніи, разумѣется, всякая иллюзія должна исчезнуть. Въ фарсахъ, гдѣ мимоходомъ сказать, господинъ Максимовъ бываетъ отлично хорошъ, такой способъ выраженія можетъ быть забавенъ, но въ серьозной драмѣ, гдѣ уже выводятся не воображаемыя каррикатуры, а дѣйствительные люди, взятые прямо изъ жизни, онъ вредитъ и губитъ созданіе. При искусствѣ хорошей дикціи, хотя и утрированной, у г. Максимова 1-го нѣтъ глубины проникновенія, нѣтъ дара возсозданія характера лица въ самомъ себѣ, или иначе, *типичности*, безъ чего каждое сценическое явленіе остается безобразно, безлично, не округляется и не выходитъ выпукло впередъ. Оттого г. Максимовъ, во всѣхъ играемыхъ имъ роляхъ, всегда одинаковъ, все одинъ и тотъ-же, лицо неизмѣнное, съ болѣе важными или быстрыми движеніями. Эти недостатки были ощутительны въ немъ и въ героѣ «Жигейской школы», *Глинскомъ*, гдѣ авторъ открылъ широкое поле для таланта артиста, и гдѣ г. Максимовъ рѣзкостью своихъ выраженій и жестовъ, отнялъ у характера много ясности и

правдоподобія. Напримѣръ, въ сценѣ съ женою въ третьемъ актѣ, гдѣ ему надо показать достоинство и силу воли, онъ выказалъ больше запальчивость и грубость, непозволительныя вообще съ женщиною, тѣмъ болѣе съ женщиною любимою и намъ близкою. Мы подтвердимъ слова свои разительнымъ фактомъ. Когда послѣ своей строгой выходки, Глинскій смягчается и говоритъ задушевнымъ тономъ: «Вѣдь я люблю тебя».... во всѣ представленія публика единодушно хохотала этой фразѣ. Лучшей критики неправильному выраженію этой сцены сдѣлать нельзя. Вообще, во всѣхъ рѣзкихъ дѣйствіяхъ Глинскаго у господина Максимова видно какое то хвастливое молодечество, тогда, какъ по характеру, нужны только стойкость и хладнокровіе. Глинскій не увлекается, потому что каждый шагъ дѣлаетъ съ обдуманнымъ разсчетомъ. Въ сценахъ съ своими врагами, онъ высказываетъ имъ колкія истины, не съ тѣмъ, чтобъ уязвить ихъ самолюбіе насмѣшкою, это мщеніе было бы для него слишкомъ мелочно, но съ тѣмъ, чтобъ показать, какъ онъ ихъ понимаетъ насквозь и вооруженъ противъ нихъ преимуществомъ своего ума и положенія. Стало быть, и въ передачѣ этихъ колкостей должно быть меньше осязательности и рѣзкости, чѣмъ мы находимъ у господина Максимова. Все эфектное въ искусствахъ хорошо до-тѣхъ поръ, пока оно въ границахъ природы и правдоподобія, перелейте его черезъ край — и очарованіе исчезло. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія господину Максимову потому, что уважаемъ въ немъ сценическія достоинства, которымъ эти отступленія съ пути натуры и вкуса много вредятъ. Надѣемся, что онъ ихъ и приметъ въ настоящемъ смыслѣ: какъ искреннее желаніе добра.

Господинъ Смирновъ 1-й очень недурно исполнилъ роль *Краснощекова*. Но можно бы пожелать, чтобъ, при природномъ недостаткѣ въ выговорѣ, онъ обратилъ побольше вниманія на ясность и разнообразіе дикціи. Какъ музыкантъ и пѣвецъ, онъ очень хорошо пойметъ, что унисономъ трудно выражать многоразличныя движенія души.

Наконецъ — поэтъ *Звѣздкинъ* — въ лицѣ господина *Мартынова* — рѣшительно не произвелъ никакого впечатлѣнія и служилъ, какъ бы помѣхою правильному ходу дѣйствія. Правда, характеръ неестественъ, натянутъ — но въ роли есть мѣста эфектныя. Увы! они пропали! Признаемся, мы не узнаемъ господина

Мартынова: куда дѣвался талантъ его создавать типы вѣрные, жизненные, создавать ихъ изъ ничего, изъ какихъ-нибудь двадцати словъ водевильной роли? Во многихъ мѣстахъ господина Мартынова нельзя даже разслушать и понять. Насъ увѣряютъ, что господинъ Мартыновъ не можетъ говорить стихами и заучивать ихъ. Не вѣримъ: развѣ говорить стихами не то-же, что говорить прозою — языкъ одинъ и тотъ-же. Разница вся въ томъ, что роль въ стихахъ надо *твердо знать наизусть*. Но господинъ Мартыновъ еще такъ молодъ, что памяти нѣкогда было измѣнить ему и слава его еще такъ непрочна, что ему пренебрегать совѣстливымъ исполненіемъ своего дѣла и уваженіемъ къ публикѣ — не приходится. Мы относимъ неудачу его въ этой роли ко множеству неудачъ случайныхъ, хотя она очень прискорбна среди успѣха многихъ, менѣе его одаренныхъ талантомъ. Помните мудрое изрѣченіе Свифта: «Закатъ такъ близокъ къ востоку, что не надо терять ни минуты, пока свѣтитъ солнце»!

—

Бѣдовый мальчикъ или Мать семейства. Оперетта въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*. Музыка аранжирована господиномъ *Вителяро*.

Зеленая шаль. Комедія въ одномъ дѣйствіи, сочиненія *Александра Дюма*. Переводъ съ французскаго *Н. Сабурова*.

Бѣлокурая брюнетка. Фарсъ-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *Павла Востокова*.

Обезъяна-воровка или Жертва злобы и ослѣпленія. Пародія на оперу «Сорока-воровка», съ сохраненіемъ музыки *Россини*.

(*Бенефисъ г. Самойлова*).

Весь бенефисъ господина Самойлова состоялъ изъ переводныхъ пьесъ, но пьесъ хорошо выбранныхъ, по бо́льшей части, умныхъ и занимательныхъ. Плоды умственной дѣятельности, созданія воображенія, — должны быть общимъ достояніемъ цѣлаго міра, какимъ бы народомъ они ни были собраны. Надо избѣгать только того, что по гражданской и нравственной нашей организаціи можетъ-быть противно нашему духу или несвойственно нашимъ нравамъ. Но переносить на русскую почву чужія созданія, имѣющія благую цѣль, остроумныя или игрывыя, по нашему мнѣнію, не

только позволительно, но даже полезно: это образовываетъ вкусъ нашихъ домашнихъ дѣятелей. Мы всегда готовы съ большимъ удовольствіемъ просмотрѣть «*Бѣдоваго мальчика*» или «*Зеленую шаль*», чѣмъ какія-нибудь доморощенныя издѣлія въ родѣ «Старика и двухъ молодыхъ», «Героя нашего времени» и тому подобныхъ театральныхъ штукъ. Господинъ Самойловъ очень благоразумно поступилъ, выбравъ хорошія пьесы французскаго репертуара. Когда нельзя достать оригинальныхъ пьесъ хорошихъ авторовъ, лучше дать хорошія переводы.

«*Зеленая шаль*» небольшая комедія Александра Дюмà, полна юмора и остроумія, котораго въ разсказѣ передать нельзя. Оригинальность мысли и новость положеній придаютъ ей особенный интересъ. Она принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ «*салонныхъ пьесъ*» (pièces de salon), гдѣ все основано на ловкомъ, игривомъ разговорѣ и психическомъ развитіи какого-нибудь чувства. Это подражаніе замысловатымъ драматическимъ пословицамъ Альфреда де-Мюссе, и притомъ подражаніе, чрезвычайно удачное. Чтобъ ознакомить читателей поближе съ этой хорошенькой театральной блёсткой, мы даемъ «Зеленую Шаль» въ этомъ же нумерѣ «Репертуара», въ весьма хорошемъ переводѣ.

Разыграна была пьеса мастерски г-жею Самойловою 2, господами Максимовымъ и Григорьевымъ 1. Вотъ здѣсь, гдѣ все зависитъ отъ умѣнья говорить, г. Максимовъ былъ неподражаемъ, и невольно заставлялъ себѣ апплодировать въ сценахъ съ г-жею В. Самойловою.

«*Бѣдовый мальчикъ*» — прекрасная домашняя картина, полная чувства, веселости и положеній очень драматичныхъ. Тереза Готье, старшая сестра довольно многочисленнаго семейства, обѣщалась умирающей матери замѣнить своимъ братьямъ и сестрамъ родительскія попеченія. Кромѣ того, она обѣщала самой себѣ возстановить честь своего отца, который, вслѣдствіе банкрутства, оставилъ довольно значительный долгъ. И вотъ эта прекрасная, молодая дѣвушка становится истинною матерью семейства: воспитываетъ меньшихъ братьевъ, пристроиваетъ взрослую сестру Лунзу въ хорошій домъ въ гувернантки, достаетъ старшему брату мѣсто у фортепьяннаго мастера Плейеля; а сама трудится день и ночь надъ гравированіемъ нотъ, скопляя такимъ-образомъ сумму, необходимую для уплаты отцовскаго долга. Сосѣдъ

ея, мебельщикъ Жозефъ, видя доброту и трудолюбіе этого прекраснаго существа, исполняется къ нему сперва глубокаго уваженія, а потомъ пылкой любви. Онъ тайно, безъ вѣдома Терезы, помогаетъ ей составить капиталъ: каждую недѣлю, отпирая поддѣльнымъ ключемъ ея бюро, онъ опускаетъ въ ея ящикъ по нѣсколько золотыхъ монетъ. Между-тѣмъ, сама Тереза втайнѣ любитъ молодаго адвоката Альфреда д'Аркура, сына нотаріуса, который съ недавняго времени началъ посѣщать ея домъ. Мы входимъ къ Терезѣ, въ ея уютную квартирку, въ день ея имянинъ. Всѣ братья и сестры собрались, чтобы принесть поздравленія своей *матери*, какъ они называютъ Терезу. Даже Луиза пріѣхала для этого изъ деревни, гдѣ жила. Повѣса Изидоръ, старшій братъ, мальчикъ съ чуднымъ сердцемъ, но голова пылкая и легкомысленная, придумываетъ разные сюрпризы. Семейная эта сцена мила и трогательна. Д'Аркуръ также явился съ поздравленіемъ, и съ этой минуты начинается настоящая драма. Тереза узнаетъ, что онъ въ деревнѣ познакомился съ сестрой ея Луизой и обѣщалъ на ней жениться, но потомъ ее бросилъ для другой страсти. Тереза знаетъ, что она сама предметъ этой страсти и причина измѣны, но движимая долгомъ, жертвуетъ собственнымъ счастіемъ, чтобы только осчастливить свою сестру. Убѣжденный ея словами, д'Аркуръ готовъ загладить свой проступокъ и бѣжитъ къ отцу своему просить согласія на бракъ съ Луизой Готье. Но въ минуту этой тяжкой сердечной жертвы — Терезу поражаетъ другое несчастіе. Братъ ея Изидоръ связался съ какимъ-то негодяемъ, который подпоилъ его и хочетъ завлечь въ игру. Но у Изидора нѣтъ денегъ, и вотъ онъ въ этомъ неприличномъ видѣ является къ Терезѣ требовать своей доли изъ ея денегъ, какъ изъ общаго наслѣдія. Тереза поражена. Она высказываетъ брату горькія истины, показываетъ источникъ этихъ денегъ и ихъ благородное назначеніе и говоритъ: «но если тебѣ разгулъ дороже памяти матери, позора отца и спокойствія семьи, то иди, неблагодарный сынъ и братъ! возьми трудомъ добытое золото — промотай, проиграй его, расточи за карточнымъ столомъ послѣднюю надежду на возстановленіе добраго имени нашего семейства! Вотъ мой ящикъ, — Пьяный Изидоръ, молча слушавшій слова Терезы, вдругъ схватываетъ ящикъ и бѣжитъ. Сестры въ отчаяніи и вотъ судьба наноситъ имъ еще одинъ,

послѣдній ударъ. Д'Аркуръ съ восторгомъ является объявить, что къ союзу его съ Луизой нѣтъ препятствій, что отецъ его сказалъ: «Если только невѣста твоя принадлежитъ къ семейству, котораго честное имя ничѣмъ не опозорено, — я согласенъ! — За полчаса Луиза могла еще быть счастлива, теперь бракъ этотъ, вслѣдствіе поступка Изидора, становится невозможнымъ, потому, что пятна безчестія, лежащаго на памяти отца ея, нечемъ смыть.— Несчастіе полное. Но въ самую критическую минуту вбѣгаетъ опять Изидоръ: «Луиза, Альфредъ! кричитъ онъ, будьте счастливы, я васъ благословляю отъ имени г. Д'Аркура, мать — благослови и ты ихъ.» Съ этимъ словомъ онъ подводитъ ихъ къ Терезѣ. Всѣ изумлены, но онъ объясняетъ имъ загадку. «Вы всѣ полагали, что я отъявленный негодяй! Ошиблись: слова твои, моя добрая Тереза, отрѣзвили меня; они глубоко запали въ душу! — я вспомнилъ мой долгъ: г. Плейль предложилъ мнѣ двѣ тысячи франковъ, если я соглашусь ѣхать съ инструментами въ Алжиръ, я ихъ принялъ. Этой суммы именно было достаточно, чтобы пополнить скопленный тобою капиталъ и уплатить долгъ отца. Я его пополнилъ — деньги теперь всѣ сполна въ рукахъ г. д'Аркура — для передачи по принадлежности. Долгъ семейный уплаченъ; позоръ снятъ — такъ будемъ же веселы и счастливы!» — Тереза, узнавъ при этомъ случаѣ о великодушіи Жозефа, награждаетъ его любовь своею рукою.

Пьеса эта, простая, невычурная, не затѣйливая, оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе въ душѣ зрителя, трогая ее благородными, семейными картинами. Г-жа Жулева была очень хороша въ роли *Терезы*, а г. Самойловъ — превосходенъ въ роли повѣсы Изидора. Изидоръ безпрестанно поетъ отрывки изъ разныхъ оперъ и большое, веселое поппури, съ пляской и мимикой, которое г. Самойловъ мастерски выполняетъ. Непринужденная его веселость въ первой половинѣ пьесы и потомъ, переходъ отъ хмѣля къ отрѣзвленію, когда сестра энергически высказываетъ ему правду, возбуждаютъ всеобщія рукоплесканія. За болѣзнію г. Самойлова, въ одно изъ представленій «Бѣдоваго мальчика» роль его занималъ г. Марковецкій и всѣ были изумлены, съ какимъ совершенствомъ этотъ молодой артистъ выполнилъ этотъ трудный, и для не-пѣвца почти недоступный характеръ. Конечно, нельзя сравнивать его съ г. Самойловымъ, но надо взять въ со-

ображеніе, что онъ выучилъ трудную роль, съ еще труднѣйшимъ пѣніемъ, въ «*одинъ день*,» безъ всякаго приготовленія, и не смотря на то, исполнилъ ее такъ, что удостоился двоекратнаго вызова. Мы чрезвычайно рады, что старательность и трудолюбіе этого артиста наконецъ замѣчены и что талантъ его достойно оцѣняется публикою. Недавно онъ сыгралъ вмѣсто г. Мартынова роль «*Андрея Степановича Буки*,» пересоздалъ характеръ совершенно по своему и придалъ ему столько типичности и натуры, что произвелъ фуроръ. Пьеса отъ игры его получила совершенно новый колоритъ и много выиграла.

—

Кандитеръ Мардоре, человѣкъ съ удивительными причудами. Вообразите, онъ терпѣть не можетъ блондинокъ. Другъ его, Карамель, присваталъ ему свою знакомую дѣвушку, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, которая съ матерью живетъ въ провинціи. Мардоре не хочетъ слушать о ея душевныхъ качествахъ, главное — чтобы она была черноволосая. Вотъ и пріѣзжаетъ г-жа Грибо, съ дочкой своей Анитой. Мардоре смотритъ — невѣста безукоризненная — волосъ, какъ смоль. Сыграли свадьбу. Вдругъ кандитеромъ овладѣваетъ тайная тревога, онъ мучится днемъ, онъ не спитъ ночью. Постоянная мысль давитъ его, какъ кошмаръ. Начнетъ-ли онъ сбивать безе, займется-ли леденцами, заваритъ-ли шоколадъ — она не отстаетъ отъ него ни на минуту. Всѣ его пирожки подгараютъ, варенья киснутъ, торты гибнутъ. Чтожъ это за мысль? онъ замѣтилъ, когда цѣлуетъ жену въ голову утромъ, отъ нея пахнетъ жасминомъ, когда цѣлуетъ ее въ полдень — пачулей. Эта пачуля и жасминъ совсѣмъ сбили съ толку бѣднаго кандитера. На яву и въ сладкомъ снѣ — все ему мерещится то жасминъ, то пачуля. На бѣду его, въ кандитерскую еще повадился молодой живописецъ Кокильяръ, который одинъ играетъ на бильярдѣ, закажетъ кофей, а выпьетъ джину, велитъ приготовить пастетъ, а потребуетъ мятныхъ лепешекъ. Ясно, тутъ что нибудь да не ладно. Мардоре начинаетъ прятаться, наблюдать за женой, за живописцемъ, ревновать, дѣлать величайшія глупости — и наконецъ открываетъ, что жена его каждое утро, какъ онъ только выходитъ по дѣлу, тоже улетаетъ со двора, и что въ это-же время всегда за ней слѣдомъ убѣгаетъ живописецъ. У нихъ шашни, нѣтъ сомнѣнія. Несчастный кандитеръ подни-

маетъ страшную кутерьму, шумъ, сзываетъ сосѣдей и оказывается — въ чистыхъ дуракахъ. Жена его отъ природы бѣлокурая, но чтобъ не лишиться хорошей партіи, заказала себѣ два черные парика, которые и ходитъ каждый день мѣнять въ завивщику (*куафферу*).

Мартыновъ (*Мардоре*) и Марковецкій (*Карамель*), очень забавны въ этой путаницѣ, которая называется: «Бѣлокурая брюнетка.»

«Обезьяна воровка» конечно пародія вовсе не современная, но пародія чрезвычайно забавная, которую и теперь можно просмотрѣть не безъ удовольствія, особливо когда въ ней играетъ г. Самойловъ, и очень ловко дразнитъ обезьяну г. Яковлевъ, ученикъ Віоля. Но на этотъ разъ главная роль, «*Жокриса*,» чрезвычайно забавная и наивная, не имѣла достойнаго представителя: г. Булаховъ очень недурной пѣвецъ, но какъ актеръ еще весьма далекъ отъ совершенства.

—

Домашняя исторія. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. *П. И. Григорьева* 1.

Актриса и Поэтъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Соч. *Н. Ишенецкаго.*

Шестнадцати-лѣтняя кокетка, или Тысяча первый урокъ мужьямъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи *Л***.*

(*Бенефисъ г. Григорьева* 1.)

Лучшаго пьесою бенефиса г. Григорьева, на этотъ разъ, была опять-таки его-же комедія «*Домашняя исторія*,» хотя она далеко уступаетъ «*Житейской школѣ*» и по вымыслу и по выполненію. Это уже не характеристическая комедія, а комедія интриги; но интрига, для нея избранная, не можетъ похвалиться новизною и особеннымъ правдоподобіемъ.

Андрей Герасимычъ Курбетовъ, учитель словесности, пріѣхавшій изъ провинціи, поселился въ домѣ отставнаго генерала Крутинскаго, гдѣ оканчиваетъ уроки его дочери, Вѣрѣ Петровнѣ, которые началъ съ нею въ деревнѣ. Но это такъ только говорится, собственно же онъ давно окончилъ ея воспитаніе, ибо тайкомъ на ней женатъ. Перебирая всѣ роды словесныхъ сочиненій, они дошли до «*романа*» и, для практики, влюбились другъ

въ друга; влюбившись, начали проходить «*трагедію, драму*» съ счастливой развязкой, я для опыта — обвѣнчались; а обвѣнчавшись, — имъ уже по неволѣ пришлось приняться за «*комедію,*» чтобы избѣжать гнѣва г. Крутинскаго Вотъ они и разыгрываютъ эту комедію, не рѣшаясь ему открыться и взваливая эту коммиссію другъ на друга. Старикъ, между тѣмъ, ничего не подозрѣвая, готовитъ своей дочкѣ жениха, стараго сослуживца и устарѣлаго франта, Брацкаго, человѣка съ очень легкимъ сердцемъ, но большимъ вѣсомъ въ свѣтѣ. Вотъ изъ этихъ-то обстоятельствъ и выходитъ *домашняя исторія.* Крутинскій, узнавъ тайну новобрачныхъ, расходился, раскричался, разругалъ Курбетова — мальчишкой, безъ *чести* и *душенки.* Это задѣло Курбетова за живое, онъ высказалъ старику, что можно быть коллежскимъ регистраторомъ и въ тоже время честнымъ, благороднымъ человѣкомъ.

Я человѣкъ простой и бѣдный, точно:
За то не негодяй, не могъ и не игрокъ!
По моему, была-бъ лишь совѣсть непорочна,
А бѣдность не порокъ.
Я чувствую во мнѣ таланты есть,
Такъ я всегда найду и деньги, и дорогу!
Въ Россіи нынче, слава Богу,
Честнымъ трудомъ все можно пріобрѣсть.

Крутинскій до того озадаченъ такой небывальщиной, что начинаетъ думать, будто зять его дѣйствительно

Съ амбиціей.... съ характеромт.. съ *душонкой.*

И вслѣдствіе того прощаетъ виновную молодежъ. Но этотъ г. Крутинскій видно плохо знаетъ существующія постановленія, иначе онъ не приходилъ-бы въ отчаяніе оттого, что зять его коллежскій регистраторъ. Учитель словесности, и притомъ служащій, по званію своему, ужъ никакъ не можетъ быть меньше титулярнаго совѣтника. Но не входя въ разборъ многихъ мелочныхъ невѣроятностей, встрѣчающихся въ этой комедіи, скажемъ, что въ ней есть сцены очень недурныя и что она довольно оживлена на сценѣ.

Разыграна она была дружно; г-жа Самойлова 2, Мартыновъ и самъ авторъ выполнили три главныя роли очень отчетливо. Но г. Максимовъ 1, неизвѣстно почему, принялъ характеръ Курбе-

това ужъ слишкомъ съ комической стороны. Онъ представилъ его дурачкомъ, неловкимъ и трусливымъ. Неужели онъ думаетъ, что учитель словесности непремѣнно долженъ быть Жокрисомъ? Странное понятіе о характерѣ человѣка, въ которомъ по званію его и по обществу, въ которомъ онъ обращается — непремѣнно надо предполагать высшую степень образованости, разумъ и хорошее воспитаніе. Вотъ опять ошибка отъ желанія сдѣлать изъ роли больше, чѣмъ изъ нея выходитъ. Въ этомъ отношеніи лишнее усердіе всегда бываетъ пагубно.

Драма «Актриса и поэтъ» передѣлана изъ повѣсти, напечатанной года два тому въ «Библіотекѣ для чтенія.» Это неправдоподобный анекдотъ изъ жизни Шекспира. Конечно характеръ поэта — драматургъ можетъ представлять, какъ ему угодно, если онъ только данныя для этого характера почерпаетъ изъ его сочиненій, но искажать факты его жизни, рѣшительно не дозволено, если жизнь эта перешла въ достояніе исторіи. Въ разбираемой нами драмѣ именно Шекспиръ вовсе не похожъ на настоящаго Шекспира, какъ по духу своихъ дѣствій, такъ и по катастрофѣ, вовсе неизвѣстной его безчисленнымъ историкамъ, комментаторамъ и біографамъ. Но въ этомъ не столько должно винить автора драмы, какъ автора повѣсти, изъ которой драматургъ почерпнулъ свою пьесу.

Въ прологѣ Шекспиръ, бѣдный, усталый и голодный, среди ночи, приходитъ въ Лондонъ. У него нѣтъ ни друзей, ни крова, ни денегъ. Проходитъ по улицѣ молоденькая актриса Аріэль, видитъ его и даетъ ему пріютъ въ своемъ домѣ. Въ первомъ актѣ мы узнаемъ, что Шекспиръ уже въ славѣ, что Аріэль тайно его любитъ и что самъ поэтъ влюбленъ страстно въ Елисавету, дочь лорда Соутемптона. Во второмъ актѣ, онъ на свиданіи у Елисаветы, въ ея паркѣ. Любовь его робка и почтительна. Елисавета скромна и застѣнчива. Но ей видимо нравится поэтъ и она назначаетъ ему свиданіе у себя, на слѣдующій день. Рядомъ съ этой интригой идетъ другая: на Елисаветѣ долженъ жениться лордъ Кларисонъ, который, въ свою очередь, до безумія влюбленъ въ Аріэль, но отвергнутъ ею. Въ третьемъ актѣ Шекспиръ является на свиданіе. Его вводятъ чрезъ потаенную дверь. Представте же его изумленіе, когда онъ видитъ себя въ великолѣпно освѣщенномъ салонѣ, среди блестящаго общества лордовъ, и гор-

дая Елисавета проситъ его прочесть гостямъ какой нибудь отрывокъ изъ новаго своего сочиненія. Поэтъ понялъ, что на него смотрятъ, какъ на потѣшника, что въ немъ любятъ его славу и презираютъ человѣка, что онъ обманутъ въ самомъ завѣтномъ своемъ чувствѣ, и кѣмъ-же, женщиною, которую онъ ставилъ выше всего въ твореніи. Онъ изливаетъ все свое негодованіе въ энергической тирадѣ и въ отчаяніи бѣжитъ домой. Здѣсь онъ мечется, какъ безумный, онъ плачетъ и клянетъ жизнь, голова его помутилась, грудь горитъ. Чтобъ залить внутренній пожаръ, онъ схватываетъ бутылку вина и почти разомъ ее выпиваетъ. Винные пары еще болѣе разожгли его больное воображеніе. Онъ бѣжитъ къ Елисаветѣ, застаетъ ее одну, осыпаетъ упреками, сарказмами, оскорбленіями и даже хочетъ убить ее. Сбѣжавшіеся слуги мѣшаютъ ему совершить злодѣйство. Онъ возвращается домой, убитый горемъ и отчаяніемъ. Въ это время вносятъ безчувственную Аріэль. Лордъ Генрихъ, другъ Шекспира, спасъ ее на улицѣ изъ рукъ похитителей. Очнувшаяся Аріэль разсказываетъ Шекспиру, какъ на нее напали закутанные люди, и одинъ изъ нихъ, въ которомъ она узнала Полночь, видя, что не можетъ ее похитить, насильно заставилъ ее выпить изъ стлянки какую-то жидкость. Надо объяснить, что этотъ Полночь, родъ спадацина, является въ продолженіе всей пьесы, то наемникомъ лорда Клариссона, то слугою Елисаветы. Аріэль, чувствуетъ себя очень дурно и подозрѣваетъ, что ей дали выпить ядъ. Въ это время входитъ Полночь и объявляетъ съ адскимъ смѣхомъ, что онъ дѣйствительно отравилъ ее за то, что она любитъ Шекспира и можетъ составить его счастіе. Шекспиръ съ бѣшенствомъ кидается на мошенника и поражаетъ его кинжаломъ. Умирая, Полночь проклинаетъ Шекспира и называетъ его братоубійцею. Онъ, видите ли, родился гадкимъ уродомъ, мать не могла глядѣть на него безъ отвращенія и бросила у колодца. Тутъ его нашли нищіе и воспитали бродягою. Но онъ поклялся ненавистію и мщеніемъ противъ любимца матери, своего краснваго братца, Шекспира, и теперь умираетъ съ радостью, зная, что обременилъ совѣсть его страшнымъ преступленіемъ и голову его завѣщалъ палачу. Аріэль, при послѣднемъ вздохѣ, открываетъ поэту, какъ сильно его любила.

Всѣ эти событія чрезвычайно неправдоподобны, но могли-бы

еще имѣть успѣхъ на сценѣ, еслибъ въ организаціи драмы не были ощутительны неопытность автора въ главныхъ сценическихъ условіяхъ, и недостатокъ въ округленіи характеровъ и въ связи сценъ между собою. Г. Самойловъ костюмомъ и лицомъ былъ чрезвычайно вѣренъ портретамъ Шекспира, что касается до характера поэта, онъ не могъ быть ему вѣренъ, потому что характеръ этотъ ложно нарисованъ авторомъ.

—

Тысяча первый случай, что мужъ влюбляется въ пріятельницу своей жены, одураченъ ею и потомъ, въ раскаяніи проситъ у жены прощенія, такъ не интересенъ, что его и разсказывать не стоитъ. Случай этотъ совершается на сценѣ подъ многосложнымъ заглавіемъ *«Шестнадцатилѣтняя кокетка или тысяча первый урокъ мужьямъ.»* Для пользы учениковъ, желаемъ учителю побольше жизни и уменья интересовать въ своего урокахъ.

—

Женская дружба или Молодыя вдовушки. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *П. Каратыгина* 2.

Свадебный столъ безъ молодыхъ, или старая любовь не ржавѣетъ. Оригинальный водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. Каратыгина.*

Дагеротипъ или знакомыя все лица. Оригинальная шутка водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Гг.****

(*Бенефисъ г. Каратыгина* 2.)

Г. Каратыгинъ составилъ свой бенефисъ очень умно: онъ взялъ прекрасную французскую комедію, въ трехъ актахъ, къ ней прикинулъ два акта тѣхъ шуточекъ, которымъ такъ любитъ посмѣятся наша публика, и повершилъ все хорошо составленнымъ дивертисманомъ. И полно, и мило, и не обременительно для головы зрителя.

Мы недавно еще какъ то, по поводу нѣкоторыхъ бенефисовъ имѣли случай говорить о *мужской дружбѣ* и водевили этихъ бенефисовъ намъ очень помогли развить нашу идею. Теперь г. Каратыгинъ задаетъ намъ новую тему, поговорить о *женской дружбѣ.* Предметъ щекотливый! Но чтобы не увлечься слишкомъ строгимъ, а можетъ быть, и пристрастнымъ анализомъ этой маленькой, воспріимчивой губки, которая лежитъ въ лѣвомъ боку,

а иногда и въ головкѣ каждой женщины, которая такъ легко сжимается и раздувается отъ самыхъ мелкихъ причинъ и по прихоти капризнаго ихъ воображенія, и которую физіологи, неизвѣстно почему, условились называть *женскимъ сердцемъ*, мы лучше заставимъ говорить о женской дружбѣ французскаго драматурга и толмача его, г. Каратыгина, и потому выдаемъ вамъ «Женскую дружбу» въ натурѣ, въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала: place aux dames!

Умная эта пьеса была очень удовлетворительно разыграна на сценѣ и произвела прекрасное впечатлѣніе на зрителей. Конечно, если сравнивать игру нашихъ артистовъ съ игрою великихъ талантовъ, украшающихъ нашу французскую сцену, то пришлось-бы написать цѣлую диссертацію — о умѣньи понимать намѣренія автора, о созданіи характеровъ, о выраженіи душевныхъ движеній, о приличіи на сценѣ, о достоинствѣ совокупной игры (ensemble), о вліятельной дикціи и о многомъ множествѣ разныхъ другихъ занимательныхъ предметовъ. Но — comparaison n'est pas raison, говорятъ французы: овому талантъ, овому два! Будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть на лицо, безъ всякихъ завистливыхъ сравненій. Тогда мы найдемъ, что «молодыхъ вдовушекъ» можно смотрѣть не безъ удовольствія и въ русскомъ ихъ нарядѣ, особливо когда одна изъ нихъ умѣетъ быть такъ мила и непринужденно кокетлива, какъ госпожа Вѣра Самойлова 2.

Но перейдемъ лучше отъ женскаго сердца къ мужскому, которое также имѣетъ иногда свои интересныя минуты. Одну изъ такихъ минутъ подмѣтилъ господинъ Каратыгинъ и выдалъ ее предъ лицемъ всей публики въ свой бенефисъ. Былъ у него пріятель Ѳома Ильичъ Мякишъ, у Ѳомы Ильича была пріятельница, или вѣрнѣе сказать, экономка Авдотья Андрѣевна Корка. Жили были старики и въ лавочку были должны — лѣтъ этакъ съ небольшимъ двадцать. Все шло, какъ нельзя лучше. Мякишъ раскиснетъ совершенно на должности, придетъ домой, а Корка ему и кофейку, и супцу. Но вотъ разъ Ѳомѣ Ильичу пришла дикая идея — ни съ того, ни съ другаго — разбогатѣть, какъ экономъ того заведенія, гдѣ онъ на должности. Для этого онъ нашелъ всего удобнѣе удалить экономку и замѣнить ее молоденькой женою. Другъ его Расторопинъ, большой охотникъ быть шаферомъ, какъ тутъ съ невѣстой. Не успѣлъ Мякишъ опомниться, какъ ужъ надо ѣхать подъ вѣнецъ. Все-бы

хорошо, да вотъ тутъ сердце-то мужское и сыграло съ нимъ курьезную штуку, вдругъ расходилось, растревожилось, расхныкалось, какъ де молъ — столько лѣтъ я билось безъ всякой страсти, безъ всякаго волненія, успокоиваемое кофеемъ Авдотьи Андрѣвны, и теперь вдругъ меня заставляютъ возгорѣть любовью къ невѣстѣ, которую выбралъ Расторопинъ, и пылать вѣрностію къ женѣ, которая, можетъ быть, еще и кофе сварить неумѣетъ. На бѣду, тутъ же является Авдотья Андрѣвна прощаться, со слезами, вздохами, кроткими упреками, и записочкою отъ невѣсты, адресованною однакожъ не на имя ея суженаго. Мякишъ растаялъ: онъ утѣшаетъ свою старую мамку самымъ чувствительнымъ потокомъ сердечнаго краснорѣчія и съ благодарностію цѣлуетъ ея благотворительную и искусную въ поваренномъ дѣлѣ руку. Но въ эту патетически-умилительную минуту—бацъ! является будущая теща, разразилась какъ бомба и пошла, и пошла, что твои сто сорокъ восемь владимірскихъ трещетокъ въ какомъ-нибудь вишневомъ саду въ Вязникахъ. Результатъ подобнаго явленія очень не двусмыслевъ: бракъ растроивается.... А между-тѣмъ собрались и гости и посаженый отецъ, и посаженая мать.... Скандалъ, да и только! И столъ-то какой накрытъ! Съ вазами, канделабрами, цвѣтами, фруктами.... но не пропадать-же всей этой роскоши, не платить-же даромъ оффиціантамъ: Мякишъ проситъ гостей истребить всѣ эти торжественные запасы, принявъ этотъ ужинъ за свадебный столъ, который, противъ обычая на этотъ разъ будетъ безъ молодыхъ, ибо соединеніе молодыхъ стариковъ Ѳомы Ильича и Авдотьи Андрѣвны произойдетъ въ другой разъ, въ слѣдующемъ водевилѣ г. Каратыгина.

Господинъ Мартыновъ довольно забавенъ въ роли *Мякиша*; а господинъ Каратыгинъ оживляетъ пьесу, играя шафера—*Расторопина*. Марковецкій—въ роли стараго слуги *Игнатія* — чрезвычайно натураленъ.

Дагерротипъ обѣщалъ намъ показать *знакомыя все лица*. И дѣйствительно — онъ сдержалъ слово: мы увидѣли старыхъ своихъ знакомцевъ изъ многаго множества водевилей и комедій. И помѣщика изъ «Модныхъ леченій», и одного изъ господъ «Цвѣтобесія» подъ видомъ Штукаревича, и помѣщицу тамбовскую изъ «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», и двухъ нѣмцевъ изъ водевиля-интермедіи, которой мы уже забыли названіе (виноваты: мы очень

незлопамятны!) и купца изъ «Ложи перваго яруса» съ сожительницею и чечервятками» и всѣхъ, и всѣхъ, и всѣхъ. Что-же они дѣлали у господина Азотина, владѣтеля дагерротипа? То, что всегда дѣлается въ подобныхъ заведеніяхъ: повторяли свои личности. Они приходятъ, уходятъ, толкаются, сталкиваются, толкуютъ и изъ всего этого выходитъ презапутанная сплетня, которую мы пересказать не беремся. Подъ конецъ, Азотинъ, наскучивъ, что билися со всей этой безтолковой компаніей изъ пустяковъ, рѣшается вознаградить себя тѣмъ, что выдвигаетъ свой инструментъ на авансцену и хочетъ снять всю публику, которая рѣшилась досмотрѣть Дагерротипъ до конца. Онъ проситъ сидѣть смирно, дозволяя, однакожъ, дѣлать *движеніе руками*. Кто этимъ довольствуется, дѣлаетъ движеніе руками, а кто не чувствуетъ въ себѣ довольно твердости, высидѣть спокойно или не находитъ въ своей физіономіи достаточно удовольствія, чтобы передать ее потомству — въ этомъ видѣ, — уходитъ. И пьесѣ конецъ.

Это фарсъ — à propos. Въ немъ не можетъ быть столкновеній, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, какія бываютъ во всѣхъ подобныхъ пьескахъ, а потому мы находимъ, что, пожалуй, можно-бы и не называть его *оригинальнымъ*.

Ѳ. КОНИ.

II.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

—

A la Bastille. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. L'échelle des femmes. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Les pailles rompues. Комедія въ одномъ дѣяствіи, въ стихахъ. Nysus et Euryales. Комедія въ одномъ дѣйствіи.

—

Въ послѣднее время французская труппа наша пополнилась еще нѣсколькими превосходными артистами, которые, можно сказать, къ немалому удовольствію посѣтителей Михайловскаго театра, вполнѣ замѣнили — незамѣнимыхъ.... Но, какъ всѣ эти милые гости дебютировали большею частію въ такихъ пьесахъ, въ которыхъ не вполнѣ могли выказаться ихъ дарованія, то мы будемъ ждать лучшаго времени, чтобы *поговорить* о нихъ пообстоятельнѣе, не желая сказать что-нибудь наобумъ.

Теперь-же нѣсколько словъ о бенефисѣ любимаго публикою комика Руже.

Главною пьесою этого бенефиса была двухъ актная комедія водевиль «L'échelle des femmes». Вотъ въ чемъ тутъ дѣло: Магдалина, очень хорошенькая крестьянка, безъ ума любитъ красавца Кристофа и не сегодня, такъ завтра будетъ его женою.... Кристофъ блаженствуетъ, Магдалина тоже ; все готово къ ихъ браку.... Но женская водевильная любовь, тоже, что женская дружба — она очень непрочна.... Это оправдалось и здѣсь. Магдалина вдругъ получаетъ огромное наслѣдство, а Кристофъ отказъ въ ея рукѣ.... Дѣвушка забываетъ любимца своего сердца и, пересыпая золотой дождь наслѣдства, мечтаетъ теперь только о Парижѣ, о блестящей жизни и толпѣ модныхъ поклонниковъ, столько-же падкихъ къ блеску хорошенькихъ глазъ, какъ и къ блеску необрѣзанныхъ червонцевъ. Магдалина въ Парижѣ. Уязвленный, разбитый и забытый Кристофъ не отвѣчаетъ холоднымъ презрѣніемъ на не-

справедливость своей возлюбленной, онъ не старается забыть ее и, бросивъ деревню, отправляется за нею въ Парижъ, съ непремѣнною цѣлію возвратить то, что ему было такъ дорого и чего онъ теперь лишился. Здѣсь начинается главная интрига пьесы и все достоинство роли Кристофа, которую превосходно выполнила для втораго своего дебюта госпожа Мила. Чтобы достичь своей цѣли, Кристофъ, явившись въ Парижъ, основываетъ свои надежды на самомъ себѣ, на своей личности и красотѣ. Красавецъ начинаетъ съ того, что любезничая напрополую умно и ловко со всѣми красавицами, быстро переходить отъ одной побѣды къ другой и, очаровавъ сперва фермершу, очаровываетъ потомъ жену парижскаго банкира. Цѣль почти достигнута: онъ введенъ въ высшій кругъ, получаетъ видное и выгодное мѣсто, а съ нимъ и богатую невѣсту. Успѣхъ этой пьесы, мы уже сказали, обязанъ прекрасной игрѣ госпожи Милы, которая, безъ преувеличенія, была очаровательна въ мужскомъ костюмѣ. Лучшею, хотя не главною пьесою, этого вечера была комедія господина Жюля Варрена «Les pailles rompues», написанная легкими и удачными стихами, съ завязкою, хотя не новою, но тѣмъ не менѣе интересною и полною сценическаго эфекта.

Душечка, говоритъ молодая жена старому мужу, купи мнѣ ожерелье. Ничего нѣтъ хуже и недальновиднѣе, когда старый мужъ не отвѣчаетъ прямо на требованіе молоденькой жены: изъ этого непремѣнно выйдетъ драма или комедія съ куплетами.... Такъ и тутъ случилось. Вмѣсто того, чтобы старому мужу броситься со всѣхъ ногъ къ ювелиру, онъ говоритъ своей молодой половинѣ: душечка, поѣдемъ въ деревню. Не хочу! — Ну, и я то-же.... Однако, надо-же какъ нибудь удовлетворить свои обоюдныя желанія.... Не ссорясь изъ за своихъ прихотей, мужъ и жена, какъ порядочные люди, соглашаются на слѣдующее пари: первый изъ нихъ, взявшій изъ рукъ другаго какую нибудь вещь, проигрываютъ закладъ.... Кому-же проиграть закладъ, какъ не старому мужу.... Вотъ онъ, блѣдный, встревоженный, подмытый ревностію, возвращается однажды домой, получивъ отъ своего швейцара самую свѣжую новость, о томъ, что у его жены въ гостяхъ какой-то молодой господинъ. Дѣйствительно такъ, но молодой господинъ этотъ кузенъ молодой жены, пріѣхавшій проститься съ нею передъ отъѣздомъ въ полкъ.... Вѣсть о пріѣздѣ мужа полу-

чаютъ молодые люди въ минуту самой жаркой сцены разлуки..... Опасаясь послѣдствій вспыльчиваго темперамента своего старичка, молодая жена прячетъ кузена въ свой будуаръ и запираетъ его на ключъ. — Гдѣ ключъ отъ будуара? спрашиваетъ взбѣшенный ревнивецъ.... у тебя тамъ спрятанъ гость.... Я все знаю!... Ключъ!.. Жена нѣсколько минутъ пытаетъ терпѣніе ревнивца и наконецъ вручаетъ ему ключъ, въ ту же минуту разразившись веселымъ смѣхомъ. «Ты, говоритъ она, другъ мой, проигралъ пари.... покупай бриллiантовое ожерелье.... Швейцаръ же сообщилъ тебѣ эту новость потому, что ему было приказано мною сдѣлать тебѣ доносъ. Ревнивецъ утѣшенъ, онъ покупаетъ ожерелье, а жена соглашается ѣхать въ деревню.

Двѣ остальныя пьесы: A la Bastille и Nyus et Euryale не выходятъ изъ ряда весьма обыкновенныхъ и посредственныхъ сценическихъ явленій; но при отличной игрѣ нашихъ умныхъ артистовъ, ихъ можно смотрѣть не безъ удовольствія, хотя, по истинѣ, о ихъ содержаніи даже сказать нечего.

Въ первой изъ нихъ вы встрѣчаете двухъ влюбленныхъ въ одни и тѣже глаза, въ однѣ и тѣже прелести. Соперники, не подозрѣвая третьяго врага, стараются погубить другъ друга, грозятъ другъ другу Бастиліею и успѣваютъ выхлопотать на обоюдный арестъ приказы Людовика XV. Между тѣмъ, третій также влюбленный въ тѣ-же самыя прелести, пользуется обстоятельствами, ловя, какъ говорится, въ мутной водѣ рыбу и, арестовавъ обоихъ враговъ, везетъ ихъ не въ Бастилію, а въ свой загородный домъ. Пока соперники томятся въ своемъ добровольномъ заключеніи, онъ успѣваетъ жениться на той, которая завоевала три сердца....

Во второй пьесѣ господа Мондидье, Лемениль и госпожа Майеръ восхищали своею неподражаемо игрою, спасая жалкій сюжетъ «Nysus et Euryale»....

Надо поблагодарить бенефиціанта за довольно удачный составъ настоящаго бенефиса, который былъ далеко лучше предшествующаго, о которомъ мы говорили въ январьской книжкѣ Пантеона.

=

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ $^{2}/_{14}$ ноября.)

Евгеній Скрибъ стоитъ такъ высоко въ ряду современныхъ драматурговъ, что появленіе новаго его произведенія, особенно пяти актной, серьозной комедіи, должно непремѣнно занять первое мѣсто въ лѣтописи театральныхъ новостей. Нынче же, комедія, которою мы хотимъ начать свой мѣсячный обзоръ, кромѣ интереса, принадлежащаго собственно всему, что выходитъ изъ подъ талантливаго пера знаменитаго писателя, представила интересъ другаго рода; она послужила первымъ дебютомъ для семнадцатилѣтней артистки, которой и теперь уже, не смотря на ея молодость и неопытность, можно смѣло предсказать одно изъ славнѣйшихъ мѣстъ между преемницами г-жъ Контà и Марсъ.

«*Сказки королевы Наварской*,» новая комедія господина Скриба и Эрнеста Легуве, по дѣйствующимъ лицамъ, и по событію, около котораго группированы ея факты, можетъ назваться историческою; только не ищите въ ней исторіи, кромѣ этихъ двухъ пунктовъ; вы ея не найдете. Конечно, въ наше время никто и не станетъ требовать отъ поэта очень строгой исторической вѣрности въ фактахъ, потому что поэма, драма, романъ, почерпающіе свои сюжеты изъ исторіи, не могутъ однако-же, и даже не должны быть сколкомъ съ хроникъ или съ исторіи; мы въ правѣ только требовать отъ поэта исторической вѣрности характеровъ, духа времени и обстановки. Къ сожалѣнію, новая комедія господина Скриба, при всѣхъ своихъ другихъ достоинствахъ, не можетъ удовлетворить такому требованію. Характеры начертаны съ обычною бойкостью и рельефностью Скрибовскихъ характеровъ, но въ его Карлѣ V и Маргаритѣ де-Валуа ничто не при-

нуждаетъ васъ признать именно эти лица, вы можете подставить вмѣсто этихъ именъ множество другихъ историческихъ именъ, и характеры придутся имъ столько же по мѣркѣ, какъ и рама. Сверхъ того, первый сильно напоминаетъ Кезаду въ «*Донъ Жуанѣ*» Делавиня, а вторая нѣсколько сродни лорду Болинброку въ «*Стаканѣ воды*». Всѣхъ удачнѣе характеръ Франциска I, можетъ быть потому, что и въ дѣйствительности не представляетъ такихъ рѣзкихъ особенностей, такой индивидуальности, какъ характеры его сестры и соперника. Время характеризовано также довольно слабо; еслибъ зритель не видѣлъ передъ собою Франциска I въ плѣну въ Мадритѣ, ему, можетъ быть, и въ голову не пришло-бы, что дѣйствіе происходитъ въ 1525 году. Время, однако-же, очень богатое для поэтической картины.

Францискъ въ плѣну у Карла V. Сестра его, Маргарита-де Валуа, la Marguerite des Marguerites, какъ называлъ ее братъ, la reine des Marguerites, la dixième muse, какъ называли ее современные поэты, пріѣхала въ Мадритъ, вести переговоры о его освобожденіи. Но у нея сильный противникъ, министръ Гватинара, котораго проницательный взоръ умѣлъ открыть тонкость и политическую мудрость подъ личиною веселой безпечности. Маргарита вдова; первый мужъ ея, графъ Алансонскій, умеръ съ горести послѣ сраженія при Павіи. Будущій мужъ ея, Генрихъ-д'Альбре, также пріѣхалъ въ Мадритъ, чтобы раздѣлить неволю своего государя. Первое дѣйствіе только знакомитъ зрителя со всѣми этими лицами, къ которымъ должно еще присоединить инфанту Изабеллу, невѣсту Карла V, сестру его Элеонору Кастильскую, помолвленную за Конетабля Бурбонскаго, и курьера Бибіессу, лицо весьма оригинальное; король испанскій очень дорожитъ имъ, потому что увѣренъ, что онъ, какъ неистово ревнивый мужъ, отправляясь съ депешами, думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе справить свое дѣло и возвратиться домой, прежде, чѣмъ успѣетъ тамъ водвориться какой нибудь врагъ его супружескаго счастія.

Второе дѣйствіе чуть-ли не лучшее во всей пьесѣ. Францискъ тоскуетъ во дворцѣ, который служитъ ему темницею; онъ боленъ, онъ убитъ унынiемъ, онъ рѣшился уморить себя голодомъ. Первое дѣло Маргариты возвратить ему надежду и бодрость. Для этого она назвалась къ нему на ужинъ, напоминаетъ ему прошедшее, отечество, славу, заставляетъ его пить за здоровіе регентши и дофина, и мало-по-малу, возвращаетъ ему мужество и веселость. Тогда они начинаютъ составлять планы для его бѣгства. Неизвѣстная покровительница доставила ему веревочную лѣст-

нпцу, которою онъ собирается воспользоваться, когда является Карлъ V. Отъ разговора ихъ зависитъ участь узника. Король испанскій предлагаетъ ему условія; Франциск соглашается на все, пока идетъ дѣло только о его личныхъ выгодахъ; но какъ скоро отъ него требуютъ, чтобы онъ пожертвовалъ честью и благомъ Франціи, онъ отказывается отъ свободы и отвергаетъ предложеніе съ презрѣніемъ. Что остается ему дѣлать; побѣгъ невозможенъ, условія также: онъ рѣшается отрѣчься отъ престола въ пользу своего наслѣдника. Нужно только пріискать средство переслать актъ отрѣченія въ Парижъ. Гватинара отдалъ приказаніе перехватывать всѣ письма узника, кромѣ тѣхъ, которые будутъ отправлены съ королевскимъ курьеромъ. Маргарита берется устроить дѣло. Карлъ V большой охотникъ слушать ея сказки и повеллы; вотъ она читаетъ ему свою послѣднюю сказку, а какъ онъ пишетъ къ королевѣ-правительницѣ, то Маргарита проситъ позволенія переслать матери свое послѣднее сочиненіе. Подмѣнить повѣсти актомъ отреченія ничего не стоитъ, и Бабіесса отправляется съ ними въ Парижъ. Къ несчастію ревность Бабіессы возвращаетъ его съ половины дороги, а Гватинара между-тѣмъ успѣлъ открыть Карлу V хитрость, разрушившую его виды на Францію. Депеши, конечно, тотчасъ отбираются отъ Бабіессы, и надежда Маргариты уничтожена. Но она не унываетъ; напротивъ, неудача такъ одушевляетъ ея мужество и гордость, что самъ Карлъ пораженъ, въ эту минуту, ея красотою и величіемъ ея души. Онъ невольно сравниваетъ ее съ кроткою, но ограниченною Изабеллою, и мысль о бракѣ съ Маргаритою западаетъ въ его сердце. Но Гватинара не дремлетъ; онъ открываетъ королю, что Маргарита любитъ Генриха д'Альбре, и что если она приметъ его предложеніе, то только для освобожденія брата.

Слѣдовательно Маргарита должна опять сызнова начать свою задачу. Она скоро открываетъ двухъ союзниковъ, которые должны доставить ей неминуемый успѣхъ; первый — давнишняя любовь Гватинары къ инфантѣ Изабеллѣ, которою она можетъ остановить всѣ его дѣйствія; другой — любовь къ Франциску принцессы Элеоноры, родной сестры Карла V, невидимой покровительницы узника. Маргарита снова принимается за дѣло съ помощью этихъ двухъ союзницъ; первой она возвращаетъ письма, которыя она нѣкогда писала къ Гватинарѣ, второй обѣщаетъ руку брата. Для этого ей нуженъ ключъ отъ дворцовой часовни. Элеонора доставляетъ его. Тутъ совершается обрядъ бракосочетанія, между-тѣмъ, какъ Маргарита отвлекаетъ вниманіе короля, разсказывая ему импровизо-

ванную сказку. Сказка досказана и дѣло конечно. Карлу V остается только согласиться на то, чего уже нельзя отмѣнить, удовольствоваться рукою инфанты Изабеллы, и отблагодарить умную разсказчицу, давъ ей въ приданое Наварру съ титломъ независимаго королевства. — «А куда дѣвались мои сладкія мечты, мои надежды»? говоритъ онъ со вздохомъ. — «Это были сказки королевы Наварской, и болѣе ничего».

Господинъ Скрибъ не могъ желать для роли Маргариты лучшей выполнительницы, какъ госпожа Магдалина Броганъ. Молодая дебютантка соединяетъ въ себѣ всѣ условія будущей великой артистки; впрочемъ, достаточно говоритъ въ пользу ея таланта то, что она принадлежитъ къ семьѣ, въ которой талантъ передается по наслѣдству; мать ея, умершая въ прошломъ году, была въ свое время превосходною актрисою, а старшая ея сестра, Огюстина Броганъ, считается до нынѣ однимъ изъ лучшихъ украшеній театра; наконецъ, ветеранъ французскихъ актеровъ, Самсонъ, образовавшій уже столько первоклассныхъ артистовъ, признаетъ ее лучшею своею ученицею. Французскій театръ не припомнитъ въ своихъ лѣтописяхъ ничего подобнаго успѣху дебютантки; самъ Буффе былъ такъ восхищенъ ея дарованіемъ, что поднесъ ей золотой вѣнокъ, который былъ нѣкогда поднесенъ ему публикою.

Послѣ новой пьесы Скриба и дебюта госпожи Броганъ, ничто такъ не занимаетъ театральной публики, какъ судьба Итальянской Оперы и процессъ господина Ронкони съ банкирскимъ домомъ Лероа-де Шаброль и Комп.

Извѣстно, что въ 1848 году, директоръ Итальянской Оперы, Вернонъ, передалъ свою привилегію нѣкоему господину Дюпену, который, послѣ нѣсколькихъ представленій, принужденъ былъ закрыть театръ. Тогда знаменитый пѣвецъ Ронкони рѣшился взять несчастную оперу подъ свою защиту, получилъ привиллегію на три года, и съ удивительнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ выдержалъ два сезона, убивъ въ этомъ предпріятіи почти все состояніе, какое онъ успѣлъ скопить многолѣтнимъ трудомъ. Само Законодательное Собраніе отдало справедливость его безкорыстнымъ усиліямъ, назначивъ Итальянской Оперѣ ежегодное пособіе отъ правительства, въ 60,000 франковъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ продлилъ его привилегію еще на три года, то есть, до 1855 года. Дѣла его, казалось, должны были принять болѣе благопріятный оборотъ, какъ вдругъ обрушилась на него новая гроза. Нѣкоторые изъ ангажированныхъ имъ артистовъ, въ томъ числѣ госпожа Ангри, Флавіо и Марелли, подали въ

коммерческій судъ жалобы на него въ не платежѣ слѣдующаго имъ жалованья. Въ то же время банкиры Лероа-де-Шаброль, снабдившіе господина Ронкони залогами и капиталами для пользованія привиллегію, подали прошеніе объ объявленіи его несостоятельнымъ. Наконецъ и самъ владѣлецъ залы отказался возобновить контрактъ. Всѣ эти обстоятельства внушили министру сомнѣніе въ томъ, что Ронкони будетъ въ состояніи открыть Итальянскій театръ въ надлежащее время; поэтому онъ смѣнилъ его, и привиллегію его передалъ импрессаріо, господину Лумлею. Такъ какъ самъ Ронкони въ настоящее время находится въ Мадритѣ, гдѣ онъ даетъ очень успѣшныя представленія на театрѣ del Circo, то его товарищъ и повѣренный, господинъ Беръ, отъ его имени внесъ протестъ противъ резолюціи министра и думаетъ начать дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ; онъ утверждаетъ, что финансовое положеніе Ронкони лучше, чѣмъ когда-либо, что онъ можетъ уплатить всѣ долги и представить новые залоги, въ замѣнъ доставленныхъ ему домомъ Лероа-де Шаброль и Комп., и наконецъ обвиняетъ послѣднихъ въ томъ, что они затѣяли процессъ только за тѣмъ, чтобы отнять у Ронкони привиллегію и доставить ее своему пріятелю, Лумлею. Онъ обѣщаетъ также доказать, что напечатанныя имъ объявленія о составѣ труппы на будущій сезонъ, не пуфъ, представивъ самые контракты. Въ этихъ же объявленіяхъ на первомъ планѣ стояли имена Маріо, Тамберлика, госпожи Гризи, ангажированныхъ въ Петербургѣ, Дюпре и дѣвицы Каролины Дюпре, ангажированныхъ до января въ Брюсселѣ. Исторія выходитъ довольно загадочная; кто тутъ правъ, кто виноватъ, покажетъ дальнѣйшій ходъ процесса; а между-тѣмъ Лумлей — директоръ Парижской Итальянской Оперы, обѣщаетъ открыть ее въ скоромъ времени, «*Сонамбулою*» — Беллини.

На оперныхъ театрахъ покуда нѣтъ ничего новаго. Альбони продолжаетъ восхищать публику въ «*Фавориткѣ*» и въ операхъ «*Пророкѣ*», до своего отъѣзда въ Мадридъ, гдѣ она, вмѣстѣ съ госпожею Фреццолини и съ Гардони будетъ пѣть на вновь открывающемся Королевскомъ театрѣ. Мѣсто ея въ Парижѣ заступитъ госпожа Віардо-Гарсія, которая начнетъ свои представленія, вѣроятно, ролью Фидесы въ «*Пророкѣ*».

Репетиціи Оберова «*Блуднаго сына*» идутъ очень дѣятельно, также какъ и оперы Розенгайна «*Ночной демонъ*». Носятся еще слухи, что Мейерберъ ведетъ переговоры съ дирекціею о своей «*Африканкѣ*», и что для этой оперы будетъ ангажированъ Маріо. Но вѣрьте слухамъ, когда извѣстно, что Маріо ангажированъ

до великаго поста въ Петербургѣ, а здѣсь вамъ говорятъ съ одной стороны, что онъ уже ангажированъ въ Итальянскую оперу, а съ другой, — что онъ почти ангажированъ въ Большую оперу!

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о предстоящемъ открытіи театровъ Одеона и Сенъ-Мартенскихъ воротъ, и о большой разбойничьей драмѣ, приготовленной для послѣдняго господиномъ Леономъ Гозланомъ. Мы не разъ уже имѣли случай высказывать свое мнѣніе о драматическихъ произведеніяхъ господина Гозлана, объ этой страсти закидывать зрителя парадоксами, неправдоподобіями, вычурными фантазіями, которая проявляется во всѣхъ его сочиненіяхъ. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, говоритъ пословица; никогда еще не громоздилъ онъ небывальщины на небывальщину, нелѣпости на нелѣпость, невозможности на невозможность, какъ въ «*Желѣзной ногѣ*»,—такъ называется его новая драма. Прибавьте къ этому, что всѣ эти неправдоподобія, всѣ эти нелѣпости, даже не новы; всѣ онѣ уже видны разъ двадцать въ разныхъ драмахъ; но только порознь, а господинъ Гозланъ соединилъ ихъ въ одну картину, сшилъ ихъ на живую нитку, и такимъ образомъ вышла новая, богатырская нелѣпость. Вотъ ея содержаніе.

Дѣйствіе происходитъ при Регентѣ. Баронъ Сенъ-Дидье одинъ изъ начальниковъ огромнаго общества воровъ, шулеровъ, разбойниковъ, которое растянуло свои сѣти изъ тюремъ и съ галеръ по всей Франціи, и грабитъ все и всѣхъ безнаказанно. Оно однажды уже было совершенно разрушено, но снова образовалось и поклялось уничтожить своего врага, таинственнаго Желѣзную ногу. Сенъ Дидье думаетъ, что онъ достигъ уже своей цѣли, и что этотъ врагъ бѣжалъ въ Кантонъ. Но у Сенъ-Дидье есть пріятель, называющійся графомъ Маливаромъ, кутила, котораго Сенъ-Дидье употребляетъ орудіемъ своихъ злодѣйствъ. Этотъ Маливаръ преслѣдуетъ дѣвушку, которая такъ овладѣла его сердцемъ, что онъ даже нарисовалъ съ памяти ея портретъ; Сенъ Дидье видѣлъ этотъ портретъ, и съ ужасомъ узналъ въ немъ дочь Желѣзной-ноги. Слѣдовательно Желѣзная нога не въ Кантонѣ, а въ Парижѣ.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа, въ домѣ очень скромнаго виду, живутъ бабушка, отецъ и дочь. Реймондъ замѣтилъ любовь своей дочери къ ея музыкальному учителю Готье, и готовъ отдать ему ея руку; при этомъ онъ объясняетъ ему, что онъ нѣкогда занималъ очень значительное мѣсто въ обществѣ, былъ богатъ; но какіе-то могущественные враги ввергли его въ бѣдность и неутомимо преслѣдуютъ его; вотъ почему онъ жела-

етъ найти достойнаго защитника своей дочери, и этимъ защитникомъ будетъ Готье. Все пошло-бы какъ нельзя лучше, еслибъ бѣсъ корысти не дернулъ бабушку. У Реймонда оставалось еще сто тысячъ франковъ; она тайно отъ сына отдала ихъ въ оборотъ въ компанію Миссиссипійскихъ промысловъ. Отворяютъ конторку, въ которой хранились деньги; въ ней нѣтъ ни денегъ, ни билетовъ. Нѣтъ сомнѣнія, это новая продѣлка Реймондовыхъ враговъ. Онъ рѣшается побить ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ, и для этого отправляется съ дочерью, подъ покровительствомъ швейки Нанси, на балъ, который даетъ Сенъ-Дидье. Онъ узнаетъ своихъ враговъ по деньгамъ, которыя лежатъ на ихъ игорныхъ столахъ; предлагаетъ Сенъ-Дидье и его сообщникамъ партію, и обыгрываетъ ихъ съ легкостью, которая не дѣлаетъ чести этимъ опытнымъ шулерамъ. Но между-тѣмъ, какъ онъ отыгрывалъ свои деньги, Маливаръ похитилъ его дочь.

Нанси отправляется въ погоню за похитителемъ; сторожъ не впускаетъ ее въ домъ Маливара; она пробѣгаетъ къ помощи извощика, привезшаго ее; это никто иной, какъ Реймондъ. Реймондъ дружится со сторожемъ, ставитъ на новое знакомство бутылку вина, и черезъ нѣсколько минутъ сторожъ подъ столомъ, а ключи у Реймонда. Онъ обыскиваетъ съ Нанси весь домъ; Валентины нигдѣ нѣтъ, а встрѣчаютъ они одного Маливара. Между-тѣмъ, какъ идетъ между ними споръ, Реймондъ увидѣлъ Сенъ-Дидье и его сообщниковъ, которые, по его доносу, бѣгутъ, и пришли къ Маливару за хранящимся тутъ золотомъ. Реймондъ арестуетъ ихъ; но дочь его въ ихъ рукахъ; они распорядились, чтобы она была отвезена въ Америку. Надо предупредить отплытіе корабля. Всѣ поиски Реймонда тщетны; онъ уже отчаявается въ успѣхѣ, какъ вдругъ получаетъ письмо, въ которомъ обѣщаютъ возвратить ему дочь, если онъ спасетъ Маливара. Письмо это могла написать одна Нанси; чтобы исполнить ея просьбу, онъ соглашается принять должность генералъ прокурора по уголовнымъ дѣламъ, предложенную ему регентомъ, который, видно знаетъ, что такое этотъ Желѣзная нога, скрывающійся подъ именемъ Реймонда.

Тутъ авторъ переноситъ зрителей въ Брестъ, въ казармы каторжниковъ, гдѣ они встрѣчаютъ все почтенное общество, собиравшееся у Сенъ Дидье. Они смѣются, поютъ, затѣваютъ огромные планы для побѣга. Является незнакомецъ, который хвалится, что убилъ Желѣзную ногу. Всѣ преступники поздравляютъ, обнимаютъ его, повѣряютъ ему всѣ свои тайны. Одинъ только Сенъ-Дидье смотритъ на него съ недовѣрчивостью и старается припомнить, гдѣ онъ видалъ это лицо; наконецъ онъ узнаетъ

его; это самъ Желѣзная-нога; онъ бросается на него съ ножемъ, но въ тоже мгновеніе падаетъ, прострѣленный пулею Реймонда; передъ смертью, онъ успѣваетъ только проревѣть, что этимъ же выстрѣломъ убита Валентина.

Вотъ объясненіе этой угрозы. Одинъ изъ сообщниковъ Сенъ-Дидье успѣлъ бѣжать; ему поручено сжечь домъ, въ которомъ хранятся бумаги шайки, а также спровадить дочь Раймонда, если Сенъ-Дидье не явится въ назначенный день. Келлеръ въ назначенное время поджигаетъ флигель, въ которомъ хранятся роковыя бумаги, и въ которомъ Нанси помѣстила мать и дочь Реймонда. Но къ счастью, Реймондъ поспѣваетъ во время съ толпою людей выламываетъ двери и спасаетъ несчастныхъ. Въ ту же минуту является Маливаръ, неизвѣстно кѣмъ освобожденный изъ каторги. За тѣмъ занавѣсъ опускается, а зрителямъ предоставлено ломать себѣ голову, чтобы разгадать, кто такой этотъ Желѣзная нога.

И такой нестройный наборъ нелѣпостей называютъ въ наше время драмою!

Драмѣ господина Гозлана для открытія театра предшествовалъ, какъ водится, прологъ. Съ нѣкотораго времени господинъ Мери присвоилъ себѣ почти монополію этого рода сочиненій. Онъ поставляетъ прологи не только для столицы, но и для провинцій; чуть гдѣ готовится торжество, открытіе театра, ученаго или благотворительнаго общества, господинъ Мери тотчасъ получаетъ приглашеніе написать рѣчь въ стихахъ или прологъ, и исполняетъ то дѣло съ примѣрною услужливостью и аккуратностью. Его плодовитость въ этомъ отношеніи изумительна. Но за то, кромѣ достоинствъ блестящей импровизаціи, бойкаго, гладкаго, блестящаго стиха, не ищите въ нихъ ничего. Ни оригинальности и опредѣленности мысли, ни новости оборотовъ, ни очень вѣрнаго колорита. Новый его прологъ совершенно подъ пару прежнимъ. Онъ представляетъ картину открытія театра Сенъ Мартенскихъ воротъ въ 1781 году, когда онъ былъ построенъ для Большой оперы, которой зала передъ тѣмъ сгорѣла. Эта картина вставлена въ довольно пошлую рамку, отчасти заимствованную изъ водевиля-обозрѣнія «*Мостовыя въ загонѣ*», и заключается куплетами генія театра.

Театръ Одеона открылся также драмою, но драмою нисколько не похожею на новое произведеніе господина Леона Гозлана. Если хотите, по формѣ она также неправдоподобна и нелѣпа, какъ «*Желѣзная нога*»; но по-крайней-мѣрѣ, авторъ не выѣзжаетъ на неправдоподобіяхъ и нелѣпостяхъ, и допускаетъ ихъ только потому, что воображеніе ему измѣняетъ, и онъ не находитъ

болѣе естественной и болѣе разумной формы для своей мысли. Мысль-же у него есть, хотя не совсѣмъ новая, но все-таки прекрасная. Да и нельзя ожидать, чтобы господинъ Эмиль Сувестръ, почитатель и подражатель, не всегда удачный, Бальзака, захотѣлъ гоняться за тѣми поставщиками драмъ, которые довольствуются однимъ наборомъ эффектныхъ сценъ, не заботясь о томъ, есть-ли въ этой мишурной оболочкѣ что-нибудь болѣе питательное. Мысль, которую господинъ Сувестръ старался провести въ своей драмѣ «*Грѣхи молодости*», таже, что въ прекрасной комедіи Ожье *Габріель*»: что во всѣхъ проступкахъ, нарушающихъ семейное счастіе, прежде, чѣмъ мы осудимъ провинившагося противъ насъ, мы должны обратить взоры на самихъ себя, и дать себѣ отчетъ, не были-ли мы сами отчасти виновны тѣмъ, что неумышленно подали поводъ къ проступку, или не постарались отклонить того, что могло подать къ нему поводъ? Господинъ Ожье представилъ случай, когда проступокъ еще не совершенъ, а только угрожаетъ; герой драмы господина Сувестра не такъ счастливъ; его глаза раскрываются только тогда, какъ проступокъ уже совершенъ, и когда ему остается, сознавъ собственную свою отвѣтственность, простить слабаго грѣшника, чтобы самому имѣть право на прощеніе. Отдавая справедливость правоученію, которое господинъ Сувестръ имѣлъ въ виду, мы можемъ только пожалѣть о томъ, что неестественность дѣйствія, въ которую онъ облекъ его, натянутость интриги и особенно развязки, пошлость пружинъ, ставятъ его пьесу въ разрядъ слезливо-трескучихъ драмъ. Впрочемъ, публика признала благородство цѣли, а ради этой цѣли и нѣсколькихъ удачно очерченныхъ характеровъ простила автору скуку и слабость цѣлаго.

Другая пьеса, данная на театрѣ Одеона, «*Лакей безъ ливреи*», комедія въ одномъ дѣйствіи, господъ Леонса и Молери, спаслась отъ паденія только нѣсколькими забавными сценами. Въ ней представленъ человѣкъ, который разсудилъ, что вмѣсто того, чтобы за ничтожное жалованье хлопотать за прилавкомъ, гораздо короче и пріятнѣе привязаться къ нѣсколькимъ богатымъ вертопрахамъ, угождать имъ, разыгрывать передъ ними лакея безъ ливреи, и въ вознагражденіе за то щеголять и кутить на ихъ счетъ или подъ ихъ эгидою на счетъ довѣрчивыхъ кредиторовъ, и корчить барина. Такой примѣръ соблазнителенъ, и потому не удивительно, что его пріятель Жербье, попавъ случайно въ веселую компанію его благопріятелей, рѣшается, подъ шумокъ шампанскаго, бросить занятія, невѣсту и всѣ прежнія надежды на счастіе, чтобы зажить припѣваючи, безъ другихъ заботъ, какъ

только придумывать средство убивать время и чужія деньги. Къ счастію его, поспѣшное бѣгство новыхъ пріятелей отъ преслѣдующихъ ихъ кредиторовъ во-время открываетъ ему глаза; онъ возвращается съ повинною головою къ невѣстѣ и будущему тестю, въ твердомъ намѣреніи предпочесть скромный столъ съ спокойною совѣстію, всѣмъ прихотливымъ выдумкамъ гастрономіи съ толпою кредиторовъ за спиною.

На театрѣ Драматической Гимназіи только одна новая пьеса, и та не изъ самыхъ удачныхъ: «*Добрякъ Лафонтенъ*», комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Пьера Мари. Извѣстно, что геніяльный баснописецъ былъ добродушенъ и разсѣянъ до такой степени, что многіе считали его набитымъ дуракомъ. Авторъ помянутой комедіи хотѣлъ развить эту сторону его характера, сплелъ вмѣстѣ нѣсколько анекдотовъ, связалъ ихъ очень слабенькою интригою, которая каждую минуту противорѣчитъ самымъ общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ, — и комедія готова. Само-собою разумѣется, что такая пьеса можетъ только смѣшить въ нѣкоторыхъ сценахъ, особенно если актеръ съумѣетъ схватить и передать этотъ характеръ, сложенный изъ противорѣчій, изъ самаго тонкаго ума и самаго глупаго добродушія, изъ наблюдательности и разсѣянности, но не можетъ представить другаго интереса. Но этой комедіи посчастливилось; Нюма, исполняющій роль Лафонтена, съ изумительною тонкостію уловилъ всѣ особенности этого страннаго характера, и если пьеса привлекаетъ довольно много зрителей, такъ это благодаря его игрѣ.

По случаю возвращенія госпожи Дежазе изъ путешествія по провинціи, нельзя ожидать отъ Театра Водевиля, чтобы онъ очень торопился ставить новыя пьесы, ибо отсутствіе знаменитой артистки лишило публику, на время, нѣкоторыхъ изъ ея любимыхъ пьесъ, и теперь театръ можетъ надѣяться на хорошіе сборы, не расходуясь на постановку новостей. Не смотря на то, Театръ Водевиля далъ въ этомъ мѣсяцѣ одну довольно хорошенькую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, господина де-Вальи, подъ названіемъ «*Мужчина родня*». Признаемся, такое собраніе уродовъ, какое господинъ де-Вальи пожаловалъ въ родню профессору Дортесу, хоть у кого отбило бы охоту выходить за него замужъ, и вѣрно Батильда не пошла-бы, еслибъ знала ихъ. Позвольте вамъ представить эту любопытную коллекцію: вотъ, во-первыхъ, дядя Бенаръ, выжившій изъ ума ученый, вѣчно хвастающій какимъ то огромнымъ, ученымъ сочиненіемъ, надъ которымъ онъ уже много лѣтъ исправно каждый вечеръ засыпаетъ сномъ невинности и академіи, при дядѣ Бенарѣ старая ключница Юліана,

которая привыкла съ давнихъ лѣтъ держать въ рукахъ и мосье Бенара, и весь его домъ, и заранѣе проклинаетъ пріѣзжую, которая станетъ ей на голову. Далѣе сестра Дортеса, Олимпія, старая дѣва, злая, бранчивая, глупая, которая управляетъ имѣніемъ всей родни, въ томъ числѣ и имѣніемъ брата; наконецъ кузина Гортензія, ревнивая и завистливая вдовушка, которая никакъ не можетъ простить Батильдѣ замужество ея съ Дортесомъ, на котораго она сама имѣла виды. Женившись въ Парижѣ, Дортесъ счелъ долгомъ тотчасъ ѣхать въ провинцію, представить молодую своей роднѣ. Можете вообразить, какъ эта любезная родня принимаетъ свою невѣстку, которая, въ добавокъ, ко всѣмъ другимъ своимъ преступленіямъ въ глазахъ родни, виновата ужъ и тѣмъ, что она парижанка. Одни сердятся на нее за то, что она привезла изъ Парижа модную мебель и замѣнила ею старинные, ветхіе стулья и диваны провинціяловъ; другіе негодуютъ на то, что она хозяйничаетъ, какъ у себя дома, забывая, что она *только у мужа;* третьимъ она раздражаетъ нервы своею музыкою. Бѣдняжка, такая тихая, кроткая, скромная, воображала, что ее будутъ лелѣять, носить на рукахъ, и сама готова была любить родныхъ своего мужа, какъ своихъ собственныхъ, а вмѣсто того она у всѣхъ въ загонѣ; даже слабый мужъ, не думая защищать ее, заступается за свою глупую, сварливую родню. Этому можетъ быть конца не было-бы, еслибъ глупость мадмуазель Олимпіи не отдала всю семью въ руки Батильды. Управляя имѣніемъ брата, мадмуазель Олимпія пустила въ ненадежную спекуляцію капиталъ, отданный ему на сохраненіе; онъ разоренъ и обезчещенъ, если его жена не согласится изъ своего приданаго исправить глупость заловки. Мадмуазель Олимпія и Гортензія тщетно хитрятъ и подольщаются, чтобы выманить у нея деньги, она ихъ не слушаетъ; но едва мужъ открылъ ей истину, она отдаетъ все свое имѣніе въ его распоряженіе. Это великодушіе миритъ ее съ новою роднею.

Театръ Монтансье продолжаетъ выѣзжать на талантѣ своей одинадцатилѣтней артистки, Селины Монталанъ и ставитъ для нея пьесы. Въ этомъ мѣсяцѣ поставленъ для нея «*Балъ въ шлафрокѣ*», господъ Лабиша и Марка-Мишеля; это самая ребяческая пьеса, которой весь интересъ заключается въ томъ, что маленькая Монталанъ танцуетъ въ ней качучу, разнаго званія польки и прочая.

«*Ждутъ своихъ красавицъ*», водевиль господъ Баяра и Барьера, чрезвычайно забавный фарсъ, въ которомъ четыре четы влюбленныхъ стараются провести и одурачать одна другую. Эти четыре

интриги такъ хитро переплетены, что нѣтъ возможности уловить ихъ въ разсказѣ; пьесу надо видѣть и хохотать до упаду.

Изъ трехъ пьесъ, явившихся на Театрѣ Разнообразія, лучшая, безспорно, — «*Приданое Маріетты*», водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Бержарѐ, не смотря на свой немножко пастушескій колоритъ. У старика Клемана одна только цѣль въ жизни, одна мысль, которая преслѣдуетъ его день и ночь: скопить триста франковъ приданаго для своей внучки, Маріетты. Ей, пожалуй, приданаго не нужно, потому что съ такимъ хорошенькимъ личикомъ и такимъ добрымъ сердцемъ ее возметъ каждый, не справляясь, есть-ли что за нею; мало того, у нея даже есть уже женихъ, который только и проситъ, чтобы ему отдали ее, въ чемъ есть. Но нѣтъ, старикъ на это никакъ не согласится; покойный отецъ Маріетты скопилъ ей на приданое триста франковъ, но старикъ издержалъ ихъ на леченіе и погребеніе ея матери; надо возвратить эти деньги Маріеттѣ, и онъ не отдастъ ея замужъ до тѣхъ поръ, пока не накопитъ этой суммы. Но старикъ — публичный писецъ; сочиненіемъ писемъ для безграмотныхъ, онъ въ восемнадцать лѣтъ успѣлъ скопить только полтораста франковъ; прежде, чѣмъ онъ скопитъ остальную половину суммы, пройдетъ опять лѣтъ восемнадцать, и Маріеттѣ будетъ уже подъ сорокъ. Это очень не нравится ни ей, ни ея жениху; однако-же нечего дѣлать, надо покориться прихоти старика. Развѣ вотъ что: у Фланпена самого есть деньги, изъ того, что онъ каждый годъ откладывалъ изъ жалованія; нельзя-ли изъ нихъ пополнить приданое Маріетты? но какимъ образомъ? И придумываетъ онъ средство, идетъ къ старику, объясняетъ ему, что онъ по уши влюбленъ въ одну красавицу, и желаетъ послать ей самое нѣжное посланіе въ стихахъ; но, къ сожалѣнію, не можетъ его написать самъ, по безграмотности. Платитъ онъ за посланія очень щедро, по пятидесяти франковъ, такъ что послѣ третьяго посланія приданое Маріетты готово, и ничто не препятствуетъ счастію влюбленной четы. Въ этой пьесѣ особенно удачна роль старика. Новое въ театральной литературѣ и пастушеское имя Бержере, скрываетъ, говорятъ, имя писателя, не разъ уже являвшагося на театрѣ съ большимъ успѣхомъ.

«*Провалившійся мостъ*», водевиль господъ Дювера и Лозана, фарсъ довольно тощій содержаніемъ, но представляющій нѣсколько забавныхъ положеній. Мадамъ Буасьеръ, ѣдущая на Баньерскія воды, остановлена на станціи на цѣлые сутки, потому-что мостъ по дорогѣ провалился, съ нею вмѣстѣ остановленъ и нѣкто мосье Робертецъ, который далъ слово, что цѣлую недѣлю не

будетъ отступать отъ нея ни на шагъ, и вслѣдствіе этого обѣщанія прикатилъ вслѣдъ за нею изъ Парижа. Весьма естественно, что запертые вдвоемъ на одной станціи, они вступаютъ въ разговоръ, потомъ предлагаютъ партію въ ландскнехтъ, съ тѣмъ, что проигравшій обязывается во все пребываніе на станціи исполнять каждое приказаніе выигравшаго. Робертенъ проигрываетъ, и мадамъ Буасьеръ велитъ ему забавлять ее; несчастный лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобы исполнить ея волю, но за что онъ ни возьмется, что ни придумаетъ, ничѣмъ не удается ему вызвать улыбку на ея уста. Между-тѣмъ къ станціи подъѣзжаетъ карета, изъ которой выходятъ мужчина и дама, очень хорошенькая и разряженная впухъ. Но каково удивленіе мадамъ де-Буасьеръ, когда въ пріѣзжемъ она узнаетъ своего мужа! Пользуясь правомъ, даннымъ ей ландскнехтомъ, она посылаетъ Робертена развѣдать, что это за дама, и какъ-нибудь разлучить спутниковъ; въ случаѣ нужды даже вызвать незнакомца на дуэль. Хоть Робертенъ и не храбраго десятка, но онъ ни передъ чѣмъ не отступитъ, когда разъ далъ слово; вотъ онъ отправляется къ пріѣзжему, и подступаетъ къ нему такъ грозно и пахально, разыгрывая защитника угнетенной невинности, что, слово за слово, дуэль дѣлается неизбѣжна. Это уже превышаетъ желаніе мадамъ Буасьеръ; она хотѣла только припугнуть мужа, а не поставить его подъ Робертенову пулю. По данному ей праву, она приказываетъ Робертену отказаться отъ дуэли и даже просить извиненія у Буасьера. Робертенъ покоряется, и въ награду ему обѣщаютъ богатую невѣсту, племянницу Буасьера, который винится передъ женою и отпускаетъ спутницу одну.

«*Больной виноградъ*», фантастическій водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Мишеля Делапорта, нѣчто въ родѣ дѣтской волшебной сказочки, изъ которой слѣдуетъ, какъ дважды два четыре, что вино прекрасная вещь, даръ небесъ, если употреблять его умѣренно, разсудительно, и ядъ, если пить его въ излишествѣ. Аллегорическая форма, въ которую облечено это правоученіе, также нова и оригинальна, какъ и самое правоученіе.

Въ театрѣ Амбигю комикъ чувствительная публика каждой вечеръ проливаетъ обильныя слезы, смотря на новую драму въ семи дѣйствіяхъ, господъ Аннсе-Буржуа и Мишель-Массона, подъ названіемъ «*Маріанна*». Хотя мы вообще не довѣряемъ пьесамъ, производящимъ эти порывы чувствительности, имѣвъ много случаевъ убѣдиться, что слезы эти, по большей, части доказываютъ только раздраженіе нервовъ, а ничуть не трогательность пьесы, однако-же о «*Маріаннѣ*» надо сказать, что эта драма истинно тро-

гательна, безъ всякихъ натянутыхъ, черезъ-чуръ драматическихъ представленій. Маріанна жена Наполеоновскаго солдата, оставленная замертво на полѣ сраженія; во-второмъ дѣйствіи однако-же мы уже встрѣчаемъ ее живою, у какой-то нѣмецкой корчмарши, которая выгоняетъ ее отъ себя за покражу денегъ, которыя она спрятала въ ея комнатѣ, отъ глазъ непріятельскихъ солдатъ; бѣдная Маріанна никогда и не подозрѣвала существованія этихъ денегъ; ихъ укралъ какой-то поставщикъ арміи. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ прошло двадцать лѣтъ. Сержантъ Бернаре, мужъ Маріанны, уже генералъ, и называется графомъ Сентъ-Андре; сынъ ихъ, Викторъ, прекрасный молодой человѣкъ, храбрый и благородный; воръ-поставщикъ называется барономъ де-Турвилемъ; одна Маріанна осталась въ прежнемъ скромномъ, бѣдственномъ положеніи. Генералъ, считая Маріанну убитою, женился на знатной, богатой дѣвушкѣ, которая вышла за него противъ воли. Елена, давно уже отдавшая свое сердце кузену Гастону, можетъ быть, воспользовалась бы слѣпотою генерала; но два существа охраняютъ его неусыпно; сынъ его Викторъ, и Маріанна, живущая въ домѣ генерала подъ видомъ ключницы. Между Викторомъ и Гастономъ доходитъ до дуэли. Маріанна старается спасти сына, графиня хочетъ спасти Гастона, и обѣ отвращаютъ дуэль. Послѣдняя поручаетъ Маріаннѣ продать свои брильянты, потому что она хочетъ бѣжать съ Гастономъ; между-тѣмъ, генералъ, вообразивъ, что жена его продаетъ брильянты, чтобы выручить отца, понесшаго большіе убытки, объявляетъ ей, что онъ уже послалъ ему нужную сумму денегъ. Елена поражена этимъ великодушіемъ, котораго она чувствуетъ себя недостойною; Маріанна отъ него въ восторгѣ. Тутъ въ первый разъ генералъ припоминаетъ нѣчто знакомое въ голосѣ Маріанны, и мало по малу узнаетъ свою первую жену, мать Виктора. Мысль, что судьба сдѣлала его двоеженцемъ и подозрѣніе, что вторая жена недостойна его, приводятъ старика къ отчаянію, и онъ рѣшается окончить жизнь ядомъ. Въ эту минуту, какъ онъ собирается привести свое намѣреніе въ исполненіе, подкрадывается къ нему женщина, и онъ слышитъ голосъ Маріанны, который напоминаетъ ему счастливые дни молодости и предлагаетъ умереть вмѣстѣ. Но эта женщина не Маріанна; это Елена, которая, терзаемая угрызеніями совѣсти, рѣшилась умереть, чтобы возвратить мужа первой его женѣ, той, которая одна достойна его; она хватаетъ стклянку съ ядомъ, и выпиваетъ ее.

Въ этой драмѣ есть одинъ мастерской характеръ, ради кото-

раго можно простить многія неестественности и сцены, явно заимствованныя изъ разныхъ старыхъ пьесъ, между-прочимъ изъ «*Мачихи*» Бальзака. Это характеръ Маріанны.

Театръ Веселости соединяетъ въ своихъ новыхъ пьесахъ двѣ крайности: съ одной стороны представляетъ пренелѣпую, претрескучую драму господина Шарля Лафона, «*Мадамъ де Лаверьеръ*» преисполненную всякаго рода ужасами и злодѣйствами, нагроможденными для одной потѣхи зрителей; съ другой стороны наивную и столь-же нелѣпую деревенскую идиллію, «*Ленты Ивонны*», господъ Анри-де-Кока и Ламберъ-Тибу. Драма господина Лафона наборъ самыхъ возмутительныхъ злодѣйствъ, не говоря уже о несообразностяхъ, и можетъ посоперничать въ этомъ съ двумя другими драмами, данными въ теченіе лѣта: «*Дѣвицею де-Лиронъ*» и «*Ліонскимъ почтаремъ*». Въ идилліи господъ де-Кока и Ламберъ-Тибу, представленъ какой-то деревенскій Донъ-Жуанъ, который является въ молоденькой крестьянкѣ подъ именемъ ея жениха, но нечаянно видитъ у нея портретъ своей матери, которую онъ нѣкогда покинулъ, и которая, умирая на рукахъ сироты Ивонны, завѣщала ей свой портретъ, въ благодарность за ея попеченія. Видъ портрета той, которую онъ, можетъ-быть, убилъ своею неблагодарностью и дурнымъ поведеніемъ, изводитъ Жанника на лучшія мысли и на путь истины.

На Историческомъ Театрѣ была почти такая же неурядица, какъ въ Итальянской Оперѣ, она дошла до того, что театръ уже недѣли три закрытъ. Мы говорили въ одномъ изъ прошедшихъ писемъ, что великій театральный фокусникъ, господинъ Александръ Дюма́ желалъ принять управленіе этимъ театромъ; недостатокъ капитала принудилъ его отказаться отъ этого притязанія, по-крайней-мѣрѣ, номинально; но онъ нашелъ средство подбить какого то господина Долиньи взять привилегію и управлять подъ его руководствомъ. Этому управленію не повезло; протянувъ кое-какъ мѣсяца два, господинъ Долиньи принужденъ былъ сложить съ себя бразды управленія, и преемникомъ его уже назначенъ извѣстный водевилистъ Деннери. Александру Дюма́, какъ кажется, очень не понравился образъ мыслей новаго директора и его намѣреніе не признавать болѣе власти Дюма и компаніи, а открыть свой театръ всѣмъ драматическимъ писателямъ на равныхъ правахъ. Оскорбленный этимъ, господинъ Дюма́ объявилъ было, что онъ не хочетъ знать Историческаго Театра, этого неблагодарнаго его дѣтища, и обѣщенныя ему пьесы отдаетъ на другой театръ. Такимъ-образомъ Историческій Театръ долженъ лишиться третьей части «*Монте Кристо*» и нѣкоторыхъ

другихъ пьесъ, которыя уже поступили въ разученіе. Но господинъ Дюма забылъ одну важную аксіому, которую самъ нѣкогда придумалъ; заключая контрактъ съ однимъ изъ прежнихъ директоровъ, онъ объявилъ, что заключать контрактъ съ директоромъ не стоитъ, потому что директоры мѣняются каждый мѣсяцъ, и что онъ хочетъ имѣть дѣло только съ театромъ, такъ, чтобы контрактъ былъ обязателемъ для всѣхъ послѣдующихъ директоровъ. Господинъ Диннери напомнилъ ему нынче, что въ силу этого контракта, онъ можетъ ссориться съ директоромъ, но все-таки долженъ дать театру пьесы, обѣщанныя при директорѣ-пріятелѣ; въ случаѣ-же необходимости обѣщалъ доказать это судебнымъ порядкомъ. Дойдетъ ли до процесса, мы узнаемъ въ непродолжительномъ времени.

Съ приближеніемъ зимы, начинается уже концертный сезонъ. Онъ открылся концертомъ Филармоническаго Общества, основаннаго въ прошломъ году Берліозомъ. Концертъ этотъ былъ чрезвычайно блистателенъ. Какъ парижане еще не слыхали госпожи Фрецціолини, которая въ это время находилась въ Парижѣ, проѣздомъ въ Мадридъ, то общество предложило ей участвовать въ концертѣ; она согласилась, и была принята съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ въ Лондонѣ. Кромѣ ея, участвовали нѣкоторые французскіе артисты. Капитальные нумера концерта составляли симфонія C-dur Бетговена и дивный духовный концертъ Бартнянскаго «Иже Херувимы». Музыка Бортнянскаго, о которой парижане до-сихъ-поръ не имѣли никакого понятія, такъ поразила публику, что она требовала повторенія концерта; по огромности программы, исполнить это желаніе было невозможно; но безъ сомнѣнія прекрасное произведеніе русскаго композитора будетъ не разъ повторено въ концертахъ наступающей зимы.

А. БОНАВЕНТУРА.

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(*Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.*)

XI.

Игры, пляски и забавы.

Карточная игра. — Трефовый джигитъ. — Невыгодный выигрышъ. — Кифалъ-кешъ. — Пляски: альзани и джигитка. — Абхазскіе погливаны. — Импровизація ихъ. — Представленіе Хасали. — Снотворное зелье.

—

Джигитовка и бросаніе палокъ, — игры, о которыхъ я уже не однажды говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ, составляютъ главную забаву абхазскихъ горцевъ. Безъ нихъ не обходится въ горахъ ни одинъ праздникъ, ни одно торжество. Здѣсь онѣ уважаются тѣмъ болѣе, что, кромѣ забавы и удовольствія, служатъ горцамъ необходимою школою ловкости и молодечества. Но это принадлежности праздниковъ. Вседневная жизнь горца имѣетъ также свои забавы и свои игры, — къ несчастію разорительныя и азардныя.... Карточная игра во всѣхъ видахъ и со всѣми условіями игры европейской, здѣсь занимаетъ главное мѣсто въ числѣ будничныхъ забавъ старыхъ джигитовъ. Часто случается, что игра длится по нѣсколько дней сряду и кончается рѣшительнымъ и страшнымъ проигрышемъ съ одной стороны, а съ другой богатымъ пріобрѣтеніемъ. Нерѣдко старые горцы проигрываютъ въ одинъ вечеръ — свои стада, саклю, дочерей, оружіе, коня, и когда уже почти ничего не остается, ставятъ на карту свое имя, если только оно пользуется какою-либо славою въ горахъ. Выигравшій послѣднее — получаетъ всѣ права проигравшагося, даже пользуется тѣмъ уваженіемъ, которое принад-

лежало этому имени, давая клятву въ присутствіи цѣлаго аула, не запачкать дурнымъ дѣломъ честнаго и славнаго выигрыша, и обѣщая исполнить всѣ обязанности, принадлежавшія проигравшемуся, такъ напримѣръ: отмстить какую-нибудь старую обиду, еще неомытую кровью врага, или принять на себя ударъ мстителя въ дѣлѣ баранты. Въ послѣднемъ случаѣ встрѣчается тысяча злоупотребленій, и часто выигрышъ стоитъ большаго проигрыша счастливому игроку.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ цебельдинцы, вслѣдствіе подобнаго выигрыша, лишились одного изъ лучшихъ своихъ наѣздниковъ — князя Шароша.

Между аулами Аяцла (абазинскаго округа) и Геймашъ (цебельдинскаго округа), за отогнанную атару овецъ возникла вражда, которую, по всѣмъ разсчетамъ опытныхъ наѣздниковъ, должно было рѣшить кинжалами. Но цебельдинцы, противъ своего обыкновенія, щадя на этотъ разъ слабыхъ геймашцевъ, потерпѣвшихъ весьма много отъ падежа скота, послали къ нимъ для переговоровъ славнаго наѣздника Шароша, грозу абхазцевъ, съ цѣлію замирить споръ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Стѣсненные обстоятельствами и неудачами, Геймашцы согласились на все — и вручили Шарошу пять медовыхъ лепешекъ*. — Дѣло казалось конченнымъ. Шарошу оставалось распроститься съ новыми друзьями и порадовать своимъ возвращеніемъ старыхъ. Но здѣсь молодецъ, первый разъ въ жизни, встрѣтилъ карты, попробывалъ счастья разъ, — и счастіе ему улыбнулось; въ другой и третій — тоже. Подъ обаяніемъ новой, еще незнакомой ему, но сильно замапчивой страсти, наѣздникъ забылъ свои родныя горы, друзей, быть-можетъ, милую и порученіе своихъ старшинъ. Три дня сряду, три ночи безсонныхъ и тревожныхъ, онъ не могъ оторваться отъ трефоваго джигита**, считая выигранныя винтовки и лю-

* Знакъ мира и покорности. Обычай подносить побѣдителю медовыя лепешки общій всѣмъ горскимъ племенамъ западнаго Кавказа.

** Игра *въ Трефоваго джигита* (*валета*) принадлежитъ изобрѣтенію горскихъ игроковъ. Она не замысловата, но стоитъ штоса и банка. Въ ней двое играющихъ дѣлятъ нѣсколько разъ стасованную колоду на двѣ равныя части. И, выдернувъ — каждый изъ средины своей части — по одной картѣ, кидаютъ на нихъ одинъ другому требующуюся масть, накрывая младшія карты старшими. Если нѣтъ старшей карты, то ее замѣняетъ трефовый валетъ — и ставка выиграна.... При отсутствіи-же того и другаго — противникъ проигрываетъ. Кромѣ того, она имѣетъ еще нѣсколько условій, поясня которыя, я не могу сказать ничего интереснаго.

буясь пріобрѣтенными ясырями. Настала четвертая, томительная ночь, а въ саклѣ Гайзара, — у котораго кунаковалъ Шарошъ, — все еще слышались шумъ и говоръ любопытной молодежи, стиснувшей веселый кружокъ около неутомимыхъ Шароша и Гайзара. Послѣдній уже проигралъ двухъ дочерей, но не отставалъ, готовый закабилить самаго себя, или вернуть потерью. — Вдругъ распахнулись двери сакли и среди толпы любопытныхъ явился князь Мадовей, столько-же славный и знаменитой, какъ и его современники, — нѣкогда владѣтели Абхазіи. Онъ былъ необыкновенно блѣденъ и встревоженъ. Безпорядокъ одежды, окровавленный кинжалъ, еще невложенный въ сафьянъ, и дико блуждающій взоръ его, доказывали, что князь за минуту или свершилъ убійство, или поранилъ ночнаго звѣря....

При взглядѣ на него, толпа молодежи разступилась, мѣря вопросительнымъ взглядомъ своего любимаго одноаульца; игроки на минуту забыли интересъ и карты.

— Что это, князь, спросилъ весело Шарошъ, вѣрно твой кинжалъ сегодня ощупалъ не одно вражеское сердце?... Крови, которая струится по твоей черкескѣ, хватило-бы на окраску сотни дагестанскихъ бородъ....

— Правда, — мрачно сказалъ Мадовей, отряхая свою черкеску, крови много....

— Кого же не считать въ нашихъ рядахъ, по милости твоего клинка? подхватилъ Гайзаръ.

— Кого? спросилъ Мадовей, и глаза его, вспыхнувъ, какъ угли, забѣгали по саклѣ. Я убилъ дикаго кабана, добавилъ онъ нерѣшительно.

При этомъ собесѣдники разразились громкимъ и веселымъ смѣхомъ.

— Кабана! только кабана? вскричалъ Шарошъ. Стоило-же для этого прибѣжать къ намъ безъ шапки и принести на себѣ столько крови....

— Не смѣйся, Шарошъ. Ночь темна, звѣрь свирѣпъ и силенъ, отвѣчалъ Мадовей. Еще спасибо моей бойкой рукѣ, а то-бы не отдѣлаться мнѣ одною шапкою: — до бѣды недалеко; пришлось-бы, пожалуй, оставить съ ней и голову. Я такъ измученъ борьбою, что не смотря на глухую полночь, бросился въ первую саклю перевести духъ и отдохнуть. Ну, а у васъ какъ? Кто до чьего дощупался сердца?...

— У насъ? съ примѣтною грустію спросилъ Гайзаръ. У насъ, продолжалъ онъ, все уже кончено и мнѣ досталось хуже, чѣмъ твоему кабану: — я проигралъ все....

*

— Какъ, все?... вскрпчалъ Мадовей, почти подпрыгнувъ на мѣстѣ. Все, ты говоришь, все.... и *ее* даже?!

— И *ее*!... глухо простóналъ Гайзаръ....

— Ее?... Мою Айначу, старшую дочь твою, за которую уже ты получилъ отъ меня калымъ?... Проигралъ!...

— Да. Перерѣжъ мнѣ горло за то, что я проигралъ твою куплю и мы будемъ квиты!... рѣшительно сказалъ Гайзаръ.

— Нѣтъ, Шарошъ, продолжалъ Мадовей, не обращая вниманія на слова Гайзара, клянусь, что ты не увезешь мою Айначу.... И играй со мной. Первая ставка за нея — мой поясъ, кинжалъ и шашка; все, какъ видишь, золоченое.

Шарошъ отвѣчалъ Мадовею однимъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы и молча раздѣлилъ колоду, въ то время, какъ князь успѣлъ шепнуть своему кунаку: — Желай, чтобы мнѣ какъ можно скорѣе проиграться до послѣдняго позумента на черкескѣ; все воротимъ тогда!

Гайзаръ съ изумленіемъ взглянулъ на князя, считая его сумасшедшимъ, и нерѣшительно уступилъ ему свое мѣсто.

Карта мелькнула разъ, другой — и золоченое вооруженіе наѣздника перешло въ руки Шароша.

— Что жъ, полно? спросилъ онъ насмѣшливо обобраннаго джигита.

— Нѣтъ! запальчиво отвѣчалъ князь. За Айначу ставлю мое имя, славное, какъ имя храбраго и искуснаго изъ джигитовъ Абазіи!...

— Пожалуй, хладнокровно и спокойно отвѣчалъ Шарошъ, снова раздѣляя колоду. Почему же мнѣ на родныхъ пирахъ не осушать двухъ почетныхъ грузинскихъ азерпешей — за тебя и за себя?... Почему бы мнѣ не подать два грозныхъ и могучихъ голоса на важныхъ джематахъ нашихъ сѣдыхъ старшинъ?... Изволь!...

Въ толпѣ зрителей замѣтно было волненіе. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшились даже замѣтить Мадовею, что и слава его принадлежитъ не одному ему, а цѣлому племени; но грозное движеніе князя къ проигранному кинжалу, еще остававшемуся на лавкѣ, заставило умолкнуть дерзкихъ.

Снова замелькали карты, и чрезъ нѣсколько мгновеній трефовый джигитъ палъ на карту Мадовея: — имя его было проиграно.

— Владѣй, прошепталъ князь, — бросивъ безпокойный взоръ на двери сакли.

Въ ту же минуту на порогѣ ея показался рослый, красивый горецъ.

— Ты здѣсь, убійца! вскричалъ онъ, бросившись на князя съ обнаженнымъ кинжаломъ. Пять минутъ назадъ ты зарѣзалъ моего брата въ ничтожномъ спорѣ, и за ничтожную обиду, такъ издыхай же подъ моимъ кинжаломъ!...

— Остановись! вскричалъ Мадовей. Кто убійца твоего брата?... Я тебя спрашиваю.

— Хищникъ, князь Мадовей!...

— Такъ вотъ онъ. И князь спокойно указалъ на Шароша. Я проигралъ ему свое имя — при десяти свидѣтеляхъ, добавилъ онъ.

— Закабали шайтанъ твою душу, вскричалъ горецъ, дѣлая быстрое движеніе къ Шарошу, схватившемуся за эфесъ шашки. Мнѣ все равно. Кровь проситъ крови.... Да гибнетъ имя Мадовѣя за жизнь невиннаго!

Толпа раздвинулась при быстромъ и свистящемъ взмахѣ шашки Шароша, понявшаго всю невыгоду своего выигрыша. Горецъ прыгалъ, какъ разъяренный тигръ, ловко увертываясь отъ ударовъ противника и выставивая ихъ полою бурки, накинутой на лѣвую руку. Послѣ трехъ ловкихъ и быстрыхъ поворотовъ, онъ успѣлъ обезоружить Шароша и цебельдинецъ палъ жертвою *трефоваго джигита.*

Разсказываютъ, что горцевъ Абхазіи съ карточною игрою познакомилъ какой-то плѣнный армянскій купецъ, которому, при помощи этой интересной забавы, удалось выиграть свою свободу.

Кромѣ описанной мною игры, между абазехами извѣстна еще и другая, также азардная и разорительная, какъ и первая. Это *кифаль кешь*, игра рыбьими головками. Двое играющихъ садятся на полъ саклп или на землю передъ саклею, оставляя между собою пространство аршина въ два или въ три, и поочередно кидаютъ вверхъ горсть рыбьихъ головокъ; на чьей сторонѣ окажется болѣе головокъ, обращенныхъ при паденіи носикомъ къ играющему, тотъ и побѣдитель.

Забаву женщинъ въ горахъ исключительно составляютъ пляски. Главная и употребительнѣйшая изъ нихъ между горянками,— общая пляска всѣхъ племенъ Кавказа — лезгинка, извѣстная здѣсь подъ названіемъ *альзани.* Она, какъ справедливо замѣчено Броневскимъ, весьма схожа съ шотландскою пляскою; но выполнить ее такъ, чтобы заинтересовать зрителя, едва-ли кто можетъ, кромѣ абхазскихъ красавицъ. Въ нихъ все, чѣмъ увлекательна альзани: нѣга, жаръ, пылъ страсти, бѣшено развивающейся въ этой пляскѣ, грація и обаятельная улыбка, и рѣзвый лепетъ родной пѣсни подъ легкую дрожь и трепетъ чангура. Мужчины весьма рѣдко участвуютъ въ альзани. На такой подвигъ рѣшаются или

влюбленный, или ловкіе и смѣлые джигиты, которымъ ни почемъ пролезть даже въ игольное ушко. Впрочемъ, надо сказать правду, что горскіе наѣздники вообще танцуютъ хуже всѣхъ лошадей.

Горцамъ принадлежитъ исключительно одна только джигитка,— пляска, въ которой отразился весь молодецкій характеръ абазеховъ. По-крайней-мѣрѣ подобной ей, не знаетъ ни одно изъ племенъ Кавказа. Правда, исполненіе ея въ Абазіи считается за большую рѣдкость, за то это зрѣлище достойно сочувствія зрителей. Въ ней главную роль играютъ кинжалъ, винтовка и руки; ноги роль второстепенную. Изъ желанія повеселиться, горцы рѣдко танцуютъ джигитку, но изъ желанія отплатить публично старую обиду, или похвастать удалью и молодечествомъ, весьма часто. И если гдѣ на пиру была исполнена джигитка — тамъ гость, или два, не скажутъ уже за прощальною чарою роднаго: «*якши-іоль!*»

Обыкновенно случается такъ, что къ концу пира, когда похудѣютъ бурдюки съ виноградным, вслѣдствіе усердныхъ возгласовъ пирующихъ за здоровье предковъ и потомковъ, два полупьяные молодца, заспоривъ о своемъ первенствѣ въ дѣлѣ ратоборства, объявляютъ друзьямъ свое непремѣнное желаніе проплясать джигитку.

Слово джигитка въ минуту подымаетъ на ноги всѣхъ: мужчинъ, женщинъ и ребятъ. Пріятная вѣсть эта мчится изъ конца въ конецъ аула и толпы любопытныхъ, съ почтеніемъ произнося имена храбрыхъ, окружаютъ арену или, лучше сказать, мѣсто травли. Между-тѣмъ плясуны, положивъ руки на кинжалы— и закрывъ голову башлыками, отмѣриваютъ двѣнадцать шаговъ и становятся по обоимъ концамъ этого разстоянія.

Въ ту же минуту раздается мѣрная и протяжная пѣсня зрителей, подъ тактъ которой плясуны, притопывая и присѣдая, начинаютъ сходиться. Едва только останется между ними одинъ шагъ растоянія, какъ пѣсня зрителей ускоряется и борцы, притопнувъ, съ гикомъ дѣлаютъ три крутыхъ поворота, стремительно обнаживъ кинжалы. Здѣсь ударъ можетъ быть нанесенъ только въ шею или спину; а такъ-какъ плясуны дѣлаютъ повороты оба въ одно и тоже мгновеніе, часто съ одинаковымъ искусствомъ владѣя оружіемъ, то первая половина джигитки кончается или ничѣмъ или легкою царапиною. Затѣмъ, зрители очищаютъ арену, чертятъ на землѣ большой кругъ, въ который вводятъ съ завязанными глазами плясуновъ, вооруженныхъ винтовками, а сами, подъ мѣрный напѣвъ той-же пѣсни, ложатся за камни. Въ этомъ случаѣ иногда встрѣчаются чрезвычайно забавныя сцены. Противники, обязан-

ные бить ногами тактъ пѣсни, преслѣдуютъ другъ друга, стараясь по топоту и шороху угадать мѣсто одинъ другаго. Иногда они сталкиваются, и при громкомъ смѣхѣ зрителей падаютъ. Тогда каждый изъ нихъ спѣшитъ подняться и уйти, чтобы не попасть подъ дуло винтовки и снова попадаетъ подъ ноги противника. Но бываютъ и такіе случаи, которые кончаются для обоихъ плясуновъ послѣднимъ пируэтомъ смерти. Бывали примѣры, что пляшущіе въ одно и тоже мгновеніе сходились, уставя въ припоръ винтовки, и падали, обагренные кровью.

Этотъ родъ пляски принадлежитъ изобрѣтенію странствующихъ погливановъ Абазіи. Разумѣется, изобрѣтатель ея имѣлъ цѣлію одну только невинную забаву и средство выказать ловкость плясуна. Горцы - же, для которыхъ всякая забава не забава безъ крови, обратили джигитку въ публичный поединокъ и потому ее не танцуютъ друзья, но непремѣнно враги и часто старые и кровные.

Съ именемъ погливана въ горахъ сопряжено почетное званіе фигляра, плясуна, иногда ловкаго плута и всегда импровизатора. Здѣсь погливаны не тѣ гиганты и атлеты, которые когда то при дворѣ персидскаго шаха выплясывали свой важный, религіозный танецъ, и которыхъ остатки и теперь можно встрѣтить въ Нухѣ. Погливанъ Абхазіи ни больше, ни меньше какъ странствующій бродяга, готовый во всякое время, за ничтожную подачку, воспѣвать доблести не доблестнаго, или потѣшить толпу забавной сказской или замысловатымъ фокусомъ. Свадьба, возвращеніе горца въ отчій домъ съ рукъ аталыка, словомъ, всякій праздникъ и пиръ, по обыкновенію горцевъ, не можетъ обойтись безъ погливана. Онъ-то и есть могучій властитель горскаго пира, начало веселья, источникъ всѣхъ кровавыхъ сценъ, которыми непремѣнно оканчиваются праздники. Средина ковра, — мѣсто, чрезвычайно почетное, всегда занято погливаномъ. Въ то время, какъ женщины танцуютъ обольстительную лезгинку, погливанъ, закинувъ за ухо свои всклоченныя зюльфяры и осушивъ стопу кахетинскаго, быстро ударяетъ по струнамъ чангуры, и съ послѣднимъ шопотомъ струны подъ его искусною рукою смолкаетъ смѣхъ и говоръ пирующихъ. «Братья! говоритъ онъ: не буду пѣть вамъ про любовь, но хочу разсказать о подвигахъ джигитовъ славныхъ. Прислушайте!»—И погливанъ, бросивъ пылающій взглядъ на присутствующихъ, медленно начинаетъ покачиваться.... и съ первымъ аккордомъ трехъ-струнной чангуры, онъ импровизируетъ разсказъ о подвигахъ одного изъ предковъ хозяина. Здѣсь импровизаторъ не щадитъ своей глотки и краснорѣчія. Каждое его слово,

каждая фраза, всегда пестрая, какъ пава, разсчитаны и задуманы такъ искусно, что непремѣнно щекотятъ сердце слушателей, воспаляя въ нихъ буйную кровь. Если кто-нибудь изъ слушателей, въ минуту его импровизаціи, швырнетъ абазъ въ шапку барда,—бардъ, не измѣняя плана своей повѣсти, съумѣетъ вклеить туда подвиги и щедраго, или его отца и прадѣдовъ. Случается такъ, что собесѣдники, желая потѣшить свое самолюбіе, наперерывъ спѣшатъ осеребрить кабардинку импровизатора и импровизація превращается тогда въ цѣлую исторію Абазіи.... А между-тѣмъ славныя дѣла предковъ, разсказанныя кудряво воспаленнымъ и сильнымъ языкомъ барда, нерѣдко разжигаютъ кровь потомковъ, если къ тому еще онъ искусно дастъ понять слушателямъ, что теперь отвага и молодечество не стоятъ пѣсенъ и разсказа. Тотчасъ-же находятся охотники доказать противное — и пѣсня погливана замѣняется джигитовкой, а журчаніе струнъ чангуры, — звономъ стали. Иногда погливаны странствуютъ въ горахъ цѣлыми труппами — и тогда, кромѣ пѣсенъ, разказовъ и плясокъ — они потѣшаютъ абазеховъ импровизированными представленіями комедій, содержаніе которыхъ — всегда основано на какомъ-нибудь историческомъ происшествіи.

Вотъ одна изъ нихъ, которой я былъ зрителемъ въ аулѣ Дозари.

Въ праздникъ Мизитхи десять человѣкъ такихъ погливановъ, проходившихъ ауломъ, были остановлены княземъ Астапъ-Гари. Когда кончились скачки, джигитовка и бросаніе джирида — князь предложилъ странствующимъ фиглярамъ за пять абазовъ потѣшить усталыхъ наѣздниковъ фокусами, пляскою и представленіемъ *хасыли**. Горцы чрезвычайно любятъ эти забавы — и потому съ послѣднимъ звономъ серебра, кинутаго княземъ въ шапку старшаго погливана, — всѣ пороги саклей, всѣ камни, овраги и пни, окружающіе площадь аула, были въ минуту заняты любопытными. Затѣмъ два погливана очистили площадку отъ растерянныхъ подковъ и поломанныхъ джиридовъ. Представленіе началось пляскою джигитки и кувырканіемъ чрезъ кинжалы. Но вотъ фокусники отошли всторону. Четверо изъ нихъ накинули на себя чадры, а старшій обратился къ зрителямъ съ слѣдующею рѣчью: «Храбрые наѣздники! сказалъ онъ, по желанію добраго, великодушнаго, могучаго и славнаго князя вашего, мы будемъ веселить васъ *хасыли*.

* Зрѣлище, подобнаго рода называется горцами былью—хасыли.

— Тс.... слушайте!... слушайте! промчалось въ толпѣ зрителей.

— Слушайте, слушайте! повторилъ погливанъ и среди мертваго молчанія онъ началъ, какъ вообще водится у горскихъ актеровъ, пояснять завязку пьесы.

— Когда то, говорилъ погливанъ, закубанскіе адиги ауловъ Аджи-Кляша — подъ предводительствомъ славнаго и стараго наѣзднпка, Гирей Захала, напали на абезскій аулъ Кугары. Черкесы не были храбрѣе и сильнѣе нашихъ, но съ ними былъ Гирей-Захалъ, а этотъ старый волкъ могъ-бы одинъ завоевать наши горы. Кугарцы безъ выстрѣла отдали наѣзднику свои стада, сотню лучшихъ коней и нѣсколько человѣкъ ясырей. Но чтобы положить конецъ поборамъ жаднаго волка — они рѣшились извести его. Знали кугарцы, что открыто — рука на руку, сталь на сталь, съ Гирей-Захалъ лучше не вѣдайся, узломъ бы связалъ всякаго смѣльчака.... И придумали кугарцы хитрую штучку. Гирей-Захалъ былъ страшный звѣрь, за то честный адигъ... Тигръ съ мужчиною, овца съ женщиною — онъ любилъ красавицъ больше своей славы. Вотъ и погнали кугарскіе старшины овецъ, коней и ясырей къ Гирей-Захалу, а четыре красавицы: Гульчи, Юзейла, Селима и Рити понесли ему пять лепешекъ мира. Четыре изъ нихъ, назначенные наѣзднику и его первымъ джигитамъ, были подслащены сиотворнымъ зельемъ, пятую — которую должны были ѣсть дѣвушки, предполагалось испечь только на меду. Думали старшины, оставшись за порогомъ сакли Гирей-Захала, послать къ нему красавицъ и когда звѣрь съ своими кунаками отвѣдаетъ сна, такъ женщины, обезоруживъ враговъ, кликнутъ въ саклю своихъ одноаульцевъ и дѣлу конецъ.... Такъ и сдѣлали, да не такъ вышло.... Проклятая стряпуха, старая Китела, сбилась въ счетѣ и наздобила сонпымъ зельемъ всѣ пять лепешекъ.... И вотъ, что случилось.... Слушайте! слушайте!... я буду Гирей-Захалъ, вотъ эти три молодца мои старшіе джигиты.... Мы сидимъ въ саклѣ и ждемъ красавицъ.

И пьеса началась.

Я расказываю ее такъ, какъ могъ упомнить. И если скажу въ ней что нибудь лишнѣе или недоскажу чего нибудь, то она нисколько отъ того не измѣнится, потому именно, что всякая хасыли, разыгрываемая погливанами десять разъ сряду, будетъ каждый разъ новостію для зрителя и слушателя, ибо хасыли не заучиваюся, но всегда импровизируются.

Гирей-Захалъ съ кальяномъ сидитъ на полу, окруженный тремя наѣзднками.

Гирей-Захалъ. Я слышу свистъ бича, конскій топотъ и шумъ....

Первый наѣздникъ. Слышу и я.... Вѣрно наши джигиты заспорили съ вѣтромъ: кто кого обгонитъ....

Гирей-Захалъ. Нѣтъ.... джигиты измучены дальнимъ переходомъ, они отдыхаютъ.... не то.... Атажукъ загляни въ окно.... что тамъ?

Второй наѣздникъ *(поднявшись, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и какъ бы приподнявъ рѣшетку окна)*. Двѣ атары овецъ, табунъ коней.... семь паръ ясырей.... пять кугарскихъ старшинъ.... и четыре красивыхъ абазинки.

Гирей Захалъ.... Четыре!... красивыхъ!... Атажукъ.... поглядн хорошенько.... красавицы-ли онѣ?

Второй горецъ. *(не оставляя своего мѣста)*. За Кубанью ни ночь, ни день, ни уздень, ни нукеръ не встрѣчали такихъ черныхъ глазъ, такихъ длинныхъ рѣсницъ, такихъ розовыхъ губъ.... Зыбь нашей Кубани не рѣзвѣе и вѣтеръ не легче ихъ....

Гирей-Захалъ. Далеко-ли они?...

Второй наѣздникъ. У порога нашей сакли.... Они несутъ намъ знаки мира....

Гирей-Захалъ. Отвори имъ дверь и брось имъ подъ ноги мою бурку.... Люблю красавицъ.... Чурекъ — жизнь, шашка — надежда, а красавица — радость.... Черный глазъ, — глазъ жизни и смерти!... Спасибо кугарцамъ.... наконецъ догадались.... теперь я вѣчный ихъ кунакъ....

(Второй наѣздникъ, разостлавъ бурку, дѣлаетъ знакъ, что онъ отворилъ дверь. Погиваны, въ роляхъ Рити, Юзейлы, Селимы и Гульчи входятъ, полуоткрывъ чадры).

Гирей-Захалъ *(вставая)*. Атажукъ не солгалъ.... *(Дѣвушкамъ)*. Миръ и дружба на встрѣчу вамъ, розы Абазіи!

Юзейла. Миръ и дружба съ нами и тебѣ, храбрый и великодушный Гирей-Захалъ! Докажи намъ, что слово твое вѣрно, какъ твоя пуля.... Раздѣли съ нами медъ и сладость мира....

Дѣвушки. Храбрые наѣздники, мы просимъ исполнить прадѣдовскій обычай: раздѣлить съ нами медъ и сладость мира!

Наѣздники. Миръ и дружба! — *(Они принимаютъ лепешки отъ дѣвушекъ. Послѣднія дѣлятъ между собою оставшуюся пятую и вынимаютъ изъ подъ чадры чангуры)*.

Юзейла. Гдѣ миръ, тамъ довольство и веселье, храбрые джигиты — мы подъ родной напѣвъ чангуры — хотимъ прославить подвиги ваши....

Селима. Мы станцуемъ вамъ пляску горъ нашихъ.... Нашу рѣзвую альзаки.

Наѣздники (*глотая лепешки*). Пойте и пляшите, красавицы!...

Гирей-Захалъ. Пойте и пляшите, дивныя гуріи.... Пусть дрогнетъ сердце джигита и задрожитъ каждая фибра въ немъ подъ журчанье вашей рѣзвой струны.... Шелкъ и серебро оставитъ вамъ на память по себѣ старый Гирей Захалъ.

Одна изъ дѣвушекъ, ударивъ въ чангуру, начинаетъ импровизацію, — въ которой разсказывается, что славнѣй джигитовъ — нѣтъ въ цѣлой подсолнечной, какъ наѣздники Адхи Кляша, что герой ихъ Гирей-Захалъ часто снится въ грезахъ ночныхъ дѣвамъ Абазіи, что и самый врагъ готовъ сложить пѣсню о его дѣлахъ и подвигахъ.

Гирей-Захалъ. Два серебряныхъ пояса, красавица, за твою сладкую рѣчь.... Атажукъ, докажи, что и мы умѣемъ любить и славить чужую удаль, какъ свои собственныя.... разскажи намъ о лихихъ подвигахъ кугарскихъ наѣздниковъ.

(*Атажукъ, принимая отъ Юзейлы чангуру, повторяетъ импровизацію дѣвушки, замѣняя только имена своихъ наѣздниковъ, именами абазеховъ*).

Гирей Захалъ (*зѣваетъ*). Какъ гадко поетъ онъ сегодня.... я опѣянѣлъ отъ его пѣсни....

Первый наѣздникъ. Никогда Атажукъ не вралъ такъ много и такъ глупо (*зѣваетъ*).

Второй наѣздникъ. Ребятъ-бы укачивать ему, а не воспѣвать славу джигитовъ (*зѣвая*).... Такъ сонъ и клонитъ....

Наѣздники зѣваютъ, силятся сказать что то и, одолѣваемые дремотою, падаютъ на бурки и засыпаютъ.

Атажукъ (*оканчивая пѣсню зѣваетъ нѣсколько разъ — выпускаетъ изъ рукъ чангуру и падаетъ*). Никогда.... не пѣлъ я такъ сладко!...

Юзейла. Тс.... (*Шепотомъ*). Всѣ-ли спятъ они?...

Селима. Всѣ до одного....

Рити. Ну, кто же обезоружитъ Гирей-Захала?...

Всѣ. Ни я.... ни я.... ни я!

Рити.... И я боюсь.... Тс!... кто-же? Селима.... ты проворнѣе насъ....

Селима. Ай!... Ни за что!...

Гюльчи. Юзейла... онъ тебѣ обѣщалъ два пояса.... такъ сними пока хоть одинъ....

Юзейла. Нѣтъ Гюльчи, обезоружь ты его.... Ты всѣхъ смѣлѣе.... Ты не разъ была подъ пулями....

Всѣ. Да да.... обезоруживай, Гюльчи....

Юзейла. Тс!... Я обезоружу Атажука.... (*Идетъ къ нему*).

Селима. А я этого (*указываетъ на перваго напъздника*).

Рити. А я его — (*идетъ къ второму напъзднику. Дѣвушки становятся на колѣна и падаютъ подлѣ напъздниковъ.*)

Гюльчи. Что жъ это.... Неужели мнѣ.... Юзейла.... душечка... Молчитъ.... Рити!... Селейма!... (*Заглянувъ въ лицо Юзейлы*). Спитъ!... Всѣ спятъ!... Ахъ!... что это.... Какъ кружится голова.... Уйти.... Не могу.... Засы.... па....ю! (*Она падаетъ и засыпаетъ.*)

Гирей-Захалъ (*просыпаясь*). Славно!... Ай да пѣвецъ.... всѣхъ уложилъ.... и самъ спитъ.... Атажукъ! Нургалъ! Гусынъ!... Бабы вы этакія.... взгляните, что мы настряпали?

Атажукъ (*пропысаясь*). А!... что?... Пѣть?

Первый напъздникъ. Провались ты съ твоею пѣснію.... Уморить насъ хочешь?

Второй напъздникъ. Твоя пѣсня не опасна только мертвымъ.... Гляди, что ты сдѣлалъ?...

Атажукъ. Возможно-ли.... и онѣ спятъ.... Онѣ!... О! сладость звуковъ!... И ихъ очаровали мои напѣвы....

Гирей Захалъ. Что, если видѣли кугарскіе старшины!...

Напъздникъ. Срамъ! позоръ!

Атажукъ. Вотъ выдумали....

Гирей Захалъ. Этого мало.... Понимаешь-ли ты, снотворный погливанъ.... что твоя пѣсня зарѣзала честь этихъ женщинъ....

Атажукъ. Не понимаю....

Гирей Захалъ. Не понимаешь?... Но развѣ дѣвушки, назначенныя принести намъ дары мира — пришли къ намъ спать?... А я увѣренъ, что старшины Кугара подсмотрѣли слѣдствіе твоей импровизаціи.... Что намъ дѣлать, братья?... Неужли мы позволимъ сказать объ насъ, что Гирей-Захалъ и его напъзднки.... хищники и безсовѣстные джиджиты....

Всѣ. Нѣтъ!... нѣтъ! научи, князь, какъ поправить бѣду?...

Гирей Захалъ. Идемте къ старшинамъ.... Пѣсня Атажука намъ обошлась дорого.... но мы докажемъ кугарцамъ, что закубанцы честь и доброе имя не мѣняютъ на коней и ясырей.... Идемъ те! (*Напъздники уходятъ.*)

Юзейла (*просыпается и съ ужасомъ оглянувшись кругомъ*). Что это?... мы также заснули? О, ужасъ!... Гюльчи! Селима! Рити!... (*Дѣвушки просыпаются.*)

Рити. Какъ, и мы спали!

Селима. И.... мы тоже?...

Юзейла (*сквозь слезы*). Да и мы.... Проклятая Китела!...

Рити. Старая шакалка!

Селима. Сплетница.... собака.... она и намъ подмѣшала также....

Всѣ. И намъ.... и намъ!...

Юзейла. Мы погибли.... наѣздники вѣрно догадались.... Они вѣрно насъ заперли здѣсь!

Рити (*въ отчаяніи*). Они насъ повѣсятъ.

Всѣ. Повѣсятъ, непремѣнно повѣсятъ!

Селима. Я думаю продадутъ туркамъ?

Юзейла. Ахъ, если бы хоть туркамъ....

Гюльчи. Хоть-бы гяурамъ, только-бы не повѣсили....

Селима. Да гяуры не покупаютъ женщинъ....

Юзейла. Повѣсятъ насъ.... непремѣнно.

Селима. Въ мѣшокъ да въ воду....

Рити. А что думаете.... вѣдь Селима угадала.... Право, бросятъ въ воду....

Всѣ (*въ отчаяніи*). Въ воду! въ воду!

Юзейла. Чу!... Идутъ.... Ахъ!...

Рити. Съ мѣшкомъ!...

Гюльчи. Съ веревкой!...

Гирей-Захалъ, за нимъ Атажукъ, Нургалъ и Гусейнъ. Дѣвушки съ воплемъ встрѣчаютъ наѣзниковъ и бросаются къ нимъ въ ноги.

Гирей Захалъ. Не плачте, перлы Абазіи.... Мы поправили все дѣло....

Атажукъ. Это былъ виноватъ я.... Но та, которая пожелаетъ быть моею женою, вѣрно проститъ меня.... Нашъ князь заключилъ вѣчный миръ съ вашими старшинами....

Гирей-Захалъ. А въ залогъ этого мира мы четверо беремъ васъ своими женами.

Дѣвушки. Женами!...

Гирей Захалъ. Ну да.... За васъ ужъ заплаченъ и калымъ.... Всѣ стада, табуны и ясыри возвращены вашему аулу....

На этой сценѣ почти оканчивается пьеса всегда при громкомъ гикѣ зрителей, который замѣняетъ здѣсь наше браво.

Кончивъ представленіе, погливавы, исполнявшіе роли дѣвушекъ, тутъ же скинули съ себя чадры и, уложивъ ихъ въ арбу, отправились съ товарищами дальше, въ сосѣдній аулъ, гдѣ повторили туже исторію.

Игра погливановъ — необыкновенно натуральна и свободна. Причина этому весьма очевидная. Заученнаго у нихъ нѣтъ ни-

чего, кромѣ плана пьесы, а импровизируя — они невольно приблизились къ натурѣ.

В. С—овъ.

—

СОВРЕМЕННЫЙ ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ, ОБЗОРЪ ЕГО СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Бенефисные спектакли, какъ отличающіеся новизной пьесъ, такъ и выборомъ ихъ, могутъ служить мѣриломъ дѣятельности нашей сцены, тогда какъ обыкновенные, то-есть, обыденные спектакли у насъ ничто иное, какъ повтореніе пьесъ бенефисныхъ или стараго репертуара; объ исполненіи послѣднихъ уже не разъ говорено въ статьяхъ многихъ рецензентовъ, а потому, чтобы дать понятіе о современной дѣятельности на харьковской сценѣ, возьмемъ рядъ бенефисовъ, начиная съ 1 января текущаго года. Начнемъ по порядку:

I. Января 3. Въ пользу господина Алексѣева: 1) «*Три сестры и ни лучше смерть, чѣмъ бесчестіе**»! драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Эта драма прошла очень сухо и незамѣтно. Госпожа Майерова была очень хороша въ роли Катишь, безаботный, веселой крестьянки; за одно только мы можемъ упрекнуть ее, что она смѣялась совсѣмъ не въ смѣшной сценѣ, и это, думаемъ, было причиной, что ее не вызвали, хотя она и достойна была того. 2) «*А. и Ф.*» Шутка водевиль, въ 1-мъ дѣйствіи. *Мордатовъ* (господинъ Алексѣевъ), жена его (госпожа Ладина), *Фишъ* (господинъ Бобровъ), *Фадѣевъ* (господинъ Толченовъ). Всѣ они были очень хороши и удостоились вызова.

3) «*Дѣвушка себѣ на умѣ*», оригинальный водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сознаемся, не понравился намъ этотъ оригинальный водевиль: такихъ людей, какимъ въ немъ выставленъ Сухопаровъ, отставной морской капитанъ, думаю, никогда не бывало во флотѣ, да и въ самой Аннѣ Львовнѣ, *дѣвушкѣ себѣ на умѣ*, визгомъ и вскрикиваніемъ, битый часъ поражавшей нашъ слухъ, мы не нашли ни капельки ума!...

4) «*Лоскутница съ толкучаго*» Шутка-водевиль въ 1-мъ дѣй-

* Если кого удивитъ преувеличеніе заглавій пьесъ, то въ этомъ я не виноватъ, потому что для украшенія афишъ, господа бенефиціанты придумываютъ *или*.

ствіи. Этой лоскутницѣ настоящее мѣсто на толкучемъ, а не соваться бы туда, гдѣ ей не мѣсто!...

Впечатлѣніе: изъ всего бенефиса мы съ удовольствіемъ просмотрѣли одну пьесу: *А.* и *Ф.*

Сборъ: 500 руб. серебромъ.

II. Января 13, въ пользу госпожи Кравченковой:

1) «*Бѣдная Марія*» или «*Братъ и сестра*», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Отъ начала до конца прошла скучно, вяло и не только не было вызововъ, но даже ни одинъ аплодисманъ не нарушилъ спокойствія дремлющаго зрителя.

2) «*Три невидимки*» или «*Парижскія волшебницы*», водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ. *Эдуардъ Дерошъ* (господинъ Толченовъ), *Рожеръ* (господинъ Соленикъ), *Лепине* (господинъ Алексѣевъ), своей прекрасной игрою разогнали скуку и дремоту, навѣянную на насъ «Бѣдною Маріею» и за то были вызваны.

3) «*Минеральныя воды*» или «*Лучшее лекарство отъ дамской болѣзни*»; обстановка пьесы заранѣе ручалась намъ за прекрасное ея исполненіе. Въ особенности были хороши: *Мюрваль*, докторъ (господинъ Соленикъ), *Адольфъ*, сынъ его (господинъ Толченовъ), *Бильбоке* (господинъ Алексѣевъ).

4) Въ заключеніе спектакля и въ антрактахъ госпожа Козодавлева протанцовала Качучу, изъ балета «*Гитана*» и она-же съ господиномъ Безматнымъ 2, «*Польку Жуанвиль*» и испанскій танецъ «*Болеро*».

Впечатлѣніе: «*Бѣдная Марія*» насъ усыпила,—«*Три невидимки*» или «*Парижскія волшебницы*» пробудили,—«*Минеральныя воды*» окончательно излечили отъ скуки, а танцы не оставили въ насъ никакого впечатлѣнія.

Сборъ 540 руб. серебромъ.

III. Января 20, въ пользу госпожи Ѳедоровой:

1) «*Старая мыза*», драма въ 5 дѣйств. и 8 картинахъ, съ прологомъ, соч. Фридерика Сулье. *Керуанъ*, фермеръ, старый Вандеецъ (господинъ Львовъ), былъ вообще хорошъ, мѣстами-же прекраснъ! Напримѣръ въ сценѣ, когда онъ, простой фермеръ, довольный своимъ состояніемъ, гордящійся своимъ незапятнаннымъ именемъ и нѣжно-любимою дочерью, уважаемый всѣми, вдругъ пораженъ предчувствіемъ своего позора. Какъ живо отпечатлѣлась на его лицѣ борьба надежды съ горькимъ сомнѣніемъ! Но вотъ онъ близокъ къ убѣжденію въ проступкѣ дочери и, желая и вмѣстѣ боясь раскрыть страшную для него тайну, заставляетъ ее прочесть письмо, долженствующее или оправдать ее, или покрыть пятномъ его честное имя!... Наконецъ письмо прочтено, нѣтъ

больше сомнѣнія: Луиза виновна, онъ опозоренъ! — Убитый, уничтоженный, повергается онъ на колѣна, молитъ Всевышняго вразумить его. Какъ перенесть этотъ позоръ, что ему дѣлать?! Тутъ господинъ Львовъ былъ истинно прекрасенъ! Госпожа Ѳедорова (*Луиза*) была выше всякой похвалы! Кого не поразилъ ея голосъ, нѣтъ, не голосъ, а задушевный, заглушаемый рыданіемъ стонъ, которымъ она дивно передала намъ смыслъ этого роковаго письма. Или, сколько раскаянія, мольбы было въ ея взорѣ, устремленномъ на отца, любимаго и опозореннаго ею! О, этотъ взоръ могъ бы тронуть камень; но отецъ ея, удерживая рыданія, глотая слезы, остается непреклоннымъ: онъ схватываетъ ея руку и, проговоря задыхающимся голосомъ: «Луиза, руку.... Здѣсь люди добрые и честные, пойдемъ отсюда, тутъ намъ не мѣсто»!... уводитъ ее. Вся эта сцена госпожею Ѳедоровою и господиномъ Львовымъ исполнена удивительно. Господинъ Толченовъ, въ роли Монтеклена сочувствовалъ имъ какъ могъ: въ немъ видѣли мы человѣка истинно благороднаго, принимающаго живѣйшее участіе въ бѣдѣ, хотя, правда, ему и не чуждыхъ людей! Генералъ графъ *д'Эстевъ*, (господинъ Барсовъ) былъ не дуренъ. Словомъ, указанная нами сцена исполнена прекрасно; одна госпожа Кравченкова, въ роли *Матильды*, дозволяя себѣ смѣяться, нарушила торжественность картины!... Что-же было причиной ея смѣху? Неужели она до такой степени не поняла характера благородной Матильды, невинно поносимой и рѣшившейся, чтобъ скрыть проступокъ Луизы, сносить гнѣвъ и упреки отца, общія насмѣшки и презрѣніе, тогда, какъ однимъ словомъ могла оправдать себя?... Неужели, по понятію госпожи Кравченковой, та великодушная Матильда могла смѣяться, радоваться слезамъ и отчаянію, хотя и виновной, но нѣжно любимой ею Луизы?! Или госпожа Кравченкова, кромѣ смѣху, не нашли другаго средства для выраженія удовольствія Матильды при раскрытіи истины, оправдавшей ее?.... Но прибавимъ: удовольствія, отравленнаго горемъ и отчаяніемъ бѣдной Луизы! Если такъ она поняла этотъ благородной характеръ, то поздравляемъ ее!... Господинъ Толченовъ (*Монтеклен*ъ) былъ въ теченіе всей драмы ровенъ,—въ картинѣ же «*Львица въ западнѣ*», онъ выказалъ столько знанія сцены, что мы особеннымъ считаемъ долгомъ благодарить его какъ артиста, за выполненіе имъ собственно его роли, и какъ режиссера, за постановку столь многосложной и почти недоступной для провинціяльнаго театра пьесы. И публика достойно оцѣнила игру господина Толченова: она почтила его вызовомъ послѣ сцены съ «Львицей», по окончаніи

же драмы снова вызвала его вмѣстѣ съ госпожею Ѳедоровою и господиномъ Львовымъ. Госпожа Соленикъ роль Леоны де-Боваль отъ начала до конца исполнила безукоризненно; въ особенности-же сцену съ Монтекленомъ вела она съ такимъ искусствомъ и стараніемъ, съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ на характеръ принятаго ею на себя лица, что изумила публику, давно уже отвыкшую и вызывать ее, и восхищаться ею. Въ этотъ вечеръ госпожа Соленикъ доказала, что она вполнѣ артистка. Жоржъ д'Эстевъ (господинъ Копыловъ), былъ чрезвычайно дуренъ; но не станемъ строго судить его: роль эта была ему ни по характеру, ни по силамъ. Матильда, сестра его (госпожа Кравченкова) тоже была не хороша. Для тѣхъ, кому изъ нашей публики покажутся нападками сужденія наши объ этой актрисѣ, мы напомнимъ, что за исполненіе «Старой мызы» этой же самой публикой удостоены были вызововъ всѣ главныя лица драмы, исключая госпожи Кравченковой, занимавшей одну изъ первыхъ ролей. А что публика наша, довольная, какъ содержаніемъ «*Старой мызы*», такъ и выполнаніемъ ея, не скупилась, такъ въ доказательство приведемъ подробный перечень артистовъ, удостоившихся за эту пьесу вызововъ, а именно: госпожа Ѳедорова вызвана была пять разъ, господинъ Львовъ четыре раза, господинъ Толченовъ и госпожа Соленикъ по два раза и наконецъ даже господинъ Барсовъ одинъ разъ. Госпожу-же Кравченкову не только ни разу не вызвали, но даже въ теченіе всей драмы ей ни разу и и не аплодировали! Чему-же припишутъ это защитники *необыкновеннаго таланта?*

2) № 18, «*Ложа верхняго яруса*». Шутка-водевиль въ 2-хъ д. Шутка не занимательная, и исполнена съ горемъ по-поламъ!

Впечатлѣніе: «Старая мыза», доставивъ намъ величайшее удовольствіе, убѣдила насъ въ неосновательности мысли, будто-бы драмы не могутъ хорошо идти на провинціяльной сценѣ.

Сборъ 500 руб. серебромъ.

IV. Января 24, въ пользу господина Львова:

1) «*Царская нѣвеста* или *Опричники*», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, исполнена вяло и не твердо.

2) «*Нечего дѣлать*», водевиль въ 2-хъ дѣйст. Здѣсь господа Соленикъ (*Каралчель*) и Алексѣевъ (*Безе*) были очень хороши.

3) «*Счастье лучше богатства*». Народный водевиль въ 1-мъ дѣйств. Пѣсни госпожею Майеровою «*Будто солнушко отъ глазъ*» и господиномъ Толченовымъ «*Аль опять не видать*», были исполнены очень мило.

4) Въ антрактахъ госпожа Козодавлева танцовала «Качучу» и она-же съ господиномъ Безматнымъ 2 «Польку-Катеньку».

Впечатлѣніе: драма, не смотря на успѣхъ ея въ одной изъ столицъ и на похвалы журнальныя, не понравилась нашей публикѣ. Мы видѣли въ ней прекрасное литературное произведеніе и.... неопытность драматическаго писателя, мало знакомаго съ сценой. Водевили посмѣшили и разсѣяли насъ. О танцахъ-же до пріѣзда Богдановыхъ, ожидаемыхъ у насъ, лучше и не говорить!

Сборъ 882 рубля серебромъ.

V. Января 27, въ пользу господина Толченова. Не смотря на то, что ярмарка Крещенская уже окончилась, въ театрѣ не было пустаго мѣста, и не удивительно: публика идетъ въ бенефисъ этого артиста, въ полной надеждѣ на удовольствіе. И теперь, какъ и всегда, она не имѣла причины раскаяваться, что почтила бенефиціанта своимъ посѣщеніемъ.

1) «*Завтракъ у предводителя*» или «*Полюбовный дележъ*», оригинальная комедія въ 1-мъ дѣйств. Кто не узнаетъ въ *Мирволинѣ* (господинъ Алексѣевъ), бѣдняка, жившаго у богатаго барина, какъ говорится «*при милости на кухнѣ*»? Съ какимъ подобострастіемъ слѣдитъ онъ за каждымъ взглядомъ, за каждой миной своего патрона; какъ осторожно, какъ хитро забавляетъ его новостями и сплетнями, почерпнутыми имъ изъ всѣхъ источниковъ житейскаго моря и, смотря потому, какъ приняты эти новости, онъ или развиваетъ, или затираетъ ихъ, и нечувствительно переходитъ къ другому предмету, которымъ надѣется больше угодить своему прихотливому милостивцу. Или взгляните, какъ онъ внимателенъ къ гостямъ своего патрона: хлопочетъ, подаетъ имъ стулья, угощаетъ ихъ и самъ, разумѣется, угощается при *сей вѣрной оказіи;* и все это онъ дѣлаетъ такъ, что патронъ смотритъ на него, какъ на человѣка для него необходимаго, а гости думаютъ: «Э, да Мирволинъ здѣсь не послѣдняя спица въ колесницѣ»! Господинъ Прохоровъ, въ роли *Суслова*, судьи, имѣющаго уже нѣкоторымъ образомъ право на обращеніе съ предводителемъ безъ чиновъ, былъ очень хорошъ. Онъ не разсыпается предъ хозяиномъ и гостями, какъ Мирволинъ, а сосредоточивая все свое вниманіе на сытномъ завтракѣ, ѣстъ и пьетъ, изрѣдка прислушиваясь къ словамъ, обращеннымъ къ нему; отвѣчаетъ *да* или *нѣтъ* и краснорѣчиво мимикой досказывая мысль: «*Разсуждайте, толкуйте сколько хотите, а я займусь-ка лучше завтракомъ*»!... снова принимается за него. Или господинъ Толченовъ въ роли Алупкина, готоваго штурмовать каждаго, кто не согласенъ съ его мнѣ-

ніемъ. Словомъ, всѣ артисты были прекрасны и вѣрны характерамъ занимаемыхъ ими ролей.

3) «*Евгеній и Татьяна*», сцена изъ 2-го дѣйств. комедіи «Евгеній Онѣгинъ». Сцену мы видѣли, а слышать не могли. Госпожа Кравченкова (*Татьяна*) читала стихи такъ тихо, какъ будто боялась, чтобы ее не подслушалъ кто изъ креселъ.

4) «*Живая мумія* или *Антикварій*», комедія водевиль въ 2-хъ дѣйств. Пьеса вовсе не забавная, но публика смотрѣла ее. Куплетъ о Невскомъ проспектѣ и Лѣтнемъ Садѣ, какъ относящійся къ мѣстности Петербурга, у насъ въ Харьковѣ не былъ принятъ.

5) «*Разбитая чашка*», водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, исполненъ превосходно; въ особенности господинъ Алексѣевъ передалъ съ большимъ искусствомъ роль *Изидора Перо*, такъ, что смѣло можетъ считать эту роль одною изъ лучшихъ своего обширнаго репертуара. Всѣ участвовавшіе въ этой пьесѣ были вызваны, а господинъ Алексѣевъ два раза.

6) «*Евгеній и княгиня*», сцена изъ 3-го дѣйствія комедіи «Евгеній Онѣгинъ». — Повторяемъ госпожѣ Кравченковой наше замѣчаніе.

7) «*Ночь на Пескахъ* или *Встрѣча у фонаря*», шутка-водевиль въ 1-мъ дѣйств., исполнена господиномъ Алексѣевымъ и госпожею Кравченковой очень хорошо.

8) «*Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полъзай*, или «*Женихъ съ веревки*, господа Соленикъ (*Лопуховъ*) и Алексѣевъ (*Милостивый государь*) были уморительно смѣшны и интересны.

9) Въ заключеніе спектакля госпожа Козодавлева играла и танцовала сцену изъ балета «*Нина сумашедшая*».

Впечатлѣніе: за весь спектакль, кромѣ сценъ изъ «Евгенія Онѣгина», большое спасибо, какъ бенефеціанту, такъ и артистамъ. Сценъ же, повторимъ, мы и не слышали, при всемъ желаніи услышать.

Сборъ 840 руб. серебромъ.

VI. Февраля 3, въ пользу госпожи Майеровой:

1) «*Матросъ*», драма водевиль въ 1 дѣйств. Давно уже мы не видѣли этой пьесы, давно, а какъ будто теперь передъ нашими глазами неподражаемый матросъ—М. С. Щепкинъ! Послѣ него досихъ-поръ никто не рѣшался взяться за роль, такъ прославившую и безъ того уже славнаго артиста!... Наконецъ господинъ Соленикъ явился въ роли *Симона*. Конечно, онъ это сдѣлалъ не для того, чтобы тягаться съ Щепкинымъ, а потому мы и не будемъ сравнивать ихъ игру. Щепкинъ—слава столичнаго театра, а Соленикъ—слава провинціяльнаго! Но, при всемъ уваженіи къ неоспоримому таланту господина Соленика, мы должны признать-

*

ся, что ожидали отъ него въ этой роли болѣе силы и искусства. Господинъ Крыловъ, въ роли *Рено*, былъ неподражаемо дуренъ: не ему-бы играть ее, а Львову; тогда-бы много выиграла пьеса. Госпожа Кравченкова такъ-же была слабенька въ роли Жаннеты. Такова ль Жаннета была Млотковская?!..

2) «*Поэзія любви и....*» водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Господинъ Толченовъ (*Гекторъ*) и госпожа Майерова (*Анджелика*) были вызваны.

3) Господинъ Львовъ очень не дурно прочелъ лирическое стихотвореніе Лермонтова: «*Послѣднее новоселье*», и былъ вызванъ.

4) «*Великанъ изъ Америки*». Господинъ Прохоровъ ролью «*Камлотовая шенель*» — рѣшительно убилъ всѣ прочія роли и былъ вызванъ два раза.

5) Госпожа Майерова очень мило исполнила большую арію изъ оперы «*Жизнь за Царя*». За что и была вызвана три раза. Еще разъ: учитесь пѣть, госпожа Майерова! съ вашимъ голосомъ можно пѣть превосходно!

6) «*Французскій обѣдъ за 32 коппйки*», шутка водевиль въ 1-мъ дѣйств. Піеса сошла хорошо.

7) Въ антрактахъ и въ заключеніе спектакля госпожа Козодавлева протанцовала «Solo» изъ балета «*Гитана*», и она же, съ господиномъ Безматнымъ 2 «pas de deux», изъ балета «*Сильфида*».

Впечатлѣніе: «Матросъ» напомнилъ намъ — госпожу Млотковскую, оставившую нашу сцену, и намъ сгрустнулось. «Поэзія любви и....» доставила намъ удовольствіе. «Новоселье» заставило насъ вздохнуть о непрочности всего земнаго. «Великанъ изъ Америки» посмѣшилъ насъ. Арія изъ оперы «Жизнь за Царя» воскресила въ нашей памяти доблестнаго Сусанина и его завидную смерть. «Французскій обѣдъ» ни то ни сё,—онъ не пришелся намъ по вкусу, а танцы и того меньше.

Сборъ 400 руб. серебромъ.

VII. Февраля 8, въ пользу госпожи Ладиной.

1) «*Слъсарь* или *Ужасная тайна*» драма въ 1-мъ дѣйствіи соч. Скриба; отъ начала до конца прошла удивительно не твердо. Господинъ Львовъ въ роли *Рожера слъсаря*, былъ не хорошъ, говорилъ скороговоркой и оттого часто оговаривался.... Учите, господа свои роли.... Право, также непріятно видѣть запку въ драмѣ, какъ хромаго въ балетѣ.

2) «*Орестъ* и «*Пиладъ на чердакъ*», вод. въ 1 д. — *Теодоръ*, студентъ медицины (г. Алексѣевъ), Альбертъ, студентъ правовѣдѣнія (г. Толченовъ). Сдѣлаемъ здѣсь замѣчаніе нашему лю-

бимцу—г. Алексѣеву, что онъ напрасно играетъ парижскаго студента какимъ-то «Жано - Бижу.» Конечно, находились люди, которымъ и въ этой роли нравились его манеры и ужимки, потому что онѣ дѣйствительно были смѣшны, но, ради желанія насильно вырвать смѣхъ у зрителя, стоитъ ли обезображивать характеръ изображаемаго лица?—Г. Толченовъ, по мнѣнію нашему, также былъ тяжелъ и слишкомъ важенъ. — Эрнестина (г-жа Кравченкова) была-бы хороша, еслибъ не пѣла... При этомъ случаѣ не лишнимъ считаемъ замѣтить, что роли гризетокъ несравненно лучше выполняются г-жею Майеровой, — а такъ-какъ слышно, что у насъ бенефиціанты сами раздаютъ роли, то слѣдовательно бенефиціантка, на этотъ разъ, погрѣшила противъ извѣстнаго изрѣченія: «*Дружба-дружбой, а служба службой!..*»

3) «*Развѣ мы хуже другихъ*, или *дачу, дачу, дачу!*».. Оригинальная комедія-водевиль въ 1 д. Г. Алексѣевъ, въ роли Огурчикова былъ-бы очень хорошъ, если-бы позаботился подчинить свой голосъ характеру и лѣтамъ принятаго на себя лица, а то, какъ-то не натурально слышать изъ подъ сѣдаго и лысаго парика рѣзкій и свѣжій голосъ. Г-жа Ладина, въ роли Мароы Спиридоновны, была очень не дурна; въ сценѣ же, когда Наталія Андревна Балабайкина (г-жа Соленикъ) открываетъ ей секретъ обморока и могущество его къ убѣжденію мужа, въ наймѣ дачи, въ этой сценѣ она была превосходна!

4) «*Запрещенный плодъ* или *Поцѣлуй и наслѣдство*», вод. въ 1 д. отъ начала до конца прошелъ вяло, скучно, такъ, что къ концу его, половина публики разъѣхалась. Г-жа Кравченкова, въ роли Маріанны, была очень плоховата: роль эта къ ней совсѣмъ не шла.

Вотъ что значитъ неправильная раздача ролей: отъ нея не рѣдко страдаютъ у насъ и пьесы и публика.

5) Въ антрактахъ г-жа Козодавлева танцовала «Качучу,» г-жа Плохотникова «Solo» изъ балета «*Воспитанница Амура*» и въ заключеніе спектакля онѣ-же протанцовали угостили насъ еще и pas de deux!!!

Впечатлѣніе: опытъ, какъ дешево, при случаѣ, можно купить удовольствіе поскучать!...

Сборъ 320 рублей серебромъ.

VIII. Февраля 15, въ пользу г-жи Кравченковой:

1) «*Желѣзная маска*», драма въ 5 д. Понятна цѣль *для чего*, но непонятно *отъ чего* на аффишѣ было выставлено «*въ первый разъ*»; потому что эту пьесу не разъ, помнится, мы уже видѣли на харьковской сценѣ. Но какъ бы то ни было, хотя магическое:

«*въ первый разъ*» и привлекло нѣсколько лишнихъ довѣрчивыхъ рублей, однакожъ это не помѣшало намъ испытать страшную скуку!... Давно уже пьесы не исполнялись на харьковской сценѣ такъ невыносимо-дурно!

2) Но какъ послѣ ненастья бываетъ вёдро: такъ и послѣ тяжелой желѣзной маски явилась предъ нами, легкая, какъ воздухъ, Надежда Богданова, протанцовавъ большое «Solo Rondeja, съ удивительною граціей и быстротой... Самый взыскательный зритель принесъ дань удивленія, хотя и юному, но прекрасно созрѣвающему ея таланту. Громкое, единодушное «фора» заставило ее повторить это «Solo» и она, какъ и въ первый разъ, исполнила его съ равной прелестью.

3) «*Первая любовь*» комедія - водевиль въ 1 д. Гг. Алексѣевъ (Карлъ) и Толченовъ (Ранвиль), были совершенно вѣрны своимъ ролямъ; г-жа Кравченкова роль Эмелины исполнила прекрасно, опять-таки кромѣ куплетовъ, которыхъ она рѣшительно не можетъ и не должна пѣть, по совершенному неимѣнію голоса.

4) «*Небылицы въ лицахъ* или *прекрасный Принцъ.*» Пора-бы избавить насъ отъ подобныхъ небылицъ!

Впечатлѣніе: «Желѣзная» маска напомнила намъ желѣзный вѣкъ, когда сценическое искусство было еще во младенчествѣ. «Solo Rondeja» магически изгнало непріятное впечатлѣніе и перенесло насъ въ міръ дивныхъ фантазій, гдѣ нѣтъ скуки, гдѣ все легко и радостно! «Первую любовь» просмотрѣли мы съ удовольствіемъ.... Таковъ удѣлъ первой любви! «Небылицы въ лицахъ» напомнили публикѣ, что сонъ необходимъ для подкрѣпленія силъ человѣку, и она поспѣшила оставить театръ.

Сборъ 36) рублей серебромъ.

IX. Февраля 17, въ пользу Надежды Богдановой:

1) «*Завтракъ у Предводителя* или *полюбовный дплежъ*», оригинальная комедія въ 1 д. Объ исполненіи этой пьесы мы говорили уже выше.

2) «*Жизель* или *Вилисы*», пантомимный балетъ въ 2-хъ д. Сколько необходимыхъ условій для точнаго исполненія и постановки балетовъ?! Мало искусства даровитыхъ исполнителей, нужны еще: кордебалетъ, машины, полеты, декораціи; а въ нашемъ театрѣ ничего этого нѣтъ и быть не можетъ! — На это нужны огромныя издержки, да и для чего, когда у насъ нѣтъ балетной труппы? Но вотъ, къ величайшему удовольствію любителей изящнаго, явились Богдановы, — и передъ нашими глазами «Жизель!» Исчисливъ условія, находящіяся внѣ средствъ нашего театра, было бы грѣшно строго судить г. Богданова за неточное

исполненіе балета, и потому ограничимся очеркомъ того, что мы видѣли и что было въ средствахъ нашихъ гостей. Надежда Богданова (Жизель). Смѣло скажемъ, что самый взыскательный, прихотливый зритель не станетъ оспоривать въ ней истиннаго таланта! Всякій, кто только чуждъ предубѣжденій, сознается, что если Н. Богданова не вошла еще въ категорію замѣчательныхъ танцовщицъ, то не менѣе того, ее ожидаетъ блестящая будущность. Нельзя не удивляться смѣлости, силѣ, мягкости и граціи всѣхъ ея движеній! Труднѣйшія pas она исполняетъ отчетливо, съ увѣренностію, безъ малѣйшаго труда; ко всему этому если прибавить, что ей только 16 лѣтъ, — если подумать, сколько еще времени у нея впереди для усовершенствованія ея таланта, если наконецъ вспомнить, что она русская, то какъ не порадоваться намъ, русскимъ, мыслію, что ни богатства, ни счастія, ни талантовъ намъ не занимать стать-за спинимъ моремъ!... Герцогъ Альбертъ (К. Богдановъ) былъ тоже очень хорошъ: онъ обладаетъ прекрасной мимикой, наружностію и силой. Берта (Т. Богданова) и она-же во второмъ дѣйствіи «*Геній*». Этому ребенку не болѣе девяти лѣтъ, но милѣе, развязнѣе и граціознѣе этого ребенка трудно вообразить. Съ окончаніемъ балета громъ рукоплесканій, и букеты живыхъ цвѣтовъ были наградой талантливому семейству.

3.) «*Разбитая чашка*» вод. въ 1 д.

4.) Дивертисементъ: Татьяна и Николай Богдановы, какъ дѣти, очень мило проплясали «*Русскую.*» Надежда и Константинъ Богдановы танцовали мазурку «Souvenir d' Odessa». *Конецъ вѣнчаетъ дѣло!* Эта пословица, вѣроятно, извѣстна талантливому семейству! Оно знало, что балетъ неудобоисполнимъ при средствахъ провинціяльнаго театра, но, изъ желанія доставить удовольствіе публикѣ, оно рѣшилось подвергнуться суду за неточное исполненіе и обстановку балета, совершенно надѣясь, что неотъемлемое ихъ дарованіе примиритъ съ ними и самыхъ взыскательныхъ судей. И вотъ, раздался аккордъ, загремѣла мазурка, и достойная питомица Терпсихоры, едва касаясь полу, запорхала передъ нами перелетной птичкой! Рукоплесканія снова раздались въ залѣ и уже не умолкали во все продолженіе этого чуднаго танца. Константинъ Богдановъ, казалось, забывъ, что онъ танцуетъ съ дочерью, видѣлъ въ ней только соперницу по искусству и собралъ всѣ свои силы, чтобы противуборствовать этой милой, но страшной для него соперницы! Напрасный трудъ! — молодость взяла свое: въ отцѣ мы видѣли славнаго учителя, хорошаго танцовщика, — въ дочери-же его суще-

ство, въ высшей степени проникнутое жизнію, энергіей и силой!... По желанію публики мазурка повторилась. Занавѣсъ упалъ, все семейство было вызвано семь разъ и живые цвѣты снова покрыли сцену.*

Впечатлѣніе: водевиль «А и Ф:» удовольствіе, «Жизель» — полное удовольствіе; «Разбитая чашка» тоже, «Мазурка Jouvenir d'Odessa»... давай намъ Аполлонъ побольше такихъ наслажденій!...

X. Февраля 22, въ пользу дирижера г. Павловича:

1.) Первое дѣйствіе изъ оперы «*Невѣста Лунатикъ*,» (Somnambula.) Занавѣсъ еще не поднятъ и въ партерѣ, тамъ и сямъ, завязался разговоръ, основанный на предположеніяхъ объ исполненіи предстоящей оперы. Конечно, результатъ этихъ разговоровъ былъ не въ пользу харьковскихъ артистовъ. Одинъ говорилъ, что давать оперы въ провинціи — варварство! Мы де слышали Рубини, Тамбурини, Гарсію!... Жаль и смѣшно было смотрѣть, какъ эти строгіе судьи выходили изъ себя, чтобъ дать замѣтить,—что они-де вездѣ были и все видѣли! Неужели имъ не пришло въ голову подумать, что упомянутые европейскіе таланты жалованья получаютъ въ мѣсяцъ больше, чѣмъ провинціяльные въ годъ. Одинъ изъ таковыхъ цѣнителей, какъ можно полагать навѣрное, ничего не видѣвшій, не слышавшій и не понимающій, до того даже увлекся желаньемъ прихвастнуть, что разсказалъ, какъ въ самой этой оперѣ не разъ онъ восхищался *несравненною пѣвицею Тальони!*... Какъ не припомнить при этомъ случаѣ стишокъ изъ басни дѣдушки Крылова: «*Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!*» Но вотъ занавѣсъ поднятъ и мы, нигдѣ не бывавшіе, ничего не видавшіе, а, слѣдовательно, и пѣнія «*несравненной пѣвицы Тальони*» не слыхавшіе, безпристрастно и безъ предубѣжденія изложимъ наше мнѣніе объ исполненіи харьховскими артистами этой оперы. Г-жа Майерова, въ роли «Амины», вполнѣ познакомила насъ съ своимъ прекраснымъ и звучнымъ голосомъ; въ самыхъ высокихъ нотахъ трудныхъ арій онъ былъ чистъ и пріятенъ; конечно, пѣніе ея, какъ безъ особенной методы, не можетъ выдержать критики знатока, но тѣмъ не менѣе, она была однако жъ почтена двукратнымъ вызовомъ, отъ боль-

* Если отзывы мои о талантахъ семейства Богдановыхъ покажутся преувеличенными, то неужели восторженныя встрѣчи и проводы всей массы публики: одесской и кіевской также пристрастны?.. Или пріемъ харьковской публики, прибавимъ, публики взыскательной, видѣвшей уже много хорошаго, развѣ этотъ пріемъ не можетъ служить доказательствомъ неоспоримости таланта Н. Богдановой?

шинства публики. Да не подумаютъ, чтобъ исполненіе г-жею Майеровой трудной партіи «Амины» сами мы считали чудомъ совершенства: напротивъ, слишкомъ мы далеки отъ того и утверждаемъ, что благосклоннымъ пріемомъ, сдѣланнымъ ей за эту роль, она обязана единственно прекрасному своему голосу и старанью!— Г. Толченовъ, въ роли графа Рудольфа, по обыкновенію былъ хорошъ. Не обладая обширнымъ голосомъ и участвуя въ операѣ ex officio, онъ заслуживаетъ уже нашу благодарность, что отказомъ могъ-бы даровать намъ милліонъ терзаній слышать инаго доморощеннаго генія—пѣвца. Г-жа Боброва (трактирщица), одаренная сильнымъ и замѣчательнымъ контральто, но мало знающая музыку, была мѣстами не дурна. Г. Безматный (Эльвинъ), за послѣдній финалъ 1-го акта заслужилъ громкіе аплодисманы. Хоры прошли очень изрядно и вообще опера большинству публики понравилась.

2·) «*Орестъ и Пиладъ*,» шутка водев. въ 1-мъ д. (повтореніе.)

3.) Надежда Богданова съ свойственною ей граціей и искусствомъ исполнила «*Надежду-Качучу*,» какъ слышно, собственнаго сочиненія и, по желанію публики, повторила ее. Послѣ троекратнаго вызова, въ признательность за пріемъ, наша милая гостья подарила публику пріятнымъ сюрпризомъ, протанцовавъ, сверхъ назначенія въ аффишѣ «Solo Kondeja,» что доставило намъ новое и неожиданное удовольствіе.

4.) «*Дядюшкинъ фракъ и тетушкинъ капотъ*,» оригинальная шутка-водев. въ 2-хъ д., исполнена невыносимо-дурно. Страннымъ покажется, если мы скажемъ, чтъ «украшеніе нашего театра,» г. Соленикъ, именно одинъ-то и былъ виновникомъ паденія пьесы.

5.) Г. Ланцетти на скрыпкѣ исполнилъ фантазію, соч. Аляра.

6.) «*Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полъзай.*» (повтореніе). Г. Соленикъ былъ такъ-же «*хорошъ*,» какъ и въ предшествовавшей пьесѣ.

Впечатлѣніе: разнообразіе бенефиса и выборъ пьесъ доставилъ намъ много удовольствія. Особевно благодаримъ г. Павловича за постановку оперы.

Сборъ 405 рублей серебромъ.

XI. Февраля 24. Прощальный спектакль семейства Богдановыхъ.

1.) «*Дѣловой человѣкъ или дѣло въ шляпѣ*». Оригинальный вод. въ 1 д.— Сегодня эта умная и любимая нашей публикой пьеса исполнена слабѣе обыкновеннаго, и это потому, что роль «Жучка,» «*по внезапной болѣзни*» г. Соленика, превосходно ее исполня-

ющаго, передана была г. Алексѣеву. Г. Алексѣевъ, повторимъ, прекрасный артистъ на роли буффо-комическія, но у Соленика свое особенное амплуа, въ которомъ Алексѣеву не замѣнить его, чему мы видѣли только сейчасъ живой примѣръ. Но такъ какъ роль эта изготовлена была г. Алексѣевымъ на-скоро, то мы къ нему не хотимъ быть слишкомъ строгими. — Г-жа Кравченкова (Марья Петровна) была необыкновенно хороша; вотъ характеръ ролей, безспорно и неотъемлемо принадлежащій къ аплуа этой актрисы. Здѣсь нѣтъ ни наивности, которая такъ нейдетъ къ г жѣ Кравченковой,— ни дѣтской веселости, которая не къ лицу ей,—ни наконецъ пѣпья, на которое какъ замѣтно, она имѣетъ большую претензію. Благодаримъ г-жу Кравченкову за эстетическое наслажденье, доставленное намъ выполненіемъ этой хорошенькой ролькн. Г. Толченовъ (Горскій) исполнилъ свою роль безукоризненно. Пьесѣ аплодировали.

2.) «*Пери или Сонъ Турка*» пантомимный балетъ въ 1. д. Говорить-ли объ исполненіи этого балета?.. но это значило бы повторять тоже, что уже сказано о «Жизели». Все семейство Богдановыхъ было вызвано два раза.

3.) «*Настроилъ, разстроилъ и устроилъ, или вотъ такъ гувернантка!*» Оригинальная шутка—водевиль въ 1 д. Трудно и, кажется, невозможно исполнить эту шутку лучше и вѣрнѣе, какъ ока исполняется на Харьковской сценѣ! Всѣ дѣйствующія лица: гг. Бобровъ (Тормозовъ), Толченовъ (Подобинъ), Алексѣевъ (Штиммеръ, настройщикъ), и г-жи Ладина (Скважина, гувернантка) Толченова (Катенька), какъ нельзя лучше исполнили свои роли и были всѣ вмѣстѣ вызваны. Куплеты по требованію публики повторялись.

4.) «*Пакита*» большой дивертисманъ, въ коемъ танцовали:

а) Надежда Богданова: «Manola, Souvenir de la Crimée.» Опять она, эта вѣрная надежда на славу роднаго ея семейства — и мы снова съ наслажденіемъ едва успѣвали слѣдить за быстрыми ея движеньями, за чудными ея па, за легкими, воздушными пируэтами!

б) Николай, Татьяна и Константинъ (сынъ): «Pas de trois». Малютки эти удивили насъ: они много обѣщаютъ въ будущемъ: въ особенности Николай (двѣнадцати) и Татьяна (десяти лѣтъ), легкость, грація и неутомимость этихъ дѣтей изумительны.

в) Надежда и Константинъ (отецъ): испанскій танецъ «Bolero de Cadix» исполнили прекрасно.

г) Татьяна и Николай: Польку «Joinville.»

д) Надежда и Константинъ (отецъ) Мазурку «Souvenir d'Odes-

sa». Этотъ чудный танецъ, потребованію публики, былъ повторенъ.

Всѣ означенные выше танцы исполнены семействомъ Богдановыхъ подъ гулъ неумолкаемаго «bravo» и оглушительныхъ аплодисментовъ. Букеты и вѣнки живыхъ цвѣтовъ снова покрыли сцену и, наконецъ, сотни экземпляровъ стиховъ, неизвѣстно кѣмъ написанныхъ, посыпались въ партеръ, *«какъ снѣгъ на голову!»*..

Впечатлѣніе: истинное удовольствіе и даже наслажденіе!

Сборъ 820 рублей серебромъ.

Въ спектаклѣ мы были обрадованы извѣстіемъ, что даровитые наши гости, по желанію публики, останутся у насъ еще на нѣсколько представленій. И такъ много наслажденій впереди, — но о нихъ мы уже поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Теперь заключимъ нашу статью общимъ замѣчаніемъ о харьковскомъ театрѣ.

Зданіе харьковскаго театра безспорно лучше, помѣстительнѣе и опрятнѣе всѣхъ провинціяльныхъ театровъ; но этимъ ли только онъ можетъ похвалиться? Нѣтъ, всѣ провинціяльные театры не разъ уже видѣли свое паденіе, одинъ только харьковскій можетъ гордиться постояннымъ и переодически даже блестящимъ своимъ существованіемъ!—Въ біографіяхъ знаменитыхъ столичныхъ артистовъ: комика Щепкина и пѣвца Петрова вы найдете страницы, свидѣтельствующія о ихъ первоначальномъ участіи въ труппѣ харьковскаго театра; а провинціяльныя театральныя знаменитости, какъ: г-жа Млотковская, гг. Соленикъ и Рыбаковъ развѣ не на харьковской сценѣ развили свои дарованія? Всѣ эти таланты болѣе или менѣе славные въ исторіи искуства, увѣковѣчили первенство харьковскаго, надъ всѣми провинціяльными театрами! Много было переворотовъ въ судьбѣ его; прежде онъ былъ въ рукахъ разныхъ антрепренеровъ, наконецъ учредилась дирекція и она, поддерживаемая образованною публикой, годъ отъ году приводитъ его въ лучше состояніе*: мы не видимъ уже въ немъ декорацій, непонятныхъ для зрителя, какъ прежде бывало,—напротивъ, мы не рѣдко удивляемся какъ въ художественномъ отношеніи работѣ декорацій, такъ вкусу и богатству меблировки сцены. Костюмы артистовъ и артистокъ своимъ изяществомъ доходятъ до роскоши, — даже прислуга театральная одѣта опрятно, прилично, въ

* Если труппа въ нынѣшнемъ году бѣднѣе хорошими сюжетами противъ прошлаго года, если выбыли изъ нея г-жа Млотковская и Максимовъ 1 й, то въ этомъ не виновата дирекція.

красивыхъ ливреяхъ! Вотъ лицевая сторона нашаго театра, теперь посмотримъ его изнанку.

1) Оркестръ, состоящій изъ тридцати человѣкъ, управляемый двумя дирижерами, получающими значительное жалованье, исполняетъ дурно не только оперныя партіи и уверторы, но даже и акомпаньеманы водевильныхъ куплетовъ.

2) Въ массѣ многочисленной труппы, между хорошими артистами встрѣчаются и бездарности, которыхъ появленіе публики не можетъ сносить равнодушно.

3) Не мало препятствуетъ еще сценическому успѣху на нашей сценѣ неправильная раздача ролей: этотъ недостатотъ преимущественно замѣтенъ въ бенефисы, оттого что бенефеціанты, при назначеніи ролей, руководствуются не желаніемъ угодить публикѣ, и оттого нерѣдко пьесы теряютъ свое достоинство а публика скучаетъ отъ дурнаго ихъ выполненія. Этого легко можно-бы избѣжать, предоставивъ исключительно одному режиссеру право назначенія ролей. Вотъ дурная сторона, харьковскаго театра, но, какъ слышно, дирекція, нещадящая никакихъ издержекъ для его улучшенія, предполагаетъ очистить труппу отъ бездарностей и дополнить ее болѣе полезными и даровитыми персонажами! объ улучшеніи оркестра такъ-же, говорятъ она думаетъ позабиться. Смотря на всѣ распоряженія. дирекціи нельзя не вѣрить этимъ пріятнымъ слухамъ и не пожелать ей полнаго успѣха въ полезныхъ и отрадныхъ измѣненіяхъ.

—

ТАЛЬМА ВЪ РУАНѢ.

Вотъ любопытный анекдотъ изъ жизни великаго французскаго трагика, который довольно интересенъ по своей оригинальности.

Въ исходѣ 1805 года, изъ Парижа въ Руанъ мѣрно тащился дилижансъ, — не такой, какъ нынѣшніе огромные инструменты, которые разсѣкаютъ Францію по всѣмъ направленіямъ и вмѣщаютъ не менѣе двадцати человѣкъ пассажировъ, — а просто небольшая карета. Въ ней сидѣли четыре персоны. Старикъ, шестидесяти лѣтъ, почтенной сѣдины, проницательнаго взгляда, сообщалъ своей сосѣдкѣ всѣ подробности Аустерлицкаго сраженія, о которомъ извѣстія получены были въ Парижѣ передъ самымъ отъѣздомъ дилижанса. Дама, не первой уже молодости, но сохранившая еще пріятность лица, слушала его со вниманіемъ и

оживляла бесѣду замѣчаніями, довольно остроумными. Дѣвица лѣтъ восемнадцати, племянница старика, также не безъ удовольствія вслушивалась въ разсказъ дядюшки и въ сужденія дамы. Четвертое лицо, закутанное въ дорожный плащъ, мыслями было также далеко отъ общаго разговора, какъ Аустерлицъ отъ острова Святой Елены.

Дилижансъ остановился для завтрака. Старикъ поподчивалъ кондуктора чашкою кофе, чтобъ допытаться отъ него, кто такой ихъ молчаливый компаньонъ. Кондукторъ удовлетворилъ любопытство его, какъ могъ, то есть, раскрылъ путевой листъ, на которомъ незнакомецъ значился подъ именемъ Шарля. Сверхъ того оказалось, что господинъ Шарль не имѣетъ формально никакой поклажи, и что деньги за мѣсто его до самаго Руана внесены, противъ тогдашняго обыкновенія, впередъ. Эти свѣденія привели къ положительному заключенію, что таинственный путешественникъ никто иной, какъ англинскій лазутчикъ, посланный развѣдать о духѣ народа и о направленіи умовъ во Франціи.

И такъ, общимъ мнѣніемъ было рѣшено, дорогою заняться всевозможнымъ наблюденіемъ за незнакомцемъ, а по пріѣздѣ въ Руанъ, сообщить это важное открытіе полиціи.

Послѣ завтрака, снова заняты мѣста въ каретѣ, и начались всякія снаровки, чтобъ ввести незнакомца въ разговоръ. Старикъ сталъ перебирать по очереди всѣ знаменитости Парижа; то принимался хвалить, то хулить; но господинъ Шарль оставался ко всему этому совершенно равнодушнымъ и, по прежнему, хранилъ упорное молчаніе. «Это медвѣдь»! подумала молодая дѣвушка.—«Да, онъ опасный человѣкъ»! шепнулъ старикъ сосѣдкѣ на ухо. При такомъ положеніи, для нихъ всѣхъ трехъ невыносимомъ, они рѣшились заставить его заговорить во что бы то ни стало.

— Вы ѣдете въ Руанъ? спросилъ старикъ.

— Да! отвѣчалъ незнакомецъ.

— Вы не тамошній житель? предложила дама свой испытующій вопросъ. Почти весь городъ мнѣ знакомъ; но удовольствія видѣть васъ, нигдѣ я не имѣла».

Вопросъ этотъ остался безъ отвѣта.

— Можетъ быть, вы въ первый разъ изволите посѣщать Руанъ? сказала дѣвица.

— Да! отвѣчалъ Шарль.

— Достопримѣчательностей въ Руанѣ множество, прибавилъ старикъ, въ особенности каѳедральный соборъ.

— Вы видѣли уже этотъ соборъ? спросила дама.

— Нѣтъ еще, возразилъ незнакомецъ.

Градомъ посыпались вопросы на таинственнаго Шарля — но лаконическіе его отвѣты, вмѣсто того, чтобъ разсѣять глубоко вкравшіяся подозрѣнія, болѣе и болѣе возбуждали общее любопытство. Наконецъ старикъ приступилъ къ рѣшительной мѣрѣ испытанія:

— Руанъ вамъ городъ незнакомый, сказалъ онъ; если вы тамъ имѣете какія-нибудь дѣла, то позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ моими совѣтами; я имѣю въ городѣ обширное знакомство, и можетъ-быть....

— Благодарю васъ, прервалъ его Шарль. Я пробуду въ Руанѣ очень недолго, я хочу только показать жителямъ то, чего они никогда еще не видали.

Этимъ отвѣтомъ онъ далъ спутникамъ своимъ довольно пищи для размышленій и всѣ распросы прекратились.

Пріѣхали въ Руанъ. Старикъ принялся издали слѣдить за господиномъ Шарлемъ, которому была указана лучшая гостинница. Директоръ Театра ожидалъ уже тамъ его пріѣзда, и въ тотъ-же часъ разнеслось по всему городу, что Тальма въ Руанѣ и дастъ нѣсколько представленій. На слѣдующій день, афишами была объявлена трагедія «Цинна». Тальма почтилъ родину и память Корнеля, въ роли императора Августа. Нетерпѣливо ожидаемый часъ представленія приближался. Зала наполнилась зрителями; толпы тѣснились въ корридорахъ, чтобы хотя взглянуть на знаменитаго трагика.

Занавѣсъ поднятъ. Настала глубокая тишина; всѣ съ сердечнымъ біеніемъ ожидали перваго выхода Тальмы — и онъ явился въ костюмѣ Кесаря, съ пурпурною мантіею, которою всегда такъ величественно умѣлъ драпироваться. Поступь его была медленна; зрители едва переводили духъ, жадно всматриваясь въ его черты, въ каждое его движеніе. Онъ началъ.... Но не успѣлъ онъ еще окончить втораго стиха, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись громкія порицанія и слово замерло у Тальмы на языкѣ. Онъ остановился, окинулъ зрителей властительнымъ взглядомъ. Но партеръ, какъ-бы бѣснуясь, шумѣлъ. Тальма не сходилъ со сцены. Наружный видъ его не измѣнилъ ему ни въ чемъ; онъ сохранилъ осанку и достоинство Кесаря. Въ немъ видѣнъ былъ все тотъ же Октавій-Августъ который, вслѣдъ за тѣмъ, съ кроткою строгостію упрекалъ Цинну за замыслы противъ него. Куда скрылось негодованіе публики, отъ этого взгляда Тальмы? Слово великаго трагика вновь раздалось по залѣ, и тотъ же второй стихъ возбудилъ живѣйшія рукоплесканія. Императоръ

Августъ принялъ этотъ восторгъ съ тѣмъ-же спокойствіемъ и неизмѣнимостію положенія. Всеобщее «браво» почти не умолкало; многія сцены повторялись, и представленіе продолжалось до полуночи.

По окончаніи пьесы, зрители кинулись на сцену, окружили Тальму и просили принять ужинъ, предлагаемый ему отъ всего городъ Руана. Тальма смѣшался; не зналъ, какъ совмѣстить всѣ эти обстоятельства; однако жъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, прося только позволенія перемѣнить костюмъ.

— Жители Руана, желаютъ принять Тальму Кесаремъ! отвѣтили ему учредители пиршества, проводивъ его до кареты, стоявшей у театральнаго подъѣзда — и онъ явился въ блестящее общество, въ мантіи, при восклицаніяхъ: «Да здравствуетъ Тальма»!

Президентъ торжественнаго пира, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, шелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ, улыбаясь: — Знаменитый Тальма сдержалъ свое слово.... Онъ показалъ жителямъ Руана то, чего они никогда еще не видали.... Но и мы встрѣтили первое появленіе небывалою для него новостію.... Мы разсчитались, не такъ-ли?

Тальма пожалъ руку старца, и узналъ въ немъ спутника своего отъ Парижа въ Руанъ; этотъ спутникъ, съ большимъ вліяніемъ на гражданъ, былъ одинъ изъ почетнѣйшихъ сановниковъ Руана.

—

МОЛОДОСТЬ И ПЕРВАЯ СЛАВА РОССИНИ.

I.

Отецъ Россини былъ одинъ изъ тѣхъ жалкихъ странствующихъ артистовъ, которыхъ все поприще ограничивается подмостками уличныхъ комедій и мелкихъ провинціальныхъ сценъ.

Онъ былъ трубачъ и постоянно переходилъ изъ города въ городъ, отъ одной труппы къ другой, вмѣстѣ съ женою, которая помогала ему тѣмъ, что могла выполнять довольно посредственно второстепенныя аріи изъ оперъ. Ярмарки въ Сингаліи, Фермо и Пезаро, этихъ бѣдныхъ городишкахъ Папской Области, были главною ареною славы, трубача и его супруги. Хотя труба и громкій голосъ и составляютъ аттрибуты славы, однако старикъ Россини и жена его, владѣя тѣмъ и другимъ, не позволяли себѣ

мечтать о славѣ, и ограничивались только мыслію и средствахъ къ насущной жизни. Вслѣдствіе этого они нашли удобнымъ для себя навсегда поселиться въ Пезаро, потому только, что все необходимое для жизни въ этомъ городкѣ было гораздо дешевле въ сравненіи съ другими городами, и что скудный доходъ ихъ обезпечивалъ здѣсь незатѣйливыя ихъ потребности. Честная бѣдность, какъ грубая скупость — расчетлива!

Здѣсь, въ Пезаро, имя котораго и до-сихъ-поръ оставалось-бы извѣстнымъ только для его жителей, еслибъ не избралъ его мѣстомъ жительства этотъ бѣдный трубачъ, у Россини, въ 1792 году, родился сынъ — Джакомо, будущее музыкальное свѣтило.

Младенчество его и первые дни дѣтства, съ неизбѣжными шалостями перваго возраста, не предзнаменовали ничего такого, чему удивляются въ немъ теперь и чѣмъ восхищается образованный вкусъ цѣлаго свѣта. Музыкальныя способности Россини и зародышъ великаго таланта выказались въ немъ на седьмомъ году его возраста.

Бѣдный трубачъ, не бывши честолюбцемъ, ограничивался желаніемъ передать въ наслѣдство сыну свое знаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и трубу. Но мальчикъ не имѣлъ ни охоты, ни способности заниматься изученіемъ инструмента своего отца; всякую свободную минуту онъ посвящалъ репетиціямъ актеровъ, гдѣ проводилъ иногда, въ темномъ уголкѣ сцены, по цѣлымъ часамъ, внимательно слѣдя за ходомъ пьесъ, особенно музыкальныхъ, и, возвращаясь домой, нерѣдко очень удачно повторялъ прослушанную имъ пьесу. Случалось даже, что онъ не измѣнялъ ни одной ноты, ни одного мотива. Надо замѣтить, что и въ дѣтскомъ голосѣ его было уже много музыкальности и пріятныхъ звуковъ.

Весною 1799 года семилѣтній Джакомо былъ принужденъ оставить на время родной Пезаро и переѣхать въ Болонью, куда отецъ и мать его отправились съ оперною труппою странствующихъ актеровъ, на время ярмарки. Здѣсь одно обстоятельство сильно порадовало родителей малютки, показавъ, какимъ блестящимъ талантомъ наградила его природа. Мальчикъ и въ Болоньи, какъ въ Пезаро, съ тою-же страстью посѣщалъ репетиціи, помѣщаясь обыкновенно въ оркестрѣ, подлѣ одного стараго скрипача, — пріятеля своего отца. Въ одно представленіе небольшой оперетки, маленькій Россини забрался за кулисы. Пьеса шла довольно удачно, публика восхищалась игрою актеровъ, бѣдные странствователи восхищались тѣмъ, что такое выполненіе пьесы дастъ публикѣ отличное понятіе о ихъ талантахъ и

вслѣдствіе того увеличитъ и самые сборы.... Но вдругъ, передъ началомъ втораго акта, случилась бѣда, которую поправить, казалось, не было никакихъ средствъ: примадонна, игравшая главную роль, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ оперетты, вдругъ заболѣла и притомъ такъ опасно, что не только не могла пѣть арій, но едва проговорила нѣсколько словъ, прося отнести ее на квартиру.. . Болѣзнь ея привела въ ужасъ всю труппу. Несчастный антрепренеръ готовъ былъ заплакать кровавыми слезами, и страхъ какъ трусилъ послѣдствій неудовольствія своей не взысканной публики.... Бѣдные странники, разряженные въ мишуру и потертый бархатъ, съ лицами, щедро намазанными мѣломъ и цурикомъ, печально опустили головы и, столпясь въ кружокъ у спущенной занавѣсы, совѣтовались, какъ объявить публикѣ о внезапной болѣзни примадонны.... какъ избѣжать шуму, криковъ, а главное — возврата собранныхъ денегъ.

— Сеньора Каравачи !... вскричалъ импрессаріо, обращаясь къ молоденькой дѣвушкѣ, занимавшей въ пьесѣ роль какой-то пастушки.... Вы не споете ли главной арій?...

— Что вы, сеньоръ Брандалачіо.... да возможно-ли это?... Во-первыхъ, у меня нѣтъ голосу, а во вторыхъ, чтобы разучить арію, нужно по-крайней-мѣрѣ десять репетицій.... а въ-третьихъ....

— А въ-третьихъ.... вскричалъ сеньоръ Брандалачіо, недослушавъ актрисы, — въ третьихъ, пропали наши головы!... А!... сеньора Россини!... продолжалъ онъ, вы вѣрно не откажетесь насъ спасти? Вѣдь по ходу пьесы, арію надо пѣть за декораціею.... Васъ никто не увидитъ.... и мы сбережемъ себя отъ напасти, а кассу отъ расхищенія.

— Не могу, отвѣчала мать Россини.

— Да какъ-нибудь....

— Никакъ не могу.... я не знаю музыки и не умѣю пѣть по нотамъ....

— Все кончено, все кончено! сказалъ почти сквозь слезы старый Брандалачіо.... Нечего дѣлать.... пойду, объявлю публикѣ....

— Остановитесь! сказалъ тогда маленькій Россини, хватая за рукава стараго антрепренера.... Я спою арію, сказалъ онъ.... и смѣло устремилъ на изумленнаго импрессаріо свои умные,черные глазки.

— Ты?... ты споешь! вскричалъ Брандалачіо.

— Да, я!... Я знаю хорошо эту арію.—Знаешь! и глаза итальянца блеснули, какъ угли, онъ сдѣлалъ два шага впередъ, схватилъ мальчика поперегъ тѣла, и въ два прыжка очутился съ нимъ въ уборной.... Пой!... Пой-же! вскричалъ Брандалачіо, поставивъ предъ собою Россини на столъ, пой,—я слушаю.... Малютка не смутился и нѣж-

но, музыкально, съ удивительною точностію пропѣлъ арію.... О!... mio caro!... ты мой избавитель!.. вскичалъ итальянецъ, когда Россини кончилъ репетицію.... Пойдемъ... пойдемъ!... Господа!... братья, други!... Вотъ prima donna!... вотъ, говорилъ обезумѣвшій отъ радости старикъ, въ то время, такъ уже нетерпѣніе зрителей ясно обнаруживалось хлопаньемъ въ ладоши и сильнымъ стукомъ.... Занавѣсъ взвился.... Мертвая тишина воцарилась въ балаганѣ.... И арія началась.... Малютка, съ удивительною смѣлостью выработывалъ самые трудные пассажи аріи, передавая ее отчетливо и изумительно-вѣрно.... Непостижимо!... Дивно!... браво! шепталъ Брандалачіо.... И публика повторяла слова его....

Съ этой минуты маленькій Джакомо сталъ ученикомъ стараго скрипача, но что могъ передать ему жалкій странствующій музыкантъ?... Въ нѣсколько уроковъ, добрякъ опустилъ руки и сталъ рѣшительно въ тупикъ, при невѣроятныхъ успѣхахъ мальчика. Такъ прошло пять лѣтъ.... Зародышъ великаго таланта, жаждавшій развитія, науки и совершенства, гибнулъ въ ничтожествѣ. Наконецъ судьба послала Россини учителя болѣе опытнаго. Анжело Тезей (1804 года), съ любовью занялся образованіемъ мальчика, и меньше, чѣмъ въ полгода, ученикъ, своими дивными успѣхами, вознаградилъ труды Тезея ... Всѣ восхищались правильнымъ, симпатическимъ пѣніемъ Джакома въ духовныхъ ораторіяхъ и миссахъ. Въ 1806 году имя Россини стало знакомо многимъ, и по совѣту любителей его таланта, онъ предпринялъ музыкальное путешествіе по Романіи. Здѣсь, часто останавливаясь въ небольшихъ городкахъ, онъ даже дирижировалъ оркестрами, и самъ игралъ на фортепьяно. Такимъ-образомъ безпрестанные успѣхи, постоянная похвала — подсказали молодому самолюбію артиста, что для того, чтобы вполнѣ заслужить славу и удивленіе, надо больше учиться и постоянно совершенствоваться. Въ этомъ случаѣ талантъ Россини нашелъ сильныхъ покровителей, и мальчикъ на пятнадцатомъ году своего возраста (1807 года), поступилъ въ Болонскую Консерваторію, гдѣ сдѣлался ученикомъ славнаго знатока музыки, Станислава Маттеи. Подъ руководствомъ этого контрапунктиста, Россини дѣлалъ невѣроятные успѣхи, постигъ всѣ тайны музыкальной механики, и съ жаромъ предался изученію законовъ гармоніи. Прекрасный новый міръ, полный чудныхъ вдохновеній, открылся тогда для пылкой души юноши и, въ 1808 году, ровно черезъ годъ по вступленіи въ Консерваторію, Россини рѣшился испробовать свои силы, и скоро порадовалъ своего добраго руководителя первымъ опытомъ творчества. Этотъ первый опытъ была увертюра и кантата,

которую онъ назвалъ: «*Il pianto d'Armonia.*» Успѣхи молодаго Россини не оставались безъ вознагражденія: вскорѣ онъ былъ сдѣланъ директоромъ пѣвческаго общества, называвшагося *Академіею единодушныхъ*. Молодая душа артиста жаждала путешествій. Россини особенно желалъ побывать въ Венеціи, для которой талантъ его готовилъ въ будущемъ огромное торжество.... Но бѣдность и нужда — всегдашній капиталъ артистовъ — мѣшали исполненію этого желанія.... Однако и въ этомъ случаѣ, счастіе, видимо начавшее ему покровительствовать, — дало средства осуществиться его желанію. Одна почтенная дама, почитательница музыкальныхъ способностей Россини, принимая въ немъ живое участіе, отправила его на свое иждевеніе въ Венецію. Тамъ онъ, въ 1810 году, написалъ оперу въ одномъ дѣйствіи, «La Cambiale di Matrimonio», а черезъ годъ, посѣтивъ снова Венецію, поставилъ на сцену новое свое произведеніе «L'Inganno felice.» Опера эта дана была во время карнавала, и имѣла огромный успѣхъ; знатоки находили въ ней много свѣжихъ, самобытныхъ идей и большое богатство мелодіи. Но 1813 годъ былъ годомъ перваго и высокаго торжества для артиста. Слава его таланта разнеслась далеко, по всей Италіи. Въ этомъ году онъ сочинилъ свою знаменитую, прекрасную по исполненію и богатую нѣжными, дивными мелодіями, оперу «Танкредъ.» Она была сыграна въ первый разъ въ Венеціи, во время карнавала, и имѣла успѣхъ неимовѣрный. Опера угодила на всѣ вкусы: всѣ слушатели находили въ ней одинакія прелести.... И всѣ, отъ гондольера, до богатаго сеніора, повторяли «Ti reverdra, mi revidrai».... Россини торжествовалъ; ему было двадцать лѣтъ отъ роду. Молодой, красивый, статный, талантливый, могъ ли онъ быть не любимъ всѣми? Въ этомъ-же 1813 году, онъ былъ вызванъ въ Миланъ и подарилъ милавцевъ прекрасною комическою оперою «Pietro di Paragone.»

Обласканный соотечественниками, знакомый почти со всѣми городами Италіи, гдѣ съ наслажденіемъ слушали его оперы, гдѣ многіе его аріи пріобрѣли даже народность, — Россини, какъ добрый сынъ, и въ упоеніи счастія не позабылъ своихъ родныхъ. На слѣдующій годъ онъ посѣтилъ Пезаро, свидѣтеля его младенчества, его ранней жизни, полной нищеты и заботъ.

II.

Какъ всякій талантъ, какъ всякій успѣхъ имѣютъ своихъ завистниковъ, своихъ недоброжелателей, такъ точно и Россини на-

жилъ ихъ въ лицѣ болонскихъ профессоровъ, которые доказывали, что молодой маэстро пишетъ свои оперы безъ всякихъ правилъ, не руководствуясь законами музыки. Но эти несправедливости (которыя, правда, были не безъ основанія), не могли уже имѣть вліянія на ту громкую славу, которою пользовался молодой композиторъ.

Большая часть 1813 и 1814 годовъ посвящены были имъ путешествію, въ которое онъ объѣздилъ всѣ города Италіи, гдѣ только существуютъ театры.... Узнавая свѣтъ, людей и жизнь, обогащаясь полезнымъ опытомъ, Россини въ тоже время обогащалъ театры прекрасными произведеніями своего рѣдкаго таланта.... Ведя, можно сказать, жизнь кочевую, разсѣянную, полную разнообразія — среди постоянныхъ переѣздовъ и торжествъ, онъ успѣвалъ въ годъ написать по шести и семи оперъ, получая за каждую по тысячѣ франковъ, а иногда и больше.

Однажды, во время путешествія, молодой композиторъ былъ нечаянно обрадованъ встрѣчею съ старымъ знакомымъ. Это было утромъ: Россини, возвращаясь съ репетиціи, замѣтилъ у трактира (гдѣ онъ имѣлъ временную квартиру), толпу народа, собравшуюся около бѣднаго старика, покрытаго жалкимъ рубищемъ. Старикъ, съ навернувшимися на сѣдыхъ рѣсницахъ слезами, и, увлекаясь чувствомъ музыканта, разыгрывалъ одну изъ арій «*Танкреда*».... Браво! Браво! раздалось въ толпѣ, когда старикъ окончилъ арію.... Это музыка Россини!... Очаровательная музыка!.. восклицали слушатели. — «Да, сказалъ тогда старый музыкантъ, встряхнувъ сѣдыя кудри, и отеревъ слезу, — да, повторилъ онъ,— эта дивная, увлекательная музыка — Россини!... того Россини, который еще малюткой слушалъ эту скрипку, которую и вы теперь слушаете.... того Россини, который учился подъ эту скрипку.... и старикъ съ жаромъ поцѣловалъ свой инструментъ.... Да, братья, говорилъ онъ.... я былъ когда то счастливъ, я имѣлъ хлѣбъ; а теперь вымаливаю его на дождѣ и холодѣ! я, который первый посвятилъ нашего великаго композитора въ тайны музыки и пѣнія, я гибну, прозябаю.... а за что?... За то, что старъ!... Тяжела, братцы, старость при нищетѣ.... О, какъ тяжела!... Мнѣ отказываютъ всѣ антрпренеры и не даютъ мѣста въ оркестрѣ, потому, что мнѣ не во всякое время могутъ служить мои дряхлыя руки. О, если-бы судьба послала мнѣ на встрѣчу Россини, — онъ, я увѣренъ, помогъ бы своему старому другу и учителю, — онъ былъ добрый, честный мальчикъ.... Впрочемъ, кто знаетъ, каковъ-то онъ теперь! быть можетъ, слава и достатокъ избаловали его».... грустно добавилъ музыкантъ. Россини узналъ въ немъ своего

стараго болонскаго скрипача, и, раздвинувъ толпу слушателей, быстро подошелъ къ бѣдняку. — Не правда, старикъ!... сказалъ онъ, ты ошибаешься: Россини для друзей, родныхъ и для всѣхъ въ мірѣ, всё таковъ-же, какъ былъ и за пятьнадцать лѣтъ.

Мгновенная радость отразилась въ мутныхъ и слабыхъ глазахъ старика, онъ уставилъ ихъ неподвижно на молодое, полное жизни лицо Россини; казалось, какое-то сомнѣніе боролось въ душѣ страдальца, казалось, онъ боялся вѣрить своимъ глазамъ, своей памяти.... и наконецъ прошепталъ: Такъ это ты!... я не обманываюсь.... съ крикомъ: Россини! Россини!... кинулся на шею своего бывшаго ученика, крѣпко сжимая его своими костлявыми руками. Композиторъ, увлекаясь чувствомъ воспоминанія о дѣтствѣ, съ горячностію обнялъ сѣдую голову странника и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее.... Толпа зрителей, растроганная такою наивною сценою, съ громкимъ, веселымъ крикомъ проводила друзей въ трактиръ.

Добрый Россини былъ по истинѣ счастливъ въ этотъ день: онъ нашелъ стараго друга и, облагодѣтельствовавъ его, доставилъ ему по смерть мѣсто въ провинціальномъ оркестрѣ....

Между-тѣмъ, оперы и талантъ Россини, пріобрѣтая постоянно все большее развитіе, дѣлали болѣе и болѣе имя его извѣстнымъ въ музыкальномъ мірѣ. Его произведенія уже играись на всѣхъ европейскихъ театрахъ.

Наконецъ и Неаполь, этотъ храмъ музыки, этотъ городъ, въ стѣнахъ котораго родилось столько музыкальныхъ геніевъ, вызвалъ Россини, поставивъ ему въ обязанность дарить своихъ почитателей каждогодно двумя операми. Россини пріѣхалъ туда въ 1814 году, въ то самое время, когда театръ Санъ-Карло, великолѣпное зданіе, дивной архитектуры и украшеніе Неаполя, былъ уничтоженъ пожаромъ. Но Барбаія, директоръ театра, далъ слово королю Фердинанду, что въ девять мѣсяцевъ онъ выстроитъ другой театръ, огромнѣе и великолѣпнѣе прежняго. Барбаія сдержалъ свое слово. Россини, пользуясь расположеніемъ директора, съ обычною дѣятельностію и быстротою принялся за созданіе новыхъ оперъ, въ которыхъ главныя партіи писалъ для примадонны неаполитанской сцены, Изабеллы Кольбранъ, къ которой былъ неравнодушенъ. Кольбранъ, съ 1806 по 1810 годъ, считалась первою пѣвицею въ Европѣ; но въ послѣдствіи, съ годами, сталъ измѣнять ей голосъ, и разборчивый, тонкій музыкальный слухъ неаполитанцевъ уже находилъ въ ея пѣніи много недостатковъ и сталъ замѣтно охладѣвать къ своей любимицѣ. Россини поддержалъ славу Кольбранъ, клонившуюся къ упадку. Сообразивъ всѣ не-

достатки ея голоса, онъ написалъ нарочно для нея нѣсколько оперъ, въ которыхъ съ большимъ искусствомъ избѣжалъ мѣстъ, недоступныхъ пѣвицѣ, и въ то же время ярко выставилъ всѣ свѣтлыя стороны ея голоса и таланта.... Одна изъ такихъ оперъ, имѣвшихъ блистательный успѣхъ «*Елисавета*», написана имъ въ 1815 году. Въ 1816 году сочинилъ онъ оперу. «*Торвальдо и Дорлиска*»; а въ бытность свою въ Римѣ, въ томъ-же году, подарилъ Европу своимъ «*Севильскимъ цирюльникомъ*». Въ послѣдующія два года лучшими изъ произведеній Россини были, безъ сомнѣнія, оперы «*Отелло*», «Cenerentola» и «*Сорока-воровка*»; послѣдняя написана въ Миланѣ. При новомъ посѣщеніи имъ Неаполя, на театрѣ Санъ-Карло была дана его опера «*Армида*», написанная также превосходно, какъ и предыдущія, но она не имѣла того успѣха, какимъ пользовались другія оперы Россини. Здѣсь неуспѣхъ пьесы зависѣлъ болѣе оттого, что публика желала дать почувствовать госпожѣ Кольбранъ недостатки ея голоса. Это обстоятельство очень опечалило композитора, до того незнакомаго съ неудачами, и онъ рѣшился поправить свое первое горе. Россини написалъ тогда оперу, въ которой онъ все свое вниманіе обратилъ на оркестръ, пожертвовавъ ему вокальными красотами. Такимъ образомъ, второстепенный предметъ сдѣлался въ этомъ произведеніи главнымъ. Опера была принята съ неописаннымъ восторгомъ.

Россини, уступая Моцарту въ родѣ важномъ и возвышенномъ, а Чимарозѣ въ комическомъ, едва-ли имѣетъ себѣ равнаго въ живости, быстротѣ и оригинальности переходовъ.... Всѣ его созданія носятъ на себѣ характеръ живой, свѣтлый, веселый.... Маэстро въ самомъ дѣлѣ таковъ. Быстрота, съ какою онъ писалъ свои оперы, изумительна и почти невѣроятна. Разсказываютъ, что за нѣсколько дней до представленія «*Моисея*», Россини находился еще въ постелѣ, окруженный своими невзыскательными друзьями, какъ вошелъ къ нему стихотворецъ Татоло, написавшій либретто для этой оперы.... По всему было замѣтно, что бѣдный риомачь торопился и потому, едва переводя духъ,—онъ съ низкимъ поклономъ обратился къ композитору, подавая ему свертокъ бумагъ.

Maestro!... сказалъ Татоло, вы обязаны мнѣ: я сохранилъ вамъ третій актъ....

— Право?... спросилъ Россини; слышите, господа, продолжалъ онъ съ ироническою улыбкой, успѣхъ моей оперы будетъ обязанъ генію сеньора Татоло.

— Maestro!... продолжалъ жалобнымъ голосомъ піита, я написалъ молитву менѣе, чѣмъ въ часъ, клянусь вашею славой!...

— Въ часъ? спросилъ Россини....

— Ей-ей, въ часъ, въ одинъ только часъ! отвѣчалъ Татоло тѣмъ-же жалкимъ голосомъ.

— Ну, братъ, такъ не чѣмъ-же похвастать, сказалъ тогда веселый композиторъ.... Если ты въ цѣлый часъ успѣлъ только написать нѣсколько строкъ, продолжалъ онъ, то я положу ихъ на музыку въ нѣсколько минутъ.... Сказавъ это, Россини сѣлъ за письменый столикъ, и при шумѣ и говорѣ друзей, написалъ въ четверть часа музыку для молитвы, которая послѣ оказалась самымъ лучшимъ и геніальнымъ мѣстомъ во всей партитурѣ.

Пріобрѣтя славу европейскаго композитора, Россини въ тоже время пріобрѣлъ и богатство чрезъ женитьбу на госпожѣ Кольбранъ.

Въ церковной музыкѣ маэстро имѣлъ также необыкновенный успѣхъ; въ 1816 году была имъ въ Неаполѣ написана месса, которой успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія знатоковъ.

Плодовитость этого музыкальнаго генія по истинѣ необыкновенна: въ 32 года своей жизни онъ успѣлъ написать 45 оперъ и каптатъ и между ними — «Вильгельма Теля» и «Stabat mater»! Двухъ послѣднихъ достаточно, чтобы обезсмертить четырехъ композиторовъ.

—

ЖЕРТВА ПѢВИЦЫ.

Имя сеньоры Тези, примадонны большаго Вѣнскаго театра, теперь совершенно забытое, когда-то было знаменито, предшествуя славѣ Пасты и Зонтагъ. Вотъ одно, весьма интересное обстоятельство изъ ея жизни, заимствованное нами изъ разсказовъ одного изъ ея современниковъ.

Сеньора Тези была красавица; ей было только двадцать лѣтъ Въ это время она любила всѣмъ сердцемъ одного молодаго барона, изумлявшаго столицу Австріи своимъ богатствомъ, роскошью, и рыцарскими похожденіями. Блестящая, залитая брилліантами на вечерахъ и гуляньяхъ, она нерѣдко являлась, утромъ, въ жалкихъ лачугахъ, чтобы облегчить скорбь бѣднаго семейства или помочь какому нибудь несчастному артисту.

Сеньора Тези была совершенно счастлива и своею жизнью, и любовью молодаго барона. — Но вдругъ узнаетъ она, что тотъ, кто такъ ослѣплялъ всѣхъ своею пышностію, которому она принесла на жертву свои думы и сердце — лишился всего своего имѣнія

въ азардной игрѣ и сдѣлался просто нищимъ. Не колеблясь ни минуты, сеньора Тези сбираетъ всѣ свои сокровища, чтобы спасти только честь возлюбленнаго.... Сколькихъ слезъ стоило ей чтобы преодолѣть упорство барона и заставить его принять ея жертву!... Обстоятельство это скоро сдѣлалось извѣстнымъ и теперь Вѣнцы восхищались не однимъ ея высокимъ талантомъ, но и прекраснымъ, великодушнымъ поступкомъ и принимали пѣвицу съ бо̀льшимъ восторгомъ и любовью, чѣмъ прежде. Не смотря на это — сеньора Тези грустила много и глубоко, встрѣчая пасмурное и озабоченное лицо барона, которое ясно показывало, что ему не легко сносить такое униженіе. — Изрѣдка только ласки и заботливость пѣвицы могли разогнать черныя думы барона, при мыслѣ о пятнѣ, которое наложила на него эта исторія.

Такъ прошелъ годъ, цѣлый годъ тоски и грусти. Вдругъ баронъ сдѣлался богаче, чѣмъ прежде, получивъ неожиданно огромное наслѣдство. Благородная и возвышенная душа барона, увлекаясь чувствомъ признательности, не могла забыть жертвы сеньоры Тези, и молодой человѣкъ рѣшился достойнымъ образомъ уплатить долгъ свой. Онъ предложилъ ей свою руку. Слѣдствіемъ этого поступка, почти безпримѣрнаго въ то время въ Германіи, были неизбѣжные толки и сужденія. Одни говорили, что баронъ слишкомъ далеко увлекся признательностію; другіе, напротивъ, отдавая полную справедливость благородству пѣвицы, хвалили поступокъ барона, утверждая, что онъ нисколько ни унижаетъ себя, соединясь съ женщиною, которой вся жизнь заключалась въ любви къ нему.

Какъ-бы то ни было, но баронъ, желая придать своему предложенію болѣе торжественности, сдѣлалъ его публично, въ блестящемъ кругу друзей и вѣнской аристократіи. — «Господа, сказалъ онъ, когда я былъ богатъ, я любилъ сеньору Тези, но, по обстоятельствамъ, медлилъ повершить свое благополучіе; въ несчастіи я нашелъ въ ней друга: она отдала мнѣ все, что имѣла, и добровольно подверглась самымъ тягостнымъ лишеніямъ. Ни одной жалобы не слышалъ я отъ нея.... Я обязанъ теперь публично доказать ей мое уваженіе и уплатить мой старый долгъ. Вотъ бумага, въ силу которой я отдаю сеньорѣ Тези половину моего имѣнія.... всего я предложить не смѣлъ.... и теперь, для моего счастія и спокойствія, прошу руки ея.... И если она сдѣлаетъ мнѣ эту честь, то я смѣло могу сказать, что ни у одного еще барона не было благороднѣйшей супруги».

Сеньора Тези не выдержала этой сцены. Она упала въ обморокъ. На другой день баронъ получилъ отъ нея записку слѣдую-

щаго содержанія. «Съ радостными слезами, съ невыразимымъ восторгомъ, вспоминаю я о томъ, что вы вчера сдѣлали.... Мнѣ-бы надо было умереть вчера. — Сегодня я вполнѣ чувствую, чѣмъ обязана вамъ и себѣ; я холодно измѣрила растояніе, раздѣляющее насъ.... никогда не буду вашею женою.... Никогда комедіантка не будетъ матерью вашихъ дѣтей! Я не говорю о вашемъ имѣніи; съ моимъ талантомъ я всегда найду средства, къ жизни, и не имѣю никакого права на наслѣдство, которое вы должены оставить тѣмъ, кто со временемъ будетъ носить ваше имя».

Баронъ не отчаявался однако-же. Онъ показывалъ всѣмъ письмо сеньоры Тези — и все высшее вѣнское общество желало, чтобы ему удалось преодолѣть такое благородное сопротивленіе. Но актриса не измѣнила своему слову. Наконецъ баронъ написалъ ей такую эксцентрическую записку: «Если черезъ недѣлю я не буду вашимъ мужемъ, то застрѣлюсь — и умру, не возстановивъ своей чести, какъ несостоятельный должникъ».

Тогда сеньора Тези прибѣгла къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Она отыскала какого-то бѣднаго ремесленника, и предложила ему свою руку. При такомъ предложеніи богатой и прекрасной женщины, бѣдный мастеровой не зналъ, что и думать. Онъ только хлопалъ глазами, вертя въ рукахъ поношенную свою шляпу.

Бракъ совершенъ былъ съ величайшею тайною отъ барона. Вѣсть объ этомъ происшествіи разнеслась въ тотъ-же вечеръ по всему городу и, разумѣется, возбудила всеобщій восторгъ. Театральный оркестръ далъ ей серенаду; а старшій бургомистръ, которому Императоръ поручилъ изъявить ей свое благоволеніе, былъ до того растроганъ, что только могъ сказать: — «Шестдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ, и еще никогда не встрѣчалъ подоброй женщины».

Осыпанная похвалами и уваженіемъ всѣхъ, сеньора Тези оставила сцену и столицу и наслаждалась своимъ прекраснымъ поступкомъ.

—

МАРІЭТТА АЛЬБОНИ, ВЕЛИКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПѢВИЦА.

(*Статья Дартенэ.*)

Альбони еще очень молода; ей двадцать пятый годъ, а она уже поставила себя на ряду съ первоклассными жрицами искусства: съ Каталани, Грасcини, Пастой, Малибранъ, Зонтагъ, Пер-

сіяни, Гризи, Даморо-Чивти и Віардо Гарсіей. Женни-Линдъ дѣлаетъ больше шуму; она можетъ гордиться и восхищаться баснословно эксцентричными овапіями Ливерпуля и Нью-Іорка, но шведская пѣвица, или скорѣе шведскій *соловей*, какъ называютъ ее, никогда не пѣла въ Парижѣ, и потому мы не въ правѣ судить о ней. Энтузіазмъ французовъ разсудителенъ, строгъ; они расточаютъ Альбони рукоплесканія и букеты, даютъ ей двѣ тысячи франковъ за представленіе, но не впрягаются въ ея карету, по примѣру сѣверо-американцевъ, не платятъ за поцѣлуй перчатки небывалыхъ суммъ. Да, и сама артистка, какъ женщина очень умная, посмѣялась-бы надъ такимъ изступленіемъ.

Альбони идетъ прямой дорогой, безъ зависти, безъ интригъ, не прибѣгая къ тысячѣ и одной уловкѣ шарлатанизма. Она пренебрегаетъ даже журнальными фельетонами, этими трубами извѣстности, и мы сомнѣваемся, чтобъ нашелся въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ, фельетонистъ, обладающій автографомъ Альбони. Простота ея невѣроятна: это добродушіе, доведенное до безпечности. Альбони не заботится ни о деньгахъ, ни о славѣ. Она поетъ для того, чтобъ пѣть; въ этомъ ея утѣха и счастіе! Она поетъ изъ того-же побужденія, изъ какого Лафонтенъ создавалъ свои басни.

Рѣдкій артистъ надѣленъ такой добротой и снисходительностью. Она всегда готова на услугу, и если поетъ въ бенефисъ товарища, — то поетъ съ радостью и отъ чистаго сердца. Два года назадъ, она должна была участвовать въ музыкальномъ утрѣ, въ бенефисъ одного изъ самыхъ скромныхъ актеровъ Итальянскаго Театра. Зала уже блистала нарядами, а Альбони не являлась. Бросаются за ней. Великая пѣвица наслаждалась еще тихимъ, безмятежнымъ сномъ; на-скоро одѣвается она въ свое обыкновенное выходное платье, — терять времени было некогда, и въ этомъ простомъ нарядѣ является передъ публикою. Одежда ея казалась простымъ неглиже передъ роскошнымъ нарядомъ госпожи Ронкони, но Альбони заставила забыть сравненіе — своей граціозной улыбкой, своимъ милымъ, свѣженькимъ личикомъ и ласковымъ взглядомъ. Публика была очарована. Она пропѣла *Brindisi*, — въ которомъ ни одна изъ пѣвицъ въ мірѣ не сравнится съ нею,— правильно, чисто, легко, увлекательно. Послѣ грома оглушительныхъ браво, со всѣхъ сторонъ раздалось: bis! bis! Альбони подошла съ неподражаемой улыбкой на устахъ и во взорахъ и дивно повторила свою арію. Въ-самомъ-дѣлѣ и во второй разъ она пропѣла арію съ выраженіемъ, которое прямо говорило: «Это доставляетъ имъ удовольствіе, а мнѣ такъ легко»!

И въ самомъ-дѣлѣ легко ей : Альбони будетъ пѣть съ утра до вечера и, кажется, не почувствуетъ усталости. Въ ея пѣніи ничто не обнаруживаетъ напряженія. Чуденъ этотъ единственный, богатый и твердый органъ; удивительна гортань, откуда безъ усилія, какъ вода источника, льются плавныя, чистыя, серебристыя, звучныя ноты.

Исторія искусства не представляетъ намъ примѣровъ другой подобной музыкальной организаціи, по роскоши и полнотѣ. Голосъ Альбони самое рѣдкое и симпатическое контральто. Хорошихъ контральто встрѣчается мало и, изъ знаменитыхъ, извѣстны Малаготта, Пизарони, Чекконе, Маріани, Маріэтта Брамбилла, де-Меринъ. Мы не ставимъ на ту же степень госпожъ Анери и Гафориви, которыя, безъ сомнѣнія, не лишены таланта, но принадлежатъ ко второму разряду. Альбони замѣчательна не только могуществомъ и пріятностію органа, но что удивительнѣе, она имеццо-сопрано, и сопрано, и контральто. По обширности голоса, она можетъ пѣть, съ равнымъ достоинствомъ, и роль контральто въ «*Маріи ди Роганъ*», написанную для Маріэтты Брамбиллы, когда та принялась уже за серьозныя партіи, и роль Розины, въ «*Севильскомъ Цирюльникѣ.*»

Къ этому богатству органа, Альбони присоединяетъ неподражаемую методу, методу классическую, если можно такъ выразиться. Свобода вокализаціи дѣлаетъ ей доступнымъ какъ драматическій родъ, такъ и легкій, и даже въ самыя патетическія минуты сохраняетъ она всегда ровность голоса, правильность интонаціи и поразительную звучность, которыя отличаютъ ея талантъ. Гибкость ея гортани изумительна; она можетъ поспорить со всѣми соловьями въ мірѣ, не исключая и шведскаго.

Манера Альбони неподражаема въ отношеніи правильности, простоты, вкуса и изящности. Хотя геній всегда самъ прокладываетъ себѣ дорогу, не безполезно сказать, впрочемъ, что Альбони воспитывалась подъ руководствомъ Россини!

Маріэтта Альбони родилась, въ 1826 году, въ Сезенѣ, и принадлежитъ къ одной изъ благородныхъ фамилій Романіи. Отецъ ея былъ капитанъ. Онъ далъ превосходное образованіе Маріэттѣ, у которой рано проявилась наклонность къ музыкѣ. Одиннадцати лѣтъ она уже, съ перваго взгляда, разбирала самыя трудныя аріи.

Сначала занималась она у скромнаго профессора, по имени Баджіоли, который училъ ее въ продолженіе двухъ лѣтъ. На пятнадцатомъ году она поступила въ Болонскую Консерваторію, управляемую Россини. Знаменитый композиторъ тотчасъ оцѣнилъ эту

удивительную артистическую натуру и обратилъ на нее особенныя попеченія. Съ отеческой любовью обработывалъ онъ эту понятливость и прекрасныя музыкальныя способности. Онъ заставилъ ее снова начать всю науку пѣнія и руководствовалъ ее самъ.

Марьэттѣ не было еще и пятнадцати лѣтъ, когда Россини подписалъ за нее контрактъ съ Болонскимъ театромъ. Она дебютировала въ «*Сафо*» съ необычайнымъ успѣхомъ. Слушатели были не только увлечены рѣдкимъ достоинствомъ ея голоса, но и поражены смѣлостью и чистотою манеры.

Послѣ тріумфовъ въ Болоньи, молодая пѣвица, сознавая собственныя силы, и уже увѣренная въ самой себѣ, пожелала пѣть на театрѣ Фениче въ Венеціи; но импрессаріо не хотѣлъ даже и слышать ее. При этомъ случаѣ Альбони показала, что она любитъ преодолѣвать всевозможныя трудности. Это одно изъ характеристическихъ отличій Альбони. Въ Венеціи былъ маленькій вѣтхій театръ, гдѣ играли странствующіе комедьянты. Молодая дѣвушка отправляется къ управляющему труппою.

— Вотъ, что я предлагаю вамъ, сказала она; я поправлю на свой счетъ вашу залу, буду играть съ мѣсяцъ, не долѣе, потому что я ангажирована на театръ *la Scala*, въ Миланѣ, и мы подѣлимся прибылью.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ обрадованный директоръ.

На другое-же утро, работники принялись за дѣло. Залу поправили мигомъ и черезъ нѣсколько дней Альбони дебютировала съ такимъ успѣхомъ, что на второе представленіе зала была полнехонька. Черезъ мѣсяцъ была уплачена поправка театра и осталось еще сорокъ тысячъ франковъ, которые предпріимчивая артистка раздѣлила съ счастливымъ импрессаріо.

Альбони поѣхала въ Миланъ, гдѣ произвела неслыханный фуроръ. Изъ сосѣднихъ городовъ стекались слушать этого генія.

Проведя четыре сезона на театрѣ *la Scala*, Альбони посѣтила Германію и Россію. По-итальянски пѣла она въ Миланѣ; по-нѣмецки въ Вѣнѣ. Она можетъ пѣть прекрасно по-французски, по-англійски и по испански, потому что Альбони говоритъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Петербургѣ, она была осыпана рукоплесканіями, тріумфами, цвѣтами и бриліантами. Слухъ о ея извѣстности побудилъ г на Персіани, мужа знаменитой пѣвицы того-же имени, ангажировать Альбони на Ковентгарденскій театръ, въ Лондонъ, котораго онъ былъ тогда антрпренеромъ. Онъ послалъ нарочнаго въ Италію, но никто не зналъ, гдѣ на-

ходилась Альбони. Прослушавъ ее больше мѣсяца, Персіани прочелъ случайно въ одной нѣмецкой газетѣ, что Альбони, послѣ Петербургскаго сезона, наслаждалась пріятностями отдыха въ скромной виллѣ, на берегахъ Рейна.

Альбони прибыла въ Лондонъ въ 1846 году и дебютировала на Ковентгарденскомъ театрѣ, въ то время, когда Женни Линдъ пѣла на Королевскомъ. Она была принята съ восторгомъ; вся англійская журналистика почтила ее пышными похвалами, ее сравнивали съ Женни Линдъ и не одинъ критикъ ставилъ ее выше шведской пѣвицы, по достоинству органа и наружной граціи.

Наружность Альбони привлекательна; ростъ ея немного выше средняго и она хорошо сложена. Альбони свѣжа, игрива, можно сказать, что она дышетъ здоровьемъ. Цвѣтъ лица удивительный; большіе голубые глаза, опушенные длинными черными рѣсницами, сверкаютъ жгучими искрами; темные, блестящіе волосы обрамливаютъ чудную головку и лобъ, на которомъ видна яркая печать разума. Жемчужные зубы и розовый ротикъ придаютъ живую привлекательность ея обычной улыбкѣ. Движенія ея просты, скромны и непринужденны.

Эти качества соблазнили англичанъ и одинъ остроумный лондонскій фельетонистъ сказалъ, что она *волшебница въ своемъ искуствѣ.*»

Въ октябрѣ 1847 года Альбони пріѣхала въ Парижъ; она дала на оперной сценѣ четыре концерта, которые ознакомили публику съ ея магическимъ талантомъ. Но въ сезонъ Итальянскаго театра, 1848—1849, парижскій дилеттантизмъ вполнѣ могъ оцѣнить эту великую пѣвицу; она пѣла всѣ свои любимыя партіи въ «*Лукреціи Борджіи*», въ «*Ченерентолѣ*», «*Сорокѣ воровкѣ*», Розину въ «*Севильскомъ цирюльникѣ*», Арзаса въ «*Семирамидѣ*», и проч. Хотите знать эффектъ, произведенный ею въ этотъ сезонъ? — Довольно посовѣтоваться съ свидѣтельствомъ журналовъ и газетъ.

Сильвенъ Сентъ-Этьенъ, давая отчетъ о представленіи *Семирамиды*, говорилъ, въ своемъ фельетонѣ въ «Opinion publique», отъ 12 февраля 1849, что г-жа Альбони не имѣла всей нужной силы въ роли Арзаса, но прибавлялъ:

«Госпожа Альбони и въ этой роли пѣвица неподражаемая; она раскрыла въ пѣвучей партіи Арзаса талантъ высокій. Невозможно представить себѣ голоса роскошнѣе и бархатнѣе, подчиненнаго болѣе правильной и вѣрной методѣ. Ни одного сомнительнаго, неконченнаго звука, который заставилъ-бы пожалѣть, что пѣвица слишкомъ далеко зашла въ этомъ лабиринтѣ, усѣянномъ

безчисленными вокализами и руладами. Напротивъ, она побѣждаетъ ихъ съ такою легкостію, господствуетъ надъ всѣми трудностями пѣнія такъ, что, только въ точности изучивъ партицію, удостовѣряешься, что это натуральное выполненіе, которое кажется игрою для артиски, скрываетъ самые сложные подробности для голоса.»

Мы еще до сихъ-поръ помнимъ тріумфы Альбони въ операѣ «*Итальянка въ Алжирѣ.*»

«Госпожа Альбони, говорилъ Аданъ въ «Constitutionnel», отъ 3-го февраля 1849, выполняетъ послѣднюю арію такъ, что всѣ воспоминанія исчезаютъ и похвала преклоняется предъ геніальной артисткой.»

Вотъ слова господина Делеклюза въ фельетонѣ «*Журнала Преній,*» отъ 3 го февраля 1849:

«Всѣ были поражены преобразованіемъ, совершившимся въ талантѣ молодой виртуозки.... Какъ силенъ комизмъ, съ которымъ она отвергаетъ нѣжности Таддео въ дуэттѣ «Ai capriccі della sorte....» Надо видѣть ее въ «*Итальянкѣ,*» чтобъ имѣть понятіе о непринужденности, о граціи и о вѣрности, съ которыми она схватываетъ и передаетъ всѣ сценическіе оттѣнки; но въ послѣдней сценѣ, когда на берегу она готовится къ отплытію съ своими итальянцами, и ободряетъ возлюбленнаго, говоря:

Pensa alla patria, e intrepido
Il tuo dovere adempi, etc.

актриса придаетъ своему пѣнію всю возможную энергію, не отнимая у него ни классическаго совершенства, ни умѣренности, требуемой искусствомъ.»

Альбони показала въ роли *Нинетты*, въ «*Сорокѣ-воровкѣ,*» что она не только изящна и умна, но и умѣетъ играть съ энергіею и страстью. Прочтите, что писалъ объ этомъ Луи Денойе въ фельетонѣ газеты «Siècle,» 28 февраля 1849:

«Она выполняла роль Нинетты въ первый разъ, по-крайней мѣрѣ, въ Парижѣ. Она сыграла хорошо и пропѣла партію не только съ очарованіемъ, которое неразлучно съ нею, но и съ чувствомъ. Никогда, въ особенности главный мотивъ, оканчивающій превосходную сцену судилища, не производилъ такого вліянія на нашу избалованную публику. Этотъ мотивъ, который почти всегда пѣли, какъ простое аллегро, принялъ въ устахъ Альбони свой настоящій характеръ и колоритъ. То было отчаяніе въ аллегро. Вотъ чего любители чисто декламаторской манеры никогда не понимали. Мы свидѣтельствуемъ пѣвицѣ такую-же похвалу за

выраженіе, съ которымъ передала она шествіе на казнь и скорбную молитву. Лучше нельзя плакать голосомъ. Если Альбони будетъ постоянно такъ совершенствовать то, чего не доставало ей, и сохранять и улучшать то, чѣмъ обладаетъ, мы не найдемъ ей соперницъ, даже въ прошедшемъ.»

Подобное же мнѣніе Ипполитъ Прево выразилъ въ «Moniteur Universel.»

«Госпожа Альбони, говорилъ онъ, увлеченная силою положеній, выказала, въ роли *Нинетты*, драматическое выраженіе, котораго никто не предполагалъ въ ней; она сильно потрясла слушателей воплями отчаянія въ сценѣ, когда послѣ осужденія на смерть, ее исторгаютъ, среди чудно-развитаго финала, изъ объятій Фердинанда, арестованнаго за побѣгъ. Въ молитвѣ печальнаго шествія голосъ ея поразилъ патетическими звуками.»

Вотъ, что думала объ Альбони критика въ началѣ 1849 года, а теперь, съ-тѣхъ-поръ, какъ Альбони поетъ въ Оперѣ, похвалы не перестаютъ расточаться ей. Удивителенъ талантъ, который развила она въ роли *Фидесы*, въ оперѣ «Пророкъ», заступая мѣсто таланта первокласснаго, госпожи Віардо-Гарсіи. Но, можетъ-быть, еще значительнѣе было выполненіе ролей *Леоноры*, въ «Фавориткѣ», и *Одетты*, въ «Карлѣ VI». Свѣжи похвалы журналовъ; публика не могла ихъ забыть и къ тому-же тріумфы, которыми увѣнчалась въ этихъ пьесахъ знаменитая пѣвица, продолжаются до нынѣ. Впрочемъ, мы приведемъ здѣсь мнѣніе Леклера, умнаго и справедливаго писателя, выраженное имъ фельетонѣ одной французской газеты:

Возобновленіе «Карла VI» имѣло двойной интересъ — возвратить сценѣ одно изъ полныхъ и грандіозныхъ твореній репертуара и обрадовать насъ госпожею Альбони въ новой роли, — въ роли *Одетты*. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, при этой быстрой и глубокой воспріимчивости, этой могущественной организаціи, которою одарена неподражаемая артистка, не смотря на трудности чуждаго ей языка, приготовила она три главныя роли, самыя сложныя и драматическія на нашей новѣйшей лирической сценѣ, роли Фидесы, Леоноры, изъ «Фаворитки», и Одетты, изъ «Карла VI».

«Блестящіе и великолѣпные успѣхи, которые госпожа Альбони пріобрѣла въ первыхъ двухъ лицахъ, не измѣнили ей и въ третьемъ. Нѣтъ серьезной трудности, которой-бы не преодолѣла великая артистка, такъ увѣрена она въ себѣ и въ своемъ искусствѣ, и то, что послужило-бы гибелью для другой — для нея дѣлается ручательствомъ громкихъ тріумфовъ. Роль Одетты, переданная госпожею Альбони, приняла новую физіономію. Быть можетъ въ

ея выполненіи не столько страсти, жару, геройства, чѣмъ въ выполненіи госпожи Штольцъ, но въ ней болѣе кротости, исторической вѣрности, если можно выразиться такъ, болѣе сокровеннаго чувства, болѣе нѣжной, чарующей меланхоліи.

«Всѣ трогательныя мѣста роли были выражены пѣвицею съ непзъяснимою граціею, съ той вѣрностью выполненія, съ тѣмъ изящнымъ вкусомъ, свѣжестію, непринужденностію и неимовѣрнымъ вдохновеніемъ, которыми отличается ея талантъ. Въ партіяхъ, гдѣ дѣйствіе становится сильнѣе и дружно сопровождаетъ пѣніе, напримѣръ, въ дуэттѣ *картъ* и въ аріи съ орифламмою въ пятомъ актѣ, госпожа Альбони, безъ сомнѣнія, не поражаетъ ни силою, ни безстрашіемъ, ни героизмомъ, какія развивала съ такимъ драматическимъ энтузіазмомъ ея предшественница. Но развѣ это ошибка пѣвицы? — Нѣтъ, скорѣе вся отвѣтственность падаетъ на эти произведенія, которыя исключительно пишутся для одного артиста и въ которыхъ разсчитываютъ на двойной эффектъ сильной и страстной игры актера и музыкальное содѣйствіе. Теперь ясны неудобства направленія, которое хотѣли дать лирическому искусству, представленіемъ оперъ драмъ, какъ напримѣръ, «Фаворитка» и «Карлъ VI».

Въ заключеніе нашего обозрѣнія, скажемъ, что 15 октября госпожа Альбони покинула парижскую оперную сцену и отправляется въ Мадридъ, куда призываетъ ее блестящій контрактъ, заключенный ею съ театромъ de l'Oriente.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Bald iſt es dieß, bald iſt es das;
Bald iſt es nichts, bald iſt es was.

КОСТРОМСКОЙ ТЕАТРЪ.

(Письмо В. Н. Пагожева.)

Въ Костромѣ есть театръ, съ двумя ярусами висячихъ ложъ, съ шестью литерными ложами, со ста сорока креслами, съ пятидесятью мѣстами за креслами, съ пятидесятью мѣстами въ амфитеатрѣ и сотнею мѣстъ въ галлереѣ. — Слѣдовательно, театръ во всей формѣ. О внутреннемъ расположеніи нельзя еще отозваться положительно, потому что театръ не совсѣмъ отдѣланъ; но ложи помѣстительны: онѣ сдѣланы на шесть особъ; — сцена не велика, но довольно пространна, акустика соблюдена съ возможной точностью. Однимъ словомъ, если этотъ театръ нельзя назвать великолѣпнымъ, то принявъ въ соображеніе, что онъ перестроенъ изъ какого-то каменнаго подвала старой постройки, надо отдать полную справедливость знанію своего дѣла, смѣтливости и вкусу молодаго архитектора Н. П. Григорьева.

Всѣмъ, вѣрно, будетъ пріятно узнать, что мысль и исполненіе устройства этого театра принадлежатъ начальнику губерніи И. В. Каменскому и директору пріюта, А. П. Шипову.

Остается пожелать, чтобъ костромскіе жители охотно посѣщали театръ, — который составляетъ необходимую потребность каждаго образованнаго общества. Остается ожидать, что въ этомъ театрѣ благородные любители дадутъ нѣсколько представленій, въ пользу бѣдныхъ дѣтей пріюта. Благородный спектакль — есть таже принадлежность образованнаго общества.

Нѣкто господинъ Ивановъ, костромскій гражданинъ, собралъ труппу актеровъ и актрисъ, и назвалъ ихъ *артистами*. Одинъ изъ этихъ актеровъ принадлежалъ прежде московской и петербургской сценамъ. Это господинъ Бурдинъ, незамѣченный въ столицахъ, но довольно замѣтный для сцены провинціальной.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь обыкновенно всѣ дѣйствующія на сценѣ лица — называютъ себя *артистами*.... Что же такое артистъ? Это художникъ, создающій свои роли,—если онъ актеръ, исполняющій въ концертѣ свои музыкальныя произведенія,—если онъ музыкантъ, придающій новый колоритъ партіи въ оперѣ — если онъ пѣвецъ. Обыкновенные-же исполнители ролей, безъ особенныхъ отличительныхъ, творческихъ свойствъ — просто актеры или пѣвцы, а играющіе на какомъ либо инструментѣ въ концертѣ — виртуозы. Тоже разумѣть надобно и о женскомъ полѣ. Если провинціальные, весьма посредственные представители пьесъ называютъ себя *артистами*, то какъ же мы назовемъ В. А. Каратыгина, И. И. Сосницкаго, Щепкина, Самойлова, дѣйствительныхъ артистовъ?

Ѣхавши въ театръ съ предубѣжденіемъ противъ провинціальныхъ сценъ и такъ-называемыхъ артистовъ, я возвратился домой съ пріятнымъ воспоминаніемъ о проведенномъ вечерѣ.

Можно сказать о господинѣ Бурдинѣ, что онъ молодой человѣкъ съ пріятною наружностію — довольно развязенъ на сценѣ и имѣетъ нѣкоторыя способности. Если онъ будетъ изучать сценическое искусство и, главное, свои роли, то скоро, можетъ-быть, и пріобрѣтетъ право назваться дѣйствительно артистомъ — въ провинціи. Роль племянника *Гильома*, въ водевилѣ «Мельничиха или Племянникъ и тетушка», онъ исполнилъ очень удачно. Смѣло предсказываю этому молодому человѣку успѣхъ, если онъ пойдетъ такъ и впослѣдствіи.

Тетушка *Дениза*, мельничиха, госпожа Стрепетова, ловкая, знакомая со сценою, актриса. Роль свою она исполнила отчетливо, и пѣла очень не дурно. Въ этой актрисѣ замѣтна способность къ драматическому амплуа.

Изъ всей труппы замѣчательна еще госпожа Вышеславцева, но объ ней и прочихъ актерахъ и актрисахъ скажу впослѣдствіи,— припомнивъ только, что въ «Комедіи съ дядюшкой», помѣщикъ изъ Полтавы, *Кубаревъ* (господинъ Григорьевъ), пріѣхавъ въ Петербургъ, вылѣзъ изъ тарантаса въ *бѣлыхъ перчаткахъ*. Впрочемъ онъ свою роль, и господинъ Померанцевъ роль *Фильки*, сыграли сносно, особенно господинъ Померанцевъ. О дѣвицѣ Николаевой (*Анна Петровна, жена Питерскаго*), которая въ сценѣ *Климовны*,

пробормотала скороговоркою всѣ пословицы, пропрыгала что то въ родѣ качучи и при послѣднемъ пируэтѣ, едва не задѣла носкомъ своего башмака дядюшку, — до втораго ея дебюта, я ничего не скажу.

О господинѣ Дробиковѣ (*Питерской*) — но лучше умолчу о немъ до слѣдующихъ его дебютовъ. Всѣ эти пьесы я видалъ по нѣсколько разъ на Александринской сценѣ въ Петербургѣ: воздержусь отъ сравненія и вспомню, что тамъ ихъ разыгрывали артисты, здѣсь только актеры. Но не могу забыть сцену въ «Комедіи съ дядюшкой», гдѣ петербургскій артистъ П. И. Григорьевъ 1-й моритъ со смѣху, когда заставляетъ лакея глотать устрицы. Эта сцена здѣсь прошла незамѣтно.

И такъ, сегодня шла на здѣшнемъ театрѣ: «Цыганка», Мельничиха», «Комедія Съ дядюшкой», и предъ началомъ спектакля вся труппа пропѣла народный гимнъ: Боже царя храни!

Объ освѣщеніи и музыкѣ скажу послѣ. На 18 октября объявлевы пьесы: Дезертиръ или тоска по отчизнѣ; — Дядюшкинъ фракъ и тетушкинъ капотъ и Жена кавалериста.

Ложъ перваго яруса семнадцать, по 3 руб. 50 коп. сереб.; втораго яруса семнадцать, по 2 руб. 50 коп. сереб.; литерныхъ шесть, по 3 руб. 50 коп. сереб. креселъ первыхъ двухъ рядовъ, сорокъ, по 1 руб. 50 коп. сереб.; креселъ четвертаго и пятаго рядовъ, сорокъ, по 1 руб. сереб. кресла, пятаго и шестагу рядовъ сорокъ, по 75 коп. сереб. мѣстъ за креслами — пятьдесятъ, по 50 коп. сереб.; мѣстъ въ амфитеатрѣ — пятьдесятъ, по 30 коп. сереб.; въ галлерѣе сто, по 20 коп. сереб.; слѣдовательно весь сборъ можетъ простираться до 313 руб. сереб.

Прекрасно! Превосходно! Пріютъ имѣетъ свой собственный театръ и каждогодно четыре представленія въ свою пользу. Слѣдовательно, до тысячи двухсотъ рублей серебромъ въ годъ доходу, почти безъ издержекъ на отстройку театра, потому что эта работа произведена экономически директоромъ театра А. П. Шиповымъ, на сумму, пожертвованную однимъ благотворительнымъ русскимъ купцомъ, по убѣжденію и приглашенію начальника губерніи, И. В. Каменскаго. Не смѣю назвать это благотворительное лицо, боюсь оскорбить его скромность. Но доброе дѣло — само собою обнаружится.

Спасибо, русское спасибо господину Иванову, за составленіе труппы, которая порядочно исполняя комедіи и водевили, кажется въ состояніи давать и нѣкоторыя драмы, а такой чистый, обработанный голосъ сопрано, какъ у госпожи Стрепетовой, подаетъ надежду, если не на большія оперы, то, по-крайней-мѣрѣ,

на оперетки, въ родѣ «Дочь полка» и тому подобныя. Но что можетъ сдѣлать одна госпожа Стрепетова безъ другихъ голосовъ? Подождемъ и послушаемъ въ слѣдующемъ спектаклѣ — «Дезертиръ, или Тоска по отчизнѣ» и тогда, можетъ быть, отыщемъ и пѣвцовъ. Но опять повторяю: пожалуйста, безъ сравненій. Постараемся на время забыть нашу петербургскую итальянскую оперу, нашихъ русскихъ артистовъ О. А. Петрова, Артемовскаго, Гумбина, Леонова, Петрову, Лилѣеву. Постараемся забыть и Каратыгиныхъ, Сосницкихъ, Самойловыхъ, Григорьева, Щепкина и Мартынова.

Безъ всякаго сравненія, — послѣ трехъ представленій на Костромскомъ театрѣ, — я осмѣлюсь произнести мое рѣшительное мнѣніе о труппѣ господина Иванова, — и надѣюсь, что мои замѣчанія, основанныя на любви къ сценическому искусству и на опытности, примутся, какъ дружескія совѣты.

—

ПОСѢЩЕНІЕ ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЫ НИПАЛЬСКИМЪ ПОСЛОМЪ. Нипальскій посолъ выразилъ желаніе побывать за оперными кулисами. Онъ хотѣлъ видѣть все въ подробности и директоръ, разумѣется, поспѣшилъ удовлетворить его. Посѣщеніе назначено въ субботу, и въ одинадцать часовъ индѣйскій князь уже въѣзжалъ на оперный дворъ, сопровождаемый цѣпью каретъ своей свиты. Князь блисталъ драгоцѣнными каменьями, которые ослѣпляли даже и при дневномъ свѣтѣ.

Для полноты торжества, господинъ Несторъ Рокпланъ показалъ сперва своему гостю большое танцовальное фойе, гдѣ воспитанники занимались ученіемъ.

Бархатное кресло, украшенное золотомъ, приготовлено было для князя, который съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за живою игрою юныхъ артистовъ и черезъ часъ, на вопросъ: не скучно ли ему? — отвѣчалъ, что съ наслажденіемъ останется до ночи.

Директоръ не хотѣлъ испытывать терпѣнія Юнгъ-Багадура и съ церемоніею проводилъ его на сцену, гдѣ возвышался балдахинъ, вѣроятно тотъ самый, подъ которымъ возсѣдаетъ императоръ въ третьемъ актѣ «*Жидовки*». Князь помѣстился подъ балдахиномъ, вмѣстѣ съ очаровательною Фанни Черито и для него начались дивертисманы изъ «*Найденыша*» (Enfant trouvé), новой оперы Обера, о которой всѣ отзываются съ похвалою. Юнгъ-Багадуръ,

приведенный въ восторгъ искусствомъ актеровъ, просилъ, чтобъ представили ему всѣхъ участвовавшихъ въ танцахъ.

Артисты явились въ большомъ танцовальномъ фойе. Юнгъ-Багадуръ привѣтствовалъ ихъ рѣчью на непальскомъ языкѣ, которая переведена была тотчасъ же на англійскій, а съ англійскаго на французскій. Въ этомъ двойномъ переводѣ индѣйскій князь объявилъ, что никогда женщина не представлялась ему въ такомъ очаровательномъ видѣ, какъ на оперной сценѣ въ Парижѣ, и что ни разстояніе, ни время не изгладятъ видѣннаго изъ его памяти.

Въ продолженіе дивертисмана директоръ послалъ за самыми роскошными и дорогими плодами и предложилъ это угощеніе своимъ посѣтителямъ. Юнгъ-Багадуръ отвѣчалъ, что хотя ему прискорбно огорчить хозяина отказомъ, но этого требуетъ строгость его религіи, запрещающей вкушать яства при чужеземцахъ, и потому онъ проситъ угостить юныхъ артистокъ. Обмѣнъ былъ принятъ и корзины опустѣли въ минуту, что, казалось, очень позабавило князя.

Предъ отъѣздомъ, Юнгъ Багадуръ съ жаромъ пожалъ руку директора и оставилъ ему богатый платокъ, въ которомъ г-нъ Рокпланъ нашелъ 2,500 франковъ англійскими сувэренами. Тотчасъ-же призванъ былъ счетчикъ, и, если извѣстіе неложно, то по общему согласію, каждый изъ корифеевъ получилъ по 60 фр. а воспитанники и машинисты по тридцати.

Такъ заключилось это посѣщеніе, о которомъ Опера и самъ князь Юнгъ Багадуръ, навѣрно сохранятъ пріятныя и долгія воспоминанія.

—

СЦЕНА ВЪ ЕЛИСЕЙСКИХЪ ПОЛЯХЪ. — Въ Елисейскихъ Поляхъ въ Парижѣ, недавно случилось умилительное происшествіе, которымъ должны гордиться лѣтописи нашего эгоистическаго вѣка, когда такъ рѣдки и признательность и самоотверженіе.

Теноръ Борсари, производившій въ Миланѣ фуроръ, пользуясь отпускомъ, живетъ теперь въ Парижѣ. Недавно прогуливался онъ съ двумя богатоодѣтыми дамами подъ тѣнистой аллеею, около береговъ Сены. Вдругъ глаза его остановились на бѣдномъ старикѣ, который водилъ смычкомъ по скрипкѣ и извлекалъ изъ нея унылые звуки, на которые никто не обращалъ вниманія. Борсари вздрогнулъ, отеръ рукою лобъ, какъ бы собирая раз-

сѣянныя воспоминанія, и, быстро покинувъ дамъ, подошелъ къ бѣдному музыканту.

— Ecco mi! Это я! сказалъ онъ ему препещущимъ голосомъ.

Старецъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Ты не узнаешь меня, Джакомо? — Я Борсари, ученикъ твой; тотъ, кому ты открылъ музыкальное поприще; тотъ, кто одолженъ тебѣ извѣстностью и богатствомъ.

— Борсари! прошепталъ скрипачъ: Да! вспомнилъ!... Ты оправдалъ мои надежды, ты собираешь золото и рукоплесканія.... это порадовало меня даже въ моемъ горѣ.

— Но, маэстро, скажи, что довело тебя до такой крайности?

Печальна была исторія старика. Онъ хотѣлъ быть театральнымъ импрессаріо. Съ труппою пѣвцовъ и музыкантовъ отправился онъ на острова Греціи; но всѣ несчастія постигли его тамъ и онъ разорился въ конецъ. Къ довершенію злополучія, корабль, на которомъ онъ возвращался, потерпѣлъ крушеніе, и бѣднякъ, спасенный отъ гибели чуднымъ случаемъ, тутъ же почувствовалъ паралитическій припадокъ. Больной пріѣхалъ онъ въ Парижъ, съ одною изъ своихъ прежнихъ ученицъ, женою богатаго француза, но благодѣтельница его вскорѣ умерла. Джакомо поступилъ тогда въ оркестръ небольшаго бульварнаго театра и эту новую должность покинулъ за слабостью силъ. Наконецъ, переходя отъ лишенія къ лишенію, онъ принужденъ былъ на Елисейскихъ поляхъ возбуждать состраданіе прохожихъ своею горькою игрою.

Слушая грустную повѣсть, Борсари тихонько ощупывалъ свой кошелекъ; но нашелъ только два луидора и нѣсколько мелкихъ монетъ. Въ головѣ тенора блеснула мысль.

— Слушай, Джакомо, сказалъ онъ, помнишь ты большую арію изъ «*Клеветы*»?

— Помню!

— И выполнишь аккомпаньементъ?

— Какъ смогу.

— Ну, бери-же скрипку, начинай!

Раздался звучный, гибкій, чудный голосъ Борсари; роскошный, какъ небо Италіи, задушевный, какъ трели утренняго соловья, и стеклась толпа, нѣмая отъ удивленія. Кофейни пустѣютъ; кареты останавливаются, все обратилось въ слухъ. При видѣ такого собранія, старикъ выпрямляется, будто опять прежній жаръ разогрѣлъ его; ведомый твердою рукою, смычокъ гремитъ и поражаетъ блескомъ выполненія.

Когда замерли послѣдніе звуки среди рукоплесканій, теноръ,

со шляпою въ рукахъ, обошелъ присутствующихъ. Никто не дерзнулъ отказаться отъ заслуженной дани и градомъ сыпались золотыя и серебряныя монеты со всѣхъ сторонъ. Борсари отдалъ деньги старику, обнявъ его съ радостными слезами.

— Джакомо, сказалъ онъ, это не въ счетъ ; мы еще увидимся съ тобою !

—

ВОЗДУШНЫЕ ПОЛЕТЫ ГРИНА И НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ЖУЛЬЕНЯ. Недавно знаменитый воздухоплаватель Гринъ совершилъ съ нѣсколькими охотниками замѣчательный воздушный полетъ — для ученыхъ наблюденій.

Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ путешествіи любопытный отчетъ, доставленный въ Лондонское Общество ученыхъ :

Когда шаръ началъ подниматься на воздухъ, небо было совершенно чисто и погода благопріятна. Вскорѣ путешественники достигли значительной высоты и передъ ними открылась великолѣпнѣйшая панорама, на которой было раскинуто около сотни деревень ; мало-по малу всѣ предметы, находившіеся на этомъ обширномъ пространствѣ, приняли микроскопическіе размѣры : толпы народа казались воздухоплавателямъ муравейниками, лѣса небольшими кустами зелени, рѣки и каналы кристальными струями, пролитыми изъ бокала шампанскаго. Вдругъ картина совершенно перемѣнилась, яркій, ослѣпительный блескъ озарилъ пространство и своенравная игра свѣта вызвала на нѣсколько мгновеній одно изъ самыхъ волшебныхъ, неожиданныхъ зрѣлищъ : тѣ же самые предметы, которые еще за минуту были едва видимы, приняли такія колоссальныя, фантастическія формы, что путешественники навѣрное сочли-бы этотъ феноменъ за мечту воображенія, если-бы онъ не былъ уже извѣстенъ ученымъ подъ именемъ *діахроматопсіи* (diachromatopsie). Г. Гринъ увѣрялъ своихъ товарищей, что онъ уже не разъ видалъ подобное зрѣлище, но никогда не разсказывалъ о немъ, потому что никто-бы ему не повѣрилъ. Спустя нѣсколько минутъ, свѣтъ началъ уменьшаться, картина все болѣе и болѣе покрывалась туманомъ, и наконецъ изчезла совершенно. Шаръ вошелъ въ густое облако, гдѣ наступилъ такой сильный холодъ, что термометръ Реомюра опустился до 22 градусовъ ниже нуля, и путешественники принуждены были безпрестанно оттирать себѣ лицо и уши, чтобы не отморозить ихъ. По мѣрѣ восхожденія шара, холодъ становился не такъ чувствителенъ, но за то воздухъ дѣлался все тяжелѣе

и удушливѣе; вокругъ шара носились громовыя тучи и электрическіе токи, что очень безпокоило одного изъ спутниковъ г. Грина, г. М***, у котораго надѣты были на сапогахъ шпоры : электрическія искры сыпались изъ нихъ въ такомъ множествѣ, что бѣдный М*** не шутя сталъ опасаться за свои ноги, воображая себя въ состояніи лягушки, подвергнутой дѣйствію Вольтова столба. Вскорѣ вниманіе воздухоплавателей было развлечено другимъ феноменомъ, хотя и не столь рѣдкимъ, какъ первый, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно интереснымъ для науки : вокругъ нихъ падало, въ видѣ дождя, безчисленное множество мелкихъ лягушечьихъ яичекъ ; черезъ нѣсколько минутъ посыпалась такая-же масса головастиковъ или лягушечьихъ зародышей и, наконецъ, цѣлое облако небольшихъ лягушекъ. И такъ, этотъ феноменъ, который еще недавно отвергали нѣкоторые ученые, дѣйствительно существуетъ, но сколько извѣстно, до сихъ-поръ онъ никѣмъ еще не былъ описанъ въ той послѣдовательности, съ которою происходили, въ глазахъ г. Грина и его спутниковъ, упомянутыя преобразованія. Вслѣдъ за тѣмъ шаръ началъ быстро подниматься въ направленіи совершенно перпендикулярномъ, увлекаемый быстрымъ потокомъ вѣтра. Хотя это явленіе не можетъ быть названо новымъ, но оно любопытно, какъ подтвержденіе другаго замѣчательнаго явленія, а именно : внезапной перемѣны направленія вѣтровъ, вслѣдствіе встрѣчи ихъ, на нѣкоторой высотѣ, съ неизвѣстными преградами, останавливающими ихъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Года два тому назадъ, благодаря подобной перемѣнѣ, встрѣтились въ воздушныхъ пространствахъ, два аэронавта, отправившіеся въ путешествіе изъ двухъ различныхъ городовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на 60 миль, и слѣдовавшіе сначала совершенно противоположнымъ направленіямъ. Когда шары ихъ начали сближаться, тотъ, который былъ выше, выпустилъ часть своего газа и спустившись въ нижній слой воздуха, продолжалъ путь свой бокъ о бокъ съ другимъ шаромъ ; впрочемъ, это сосѣдство продолжалось лишь нѣсколько минутъ ; путешественники, однакожъ, успѣли выпить по стакану грогу, въ честь своей неожиданной встрѣчи.

Шаръ г. Грина, поднимаясь съ необыкновенною быстротою, очутился скоро на высотѣ 5,600 туазовъ, до которой не достигалъ до-сихъ-поръ еще ни одинъ воздухоплаватель, не исключая и знаменитаго Гэ-Люсака. Хотя г. Гринъ и его спутники не подверглись на этой высотѣ кровотеченію изъ носа и глазъ, какъ это было съ Гэ-Люсакомъ, но за то испытали другія, не менѣе болѣзненныя явленія : они начали пухнуть и увеличиваться въ объемѣ ; особенно была занимательна фигура одного изъ нихъ :

животъ раздулся у него неимовѣрнымъ образомъ, а лицо покоилось на огромномъ, трехъ-этажномъ подбородкѣ, такъ, что даже товарищи не могли узнать его обычной Джонъ-Булевской физіономіи. Это обстоятельство и приближеніе почи напомнили воздухоплавателямъ, что пора возвратиться на землю; миновавъ поперемѣнно нѣсколько холодныхъ и теплыхъ слоевъ воздуха, шаръ спустился наконецъ до 2,000 туазовъ. Здѣсь Гринъ, желая подшутить надъ своими товарищами, тихонько отворилъ клапанъ: въ то же мгновеніе потокъ газу вырвался изъ шара съ оглушительнымъ шумомъ и просвистѣлъ въ воздухѣ подобно урагану; путешественники поблѣднѣли, лица ихъ страшно вытянулись, — имъ показалось уже, что они каждую минуту готовы разбиться о землю, къ которой приближались съ безпримѣрною, ужасающею быстротою. Наконецъ смѣхъ Грина вывелъ ихъ изъ заблужденія, клапанъ затворился и шаръ, выбросивъ при этомъ значительную часть груза, началъ спускаться гораздо медленнѣе пока, наконецъ брошенъ былъ якорь и крестьяне притянули воздушный корабль къ землѣ. Коснувшись чуждой ему стихіи, онъ сдѣлалъ еще два, три порыва въ вышину — и потомъ величественно улегся на бокъ. — Гринъ и его товарищи благополучно вышли на землю.

Въ заключеніе, считаемъ не излишнимъ сообщить нашимъ читателямъ нѣкоторыя подробности о чрезвычайно любопытныхъ опытахъ надъ небольшимъ воздушнымъ шаромъ, производившихся въ среду, 6 ноября, въ Парижскомъ Гипподрамѣ. Вотъ что говорятъ объ этихъ опытахъ французскіе журналы:

Съ 1783 года до нашихъ временъ, воздухоплаваніе было постоянною мечтою многихъ замѣчательныхъ умовъ, цѣлью, для достиженія которой потрачено много благородныхъ усилій; и съ 1783 года до-сихъ-поръ насмѣшки современниковъ не переставали преслѣдовать людей, гонявшихся за этою мнимою химерой и жертвовавшихъ для нея жизнію и богатствомъ.

Вслѣдъ за насмѣшками, ихъ постигала нищета, и разстроенное воображеніе бѣдныхъ тружениковъ начинало создавать наконецъ проекты въ самомъ дѣлѣ странные и неправдоподобные, внушившіе между прочимъ Французской Академіи Наукъ мысль о невозможности побѣдить сопротивленіе вѣтровъ, чтобы направлять по произволу полетъ аэростата. — Теперь эта задача разрѣшена, и 6 ноября, по приглашенію директора Парижскаго цирка, г. Арно, нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ литераторовъ собрались въ циркъ, для присутствованія при опытахъ г. Жюльена надъ изобрѣтеннымъ имъ аэростатомъ, совершенно новаго устройства.

Въ половинѣ четвертаго, въ присутствіи гг. Эмиля де Жирардена, Луи Перре, де Фіенна, Бернара и мн. друг., г. Жюльенъ принесъ сперва въ манежъ, а потомъ въ амфитеатръ цирка небольшой продолговатый аэростатъ, величиною футовъ въ семь. Когда приведенъ былъ въ дѣйствіе изобрѣтенный г. Жюльеномъ чрезвычайно простой и несложный механизмъ, шаръ самъ собою немедленно поднялся на воздухъ и принялъ то самое направленіе, которое заранѣе назначено было присутствующими.

Впрочемъ, первый опытъ не возбудилъ ни въ комъ особеннаго удивленія, потому что былъ произведенъ въ манежѣ, гдѣ воздухъ не имѣлъ свободнаго движенія; но за то тѣмъ удивительнѣе показались всѣмъ присутствовавшимъ послѣдующіе опыты, произведенные въ Гипподромѣ и увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ, не смотря на сильный югозападный вѣтеръ. Аэростатъ летѣлъ прямо на встрѣчу ему, и сколько разъ не повторялись опыты, результатъ былъ всегда одинаково успѣшный.

Устройство шара самое простое: онъ имѣетъ видъ продолговатой рыбы съ большою головой, и окруженъ по срединѣ деревяннымъ кругомъ или экваторомъ. Къ передней части шара прикрѣплены два небольшіе крыла, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ лопаточекъ, образующихъ собою спираль. Они дѣйствуютъ съ изумительною быстротою и сообщаютъ шару движеніе въ прямомъ направленіи, сами-же приводятся въ дѣйствіе при помощи отвѣса, находящагося внизу шара и соединеннаго, посредствомъ длинной жерди, съ осью, къ которой прикрѣплены эти крылья. Газопріемникъ шара содержитъ въ себѣ 1,200 дециметровъ водороднаго газа; обшивка его вѣситъ 350 грамовъ, дерево—столько-же, отвѣсъ — 450, шнуры — 10. Кромѣ того, къ шару прикрѣплены два руля, одинъ въ вертикальномъ, другой въ горизонтальномъ направленіи.

—

УДИВИТЕЛЬНОЕ ДѢЛО.—удивительное, во-первыхъ, потому, что мы хотимъ говорить о изобрѣтеніи *паролета*, а во-вторыхъ, потому, что его изобрѣлъ испанецъ. Хозе Монтемайоръ нашелъ наконецъ тайну воздухоплаванія, если только вѣрить его объявленію и тому рѣшительному тону, съ какимъ онъ его предложилъ цѣлой Европѣ.... Онъ обѣщаетъ въ 10 или 12 часовъ перелетѣть изъ Мадрита въ Лондонъ.... Это, стало быть, какъ тутъ ко всемірной выставкѣ... Огромный его шаръ-корабль, названный *Эоломъ*, готовъ былъ уже 14 октября отправится со своимъ изобрѣтателемъ въ

столицу паровъ и ростбифа, но для перваго дебюта въ немъ оказалась прорѣха, и потому полетъ былъ отложенъ на нѣсколько недѣль. Эта замысловатая штука — съѣдаетъ 2,000,000 дециметровъ водорода, легко подымаетъ до пятнадцати человѣкъ, и двигался по воздуху съ необыкновенною быстротою. Главное достоинство изобрѣтенія господина Монтемайора состоитъ въ томъ, что «Эолъ» можетъ принимать какое угодно направленіе, даже при противномъ вѣтрѣ.... А все-таки повторимъ: подождемъ увидимъ!

—

ГОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАКЪ. — Бальзакъ — умеръ, повторили тысячи голосовъ, повторимъ и мы.... и какъ о человѣкѣ, память котораго почтила вся читающая Европа, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Гоноре де-Бальзакъ родился въ Турѣ, 20 мая 1799 года.... Читая его, можно подумать, что его колыбель еще южнѣе, ближе къ Ангулему и къ родинѣ его знаменитаго современника. Но въ одной изъ своихъ прекрасныхъ сказокъ, описавъ такъ очаровательно свою роскошную Турень, эту Турцію Франціи, онъ имѣлъ предосторожность замѣтить, что вывезенный изъ своей родины туренецъ часто обнаруживаетъ въ себѣ самыя дѣятельныя качества, причемъ привелъ въ примѣръ: Рабле и Декарта, де-Вервиля и Поля-Луи Курье.

И такъ, Бальзакъ — сынъ бывшаго секретаря королевскаго совѣта при Людовикѣ XV, вывезенъ изъ своей родины рано; вѣроятно однако-же не прежде, какъ по окончаніи первоначальнаго ученія въ Вандомской Коллегіи; ибо какъ-то пріятно вѣрить, что его разсказъ о «Луи Ламберѣ» — не вымыселъ и что онъ самъ былъ этимъ неотлучнымъ другомъ бѣднаго и эксцентрическаго ребенка. Въ этомъ случаѣ дѣтство и первая молодость Бальзака въ коллегіи удивительно какъ согласаются: дѣятельное и остроумное воображеніе, кипучая рѣзвость и безпорядочная лѣность; жадность читать, безъ связи и не во время; любовь къ чудесному, небрежность въ занятіяхъ; онъ плохой ученикъ, котораго товарищи въ насмѣшку называютъ *поэтомъ*, ибо онъ уже съ раннихъ лѣтъ выказывалъ наклонность къ литературнымъ занятіямъ и на двѣнадцатомъ году своего возраста написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя и дали ему право на названіе поэта отъ товарищей....

Собственно литературная дѣятельность его началась съ 1821 года, но очень неудачно. Онъ испыталъ нищету, нужду — писалъ

много, сбывалъ за безцѣнокъ, мѣняя едва - ли не на каждомъ своемъ произведеніи псевдонимы.... Такъ, господинъ Горацій де Сентъ Обенъ, бакалавръ свободвыхъ наукъ, господинъ де - Виллергле, Сентъ - Альмъ, лордъ Р. Гунъ — все одинъ и тотъ-же Бальзакъ.... Пересчитать всѣ труды его, едва-ли возможно — они могутъ составить до шестидесяти томовъ.... Въ тоже время Бальзакъ не довольствовался ремесломъ писателя; его предпріимчивый духъ увлекъ его въ операціи книгопечатанія и книжной торговли. Но и тутъ неудачи его спекулятивныхъ попытокъ возвратили его скоро къ литературѣ, только съ другимъ счастіемъ. «Печатаніе, говорилъ онъ, много поглотило у меня времени и капиталовъ, надо, чтобы оно возвратило мнѣ ихъ». И удвоивъ свою дѣятельность, изощряя свой талантъ, онъ сдержалъ слово, — нажилъ европейскую славу и независимое состояніе, войдя въ блестящій кругъ аристократическаго общества.

Послѣднее обстоятельство — даетъ намъ право разсказать слѣдующій анекдотъ. Въ первое время своего прекраснаго, но еще не вполнѣ удачнаго поприща, когда бѣдность и нужда бѣгали по слѣдамъ автора «Онагровой шкуры» (Peau de Chagrin), онъ не былъ чуждъ завидной для многихъ мысли проникнуть въ роскошныя аристократическія гостиныя.... Но не честолюбіе подстрекало романиста въ этомъ желаніи; какъ писатель—онъ хотѣлъ изучать все и, разумѣется, въ числѣ этого всего, большой свѣтъ.... Пользуясь родствомъ съ дворянскою фамиліею д'Антраговъ, онъ успѣлъ сблизиться съ французскою аристократіею, а наконецъ переступилъ и порогъ отели графини д'Аппони, супруги австрійскаго посланника, при дворѣ Людовика-Филиппа. Графиня д'Аппони была въ то время первымъ свѣтиломъ парижской аристократіи и весьма снисходительно приняла Бальзака... Но еще не знакомый съ аристократическими правилами, не посвященный въ тайны ихъ обычаевъ, онъ часто дѣлалъ забавныя ошибки. Однажды, приглашенный на официальный дипломатическій обѣдъ къ графинѣ — Бальзакъ находился въ гостиной и сидѣлъ подлѣ хозяйки. Съ первымъ докладомъ дворецкаго о томъ, что кушанье на столѣ — романистъ храбро и наивно предложилъ графинѣ свою руку. Понявъ намѣреніе гостя, и желая прикрыть его неловкость, графиня тотчасъ - же предупредила его, подавъ свою руку графу ***.

— Я надѣюсь, сказала она Бальзаку — быстро наклонившись къ нему, что вы не желали-бы поссорить меня съ представителемъ одной изъ могущественныхъ державъ....

Бѣднякъ понялъ всю неловкость своего усердія, и что честь

вести къ столу хозяйку дома принадлежитъ почетнѣйшему изъ гостей.... Замѣшательство, бывшее слѣдствіемъ первой ошибки, породило другую бѣду, болѣе важную....

Желая загладить первый промахъ, романистъ пустился въ учтивости, и вотъ онъ, дойдя до дверей столовой, въ которыхъ стоялъ господинъ де-Талейранъ, сталъ приглашать послѣдняго, уступая ему дорогу.

— Проходите, сухо отвѣчалъ Талейранъ, тономъ чрезвычайно немилостивымъ.

Бальзакъ прошелъ — и за обѣдомъ догадался, что сдѣлалъ новую неловкость. Извѣстно, что Талейранъ не любилъ выказывать свою хромоту и тщательно скрывалъ этотъ недостатокъ, а услужливый романистъ и не замѣтилъ того, что впереди его всѣ гости графини проходили мимо министра, не обращая, повидимому, на него никакого вниманія....

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ объѣздилъ всю Германію, посѣтилъ Россію и женился на одной изъ нашихъ соотечественницъ, которую полюбилъ еще прежде, за нѣсколько лѣтъ до своего путешествія.... Вотъ любопытныя подробности этой женитьбы.... Очарованіе, которое Бальзакъ производилъ на женщинъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ было слѣдствіемъ множества писемъ, которыми признательные почитательницы его пера, такъ наивно и вѣрно анатомировавшаго женское сердце — изъявляли ему свою любовь и благодарность.

Въ 1833 году, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ такихъ посланій, Бальзакъ нашелъ письмо и при немъ книгу религіознаго содержанія. Письмо было написано съ большимъ умомъ, откровенностію и нѣжностію. Въ немъ просили романиста принять посылку, какъ знакъ удивленія къ его таланту, достоинство котораго нельзя высказать словами. Въ мелкихъ и задушевныхъ выраженіяхъ высказывалось здѣсь все уваженіе къ писателю и благодарность за тѣ наслажденія, которыми даритъ читающаго каждая его мысль. Письмо даже было подписано полнымъ именемъ — съ означеніемъ мѣста жительства писавшей. Бальзакъ отличилъ это откровенное посланіе отъ сотни другихъ.... Онъ понялъ, что его диктовало истинное къ нему сочувствіе, понялъ, что писавшая его, могла-бы составить усладу и счастіе его жизни. Пылкій и сильно заинтересованный Бальзакъ тотчасъ-же собрался въ путь и отправился въ Нѣшатель, мѣстопребываніе своей почитательницы. Но здѣсь, при встрѣчѣ съ нею, онъ долженъ былъ отказаться отъ свой задушевной мечты.... Много лѣтъ прошло со дня этой встрѣчи, но съ ними не замерла любовь въ сердцѣ

романиста и, вѣрный своему первому трепету, первой болѣзни сердца — онъ отъ всѣхъ скрывалъ мысль благородной души своей. Онъ былъ награжденъ за свое постоянство.... Бальзакъ нашелъ эту даму въ Бердичевѣ и женился на ней. Но семейное счастіе его продолжалось недолго. — Давно страдая гипертрофіей сердца, Бальзакъ, послѣ операціи, сдѣланной знаменитымъ хирургомъ Ру надъ нарывомъ его ноги, доказывавшимъ, что уже кровь начала въ немъ разлагаться, въ ночь на 19 августа умеръ, послѣ жестокихъ страданій, на 52 году своей дѣятельной жизни.

Похороны его совершились 21 августа. Тѣло его до отпѣванія было поставлено въ часовнѣ церкви св. Филиппа. Дверь часовни, драпированная чернымъ сукномъ съ вензелемъ покойнаго, изъ которой виднѣлся гробъ, окруженный свѣчами, съ ранняго утра была осаждена толпами народа, приходившаго отдать послѣдній долгъ писателю, трудившемуся двадцать лѣтъ на поприщѣ отечественной литературы.

По окончаніи краткой молитвы, совершенной въ часовнѣ, гробъ былъ поставленъ на простыя парныя дроги, за которыми двинулись въ церковь всѣ принесшіе послѣднюю дань признательности и послѣдній поклонъ Бальзаку. Шнуры балдахина держали: господинъ Барошъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, господа Викторъ Гюго, Александръ Дюма и Франциск Вей. Въ числѣ провожавшихъ были представители отъ всѣхъ ученыхъ обществъ, учебныхъ заведеній, университета, общества писателей, общества драматическихъ сочинителей и господа Ротшильдъ, Берліозъ, Мери, Поль-Феваль, Генрихъ Монье и множество путешественниковъ, художниковъ и артистовъ. Изъ церкви погребальная процессія отправилась на кладбище отца Лашеза и здѣсь Викторъ Гюго—на свѣжей могилѣ романиста, сказалъ рѣчь.—Гробъ его опущенъ между могилами Фредерика Сулье и Казимира де-Лавиня.

—

НЕИЗДАННАЯ ПЬЕСА БАЛЬЗАКА. Въ домѣ, принадлежавшемъ Бальзаку и строенномъ по его рисункамъ, все было удобно, ловко придумано, забыта была только бездѣлица — лѣстница. Видя свой промахъ, Бальзакъ устроилъ лѣстницу снаружи, какъ въ швейцарскихъ хижинахъ. Объ этомъ знаютъ всѣ, но не многимъ извѣстно, что едва только былъ отстроенъ домъ, какъ онъ создалъ въ немъ драму.

Признавая необходимость сотрудничества, но не желая, при

своемъ литературномъ положеніи, подчиняться драматическому *плотничанью*, онъ просто взялъ себѣ писца. То былъ славный малый и даже достойный поэтъ, котораго всѣ знали. Бальзакъ сказалъ ему:

— Не думайте, что у меня живутъ по обыкновенному. Въ *Жарди*, жизнь пробуждается только ночью; — днемъ всѣ спятъ, исключая меня, потому что у меня много дѣлъ и я сплю мало.

Юный поэтъ не прекословилъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, Бальзакъ привезъ его къ себѣ часовъ въ десять.

— У васъ еще старыя привычки, сказалъ онъ ему; усните, я прикажу васъ разбудить, когда будетъ надо.

Въ первомъ часу утра, въ комнату молодаго человѣка является ливрейный слуга.

— Баринъ проситъ васъ пожаловать.

Поэтъ одѣлся.

Его проводили въ столовую, гдѣ онъ нашелъ приготовленный завтракъ, состоявшій исключительно изъ котлетокъ и щавелю. Потомъ ему подали самаго крѣпкаго кофе.

Въ то время, какъ молодой человѣкъ допивалъ свою чашку, вошелъ Бальзакъ. «Начнемъ» сказалъ романистъ поэту и повелъ его въ другую комнату. Тамъ находилось бюро, а на бюро цѣлая десть еще невинной бумаги.

— Пишите: — *Семейная Школа.*

Потомъ Бальзакъ началъ прохаживаться большими шагами, диктуя вдохновенныя сцены; достаточно было писать безъ ошибки. Работа продолжалась до семи часовъ утра. Тутъ онъ ушелъ.

Явился слуга.

— Баринъ проситъ васъ отдохнуть.

Въ полдень поэта разбудили къ другому завтраку; потомъ надо было прогуливаться въ продолженіе четырехъ часовъ, а тамъ опять приниматься за работу, сопровождаемую котлетками съ щавелемъ, кофе, прогулками и отдыхомъ.

Такой уставъ существовалъ въ *Жарди*.

Пьеса была написана въ пятнадцать дней. Бальзакъ отдалъ ее напечатать мелкимъ шрифтомъ, въ два столбца, и всего двѣнадцать экземпляровъ! Онъ прочелъ ее у госпожи д'Аппони, и потомъ уничтожилъ.

«*Семейная Школа*» была, по мнѣнію Бальзака, нѣчто въ родѣ *драмъ* Мольера и Бамарше. И въ самомъ дѣлѣ въ ней встрѣчались эти оттѣнки.

Пять актовъ происходили въ лавкѣ молодаго торговца. Хозяинъ

лавки, бравый солдатъ, лѣтъ пятидесяти, служившій Имперіи жилъ патріархально въ семействѣ матери, жены и дочери....

Конторщица, мадмоазель Адріенна, была граціозна, нѣжна, статна, съ орлинымъ профилемъ, обрамленнымъ густыми прядями бѣлокурыхъ волосъ, зачесанныхъ по-англійски.... Бѣдный торговецъ влюбился въ свою магазинщицу.

Здѣсь начиналась семейная драма! По дѣламъ торговецъ принужденъ ѣхать въ Руанъ. Жена, пользуясь отсутствіемъ, удалила Адріенну подъ какимъ-то предлогомъ. Во второмъ актѣ, торговецъ возвращался изъ Руана.

Прежде всего бросилось ему въ глаза отсутствіе конторщицы; но онъ не заключалъ ничего. Онъ обнималъ жену, дочь, говоря самому себѣ: «Адріенна вѣрно вышла по дѣлу»....

Далѣе постепенно открывалась истина. «Вы прогнали Адріенну, говорилъ онъ женѣ.... Я ухожу, и горе всѣмъ, горе мнѣ, если не найду ее!»

Онъ приводитъ ее въ третьемъ актѣ, и можно понять весь безпорядокъ, всю глухую борьбу въ нѣдрахъ этого купеческаго семейства. Въ четвертомъ актѣ, дочь торговца, видя постоянныя слезы матери и бабушки, рѣшается на гибельный поступокъ. Мысль родилась у ней при чтеніи журнала судебныхъ мѣстъ. Она нашла въ кухнѣ свертокъ съ мышьякомъ, назначенный для крысъ, и высыпала его въ кофей конторщицы.

Напрасно описывать послѣдствія этого. Но хорошъ былъ конецъ акта, когда отецъ семейства запиралъ всѣ двери, и зная, что преступленіе навѣрно совершено въ его домѣ, допрашивалъ, какъ домашній судья, всѣхъ, всѣхъ....

Его жена, служанка, — всѣ должны были отвѣчать ему: страхъ оцѣпенилъ всѣхъ.... Потомъ, когда случай открылъ наконецъ настоящую преступницу, нѣтъ силъ передать ужасающей истины, которую нашелъ Бальзакъ для такого положенія.

Замѣчательна еще роль Адріены. Сперва кажется она женскимъ Тартюфомъ, нарушающимъ семейное спокойствіе, но созданіе это полно граціи и чувства и понятно было, что одно только увлеченіе торговца погубило это несчастное семейство и посѣяло въ немъ все: ненависть, ужасы и угрызенія, которыя встарину греческіе поэты приписывали Атридамъ. Но развязка была самая нравственная. Увлекшійся отецъ семейства увидѣлъ, что одинъ шагъ съ пути долга нарушалъ счастіе его близкихъ и даже породилъ преступленіе, въ которомъ совѣсть не позволяла ему упрекнуть никого, кромѣ самаго себя.

Драма эта погибла для потомства.

ЖЕННИ-ЛИНДЪ. Этотъ Шведскій соловушко, какъ кто-то назвалъ ея недавно, рѣшительно свела съ ума американцевъ. Въ Нью-Іоркѣ ее только что не носили на рукахъ.... Появленіе пѣвицы на улицѣ было всегда сопровождаемо сборищемъ необозримой толпы. Говорятъ, что, осматривая типографію журнала Weekly Herald, она едва могла пробраться на обратномъ пути до своей кареты, сквозь любопытную толпу, которая провожала ее оглушительными криками восторга. По послѣднимъ извѣстіямъ, она была въ Бостонѣ, гдѣ ее встрѣтилъ тотъ же неистовый восторгъ, какъ и въ Нью-Іоркѣ. Разсчетливые бостонцы измѣнили для Женни-Линдъ даже своимъ неизмѣннымъ правиламъ скупости и платятъ баснословныя суммы за билеты въ ея концертахъ.... Говорятъ, что одинъ почтенный джентльменъ — за то, чтобы сидѣть въ первомъ ряду, какъ разъ противъ сцены, заплатилъ 625 доллеровъ. — Вотъ что называется засѣсть въ первые дураки!

—

КОЛОССАЛЬНАЯ СТАТУЯ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ БАВАРІЮ—работы знаменитаго германскаго ваятеля Шванталера, недавно открыта въ Мюнхенѣ, съ большимъ торжествомъ. Первая мысль сооруженія «Храма баварской славы» и статуи Баваріи принадлежитъ баварскому королю Людовику. Для исполненія своего прекраснаго замысла, отыскалъ онъ талантливѣйшихъ людей Германіи: архитектора Леона Клевце, скульптора—Шванталера, и литейщика, директора чугунно плавильныхъ заводовъ—Фердинанда Миллера. Мѣсто для постройки этого зданія и поставки памятника было выбрано самое удобное и живописное, именно, на Терезіиномъ лугу, который окоймленъ рядомъ цвѣтущихъ холмовъ. Храмъ Баварской славы построенъ на одномъ изъ холмовъ и назначенъ для того, чтобы вмѣщать въ себѣ бюсты всѣхъ великихъ и заслуженныхъ людей Баваріи. Прекрасная галлерея, которая должна невольно развивать въ народѣ патріотическое чувство и много способствовать къ направленію молодыхъ самолюбій на дѣла, достойныя славы и полезныя для отчизны! Передъ этимъ зданіемъ возвышается колоссальная бронзовая статуя Баваріи, которая ровно вдвое выше зданія. На холмѣ, на который ведутъ пятьдесятъ каменныхъ ступеней, покоится пьедесталъ въ 30 футовъ вышины, а на немъ уже стоитъ гигантская статуя, поражающая столько-же своими размѣрами, какъ и граціею позы и соразмѣрностію своихъ

частей. Лицо выражаетъ кротость и вмѣстѣ съ тѣмъ разумную важность. Волосы, по древне-германскому обычаю, распущены и ниспадаютъ волнами на спину. Чело украшено дубовымъ вѣнкомъ. Полуобнаженная грудь покрыта львиною шкурою; остальное тѣло, до самыхъ ногъ, покрыто обильными складками ниспадающей до пятъ тюники. Правой рукой она прижимаетъ къ груди мечъ, увитый лаврами, лѣвою, поднятою кверху, держитъ лавровый вѣнокъ. Справа, около нея покоится огромный левъ, старинная эмблема баварскаго герба. Вся фигура производитъ потрясающее впечатлѣніе и невольно напоминаетъ собою о древнемъ Колоссѣ Родосскомъ. Въ пьедесталѣ есть дверь, чрезъ которую, по 66 ступенямъ можно подняться во внутренность гигантской фигуры. Отъ подножія ея до головы ведетъ чугунная лѣстница въ 60 ступеней. Въ головѣ устроены два желѣзные дивана, на которыхъ удобно могутъ помѣститься десять человѣкъ. Отверзтія головы, очень ловко сдѣланныя между локонами волосъ, служатъ окнами, изъ которыхъ открывается самый очаровательный ландшафтъ: направо, блестятъ ледяныя вершины высокихъ Альповъ, налѣво, видна вся панорама Мюнхена, съ его куполами и башнями. Внутри головы находится слѣдующая надпись: «Этотъ колоссъ, «воздвигнутый Людовикомъ I Баварскимъ, изобрѣтенъ и вылѣп«ленъ Людвигомъ Шванталеромъ и съ 1844 до 1850 годъ отливал«ся изъ мѣди Фердинандомъ Миллеромъ». Вышина самой статуи, отъ пальцевъ ноги до поднятаго вѣнка заключаетъ въ себѣ 63 фута. Чтобы дать приблизительное понятіе о размѣрахъ этой статуи, скажемъ, что въ указательномъ ея пальцѣ очень легко можетъ помѣститься шестилѣтній ребенокъ, а большой палецъ ноги рослый человѣкъ не обниметъ обѣими руками. Когда голову перевозили изъ литейной на мѣсто поставки, въ ней игралъ хоръ музыкантовъ. Вѣсу во всей статуѣ 62,440 пудовъ. Статуя Баваріи вылита изъ турецкихъ пушекъ, добытыхъ, послѣ истребленія турецкаго флота въ Наваринскомъ сраженіи, съ морскаго дна. Вся фигура состоитъ изъ пяти кусковъ, которые отливались отдѣльно и уже на мѣстѣ спаяны. На одну голову употреблено 43 тридцати-фунтовыхъ пушекъ и кромѣ того 4,400 пудовъ мѣди. Еслибъ мы жили во времена древности, статуя Баваріи непремѣнно была бы причислена къ семи чудесамъ свѣта и названа восьмымъ чудомъ; но въ наше время, когда мы уже потеряли счетъ всѣмъ дивамъ, намъ остается въ этомъ колоссальномъ сооруженіи удивляться только мастерству работы и тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлало современное искусство.

—

ФИЛОСОВСКІЙ КАМЕНЬ — который въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ былъ камнемъ преткновенія алхимиковъ, т. е. людей, жаждавшихъ золота, нынѣ открытъ — въ Парижѣ—посредствомъ физики. Выписываемъ слово въ слово извѣстіе объ этомъ открытіи изъ газеты «L'Indépendance Belge»:

«Какъ ни странно покажется вамъ мое извѣстіе, оно однакожъ совершенно точно и справедливо. Здѣсь изобрѣтенъ удивительный инструментъ, особеннаго рода компасъ, котораго стрѣлка указываетъ на присутствіе золота и серебра. Поставивъ этотъ компасъ на палку и держа ее въ вертикальномъ положеніи, стоитъ только ступить на землю, подъ которой скрыты золото или серебро, и стрѣлка тотчасъ-же обращается въ ту сторону, гдѣ зарытъ кладъ, или скрывается руда. Чѣмъ ближе подходишь къ мѣсту, гдѣ лежитъ сокровище, тѣмъ живѣе становится движеніе стрѣлки, хотя-бы даже кладъ находился за твердыми тѣлами, заложенъ былъ камнемъ или огражденъ желѣзомъ. На дняхъ назначенъ публичный опытъ чудному инструменту, въ домѣ г. Ротшильда, въ присутствіи многихъ ученыхъ и академиковъ. Я поспѣшу извѣстить васъ о результатѣ. — Открытіе это должно быть чрезвычайно важно для золотопромышленниковъ, сберечь имъ труды безполезнаго раскапыванія земли, въ которую они теперь часто зарываютъ только свое золото, вмѣсто того, чтобъ добывать его, и вѣроятно въ каждой странѣ откроетъ свою собственную Калифорнію».

Нисколько не сомнѣваясь въ дивныхъ свойствахъ новаго компаса, мы однакожъ позволимъ себѣ маленькое замѣчаніе: зачѣмъ изобрѣтатель, желающій за это изобрѣтеніе получить народную награду въ сто тысячъ франковъ, обнародываетъ свой инструментъ, тогда, какъ при чудныхъ его свойствахъ, онъ самъ могъ бы накопать себѣ больше сокровищъ, чѣмъ было у баснословнаго Монте-Кристо? Что-нибудь да не такъ! вѣроятно этотъ компасъ привлекаетъ золото, но только посредствомъ великолѣпнаго обмана, за который алчность и любостяжаніе платятъ большія деньги.

—

—

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ПОДАРОКЪ КЪ НОВОМУ ГОДУ. Извѣстный любитель театра и драматургъ, П. Н. Араповъ, предпринялъ въ Москвѣ издать къ новому году «*Драматическій альбомъ*», который любителямъ драматическаго искусства обѣщаетъ очень много занимательнаго и любопытнаго. Не говоря уже о роскоши и вкусѣ, съ которыми будетъ украшена внѣшняя сторона этого сборника, онъ принесетъ читателямъ нѣсколько хорошихъ пьесъ современныхъ драматурговъ и одну старинную, любопытную, какъ археллогическую рѣдкость и какъ литературный опытъ человѣка государственнаго, котораго имя сдѣлалось народнымъ и нераздѣльно слито со славою 1812 года. Пьеса эта — комедія графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, московскаго главнокомандующаго, найденная въ его бумагахъ. Она называется: «*Вѣсти или Убитый-живой*». Извѣстно, что графъ Ростопчинъ мастерски владѣлъ народнымъ, разговорнымъ языкомъ, умѣлъ шевелить сердца русскія, и своимъ простымъ, но сильнымъ краснорѣчіемъ, много способствовалъ народному ополченію въ годину нашего несчастія. Мы полагаемъ, что и съ этой стороны комедія его представитъ очень любопытный литературный памятникъ. Кромѣ того, альбомъ г. Арапова будетъ заключать въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, относящихся къ исторіи русскаго театра, въ которыхъ встрѣтится много любопытныхъ фактовъ касательно развитіи сценическаго искусства въ Россіи, касательно авторовъ и артистовъ, способствовавшихъ этому развитію; біографическіе очерки актеровъ и даже снимки съ нѣкоторыхъ старинныхъ афишъ. Альбомъ будетъ украшенъ восемнадцатью прекрасно-литографированными портретами артистовъ и писателей, составлявшихъ нѣкогда славу русской сцены.

При роскоши этого изданія и видимомъ интересѣ его содержанія, цѣна ему назначена очень умѣренная, всего 4 руб. сер. Подписка уже открыта въ Москвѣ, и желающіе подписаться могутъ высылать деньги въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта. За пересылку ничего не прилагается.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ выхода этого любопытнаго сборника, чтобы подѣлиться съ нашими читателями интересными фактами, которые надѣемся въ немъ найти.

—

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ I.—талантливый артистъ нашего театра и заслуженый сценическій писатель, котораго комедія «*Житейская школа*» съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ играется на Петербургской сценѣ, имѣлъ счастіе поднести свою пьесу Государю Императору и удостоился получить отъ Его Величества богатый бриліантовый перстень. Онъ съ неусыпною дѣятельностію принялся за труды для сцены, и вотъ уже у него готовы двѣ новыя комедіи въ стахахъ: «*Заговорило ретивое*»—въ одномъ дѣйствіи и «*Геній настоящаго времени*» — въ пяти дѣйствіяхъ. Первая скоро пойдетъ, въ бенефисъ г. Максимова, за послѣднею онъ еще трудится, отдѣлывая ее окончательно. Желаемъ, чтобъ и послѣдующіе труды г. Григорьева увѣнчались такимъ-же успѣхомъ, какъ его «*Житейская школа.*»

—

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ въ циркѣ. — Въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, въ циркѣ римскаго подданнаго Рудольфа Гверры, представленъ былъ вечеромъ 30-го августа, турниръ, во время котораго одною изъ волтижерокъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пистолета, который оказался, по неосмотрительности содержателя труппы, заряженнымъ пулею. Пуля эта, пролетѣвъ сквозь поставленную на шестѣ картонную голову, служившею цѣлью, пробила на одномъ изъ зрителей поле шляпы и ранила въ плечо Велико британскую подданную Матильду Пескетъ. Раненой немедленно подано было медицинское пособіе, а стрѣльба въ балаганахъ, во время представленій на ярмаркѣ, по этому поводу запрещена.

—

ВЗРЫВЪ КОРАБЛЯ. Въ одномъ изъ нумеровъ газ. «Journal de Constantinople» содержится слѣдующее извѣстіе: «Въ среду, $^{11}/_{23}$-го октября, въ концѣ 10 часа утра, ужаснѣйшій взрывъ поколебалъ Константинопольскій портъ до его глубины: трехдечный 120-ти пушечный корабль Нейри-Шефкетъ, подъ флагомъ великаго адмирала, взорванъ былъ въ портѣ, ниже арсенала, посреди всего Оттоманскаго флота; въ немъ загорѣлась пороховая камера. Въ нѣсколько минутъ гавань была покрыта обломками и мертвыми тѣлами; корабль продержался въ колебаніи на водѣ минутъ пять прежде, чѣмъ поглощенъ былъ водою, и на поверхности воды осталась только верхушка гротъ-мачты. На немъ было отъ шести

до семисотъ человѣкъ, когда произошло это бѣдствіе, котораго причины еще не знаютъ, и изъ всего экипажа успѣли спасти плававшихъ на водѣ не болѣе двухъ-сотъ человѣкъ. — Въ частномъ письмѣ изъ Константинополя отъ $^{14}/_{26}$ го октября, число погибшихъ показываютъ въ 600 человѣкъ; большая часть пороховыхъ запасовъ, была уже свезена въ арсеналъ. Капитанъ-паша съѣхалъ съ корабля не болѣе, какъ за полчаса до взрыва.

БАЛАГУРЪ.

КАРРИКАТУРНЫЯ СТАТУЭТКИ.

—

(*Куплетъ изъ новаго водевиля.*)

Посмотрѣлъ я вонъ въ Пассажѣ,
За стекломъ, на полкахъ, въ рядъ,
Ради смѣха и продажи —
Сочинители стоятъ.
Есть тамъ франты, есть съ усами,
Есть съ лорнетомъ, есть въ очкахъ —
Тѣ съ претонкими ногами,
Тѣ не крѣпки на ногахъ.
Всѣ возможныя породы
Всѣхъ возвышенныхъ умовъ,
Зѣдсь стоятъ, по волѣ моды,
На потѣху простаковъ.
Тутъ-же встрѣтишь и актера —

И Мартыновъ также тутъ:
Съ булкой, въ фартукѣ, — умора!
Вотъ ужъ подлинно такъ шутъ!
И Максимовъ — многимъ милый,
Разнаряженный, какъ франтъ,
Испитой, щедушный, хилый...
Въ чемъ тутъ, кажется, талантъ?
Да чего.... видалъ я пробки —
И на нихъ, смѣшно сказать,
Знаменитостей головки,
Чтобъ бутылки затыкать!

—

Въ Англіи до сихъ поръ еще существуетъ обычай нанимать на богатые похороны плакальщиковъ. Бѣдный лондонскій башмачникъ, который въ то же время нанимался къ извѣстному гробовщику въ плакальщики, разъ пришелъ къ своему товарищу. «Сдѣлай милость, Томъ, окажи мнѣ услугу.» — Какую?— «Поплачь сегодня за меня на похоронахъ банкира Керсьвеля.» — Отчего-жъ ты самъ нейдешь на похороны? — «Признаться, я сегодня рѣшительно не въ состояніи плакать: у меня жена умерла.»

—

Знаменитый докторъ Дюмуленъ умиралъ. Около него собрались его друзья и поклонники, которые тужили, что міръ лишается такого славнаго врача. — «Не тужите, отвѣчалъ умирающій, я оставляю по себѣ трехъ великихъ врачей.—» Кого-же? спросили доктора, полагая, что онъ вѣрно назоветъ ихъ. — «Первый — ключевая вода; второй — движеніе, а третій — діета.»

—

Грекъ и итальянецъ заспорили о преимуществѣ своей націи. Грекъ, въ доказательство, что его нація лучше, привелъ, что всѣ мудрецы и великіе философы вышли изъ Греціи. «Правда отвѣчалъ итальянецъ, оттого-то ихъ тамъ ужъ больше и нѣтъ.»

—

Одинъ испанецъ, хвастунъ, говоря объ ужасѣ, который онъ наводилъ на враговъ однимъ своимъ появленіемъ, прибавилъ:

«Да знаете-ли, я даже самъ не смѣю взглянуть на себя въ зеркало, когда я въ полномъ вооруженіи: мнѣ становится страшно.»

—

Въ одной газетѣ было напечатано, что во время страшной бури, вѣтромъ снесло совершенно хлѣбный анбаръ, такъ, что незнаютъ даже, куда онъ дѣвался. — Молодой человѣкъ, которому прочли этотъ пуфъ, сказалъ: «хоть бы они опубликовали награду и адресъ: можетъ-быть нашедшій и принесъ-бы имъ анбаръ.»

—

Франтикъ, извѣстный своею трусостью, спросилъ разъ скупца: Какое удовольствіе находите вы копить червонцы, не употребляя ихъ въ дѣло? — «Тоже самое, отвѣчалъ скупой, какое вы находите — нося шпагу.»

—

Въ обществѣ разъ выхваляли даръ слова одного пустаго говоруна. Очень умная дама замѣтила: «Это правда, онъ очень легко находитъ фразы, но найдя ихъ, принужденъ всегда искать, чѣмъ ихъ наполнить.»

—

Модный фатъ, пописывающій стишонки, встрѣтилъ разъ литератора и спросилъ его съ надутой миной: Скажите, пожалуйста: правда-ли, что въ одномъ домѣ, гдѣ выхваляли мой умъ, вы сказали, будто у меня вовсе нѣтъ ума? — «Совершенная ложь, отвѣчалъ литераторъ: я и не слыхалъ, чтобы въ какомъ нибудь домѣ выхваляли вашъ умъ.»

—

Страстный библіоманъ купилъ книгу стараго изданія за сто рублей серебромъ. — «Страшная цѣна!» сказалъ ему пріятель. — За то рѣдкость. — «Ну, а какъ ее вновь издадутъ?» — Э, нѣтъ! какой дуракъ ее купитъ!

—

Въ одномъ иностранномъ городкѣ, мѣстный судъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ небольшаго дома, а нижній занималъ цирюльникъ. Какъ въ ходъ въ оба этажа былъ одинъ, то цирюльникъ и приколотилъ надъ дверью вывѣску: «*Здѣсь брѣютъ и кровь пускаютъ.*» Одинъ проситель, не смотря на значительныя траты и безпрестанные хлопоты въ судѣ, наконецъ проигралъ свое дѣло. Пріятель, которому онъ жаловался, изъявилъ свое

удивленіе. — «Чему же тутъ удивляться, отвѣчалъ обиженный, я долженъ былъ этого ожидать — по вывѣскѣ.»

—

Державинъ говорилъ разъ въ кругу друзей, что надъ тремя стихами въ одѣ «*Богъ*», онъ продумалъ три дня. — «Какъ, воскликнулъ одинъ плохой піита, три дня, да я бы въ это время написалъ три сотни стиховъ.» — Можетъ быть, отвѣчалъ Гавріилъ Романовичъ, за то они и прожили-бы только три дня!

—

А. П. Сумароковъ ставилъ на сцену одну изъ своихъ трагедій, гдѣ небольшую роль наперстницы должна была играть Чурбанова, актриса очень не важная, которая имѣла недостатокъ говорить скоро и невнятно. Сумароковъ долго ее слушалъ и поправлялъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, вскричалъ: «Послушай, Ульяна Ѳедоровна, не думаешь ли ты, что я за тѣмъ пишу стихи въ шесть стопъ, чтобы три изъ нихъ проглатывать?»

—

Когда Карамзина выбрали въ члены Россійской Академіи, А. А. Шишковъ пріѣхалъ къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: «Являюсь къ вамъ, Николай Михайловичъ, за тѣмъ, чтобы вы меня поздравили съ честью — именоваться сочленомъ Карамзина.»

—

Плохой водевилистъ, котораго пьесы постоянно падали на сценѣ, разсердился разъ на заимодавца, который безпокоилъ его объ уплатѣ долга. «Знаете-ли, милостивый государь, сказалъ онъ ему, за вашу докучливость я выведу васъ въ водевилѣ.» — Ужъ это слишкомъ жестоко, отвѣчалъ заимодавецъ: за что-же вы хотите, чтобъ меня публично ошикали.

—

Генрихъ IV очень любилъ своего храбраго сподвижника Крильона, но не могъ напастись денегъ для уплаты его безпрерывныхъ долговъ. Разъ Крильонъ явился во дворецъ; король тотчасъ угадалъ цѣль его посѣщенія и не хотѣлъ его выслушать. — Ваше величество, три слова: *денегъ или отставку*! — «Крильонъ, отвѣчалъ Генрихъ, четыре слова: *ни того, ни другаго*!»

—

Гробовщикъ явился къ скупцу со счетомъ за похороны его

жены. — «Какъ! вскричалъ скупой, взглянувъ на счетъ, двѣ тысячи пятьсотъ рублей! Да это ужасно! Ужъ лучше-бы она не умирала.»

—

Знаменитый живописецъ Аннибалъ Каррачіо говорилъ: «Поэты пишутъ перомъ, а живописцы говорятъ кистью.»

—

Есть очень добрые люди, которые все любятъ обѣщать, но не находятъ времени и возможности исполнять свои обѣщанія. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и пріятель мой Н**. Онъ былъ страшный хлопотунъ, но въ тоже время до невѣроятности разсѣянъ. — «Что же дѣлать, говорилъ онъ друзьямъ своимъ, я ужасно занятъ: — цѣлое утро я долженъ обѣщать, а послѣ обѣда — *извиняться.*» Одинъ знакомый, зная его вліяніе и связи, просилъ, чтобы онъ досталъ ему мѣсто (то есть служебное) въ театрѣ. «Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Н**, приходите нынче вечеромъ въ театръ, я тамъ буду и все устрою» Знакомый явился въ семь часовъ. — «Ахъ, да! воскликнулъ Н**, вамъ нужно мѣсто, сейчасъ!» — и онъ бросился въ кассу и послалъ своему кліенту — мѣсто за креслами.

—

ДВѢ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ АДРІЕ.

Въ фельетонѣ «*Журнала Преній*» господинъ Барръеръ разсказываетъ изъ жизни Андріе двѣ черты, въ которыхъ прекрасно отражается характеръ этого замѣчательнаго писателя.

Когда еще молодой Андріе былъ въ Коллегіи, говоритъ онъ, у него жила въ Парижѣ тетка въ самомъ бѣдномъ положеніи. Эта превосходная женщина, навѣщая его, всегда приносила ему какой-нибудь гостинецъ. Въ воскресные дни она окружала его всевозможными попеченіями и ласками, но для этого принуждена была сносить лишенія по цѣлымъ недѣлямъ. Позже, когда Андріе занялъ мѣсто въ свѣтѣ, когда талантами и успѣхами пріобрѣлъ имя и достатокъ, онъ призрѣлъ, въ свою очередь, добрую родственницу, которая, со старостію, стала еще бѣднѣе. Знакомые хвалили его поступокъ.

— Какъ понимаете вы это? отвѣчалъ онъ, я былъ молодъ,

она для меня дѣлала то, чего никогда я не сдѣлаю для ней. Я отъ избытка даю ей необходимое, а она лишала себя необходимаго, чтобъ доставить мнѣ избытокъ!

Увы! и нѣтъ уже добродѣтельнаго между нами! — При жизни онъ не простилъ бы мнѣ моей нескромности. Впрочемъ, не надо думать, чтобъ онъ не зналъ себѣ цѣны. Напротивъ, при случаѣ, онъ очень хорошо умѣлъ занять свое мѣсто и, какъ увидятъ, съ самымъ благороднымъ смиреніемъ.

Въ 1812 году, въ Тюильри, было блистательное и многочисленное собраніе. Императоръ подошелъ къ Андріе.

— Что работаете вы теперь для сцены?

— На дняхъ хочу отдать пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ.

— Подъ какимъ названіемъ?

— «*Актриса*».

— Будутъ играть ваше произведеніе?

— Сомнѣваюсь, если найдутъ сходство! Портретъ, кажется, вѣренъ.

— Прекрасно. Я посмотрю пьесу.

Разговоръ продолжался минутъ пять. Когда императоръ удалился, этотъ маленькій человѣкъ, за минуту незамѣтный въ толпѣ, сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія: Наполеонъ говорилъ съ нимъ!

Высокій господинъ, облитый золотомъ, наклонился къ драматическому писателю, съ самымъ ласковымъ видомъ.

— Здоровы ли вы, господинъ Андріе? — Давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

— Признаюсь, милостивый государь, что я не могу даже припомнить, гдѣ имѣлъ честь....

— Я М. де К***, я видалъ васъ у герцога Узезскаго; онъ васъ очень любилъ.

— Скажите, былъ очень благосклоненъ ко мнѣ.

— О нѣтъ, господинъ Андріе, вы были его другомъ.

— Я? нѣтъ, милостивый государь, я былъ только его секретаремъ!

—

Знаменитая французская актриса Клеронъ никакъ не хотѣла играть въ трагедіи «*Осада Кале*», гдѣ ей была назначена главная и очень эфектная роль. «Несмотря на просьбы автора и убѣжденія директора и товарищей, она отвѣчала одно: Ни за что я

не стану на одну доску съ Дюбуа, который публично опозорилъ себя безчестнымъ дѣломъ.» Актеръ Дюбуа точно сдѣлалъ что-то такое, за что подвергался всеобщему порицанію. Нѣсколько офицеровъ, изъ поклонниковъ госпожи Клеронъ, умоляли ее не обращать на это вниманія. «Какъ воскликнула она, а развѣ вы поступили бы иначе? Я увѣрена, еслибъ одинъ изъ вашихъ товарищей сдѣлалъ подлость, вы скорѣе вышли-бы въ отставку, чѣмъ служить съ нимъ!» — Правда, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — но только не въ день *осады*.

—

Одинъ мошенникъ, который былъ прежде лакеемъ, успѣлъ разными плутовствами разжиться и завелъ себѣ карету. Литераторъ К***, увидя его, сказалъ: «Вотъ одинъ изъ самыхъ ловкихъ штукарей, какихъ я когда-либо видѣлъ: онъ съ запятокъ прямо прыгнулъ въ карету и не попалъ на колесо!»

—

Одинъ изъ придворныхъ пѣвцовъ Людовика XIV дурно отзывался о сочиненіяхъ директора королевской капеллы, которыя дѣйствительно были очень плоховаты. Вельможа-диллетантъ, узнавъ объ этомъ, хотѣлъ ему отмстить. Во время концерта при дворѣ, въ которомъ пѣвецъ участвовалъ, директоръ замѣтилъ королю, что онъ сталъ очень дурно пѣть, и только хорошо произноситъ свои аріи. Король, до котораго уже дошли слухи о неудовольствіяхъ директора и пѣвца, отвѣчалъ: «Скажите лучше, онъ хорошо поетъ, да дурно говоритъ.»

—

Извѣстный хореграфъ и танцмейстеръ Марсель оцѣнялъ людей только по способности ихъ къ танцамъ. Узнавъ, что лордъ Гарлей былъ сдѣланъ графомъ Оксфордскимъ и великимъ канцлеромъ, онъ воскликнулъ: «Удивляюсь, что они нашли въ этомъ человѣкѣ! Онъ два года былъ у меня въ рукахъ и я ничего не могъ изъ него сдѣлать!»

—

Жеромъ Уитридъ, англійскій капитанъ, былъ до того честолюбивъ, что вздумалъ даже присвататься за дочь Кромвеля. Онъ былъ молодъ, ловокъ, красивъ собою и успѣлъ понравиться. Протекторъ узналъ объ этомъ и рѣшился подстеречь его. Разъ онъ засталъ его на колѣнахъ передъ Франциской и тутъ-же приговорилъ его къ смерти за дерзость и нарушеніе приличій. Но

Уитридъ, нисколько не оробѣвъ и не перемѣняя своего положенія, обратился къ Кромвелю, съ просьбою, чтобы онъ помогъ ему уговорить свою дочь — выдать за него любимую ея горничную, въ которую онъ влюбленъ. Протекторъ, пораженный его хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, сказалъ: «Нѣтъ, тебя жаль повѣсить, ты можешь быть полезенъ, но только страсть твою надо удовлетворить сію-же минуту.» — И черезъ часъ честолюбецъ былъ обвѣнчанъ — съ горничною.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

ЗЕЛЕНАЯ ШАЛЬ*.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

Переводъ Ѳ. Инок—а.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:	РОЛИ ИГРАНЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.
Эмиль де Франкёрвиль, капитанъ корабля.	*Г. Максимовымъ* 1.
Клара Вилькинсъ, молодая вдова.	*Г-жею Самойловою* 2.
Барбонъ, полицейскій коммиссаръ.	*Г. Григорьевымъ* 1.
Фредерикъ, слуга въ гостинницѣ.	*Г. Антонолини.*
Служанка.	*Г-жею Кесаревою.*
Полицейская стража.	

Дѣйствіе въ Кале.

Хорошо меблированная комната, съ двумя дверьми.

I.

БАРБОНЪ и ФРЕДЕРИКЪ.

Барбонъ. Такъ гдѣ-же вашъ хозяинъ?

Фредерикъ. Его нѣтъ дома, господинъ Барбонъ.

* Комедія эта представлена на сценѣ 16-го октября, нынѣшняго года, въ другомъ переводѣ. Мы почли лучшимъ помѣстить этотъ, потому что языкъ его лучше, но мы свѣрили его съ играемымъ на сценѣ, и сдѣлали необходимыя перемѣны, чтобы не затруднять провинціяльныя дирекціи, еслибъ они вздумали поставить его на сцену. *Ред.*

Барбонъ. Когда онъ придетъ, объяви ему, что вышло новое постановленіе на счетъ содержателей гостинницъ....

Фредерикъ. Какое-же постановленіе?

Барбонъ. Они обязаны непремѣнно требовать паспорты путешественниковъ, особливо женщинъ; и при малѣйшей неисправности ихъ видовъ, тотчасъ-же объявлять полиціи....

Фредерикъ. Да, у насъ давно такой порядокъ.

Барбонъ. Но онъ никогда не исполняется, — какъ и многія другія постановленія.

Фредерикъ. Потребовать видъ у мужчины — ну, это еще куда не шло; не въ отношеніи къ прекрасному полу!

Барбонъ. Молодой человѣкъ! Полиція распоряжается — и хочетъ, чтобъ ея распоряженія исполнялись. Она не разбираетъ пола и возраста.... особливо, когда ей предписано схватить черные глазки, темные волосы, блѣдное личико и тонкую талію....

Фредерикъ. Стало-быть, даму....

Барбонъ. Не даму, а преступницу, двадцати лѣтъ, красивую собою, которая отравила своего мужа, и мужа не какого нибудь — а нѣмецкаго барона! Понимаешь.... человѣка, у котораго была своя фантазія.

Фредерикъ. Бѣдняжка! И вы хотите ее схватить за это.... Но можетъ быть фантазія этого нѣмца....

Барбонъ. Молодой человѣкъ! Хоть мужъ ея и нѣмецъ, а все-таки человѣкъ.... И такъ, помни: непремѣнно требовать и доставлять мнѣ паспорты, а не то — я самъ явлюсь за ними.... и тогда — понимаешь? Прощай! перескажи все это хозяину: я васъ предупредилъ.

Фредерикъ. Прощайте, господинъ коммиссаръ! (*Барбонъ уходитъ.*)

—

II.

Фредерикъ, одинъ.

Да — вотъ оно что! Понятное дѣло.... А! да, вотъ какая-то путешественница....

—

III.

Фредерикъ, Клара Вилькинсъ и служанка, съ маленькимъ несессеромъ, который она ставитъ на каминъ.

Клара (*входя*). Для меня все-равно, моя милая.... Пожалуй, дайте мнѣ отдѣльную комнату, но я пробуду въ Кале только одинъ часъ.

Фредерикъ (*служанкѣ*). Все-таки приготовь особую комнату: пускай заплатитъ. (*Служанка уходитъ въ комнату нальво.*)

Клара (*слугѣ*). Скажи, мой другъ, нельзя ли здѣсь достать карету и лошадей?

Фредерикъ. Очень можно: на почтѣ.

Клара. Прекрасно.... мнѣ только надо поговорить съ директоромъ таможни, а потомъ я тотчасъ ѣду дальше.... Потрудись послать къ нему эту маленькую записочку (*Садится къ столу и читаетъ:*) «Милостивый государь! Клара Вилькинсъ, урожденная графиня де-Бофоръ, очень желала бы имѣть честь переговорить съ вами о шали, которую отняли у нея ваши таможенные досмотрщики. Шаль эта куплена ею въ улицѣ Ришлье, въ Парижѣ. Она смѣетъ надѣяться, что объявивъ мѣсто покупки, она получитъ шаль свою обратно.» Отошли это поскорѣе!

Фредерикъ. Сію минуту.

Клара. И вели попросить отвѣта.

Фредерикъ. Слушаю. (*Уходитъ.*)

—

IV.

КЛАРА, одна.

Прелестная шаль! и какъ она мнѣ шла къ лицу!.... я впрочемъ не такъ зла на таможенныхъ надсмотрщиковъ — они исполняли свою обязанность — какъ на этого моряка! онъ меня выдалъ.... Удивительно!... Кажется, человѣкъ свѣтскій, образованный; хоть немножко и надоѣдливъ..... въ продолженіе всего переѣзда онъ на пароходѣ не отходилъ отъ меня ни на шагъ. Ну могла-ли я думать, что онъ способенъ на такой поступокъ!... Хотѣлось бы мнѣ знать, куда онъ скрылся? Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что, гдѣ-бы я его ни встрѣтила, я ему это припомню.

—

V.

КЛАРА и ЭМИЛЬ.

Эмиль. Ужъ не я-ли имѣлъ счастіе оставить въ вашей памяти такое сильное впечатлѣніе?

Клара. Какъ? это вы?

Эмиль. Я.

Клара. Признаюсь, я не ожидала имѣть снова удовольствіе....

Эмиль (*перебирая*). Вы говорите — удовольствія?...

Клара. Пожалуйста, не придирайтесь къ словамъ, это только такъ говорится.

Эмиль. А я, напротивъ, благословляю случай, который привелъ меня въ одну гостинницу съ вами....

Клара. А! такъ это случай?

Эмиль. Ну, вотъ и вы начинаете придираться къ словамъ.... а вѣдь и это тоже, только такъ говорится....

Клара. Удивляюсь вашему хладнокровію.

Эмиль. Хладнокровіе — первая добродѣтель моряка! а я, кажется, имѣлъ уже честь объяснить, что я морякъ.

Клара. Можетъ быть.... я, признаюсь, ничего не помню изъ вашего разговора....

Эмиль. И не мудрено: я разговаривалъ съ вами въ то время, какъ вы страдали морскою болѣзнію; я, какъ морякъ, услуживалъ вамъ.... но выбралъ очень дурную минуту для разговора.

Клара (*съ досадой*). Вы ошибаетесь. Я вовсе не потому не помню вашего разговора, что вы избрали дурную минуту, а просто потому, что не хотѣла его помнить.

Эмиль. Позвольте: память способность мозговыхъ органовъ, совершенно отъ насъ независимая, если вы помните обо мнѣ, такъ помните противъ воли; но я думалъ не объ этой памяти, которая ничто иное, какъ механическая способность ума, а о другой: о памяти вашего сердца....

Служанка (*входя*). Комната ваша готова, сударыня.

Клара. Хорошо.... (*Эмилю.*) Вы говорите о моемъ сердцѣ?

Эмиль. Да....

Клара. Къ какой статѣ?

Эмиль. Потому что у всякаго человѣка есть сердце.... Это одинъ изъ самыхъ необходимыхъ органовъ жизни.... разсуждая съ вами о способностяхъ ума, я думалъ, что мнѣ позволено сказать что нибудь и о вашемъ сердцѣ.... впрочемъ, если я ошибся, простите меня великодушно. Честь имѣю свидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе.... (*Хочетъ идти*).

Клара (*перебивая*). Знаете-ли что.... я удивляюсь, слушая ваши разсужденія объ умѣ и сердцѣ.... тогда, какъ вы должны-бы говорить со мной совсѣмъ не о томъ.

Эмиль. А о чемъ-же?

Клара. Напримѣръ, хоть о моей шали....

Эмиль. Ахъ! да.... ваша правда.... но какъ вы сами не спрашивали объ ней, то я боялся напоминать объ этой непріятности.

Клара. Признаюсь, это для меня ужасная непріятность!

Эмиль. Я теперь самъ въ отчаяніи, что эта шутка съ моей стороны ...

Клара. Какъ! вы заставили схватить мою шаль, какъ контрабанду, и называете это шуткою?... Нѣтъ, это просто непозволительная невѣжливость.

Эмиль. О! какое ужасное слово!

Клара. Да, невѣжливость!.. и когда я хотѣла потребовать ее обратно и доказать, что она куплена во Франціи, кто меня увѣрилъ, что всякое объясненіе съ моей стороны безполезно?

Эмиль. Я.

Клара. Но вѣдь вы солгали?

Эмиль. Солгалъ.

Клара. А кто мнѣ сначала присовѣтовалъ спрятать ее отъ таможенныхъ?

Эмиль. Кажется, я.

Клара. Мало того, вы сами помогли мнѣ спрятать ее такъ ловко, что я дѣйствительно избѣгла подозрѣнія досмотрщиковъ.

Эмиль. Да, да, правда!

Клара. И вдругъ, вы-же сами донесли на меня начальнику таможни!

Эмиль. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я донесъ.

Клара. Ну-съ?

Эмиль. Что-съ?

Клара. Я васъ спрашиваю!

Эмиль. О чемъ вы спрашиваете?

Клара. Для чего вы заставили схватить мою шаль?

Эмиль. О! на это очень легко отвѣчать.

Клара. Посмотримъ, что вы скажете?

Эмиль. Во первыхъ, ваша шаль показалась мнѣ очень плохой работы.

Клара. Помилуйте—настоящая тибетская.

Эмиль. Во вторыхъ, узоръ въ ней самый обыкновенный.

Клара. Да она только получена изъ Турціи.

Эмиль. Голубой фонъ....

Клара. Что?

Эмиль. А я, какъ Альфредъ де-Мюссе, терпѣть не могу голубаго цвѣта...

Клара. Вы даже не потрудились взглянуть на нее, она вовсе не голубая, а зеленая.

Эмиль. А! такъ она зеленая? Скажите! Во всякомъ случаѣ чтобы заслужить ваше прощеніе....

Клара. А вы думаете это такъ легко?...

Эмиль. Смѣю думать....

Клара. Вотъ это любопытно.

Эмиль (*оглядываясь*). Тсъ!

Клара. Къ чему эта таинственность? насъ никто не слышитъ....

Эмиль Точно? въ такомъ случаѣ узнайте все....

Клара. Да что такое?

Эмиль. Я везу на пять сотъ тысячъ франковъ разныхъ шалей и платковъ. Мнѣнадо было снискать довѣренность таможенныхъ и отвлечь ихъ вниманіе.... вотъ я и донесъ имъ про вашу шаль.... понимаете?

Клара. Понимаю.... Такъ вотъ причина вашего поступка?

Эмиль. Вы желали знать правду: я вамъ сказалъ.

Клара. А! такъ вы—контрабандистъ?

Эмиль. Вы мнѣ говорите это, какъ Віардо-Гарсія: io son contrabandista.... Вы слышали, какъ она прелестно поетъ эту испанскую пѣсню? мнѣ особенно нравиться ритурнель съ эхомъ.... (*Поетъ.*)

Клара. Тутъ рѣчь не объ Віардо.... такъ вы признаетесь, что вы контрабандистъ?

Эмиль. Передъ вами во всемъ признаюсь....

Клара. Однако вы понимаете разстояніе между контрабандистомъ и....

Эмиль (*перебивая*). Нѣтъ, не понимаю....

Клара. Такъ по вашему это благородный промыселъ?

Эмиль. Разумѣется: всѣ порядочные люди занимаются контрабандою.... одни побольше, другіе поменьше.

Клара. Всѣ?

Эмиль. Безъ исключенія! самая прелестная, граціозная женщина съ удовольствіемъ провезетъ тихонько шаль, кружева, или что-нибудь запрещенное....

Клара. Все это можетъ-быть; но если вы, благодаря вашей хитрости, провезли на пять сотъ тысячъ турецкахъ шалей, то я надѣюсь, что вы меня вознаградите за ту, которую у меня отняли — по вашей милости.

Эмиль. Помилуйте, я этого только и желалъ; пожалуйте мнѣ вашъ парижскій адресъ, я доставлю вамъ на выборъ цѣлую кипу самыхъ удивительныхъ шалей!

Клара Къ несчастію, я ѣду не въ Парижъ!

Эмиль. Куда бы вы ни ѣхали, шали послѣдуютъ за вами.

Клара. Нельзя-ли это устроить какъ-нибудь иначе?

Эмиль. Какъ прикажете.

Клара. Ваша поклажа вѣроятно уже здѣсь?

Эмиль. Да.... то есть, скоро будетъ: я жду ее ежеминутно.

Клара. Такъ я сейчасъ же и выберу себѣ шаль....

Эмиль. Сейчасъ и выберете.... Прекрасно!... Я побѣгу и распоряжусь.

Клара. Впрочемъ, погодите. Здѣшній слуга несетъ мнѣ отвѣтъ директора таможни на счетъ моей шали....

Эмиль. Да директора здѣсь нѣтъ!

Клара. Вы почемъ знаете?

Эмиль. Я слышалъ; онъ уѣхалъ въ деревню.

—

VI.

ТѢ ЖЕ и ФРЕДЕРИКЪ.

Клара. А вотъ увидимъ: (*Слугѣ.*) Ну, что: это отвѣтъ?

Фредерикъ. Нѣтъ, это ваше письмо. директоръ въ деревнѣ.

Клара (*показывая на Эмиля*). Прикажи принесть сюда пожитки этого господина.

Фредерикъ. То-есть, ихъ дорожный сакъ и попугая?

Клара. Что?

Фредерикъ. Съ нимп больше ничего нѣтъ.

Эмиль. А! такъ значитъ, мой комиссіонеръ еще не возвратился?

Фредерикъ. То есть, вашъ слуга? давно здѣсь; онъ-то и принесъ мѣшокъ и попугая, и спрашивалъ капитана Франкёрвиля. Я указалъ ему вашъ нумеръ. А позвольте попросить вашъ пастортъ, сударыня.

Клара. Хорошо; зайди черезъ минуту, я отыщу его.

Фредерикъ. Нельзя-ли ужъ и вашъ, кстати, г. капитанъ?

Эмиль. Вотъ онъ. (*Отдаетъ.*)

Фредерикъ. У насъ полиція чрезвычайно строга на этотъ счетъ.... извините....

Эмиль. Ничего, ничего.... Ступай!

—

VII.

ЭМИЛЬ и КЛАРА.

Клара. Ну, сударь?

Эмиль. Что-съ?

Клара. Такъ вы господинъ де-Франкёрвиль?

Эмиль. Къ вашимъ услугамъ.

Клара. Капитанъ?

Эмиль Французскаго корвета.

Клара. А не контрабандистъ.... Чѣмъ теперь оправдаетесь? Какую еще увертку выдумаете?

Эмиль (*беретъ свою шляпу*). Мнѣ остается только взять шляпу.... Но я желалъ бы знать, какъ вы сами думаете о моихъ поступкахъ съ вами?

Клара. Очень просто....

Эмиль. На-примѣръ?

Клара. Вы подумали такъ: эта женщина недурна собою, ловка, не совсѣмъ глупа, и если она съ перваго взгляда не оцѣнила моихъ достоинствъ, такъ это ничего! сочиню какую-нибудь басню, чтобъ узнать ея адресъ.... добьюсь знакомства.... Ну, а тамъ, со временемъ, при частыхъ свиданіяхъ, можно легко заслужить ея вниманіе, любовь....

Эмиль. Положимъ, что и такъ; согласитесь, однако, такой планъ можетъ придумать только истинно влюбленный.

Клара. О! ужъ не хотите-ли увѣрить, что влюблены въ меня?

Эмиль. Какъ сумасшедшій!

Клара. Право? Какая жалость! а вѣдь я васъ терпѣть не могу.

Эмиль. Покорно васъ благодарю!

Клара. За что? За то что я васъ ненавижу?

Эмиль. Именно за то.... Теперь у меня, по-крайности, есть надежда.... Я только боялся вашего равнодушія.... Но теперь спокоенъ: вы меня ненавидите — и прекрасно! Сперва я нашелъ средство васъ разсердить, теперь мы дошли до ненависти.... Ну, а вы знаете, что отъ ненависти до любви одинъ только шагъ.

Клара. Старая поговорка....

Эмиль. Но очень справедливая! И такъ вы меня ненавидите....

Клара. Мнѣ странно....

Эмиль. Ничего нѣтъ страннаго: вы меня ненавидите, а я васъ люблю; дѣло ясно....

Клара. Несовсѣмъ: вы знаете, за что я васъ ненавижу, а я еще не знаю, за что вы меня любите?...

Эмиль. За что я васъ люблю? очень просто: вы прелестны, умны, любезны, а главное, сколько я могъ замѣтить, чрезвычайно добры....

Клара. И все это вы успѣли замѣтить въ продолженіе двухъ часовъ, во время переѣзда нашего изъ Дувра въ Кале?

Эмиль. Что вы! Какъ можно въ два часа? Эта любовь давнишняя.... (*Припоминая.*) Позвольте.... Да, точно такъ: вотъ уже теперь почти два дня....

Клара. А! такъ извините.... дѣйствительно, два дня — это большая разница. (*Садится къ камину, въ кресла.*)

Эмиль. Въ первый разъ я увидѣлъ васъ въ Дрюриленскомъ

театръ; послѣ спектакля я велѣлъ кучеру ѣхать за вашей каретой и такимъ-образомъ узналъ, что вы живете въ гостинницѣ *Саблоньеръ*.... А тамъ я провѣдалъ, что вы свободны, ни отъ кого не зависите.... и тутъ-же догадался, что вы именно та женщина, которую судьба назначила для меня....

Клара. Какъ вы догадливы!

Эмиль. Я одаренъ этимъ свойствомъ съ малолѣтства.

Клара. Поздравляю....

Эмиль. Покорно васъ благодарю.... Вотъ я вчера и поѣхалъ изъ Лондона въ одно время съ вами, съ твердымъ намѣреніемъ сопровождать васъ хоть на край свѣта.

Клара. Успокойтесь, я не заставлю васъ слѣдовать за собою такъ далеко.

Эмиль. Тѣмъ лучше! Я уже часто туда ѣзжалъ!

Клара. А знаете-ли, нашъ разговоръ даже неостроуменъ (*звонитъ*) и потому мнѣ остается только попросить васъ похлопать о томъ, чтобъ мнѣ возвратили мою шаль. Вы можете оставить ее въ этой гостинницѣ, я пришлю за нею.

—

VIII.

ТѢ ЖЕ и ФРЕДЕРИКЪ.

Клара (*Фредерику*). Мой милый, ты обѣщалъ мнѣ достать лошадей?

Фредерикъ. Когда вамъ угодно.

Клара. Нельзя ли поскорѣе: черезъ десять минутъ я ѣду. (*Эмилю.*) Честь имѣю кланяться. (*Кланяется и уходитъ*).

Фредерикъ (*вслѣдъ ей*). Да не забудьте, сударыня, паспортъ.

—

IX.

ЭМИЛЬ и ФРЕДЕРИКЪ.

Эмиль. Черезъ десять минутъ! Какъ не такъ! Вы вѣрно полагаете, что отъ меня легко отдѣлаться? Посмотримъ. Ей, малый!

Фредерикъ. Что прикажите?

Эмиль. У васъ есть свои лошади?

Фредерикъ. Есть.

Эмиль. Сколько?

Фредерикъ. Четверня.

Эмиль. Больше нѣтъ?

Фредерикъ. Нѣтъ; при желѣзныхъ дорогахъ и этихъ слишкомъ много.

Эмиль. Такъ вели поскорѣй заложить всю четверку въ карету этой дамы.

Фредерикъ. Но если она задержитъ нашихъ лошадей?

Эмиль. Я за всё плачу въ четверо! вотъ тебѣ десять луидоровъ въ задатокъ. Пусть мой слуга уѣдетъ въ этой каретѣ. (*Пишетъ на клочкѣ бумаги.*) Вотъ, отдай ему записку.

Фредерикъ. Будьте покойны, сударь, все будетъ исполнено! (*Слуга уходитъ*).

—

X.

ЭМИЛЬ и КЛАРА.

Клара (*ища на столѣ*). Ахъ, какая досада! Куда дѣвался этотъ несчастный паспортъ? (*Увидя Эмиля.*) А, вы еще здѣсь?

Эмиль. Здѣсь. Я остался по какому-то вдохновенію, хотя не надѣялся, что буду имѣть удовольствіе опять васъ увидѣть.

Клара (*идя къ камину*). Я ищу свой паспортъ и не нахожу. Ужъ не забыла-ли я его въ Дуврѣ. (*Ищетъ въ несессерѣ.*)

Эмиль. Такъ вы рѣшительно ѣдете?

Клара. Рѣшительно.

Эмиль. Ни просьбы, ни мольбы не могутъ васъ остановить?

Клара. Ничто на свѣтѣ!

Эмиль. И вы все еще меня ненавидите?

Клара (*въ то время, какъ ищетъ*). И полноте.... Я только сердилась на васъ за мою шаль.... но подумавъ хорошенько, вижу въ этомъ одну шутку съ вашей стороны и охотно васъ прощаю.

Эмиль. А все-таки уѣзжаете?

Клара. Сейчасъ же, какъ только приведутъ лошадей.

Эмиль. Позвольте васъ удержать на пять минутъ?

Клара. Что-жъ изъ этого будетъ?

Эмиль. Мало-ли что.... вотъ третьяго дни, въ театрѣ, вы сами видѣли, что для Ромео довольно было пяти минутъ, чтобъ зажечь сердце Джульетты.

Клара. Это правда.... но вѣдь Ромео — не морякъ.

Эмиль. А вы предубѣждены противъ моряковъ?

Клара. Да; они охотники курить, кричать, ссориться....

Эмиль. Начать съ того: — я не курю, и терпѣть не могу табачнаго дыму. Во-вторыхъ, никогда не кричу; а что касается до ссоръ, такъ надѣюсь, вы сами поручитесь, что я во время нашего знакомства не обнаружилъ такой дурной привычки.

Клара. Да кчему вы мнѣ все это говорите?

Эмиль. А ктому, что вы сперва ненавидѣли меня; потомъ признались, что перестали ненавидѣть; а теперь, я думаю, начнете просто меня любить....

Клара. Во первыхъ, я никогда не влюблюсь въ человѣка, который полгода обязанъ мыкаться вокругъ свѣта.... Ахъ! какъ они долго копаются съ своими лошадьми!

Эмиль. Такъ знайте: я еще изъ Лондона послалъ морскому министру просьбу объ отставкѣ.

Клара. А!

Эмиль. Теперь вы видите, что я могу принадлежать къ категоріи мужей домосѣдовъ; а при такой способности у меня пятнадцать тысячъ ливровъ годоваго дохода, прекрасный домъ въ Парижѣ, дача въ Бельвю и постоянная ложа въ Итальянской оперѣ....

Клара. Я васъ остановлю посреди вашего соблазнительнаго исчисленія: — моя рука и мое сердце отданы другому.

Эмиль. А! такъ вы давно-бы такъ и сказали! Стало быть, вы пріѣхали изъ Нью Іорка для того, чтобы....

Клара. Я пріѣхала изъ Нью Іорка для того, чтобы выдти за любимаго мною человѣка, который съ нетерпѣніемъ меня ожидаетъ.

Эмиль. Такъ позвольте вамъ сказать, что это еще ничего не доказываетъ.

Клара. Какъ ничего не доказываетъ?

Эмиль. Ровно ничего.... я самъ уѣхалъ изъ Парижа, чтобъ обвѣнчаться съ одной дамой, которая меня любила и ждала съ нетерпѣніемъ.

Клара. Ну, такъ что же?

Эмиль. А то, что она вышла за другаго.

Клара (*улыбаясь*). И вы, какъ кажется, перенесли это несчастіе съ удивительнымъ стоицизмомъ?

Эмиль. Разумѣется! вы можете понять, что мнѣ осталось только два средства: или броситься въ воду, или утѣшиться. Броситься въ воду безполезно, потому что я отлично плаваю — вотъ я и рѣшился выбрать другое....

Клара. То-есть, утѣшиться?... Вы престранный человѣкъ! А! къ счастію, вотъ моя карета; жаль, а то я, право, осталась-бы еще часикъ, чтобъ вполнѣ изучить васъ, какъ самое рѣдкое явленіе....

Эмиль. Какъ? вы остались бы для этого?

Клара (*улыбаясь*). Можетъ быть....

Эмиль. Такъ будьте покойны: вы не уѣдете.

Клара. Это какъ?

Эмиль. Простите, я вѣдь не зналъ, что васъ ожидаетъ во Франціи нѣжный другъ сердца....

Клара. Опять шутка!... Но мнѣ некогда; лошади пріѣхали, прощайте! (*Хочетъ идти*).

Эмиль. Нѣтъ; это онѣ уѣхали....

Клара. Какъ уѣхали?... но моя карета....

Эмиль. Карета ваша, а лошади мои....

Клара. Это что еще значитъ?

Эмиль. Я думалъ, что вы торопитесь отсюда за тѣмъ, чтобъ только поскорѣе избавиться отъ моего присутствія....

Клара (*въ нетерпѣніи*). Ну-съ?

Эмиль. Съ досады я и приказалъ единственныя четыре лошади, которыя были въ конюшнѣ, запречь въ вашу карету, посадилъ въ нее моего лакея и отправилъ его съ горя за устрицами — въ Булонь.

Клара. Въ моей каретѣ, лакея, за устрицами, въ Булонь?

Эмиль. Да; тамъ, говорятъ, устрицы гораздо свѣжѣе, чѣмъ здѣсь въ Кале.

Клара. Это уже слишкомъ! Ваше поведеніе со мною ни на что не похоже! Вы воспользовались слабостью беззащитной женщины, — это низко! недостойно благороднаго человѣка!

Эмиль (*хочетъ подойти*). Но я....

Клара. Ни слова больше.... не подходите ко мнѣ.

Эмиль. Но позвольте вамъ сказать, что нѣсколько часовъ ничего не значатъ! если вы не уѣдете нынче вечеромъ, такъ уѣдете завтра утромъ непремѣнно....

Клара. Мнѣ дорога каждая минута; знаете-ли вы, что человѣкъ, которому я обѣщала мою руку, страдалъ два года, два года ожидалъ моего возвращенія?

Эмиль. Два года ждалъ?

Клара. Да! когда несчастныя обстоятельства моего семейства заставили меня выдти замужъ за старика, который увезъ меня въ Америку, этотъ бѣдный молодой человѣкъ осудилъ себя на вѣчное уединеніе: «Уѣзжайте, сказалъ онъ мнѣ — я самъ удаляюсь отъ свѣта, и зароюсь въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не возвратитесь и не скажете: «я свободна! я твоя!»

Эмиль. Неужели онъ это сказалъ и — исполнилъ?

Клара. Да, сударь! онъ даже не писалъ ко мнѣ, потому что я ему запретила.

Эмиль. О! если такъ.... любите его! выходите за него! онъ гораздо больше стоитъ вашей любви, чѣмъ я! Еслибъ я былъ

на его мѣстѣ, я непремѣнно послѣдовалъ бы за вами.... но ни за что не осудилъ бы себя на двухлѣтнюю пытку.

Клара. Нынче день его именинъ и я заранѣе восхищалась сюрпризомъ, который ему сдѣлаю, когда вдругъ, нежданно, войду и скажу: «Мой другъ! вмѣсто имениннаго букета, я отдаю тебѣ мою руку и сердце.... согласенъ-ли ты назвать меня своею?» И вы такъ безжалостно лишили меня этаго блаженства!

Эмиль. О! будьте великодушны: простите меня....

Клара. Оставьте меня, я не могу смотрѣть на васъ равнодушно! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Эмиль. О, какъ я виновенъ! Не знаю, какъ вымолить себѣ прощеніе! еслибъ я зналъ.... Если-бъ могъ думать.... вы плачете?... эти слезы просто жгутъ мое сердце! я готовъ искупить ихъ моею кровью! Кончено! я найду лошадей.... карету.... вѣдь есть-же въ городѣ экипажи.... Нельзя нанять, возьму силою, весь городъ переверну, но вы уѣдете, уѣдете непремѣнно, и сейчасъ же.... даю вамъ честное слово моряка! (*Уходитъ*).

—

XI.

КЛАРА одна.

Клара (*одна*). Не новая-ли это хитрость съ его стороны? Нѣтъ! онъ, кажется, тронутъ моимъ положеніемъ, онъ искренно раскаялся.... (*Смотритъ на часы.*) Восемь часовъ! Ахъ! какъ время бѣжитъ — ужъ я здѣсь три часа, и не замѣтила, какъ они промелькнули.... вотъ что значатъ споры. (*Видя, что слуга несетъ лампу.*) Послушай, мой милый!

—

XII.

КЛАРА И ФРЕДЕРИКЪ.

Фредерикъ. Ну, что, сударыня, нашли свой паспортъ?

Клара. Нѣтъ еще.... не знаю, право, куда я его дѣвала.... Но вотъ въ чемъ дѣло.... Господинъ Франкёрвиль обѣщалъ достать лошадей, но врядъ-ли ему это удастся.... Нельзя ли послать кого-нибудь въ замокъ Бюссе?

Фредерикъ. Замокъ Бюссе въ десяти миляхъ отсюда.

Клара. Я дамъ десять лундоровъ, если кто отвезетъ туда письмо.

Фредерикъ. Пожалуйте лундоры, я самъ доставлю письмо.

Клара. Сейчасъ напишу (*садится писать.*) Бѣдный Эрнестъ! пусть онъ хоть письмо мое получитъ сегодня.

Фредерикъ. Вотъ и господинъ Франкёрвиль.

Клара. Ну что, сударь?

—

XIII.

клара, эмиль и фредерикъ.

Эмиль (*печально*). Чрезъ пять минутъ явится карета парой, на дорогѣ вы пересядете въ почтовый экипажъ и скоро будете счастливы; одинъ только я всю жизнь буду сожалѣть о несбывшихся мечтахъ!...

Фредерикъ (*встороиу, впадая въ его тонъ*). Какъ и я о десяти лундорахъ.

Клара (*протягивая Эмилю руку*). Благодарю.... Я уважаю васъ!... Если мы еще когда-нибудь встрѣтимся, повѣрьте, я съ такимъ же дружескимъ чувствомъ протяну вамъ руку.

Фредерикъ. Значитъ, теперь вамъ ужъ не нужно посылать въ Бюссе?

Клара. Конечно; но вотъ тебѣ за твою готовность услужить мнѣ. (*Даетъ ему нѣсколько золотыхъ.*)

Фредерикъ. Покорно благодарю. (*Уходитъ.*)

—

XIV.

клара и эмиль.

Эмиль. Въ Бюссе? (*Кларѣ.*) Ужъ вы не туда-ли изволите ѣхать?

Клара. Туда. А развѣ вы знаете кого-нибудь въ Бюссе?

Эмиль. Я знаю самаго владѣльца.

Клара. Эрнеста Монтале?

Эмиль. Эрнестъ Монтале мой двоюродный братъ.

Клара. Неужели?

Эмиль. Ахъ, Боже мой!

Клара. Что такое?

Эмиль. Вотъ мысль!

Клара. Какая?

Эмиль. Странная, удивительная, эксцентрическая, сверхъ-естественная! а главное....

Клара. Что?

Эмиль. Вашъ селадонъ, этотъ влюбленный анахоретъ....

Клара. Да объяснитесь....

Эмиль. Ужъ не Монтале-ли?... онъ? такъ-ли?

Клара. Если бы и точно онъ? такъ что-же?

Эмиль. Какъ что-же? (*Качая головой.*) Ай, ай, ай!

Клара. Я васъ не понимаю....

Эмиль. Соберите все ваше мужество, хладнокровіе, всю бодрость.

Клара. Вы меня пугаете! Не случилось ли чего съ господиномъ Монтале?

Эмиль. Да еще что случилось!...

Клара. Онъ болѣнъ?

Эмиль. Это-бы ничего!

Клара. Умеръ?

Эмиль. Хуже.

Клара. Да что-же такое, наконецъ?

Эмиль. Онъ мой двоюродный братъ.

Клара (*съ нетерпѣніемъ*). Э! вы ужъ это говорили....

Эмиль. Говорилъ, да не сказалъ, почему онъ мой двоюродный братъ.

Клара. Почему-же?

Эмиль. А потому, что онъ женатъ на моей двоюродный сестрѣ.

Клара. Женатъ!... онъ?... это ложь! клевета!

Эмиль. Къ несчастію, правда; я самъ устроилъ эту свадьбу.... самъ былъ шаферомъ.

Клара. Вы?

Эмиль. Бѣдный Эрнестъ! А вѣдь дѣйствительно, сначала онъ никуда не выѣзжалъ изъ деревни, умиралъ со скуки — почти что восемь мѣсяцевъ! Тутъ я, какъ сосѣдъ и другъ, пріѣхалъ навѣстить его.... Мнѣ до того стало жаль бѣдняка, что я тутъ-же написалъ къ моей матушкѣ и просилъ ее пріѣхать въ замокъ Франкёрвиль съ моей кузиной; познакомилъ съ ними страдальца; и вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ онъ счастливый супругъ, и пятнадцать дней, какъ счастливѣйшій изъ отцовъ!

Клара. Изъ всего этаго я не вѣрю ни одному слову.

Эмиль. А знакомъ-ли вамъ его почеркъ?

Клара. Конечно.

Эмиль (*показывая письмо*). Такъ прочтите: онъ мнѣ пишетъ о благополучномъ разрѣшеніи своей супруги....

Клара (*отталкивая съ негодованіемъ письмо*). О! сударь!

Эмиль. И проситъ меня быть крестнымъ отцемъ; а я, въ простотѣ сердца, мечталъ было, что вы согласитесь быть кумою....

Клара (*перебивая*). Такъ вы устроили этотъ бракъ?

Эмиль. Мнѣ теперь это крайне досадно, я просто въ отчаяніи, и еслибъ зналъ отношенія ваши къ Монтале, то скорѣй размозжилъ-бы ему черепъ, чѣмъ заставилъ измѣнить слову!

Клара. Знаете-ли, при первомъ взглядѣ на васъ, овладѣло мною какое-то роковое предчувствіе. Но я никогда не подозрѣвала

что могу имѣть къ человѣку такое сильное отвращеніе, какое вы мнѣ теперь внушаете.

Эмиль. Вотъ ужъ это жестоко!

Клара. Вы позволите мнѣ взять карету и лошадей?

Эмиль. Заслужа вашъ гнѣвъ, я счастливъ и тѣмъ, что могу оказать вамъ хоть эту послѣднюю услугу.

Клара. Очень рада! но у меня есть еще просьба.

Эмиль. Какая?

Клара. Постарайтесь не встрѣчаться со мною въ дорогѣ: избавьте меня отъ этого послѣдняго несчастія! (*Уходитъ.*)

—

XV.

ЭМИЛЬ, одинъ.

Г-мъ! кажется я въ чистой отставкѣ, несмотря на то, что самъ бѣгалъ за каретой. Узнай я пораньше, что теперь узналъ, она-бы не ускользнула отъ меня!

—

XVI.

ЭМИЛЬ И БАРБОНЪ.

Барбонъ (*слугѣ, оборачиваясь къ дверямъ*). Я тебѣ говорю, молодой человѣкъ, если эта дама безъ вида, такъ она не можетъ уѣхать отсюда ни подъ какимъ видомъ!

Эмиль. Что я слышу? (*Барбону.*) Какъ? вы хотите....

Барбонъ (*перебивая*). А! это вы, командиръ?

Эмиль. Задержать даму!... неужели вы рѣшитесь на такую невѣжливость?

Барбонъ. На эту невѣжливость есть приказаніе префекта полиціи, и я его исполняю. А вы знаете эту даму?

Эмиль. Да.... такъ.... немножко!

Барбонъ. Если вы отвѣчаете за нее, тогда, конечно....

Эмиль. Э, нѣтъ, я отвѣчаю только за самаго себя.... въ наше время и этого слишкомъ довольно!

Барбонъ. Въ такомъ случаѣ, эта дама не можетъ уѣхать отсюда.

Эмиль. Вотъ и видно стараго служаку.... Неумолимъ, какъ судьба. (*Ударивъ его по плечу.*) Его не обольстятъ ни черные глазки, ни нѣжная улыбка.

Барбонъ. За черными глазками мы видимъ черныя думы.

Эмиль. Или умильный взглядъ, да слезы....

Барбонъ. Для умильныхъ взглядовъ и слезъ у насъ устроена караульня.

Эмиль. А еслибъ кто попробовалъ вамъ предложить полненькій, кругленькій кошелекъ?

Барбонъ. Ну-ка, попробуй предложить, я разомъ схвачу....

Эмиль. Деньги?

Барбонъ. Сперва деньги, а потомъ кого слѣдуетъ.

Эмиль. Молодецъ! такъ и надо: поймать, взять и не выпускать! Прозорливость, деликатность и строгость!... прекрасно!

Барбонъ. Вы меня конфузите....

Эмиль. Да вы, просто, краса французской полиціи! (*Слугѣ, который входитъ.*) Потрудись, мой другъ, передать мое почтеніе этой госпожѣ и скажи ей, что я уѣзжаю въ совершенномъ отчаяніи отъ ея гнѣва.... Такъ и скажи.... слышишь?

Фредерикъ. Не пророню словечка, а когда вашъ слуга возвратится съ устрицами?...

Эмиль. Пусть ихъ съѣстъ и ѣдетъ за мною въ Парижъ. (*Уходитъ.*)

Фредерикъ. Слушаю. Мы ихъ съѣдимъ непремѣнно!

—

XVII.

БАРБОНЪ, КЛАРА и СЛУГА.

Клара. Онъ, кажется, уѣхалъ! Что это? коммиссаръ!

Фредерикъ. Не пугайтесь, сударыня! Это господинъ Барбонъ, онъ требуетъ вашъ паспортъ.

Барбонъ (*приложивъ руку къ каскѣ*). Честь имѣю кланяться! Извините, что безпокою.

Клара. Ахъ! какая досада! вообразите, этотъ проклятый паспортъ, должно быть, остался у моей горничной, въ Дуврѣ.

Фредерикъ. Въ такомъ случаѣ, я отправлю карету назадъ.

Клара. Какъ, назадъ?

Барбонъ. Да, вы теперь не можете продолжать вашего путешествія.

Клара. Это отчего?

Барбонъ. Нѣтъ-ли у васъ здѣсь, въ Кале, кого-нибудь, чтобы могъ поручиться за васъ?

Клара. Кромѣ господина Франкёрвиля я никого здѣсь не знаю.

Барбонъ (*вынимая изъ кармана бумагу*). Позвольте.... отъ роду двадцать одинъ годъ, ростъ – высокій, талія—стройная.... такъ; глаза черные.... да; волосы.... черные, точно; лицо.... блѣдное....

Клара. Что это значитъ? у васъ записаны мои примѣты?

Барбонъ. Такъ вы сознаетесь?...

Фредерикъ. Она созналась!

Клара. Въ чемъ мнѣ сознаваться? Я только удивляюсь....

Барбонъ. Да, ужъ это обыкновенно такъ бываетъ.... Сначала всегда удивляются; но какъ у васъ никого нѣтъ знакомыхъ въ Кале, то я принужденъ исполнить свою обязанность!

Клара. Какую?

Барбонъ. Препроводить васъ, куда слѣдуетъ.

Клара. Но это невозможно! (*Слугѣ.*) Сдѣлай одолженіе, попроси сюда господина де-Франкёрвиля.

Фредерикъ (*развалясь въ креслахъ*). Да онъ уѣхалъ.

Клара. Уѣхалъ! Куда?

Фредерикъ. Въ Парижъ.

Клара. Ради Бога, бѣги, бѣги, можетъ-быть, ты еще его догонишь.

Фредерикъ. Какъ можно догнать....

Клара. Я дамъ двадцать пять лундоровъ, если ты его воротишь.

Фредерикъ (*вскочивъ*). Двадцать пять лундоровъ! (*Бѣжитъ опромьтью*). Какъ не догнать!

—

XVIII.

БАРБОНЪ и КЛАРА.

Клара. Вы видите, что не я хочу, да и не могу бѣжать; прошу васъ только подождать полчаса; въ это время пріѣдетъ господинъ Франкёрвиль, а я успѣю написать къ меру здѣшняго города. Я надѣюсь, вы согласны? вы мнѣ не откажете?

Барбонъ. Что дѣлать! Полчаса куда ни шли. Однако, извините, я поставлю часовыхъ у входа, потому, что самъ долженъ обо всемъ донести по командѣ.

Клара. Ставьте, сколько хотите....

Барбонъ (*въ дверяхъ*). Ей, стража! сюда! Никого не выпускать! Слышите? Черезъ полчаса, я возвращусь! (*Приложивъ руку къ шляпѣ.*) Честь имѣю.... (*Уходитъ.*)

—

XIX.

КЛАРА, одна.

Ахъ, какое несчастіе! какое ужасное приключеніе! что, если не найдутъ господина де Франкёрвиля.... И когда вспомню, что это все случилось отъ желанія поскорѣе увидѣть Эрнеста. Мнѣ кажется, я все это вижу во снѣ.... О, я съ ума сойду.... я умру отъ

стыда! (*Слышенъ стукъ въ окно.*) Что это? шумъ? стучатъ у этого окна. (*Идя къ окну.*) Кто тамъ?

Эмиль (*снаружи*). Тсъ!

Клара. Это онъ! (*Отворяя окно.*) Это вы, господинъ Франкёрвиль?

Эмиль. Я. (*Прыгаетъ въ окно и тушитъ свѣчи.*)

—

XX.

КЛАРА и ЭМИЛЬ.

Клара. Что вы дѣлаете?

Эмиль. Тушу свѣчи.... чтобы не выдать васъ....

Клара. Вы знаете, что случилось?

Эмиль. Все знаю. Васъ принимаютъ за преступницу.

Клара. Но вы вѣрно поручитесь за меня, не правда-ли?

Эмиль. Это ни къ чему не поведетъ. Меня никто не знаетъ въ Кале. Вамъ остается одно средство....

Клара. Какое?

Эмиль. Бѣжать.

Клара. Но какъ?

Эмиль. А вотъ — въ окно.

Клара. Никогда....

Эмиль. Карета ждетъ на концѣ улицы....

Клара. Но какъ можно?...

Эмиль. Вамъ нельзя терять ни минуты, завернитесь въ эту шаль и бѣгите ... (*Закутываетъ ее въ шаль.*)

Клара. О! нѣтъ! нѣтъ!

Эмиль. Это единственное ваше спасеніе.

Клара. Да вѣдь страшно....

Эмиль. Я полѣзу впередъ.

Клара. Вы? Нѣтъ, нѣтъ, лучше я сперва.... (*Она хочетъ стать на окно, и вдругъ вскрикиваетъ, увидя Барбона.*) Ахъ!

—

XXI.

ЭМИЛЬ, КЛАРА, БАРБОНЪ на лѣстницѣ, у окна.

Барбонъ. А! а! я васъ поймалъ! поймалъ! такъ вотъ оно что! Но я старый воробей! эй, малый! свѣчей, огня! (*Соскакиваетъ въ комнату.*)

Клара (*бросаясь къ Эмилю.*) О, спасите меня!

—

XXII.

ТѢЖЕ и ФРЕДЕРИКЪ вноситъ свѣчи.

Фредерикъ. Сейчасъ!

Клара. Что дѣлать?

Эмиль. Возьмите мой видъ.

Клара. Вашъ? капитанскій?

Эмиль. Что-же? Я вамъ говорилъ, что ѣздилъ жениться?

Клара. Да, да....

Эмиль. Я такъ былъ увѣренъ, что возвращусь самъ другъ, что вписалъ сюда и жену... взгляните.... (*Держитъ развернутый паспортъ.*)

Клара (*читая*). «Господину барону де Франкёрвилю съ супругою».... (*Отталкивая паспортъ.*) Ни зачто!

Барбонъ. Не угодно ли вамъ, сударыня, пожаловать со мною въ караульню? (*Въ глубину.*) Ей, солдаты! (*Два полицейскіе солдата входятъ*).

Клара (*тихо Эмилю*). Нечего дѣлать.... давайте скорѣй. (*Беретъ паспортъ и подаетъ Барбону.*)

Барбонъ. Это что такое?

Клара. Прочтите и узнаете....

Барбонъ (*читая*). «Чинить свободный пропускъ господину барону де-Франкёрвилю съ супругою».... (*Смотря на Эмиля.*) Какъ, командиръ? это ваша супруга?

Эмиль (*котораго Клара взяла подъ руку, послѣ нѣкоторой нерѣшительности*). Вы видите?

Барбонъ. Но какъ-же вы давича не хотѣли за нее поручиться?

Эмиль (*тихо, отводя Барбона*). А всегда-ли вы можете поручиться за свою жену?

Барбонъ. Ну.... не всегда.

Клара. Какъ? вы не хотѣли быть за меня порукою?

Эмиль. Виноватъ; я не находилъ другаго средства удержать васъ; но это мой послѣдній проступокъ; первый я уже загладилъ.

Клара (*разсматривая свою шаль*). Ахъ, да — это моя шаль!

Эмиль. Что-же касается до другихъ моихъ проступковъ....

Клара. Я вижу, что у меня нѣтъ другаго средства наказать васъ за нихъ, какъ....

Эмиль. Какъ что?

Клара (*показывая паспортъ*). Какъ — согласиться удержать этотъ видъ навсегда.

=

7995. 7044
7994.

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуарѣ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получитъ въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 25 Ноября, 1850 года. Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*